

Ю.Б.СОЛОВЬЕВ

**САМОДЕРЖАВИЕ
И ДВОРЯНСТВО
В 1907 - 1914 гг.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

САМОДЕРЖАВИЕ
И ДВОРЯНСТВО
В 1907—1914 гг.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

В монографии рассматривается эволюция взаимоотношений самодержавия и дворянства в 1907—1914 гг. с точки зрения набравшего в эти годы силу движения вспять. На материалах первоисточников и с использованием литературы, как советской, так и иностранной, раскрывается глубокий кризис установленного третьиюньского режима, вытекавший из неспособности обеих сил приспособиться к требованиям буржуазного развития России. В этой связи и на фоне общего состояния правого фланга подробно изучена деятельность организации Объединенного дворянства. Работа вносит вклад в понимание причин краха царизма и его неизбежности.

Книга рассчитана на историков-исследователей, преподавателей и студентов высшей школы.

Ответственный редактор

А. Н. ЦАМУТАЛИ

Рецензенты:

Р. Ш. Ганелин, Ю. Д. Марголис

В последние годы по тематике предлагаемой книги появилось немало исследований. Это в первую очередь «Кризис самодержавия в России», работы А. Я. Авреха «Царизм и IV Дума» (1981), «Распад третьеиюньской системы» (1985), В. С. Дякина «Буржуазия, дворянство и царизм в 1907—1911 гг.» (1979) и «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг.» (1988). Важным дополнением к монографическим исследованиям явились статьи А. П. Бородина об отношениях самодержавия и дворянства и П. Н. Зырянова о местном управлении и о попытках его реформировать.

Кризис послереволюционной общественно-политической системы вызвал усиленное внимание зарубежной историографии, о чем свидетельствует появление сборника статей «Politics in Rural Russia» (Bloomington, 1979), книг Р. Меннинг (*Manning R. The Crisis of the Old Order in Russia Gentry and Government. Princeton, 1982*), Р. Эдельмана (*Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: Nationalist Party 1907—1917. New Brunswick, 1980*), С. Беккера (*Becker S. Nobility and Privilege in late Imperial Russia. Decalb, 1985*), М. Хагена (*Hagen M. Die Entfaltung politischer Offentlichkeit in Russland 1906—1914. Wiesbaden, 1982*), Т. Эммонса (*Emmons T. The Formation of the Political Parties and the First National Elections in Russia. Harvard, 1983*).

Оценка массы выявленного и введенного в научный оборот фактического материала и его освещения составляет предмет большого самостоятельного исследования, и автор не может предложить его читателю, отсылая к тем рецензиям, которые уже появились на книги советских авторов.

На фоне уже произведенной подробной разработки общеполитической картины в избранный отрезок времени с учетом тщательно проведенного изучения деятельности партий и их отношений с правительством и в расчете на знакомство читателя с уже освещенными сюжетами автор счел излишним обращаться к ним вновь, хотя, возможно, вследствие этого его собственная работа приобрела некоторую фрагментарность. Читателю соответственно предлагается ряд взаимосвязанных очерков, имеющих целью показать в продолжение двух ранее напечатанных монографий, как и под воздействием каких факторов строились отношения самодержавия и дворянства в послереволюционную эпоху и в этой же связи что делалось на правом фланге, двинувшемся в наступление на вызванные революцией перемены и преобразования.

При этом, хотя очевидно, что дворянство в рассматриваемый период не может быть сведено к одному знаменателю и являло собой весьма сложное образование, а его представители входили во все политические партии и течения не левее кадетов, все же его основные силы располагались на правом фланге, и в своей книге автор подразумевает под дворянством именно эту преобладающую часть, которая и составляла главного союзника и партнера самодержавия.

Автор надеется, что своей новой работой он умножит возможности лучшего и более полного понимания причин неудачи развернутого силами прошлого наступления, сожалея о том, что недостаток места не дал развить затронутые темы с той степенью полноты, которой они заслуживали.

Он снова обращает слова искренней благодарности ко всем, кто помог ему в работе, в особенности работникам читальных залов ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР и ЦГАЛИ.

САМОДЕРЖАВИЕ, ДВОРЯНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОГО РЕЖИМА

Для выдержавшей удары революции общественно-политической системы главный вопрос в период 1907—1914 гг. сводился к тому, удастся ли распутать тот намертво запутанный клубок острейших социальных антагонизмов и всякого рода противоречий, которые и были подлинной причиной революции, сможет ли гладко совершиться переход от старого к новому порядку вещей, при том что разница была очень велика.

С особенной остротой этот вопрос стоял перед самодержавием и дворянством, представлявшими этот старый строй, дававший им господство, может быть, и не имевшее постоянно один и тот же вид, потому что и сами обе силы так или иначе эволюционировали и тем более не стояла на месте вся окружающая жизнь, но и при всех изменениях и передвижках они продолжали занимать командные высоты. Они удержали их за собой и после революции, отбив ее натиск, но тем не менее вся политическая обстановка стала иной в связи с тем, что на пути обуржуазивания были сделаны решающие шаги. Это коренным образом меняло положение самодержавия и дворянства и взаимоотношения между ними. Им оставалось только приспособиться к теперь уже необратимому процессу обуржуазивания, произведя необходимую перестройку. И семилетие 1907—1914 гг. было для них в этом смысле годами решающего испытания.

Однако если таково было веление времени, то преодоление связи с прошлым и переход на новые рельсы для двух главных носителей пережиточных отношений не только не могли произойти сами собой, но, как показывал весь уже приобретенный опыт, должны были потребовать от них чрезвычайных усилий, положительно граничивших с совершением сальто-мортале. К тому же в новом направлении предстояло двинуться в обстановке сугубой путаницы и неразберихи, созданной сложнейшим переплетением старого и нового в их взаимоотталкивании, когда ничто еще не успело толком устояться и определиться и новому порядку выпадало возникнуть в ходе новой борьбы по всей линии фронта, пусть и не в тех формах, как в революционные годы.

Коренной разлад в основах учреждаемого порядка бросался, впрочем, в глаза на самой ранней стадии. Примечательно появление уже в это время настроений беспросветного отчаяния как следствия укоренившегося неверия в возможность благопо-

лучного перехода к новому государственному строю среди тех, кто все свои надежды возлагал на успешное сращивание и последующее гармоническое взаимодействие в нем старых и новых начал и теперь убеждался, что вместо чаемого урегулирования конфликта и завершения на этой основе революции нужно ждать новых крупнейших потрясений, ставящих под вопрос само существование всего прежнего образа жизни.

Отличающуюся особой выразительностью картину антагонистичности соединяемых в одно целое составных частей создаваемого механизма нарисовал в письме академику С. Ф. Ольденбургу, непременно секретарю Академии наук, его сын С. С. Ольденбург, крайне встревоженный открывающейся по этой причине в близком будущем перспективой фатальной сшибки. «Когда читаешь простые строки „основных законов“, — комментировал он в апреле 1906 г. только что опубликованный текст, — то кажется, что они написаны кровью; за каждое слово их прольется не одна, а капля».¹ Прозреваемый конфликт по мере обострения подводил вплотную к катастрофе, избежать которую было в сущности невозможно. «Чтобы сломать тесные своды, воздвигнутые над Думой, придется, быть может, сломать и все здание. Быть может, и Дума, и вся Россия погибнут под обломками», — в таком виде представлялся ему исход неустрашимого столкновения, так как «допустить замуравливание Думы в глухие стены новых законов ведь тоже нельзя». Вина за ужасающую его безвыходность, когда способный все разнести взрыв был лишь вопросом времени, возлагалась целиком на власть с ее вызывающим по своему упорству нежеланием хоть чем-нибудь поступиться. Ее главной целью оставалось сохранение вопреки всему и вся командования за собой, это ставило Думу на службу власти при гибельности для самой Думы принятия отводимой ей роли прислужницы. «„Основные законы“, изданные в проектируемом виде, приведут страну к кровавой смуте — если Дума восстанет против них, то за Думу, — уверенно предсказывал он ход событий, — если нет — помимо Думы и против нее». «Слепо ли правительство?» — задавался он вопросом при столь очевидном риске погибнуть в собственными руками безрассудно развязанной войне, и единственное разумное объяснение он усматривал в том, что оно «надеется выйти из смуты победителем». Кто в конце концов одержит верх, С. С. Ольденбург не брался предугадать, твердо зная только то, что в случае победы власти «Россия перестанет быть живой страной, а делается призраком без души».

Как ни резко было высказано осуждение правительственных действий и ни гибелен прогноз, С. Ф. Ольденбург не увидел в исполненной самого мрачного пессимизма оценке никакого преувеличения и со своей стороны полностью присоединился к ней. «Лично я сейчас в ужасно мрачном настроении — правительство ничего не хочет понимать, а страна вся кипит, — безоговорочно соглашался он с сыном, — очевидно, неизбежен конфликт, и конфликт кровавый, жестокий».²

Распространенность такого понимания намерений власти и сути создаваемой ею коллизии представителем ни в каком случае не настроенной революционно или хотя бы в пользу революции среды демонстрировалась и тем, что почти в те же самые часы оно почти в тех же словах было сформулировано в письме особенно отличаемого перлюстрационным отделом Департамента полиции наблюдателя происходящего, каким был директор Московской гимназии Н. Г. Высотский, тоже близкий к отчаянию при виде стремления власти следовать прежним путем.

«До созыва Думы, — горько сетовал он в письме, написанном 10 апреля 1906 г., — осталось две недели, надо бы радоваться, а между тем чем ближе наступление великого исторического дня, тем тревожнее делается на душе. Крайне прискорбно констатировать, что правительству Государственная дума представляется, по-видимому, каким-то новым департаментом или новым главным управлением. Ни из чего не видно, чтобы г. г. министры понимали истинный смысл и истинное значение Гос. думы. Очень страшно то, что с самого начала станут друг против друга два противника с диаметральной противоположностью взглядов, с принципиальным антагонизмом и с резко выраженным враждебным чувством. Я никак не могу себе представить, чтобы дело могло обойтись без серьезного непримиримого конфликта. А если произойдет конфликт, то это положит начало страшным бедствиям и ужасным потрясениям».³

Последующие годы представили множество подтверждений правильности этого анализа, и Высотскому в дальнейшем оставалось лишь варьировать тему упорствования самодержавия в сохранении за собой верховенства с низведением Думы до роли покорного, бесцеремонно отодвигаемого в сторону ассистента.

И чем дальше, тем больше стало проступать, что запущенный политический механизм сконструирован из разнотипных, не стыкующихся друг с другом деталей, которые не притираются друг к другу, как должно было произойти по мысли его создателей, а, наоборот, в процессе взаимодействия способны вывести из строя смонтированную конструкцию и уж во всяком случае не дадут ей успешно заработать. Выходило, что настоящая пропасть отделяет старое от новшеств, до того небывалых, совсем еще недавно неслыханных и невероятных. Проступала парадоксальность такого сочетания, как Дума и самодержавие, причем самодержавие — победитель, убедившийся в своей силе и в бессилии Думы, когда никто не шелохнулся при ее двукратном разгоне, а главное, при совершении государственного переворота 3 июня. Дважды разогнанная и затем произвольно переделанная властью, она не могла обладать для нее надлежащим авторитетом. Учрежденной заново, ей теперь еще только предстояло найти свое лицо, свое место, притом что центр всей новой конструкции прочно заняло самодержавие, по-видимому, более всего склонное предоставить Думе роль говорильни, никак не создавая с ней кондоминиум, не принимая ее как равную себе силу. По аналогии с земством это

выходило, скорее, опять-таки пятое колесо в телеге российского самодержавия. При такой диспозиции ничего еще не было окончательно решено и подписано. Еще оставалось громадное поле для маневров, поскольку главные вопросы пока что оставались без ясного и однозначного ответа. Стояло под вопросом, есть ли в России конституция или нет, ограничено ли самодержавие или нет и не является ли Дума, даже законодательная, еще одной деталью в старом механизме самодержавной власти. Самодержавию и III Думе снова предстояло выяснять отношения, как было в случае с ее предшественницами. Ее притязания были несравненно меньше — уже по причине самого ее состава, но все же она как средоточие общественной верхушки претендовала на роль справительницы в лице той партии, на которую при доминировании в ней дворянской прослойки намеревался опереться Столыпин. Октябристы предполагали стать рядом с властью у кормила правления, вовсе не собираясь единолично завладеть им, а лишь желая получить статус ее признанного, как и преданного, партнера в управлении страной. Однако и для самого Столыпина это были чрезмерные притязания, и он не собирался предоставлять Думе и тем же октябристам такое место. Роль их в его расчетах была гораздо скромнее. То были не партнеры, а помощники, с которыми считаются, к мнению которых прислушиваются, но поступают все-таки так, как сочтут нужным, ожидая с их стороны преданной поддержки, готовности беспрекословно следовать туда, куда их поведет власть. Им еще предоставлялось право голоса, но отнюдь не право принятия решений. Монополия принятия решений по-прежнему оставалась за властью, и она никоим образом не собиралась поделить ее с Думой даже в лице Столыпина, готового установить с ней действенное сотрудничество, но на условиях власти, на основе признания ее ведущей роли, а Думе при этом полагалось довольствоваться статусом ведомого.

Но и сам Столыпин не выступал в области формирования государственной политики единоличным и даже главным ее демиургом. На верхах прочно ничего еще не установилось и не определилось. Твердо проложенного, обдуманного и с постоянством проводимого курса не удалось разработать, а тем более сплотить вокруг него верхи, потому что и правительственная верхушка, и те, кто вообще имел касательство к большой политике, были далеки от единства, и если Столыпин на какое-то время выдвинулся и получил возможность проводить свою линию, осуществлять свою программу, то до принятия ее в качестве общеправительственной программы в верхнем правящем слое было далеко.

Она, напротив, вызывала с разных сторон упорное и усиливающееся противодействие, в особенности тот ее элемент, который допускал возможность и даже неизбежность политических перемен в ответ на требования, выставленные революцией, в свою очередь понимаемой не только как неизвестно откуда и по какой причине налетевшая смута, но и вызванной реально существующими тяготами и неустройствами. Одно только подавление порожденного

ими недовольства представлялось недостаточным. Волей-неволей приходилось позаботиться об устранении самих причин недовольства, провести соответствующие реформы, конечно, с целью упрочения существующего строя, а никак не для колебания его.⁴ Но и такое понимание революции и вытекавший из него курс на проведение и так слишком запоздавших преобразований с целью устранения вовсе уже омертвевших пережитков, вообще наиболее одиозного в старом строе вызвали яростное несогласие, любые перемены представлялись гибельными уступками, капитуляцией перед побежденным с таким трудом противником. И Столыпин, этот совсем еще недавно признанный предводитель сил контрреволюции, только что называвшийся спасителем и избавителем от казавшейся неминуемой гибели, теперь все более воспринимался как колебатель устоев, как устроитель грядущего торжества революции, раз он готов сделать то, что входило в выставлявшиеся в те годы требования, составляло хотя бы какой-то, пусть самый слабый, их отголосок. Громко звучали и становились все более громкими голоса тех, для кого это означало гибель, кто непреклонно отвергал всякий, хотя бы самый маленький шаг в этом направлении, для кого все причастные к оппозиции, предъявлявшие власти те или иные требования, в особенности же допущения в соправители, были заклятыми ее врагами, с которыми не может быть никаких компромиссов, ни тени уступок и с кем еще предстоит ожесточенная борьба с их окончательным разгромом как главной конечной целью.

Курс, избранный Столыпиным, вносил нарастающий разлад в правящую верхушку — он слишком противоречил разделяемому многими убеждению, что на самодержавие, хотя и в иных формах, ведется наступление — теми же силами, что и в годы революции, только теперь действующими замаскированно и высылающими вперед будто бы лояльные власти элементы, а под их прикрытием готовящими новый ее штурм, ведущими руками наименее внушающих опасения гибельный подкоп под нее.

Исподволь, не сразу подготавливалась почва для перехода к тому, что может быть названо реконкистой самодержавия. Намечающийся поворот стал особенно заметен в 1909 г., в самом его начале, когда последовали в разных местах и на разных уровнях конфликты, выявившие, что дальнейшего продвижения по пути, намеченному Манифестом 17 октября и созданием законодательной Думы даже в том виде, который был ей придан третьейюньским государственным переворотом, не будет, а будет, наоборот, осуществляться движение в противоположном направлении — занятие позиций, оставленных под напором революции, отвоение утраченного, насколько только позволит собственная сила и слабость противной стороны. Это было связано с постепенным дезавуированием политики Столыпина и в ее сущности, и в ее практике и соответственно с упадком авторитета и влияния ее создателя. Все это совершалось, однако, в очень сложной обстановке, в борьбе множества разнообразных сил и факторов,

когда история поставила перед самодержавием задачи гигантской сложности и вопрос — быть или не быть — для него только временно потерял остроту, но вовсе не был снят с повестки дня. Громадная сила общественного развития, невозможность оставаться при старых, так очевидно и непоправимо скомпрометировавших себя порядках заставляли считаться с собой, толкали вперед, но громадные жизненные интересы, связанные с сохранением старых порядков, заставляли их приверженцев мертвой хваткой цепляться за старое и не уступать дорогу новому, каким бы спасительным и неизбежным ни представлялось обновление и какой бы губительной ни рисовалась жизнь по-старому. Перед самодержавием и всем старым, порождением и концентрированным воплощением которого оно было, все снова и снова вставал выбор громадной важности — или двинуться вперед, принимая совершившиеся и совершенные перемены и дополняя их новыми, с неизбежностью следовавшими из уже сделанного, или попятиться назад, к той самой пропасти, на самом краю которой сумели с громадным напряжением всех сил удержаться в 1905—1906 гг. Выбор делался в конце концов в пользу последнего, будучи результатом новой борьбы по всей линии фронта в первые после-революционные годы, когда постепенно выяснялось, что власть и поддерживающие ее силы при всех зигзагах и несогласованности в действиях и просто всяческой неурядице, зачастую находясь в состоянии дрейфа, все-таки вступают на путь реконкисты, все более отдаляясь от новых порядков, все более признавая их для себя вредными и губительными. Во главе этого попятного движения становился сам царь, которому было глубоко чуждо понимание революции как вызванного какими-то объективными и важными причинами явления, что все-таки в какой-то мере было свойственно Столыпину. Его политическое мышление формировалось примером и заветами отца, такими апологетами неограниченного самодержавия, как Победоносцев, В. А. Грингмут с его «Московскими ведомостями» и особенно кн. В. П. Мещерский, многого достигший и в личном общении с царем, и в составлявшихся специально для него письменных поучениях, и через «Гражданина». Пройдя такую выучку, Николай был склонен воспринимать революцию как некое отступление от нормы, откуда-то налетевший шквал. Но ему мнилось, что как внезапно разыгралась буря под влиянием каких-то непонятных, неизвестно откуда взявшихся сил, так разволновавшееся море само собой должно будет со временем утихнуть и вернуться в свои берега. Революция была только наваждением, которое в конце концов должно пройти. Главной задачей становилось восстановить то, что он считал за норму, вернуться к привычному. Всякие же переделки и переустройства вызывали тем большую настороженность, что требования перемен исходили главным образом со стороны тех, кого он считал врагами существующего порядка, во всяком случае пособниками революции, ее душеприказчиками. С годами это неприятие нового, всяких перемен и тяга к восстановлению прежнего, где только возможно.

лишь усиливались, но они всегда были доминантой восприятия царем политической действительности и соответственно руководящим началом его действий. Показателем избираемого курса и предвестником дальнейшего были и относящиеся к весне 1909 г. высказывания министра Двора Фредерикса в разговоре с в ту пору товарищем военного министра А. А. Поливановым, что «Дума дана преждевременно».⁵ Как одно из наиболее приближенных к царю лиц он в этом случае передавал, по-видимому, мнение последнего. Возможность того, что взгляды обоих могли сколько-нибудь существенно расходиться, была наверняка маловероятной, особенно в свете относящихся к этому же времени высказываний самого Николая по тому же, собственно, предмету. Касаясь роли Думы, какую он ей отводит, он заявил в разговоре с Сухомлиновым, только что назначенным военным министром взамен Редигера, что «я создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала». «Это мысль правых», — имел безусловное основание именно так квалифицировать услышанное Поливанов. Дума тем самым, как они и добивались, превращалась в одну из деталей механизма самодержавной власти. Это, очевидно, стояло в связи с проявляемым царем, по словам того же Сухомлинова, общим «тяготением к старине» в соединении с «упорством». Тяга вспять стала принимать такие формы и силу, что Столыпин, подытоживая все ему известное, мог заявить Николаю: «Ваше Величество хотите, по-видимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет». Хотя царь и возразил на это, но поводом к тому послужил единственно мотив личного порядка. «Я отлично знаю крайних правых», — заметил Николай, давая понять, что как личности они его не вполне удовлетворяют. Причиной здесь могли послужить и нескончаемые дразги среди правых, действительно сокращавшие до минимума возможность опереться на эту непрестанно грызущуюся между собой свору. Зато курс столь непутевых защитников не вызывал, очевидно, у царя никаких сомнений, и он через принятого им в те же сроки Маркова передал фракции свое благоволение,⁶ показавшееся странным Поливанову после как будто бы неблагоприятного отзыва царя о правых, но вполне объяснимого при проводимом Николаем различии между самой линией правых и уже хорошо известными качествами этой публики. Как бы то ни было, октябристы в сопоставлении с правыми выглядели гораздо хуже. Николай приписывал им некие узурпаторские поползновения. Они, пенял он им, «всегда захватывают в свои речи то, что им не принадлежит»,⁷ и в фаворитах тут оказывались умеренно правые, которые «гораздо более нравятся». Находясь перед лицом и в окружении множества новых явлений, царь отыскивал пути утверждения своей власти. Но задача найти свой путь, свое место стояла и перед всеми, кто приобщился политической жизни — и отдельными лицами, и партийными образованиями.

Вся политическая сцена в это время находится в непрестанном движении, в смене лиц и декораций. Складывается новая рас-

становка сил, определяются их реальный вес и соответственно возможности, выявляются основные тенденции развития, и становится видно, где проходит линия нового водораздела создавшегося в годы революции под ее могучим воздействием политического ландшафта, процесс образования которого был еще далек от завершения. Действительно, ничто еще не успело устояться и, застыв, принять окончательную форму. Все вокруг было полно отзвуков недавней борьбы, отгремевших сражений. Все было ее непосредственным продолжением, сведением прежних счетов. Оружие не было сложено. Победители считали, что враг далеко еще не разбит. Напротив, он занял слишком уж продвинутые позиции, с которых теперь его следует во что бы то ни стало потеснить, а пока в этом направлении сделаны только самые первые шаги. Новой борьбе еще предстояло развернуться, не терпелось свести счеты с теми, кто представлялся противником, пусть и потерпевшим поражение, но далеко еще не добытым. Подбирались орудия и способы его окончательного уничтожения.

Предвиделось не сглаживание противоречий, а их новая вспышка. Начало 1909 г. и ознаменовалось переходом сил старого в наступление, острие которого было направлено против Думы как центра всей занимаемой противником позиции. По ней открывается огонь нарастающей силы. Ее противники ведут себя все агрессивнее, изображая ее вполне уже изготавившимся к нападению узурпатором, даже не считающим нужным скрывать свои подлинные цели и действующим в открытую, с очевидным умыслом захватить всю власть в свои руки. С другой стороны, обличая ее как сбросившего с себя маску верноподданности врага власти, о ней же отзываются в самом пренебрежительном тоне, в особенности о самом ее составе. Это лишенный всякого смысла и умения делать дело — что все-таки признавалось за бюрократией — сброд, способный единственно разводиться болтовню, не имеющий в стране ни малейшего авторитета, годный только для того, чтобы его снова разогнали. И когда Мещерский, подводя итоги первых четырех месяцев работы III Думы, писал о ней в «Гражданине» как о «конгломерации со всех концов России и чичиковщины, и маниловщины, и ноздревщины, и хлестаковщины»,⁸ варьируя затем это на тысячу ладов, то ему было не так уже легко выделиться среди многих других хулителей и ненавистников Думы.

Политическую температуру сразу поднял целый ряд пришедших на начало года инцидентов, вполне пригодных стать началом крупномасштабных боевых действий. Во всяком случае сами инициаторы постарались придать им наибольший размах и значение. Кампанию открыл Марков, заявив на заседании Думы 25 февраля — в пику барону А. Ф. Мейендорфу с его пожеланиями утвердить законность, так чтобы все законодательство осуществлялось через Думу при ограничении права верховной власти издавать указы и таким путем фактически законодательствовать, — о существовании неограниченного самодержавия, хотя и идущего новыми путями, но ни в чем не утратившего своего прежнего

полновластия. Целя в октябристов, Марков попутно в резком тоне отозвался о чиновничестве, особенно в Петербурге и особенно высших рангов, якобы не понимающем этого и воображающем самодержавие ограниченным, поскольку, мол, существует конституция. Категорически отвергая это толкование, Марков квалифицировал такой взгляд как открыто чинимое оскорбление величества, будучи сразу прерванным замечанием председателя Думы, что, ставя так вопрос, он сам повинен в приписываемом другим криминале, поскольку, подразумевалось, он таким образом самовольно отменяет Манифест 17 октября. Это столкновение правые и сам Марков прежде всего постарались раздуть как только могли, придав ему принципиальное значение. Марков обратился с письмом к министру юстиции с требованием быть привлеченным к ответственности по сделанному ему обвинению в очевидном расчете сфокусировать внимание на своей персоне как на бдительном охранителе полновластия самодержавия. Получив отказ, Марков обратился к председателю Думы, требуя в свою очередь от него, чтобы тот собственноручно донес генеральному прокурору о содеянном истцом преступлении. Смысл проявляемой настойчивости разгадать было несложно. Маркову надо было, поясняли «Русские ведомости», «в той или иной форме, но непременно довести о случившемся до сведения верховной власти в надежде скомпрометировать таким образом в ее глазах не только Н. А. Хомякова, но и саму Думу».⁹

Выходка Маркова явилась как бы сигналом, по которому правые со всех сторон с шумом и руганью напустились на Думу, атакуя на самом деле весь установленный после революции порядок и, собственно, пролагая дорогу самодержавию к восстановлению в наибольшем объеме его былого всевластия. Изощрались в доказательствах, что оно ни в чем еще не утратило свободы рук, ничем себя не связало, а Дума представляет из себя неизвестно что, с неизвестно какими правами, и при таком-то неопределенном положении, когда ей надо было вести себя тише воды и ниже травы, она еще силится подчинить себе верховную власть, тогда как, наоборот, надлежало бы верноподданнически признать ее приоритет и встать под ее руку. Умножающиеся наскоки и выкрики в этом роде правых приобрели вид цельной концепции на страницах «Московских ведомостей», выступивших в эти дни с рядом статей, в которых Дума изображалась, во-первых, как нечто, не имеющее ни определенного места, ни определенной роли, какой-то неясных очертаний туманностью без четко зафиксированной сущности и, во-вторых, неисполненной как раз намерения занять место, принадлежащее самодержавию, а его отодвинуть в сторону.

Разработкой темы «Борьба за власть» с особым усердием занялся известный деятель Объединенного дворянства, он же член Думы, из правых правый Г. Шечков. Его статью под характерным названием «Что творится в Государственной думе» с пространными обличениями Думы в тяжких злоумышлениях

пришлось печатать в трех номерах — настолько велик оказался составленный им обвинительный акт. Дума и впрямь помещалась на скамью подсудимых в качестве заклятого и уже выступившего в поход врага власти. «То, что произошло в стенах Таврического дворца 25 февраля, имеет знаменательное, принципиальное значение. . .», — как о чрезвычайно важном явлении отозвался Щечков о состоявшейся схватке, видя важность как в ней самой, так и в ее последствиях.¹⁰ «Столкновение 25 февраля было не рядовым боем, „авангардным“, как говорится, „делом“, — растолковывал он, — за ним должны развертываться события целой „кампании“». Щечков и выступал вестником возобновляемой войны, подавая все происходящее как военный корреспондент, ведущий репортаж с поля битвы. Противник, а им было «коалиционное думское большинство, притаившееся после поражения, понесенного им в первые же дни деятельности III Государственной думы, т. е. после неудачи 12 и 13 ноября 1907 г.», теперь «ввиду осложнений во внутренней и внешней нашей политике нашел своевременным выступить снова в поход против самодержавия». «Приняты и принимаются всяческие меры для обеспечения успеха. Как водится перед войной, — продолжалось неуклонное нагнетание напряженности, — заключаются союзы, обеспечены нейтралитеты и т. п.». Имея перед собой в Думе лишь «кучку правых», хотя, уверял Щечков, «вне ее — это все, это то море русской России, которое обойдено избирательным законом», «объединенное полчище под знаменем октябризма» приступило к боевым действиям, однако пока создававшаяся коалиция «выслала только своих застрельщиков, главные ее силы, вместе с Гучковым и Милюковым и прочими *dii minores*, оставались в резерве, если не в засаде». Так или иначе Щечков праздновал победу, превознося Маркова как одержавшего верх в завязавшемся бою. «Первая вылазка думской коалиции против самодержавия во имя мнимого республиканизма наших основных законов была блестяще отбита богатырским усилием Маркова 2», — торжествовал он, тем более что речь шла о самом главном. «Истинный смысл столкновения правых с принятым под председательскую эгиду народовольческим большинством Государственной думы — такая окраска придавалась теперь „объединенному полчищу“ да и всему эпизоду в целом — лежит в факте несогласованности ясно и твердо выраженной воли монарха о „незыблемости прав самодержавной власти“ с неясно и двусмысленно изложенными и кодифицированными законами новейшей редакции».

Щечков все снова выдвигает ту мысль, что теперешней борьбой решается вопрос о том, кто будет главенствовать в государстве, и противная сторона хочет утвердить тот взгляд, что «не император осуществляет свою законодательную власть при помощи Государственной думы, а Государственная дума, отвоевав себе у монарха власть, осуществляет ее при посредстве, между прочим, и императорских указов, с ее соизволения публикуемых и государственной печатью скрепляемых». Возведенный таким образом

в высшую степень важности предмет спора противопоставляя соперников в непримиримом антагонизме, и Шечков был уверен, что их дальнейшие отношения будут отныне определяться попытками так или иначе с напряжением всех сил склонить чашу весов в свою пользу. «Чем бы ни кончилась настоящая фаза начавшейся борьбы, сама-то борьба, повторяем, — настраивал он напоследок на ее усиление при невозможности закончить дело миром — гораздо глубже и шире своих частичных внешних проявлений».¹¹

Пока же кампания дискредитации Думы приобретала в «Московских ведомостях» все больший размах и напористость. Уже 8 марта, сразу после шечковских инвектив и в их прямое продолжение, появляется редакционная статья «Эволюция нашего парламентаризма», в которой выдвигалось обвинение Думы в целенаправленном стремлении водворить в России парламентаризм вопреки существующим юридическим нормам. Не говоря уже о первых двух, и третьеиюньская Дума «систематически пытается расширить пределы своих полномочий и влиять на ход государственного управления в несравненно большей степени, чем это предоставлено действующим законодательством».¹²

Если само по себе это должно было рассматриваться как криминал, то вменяемая вина еще более усугублялась тем, что Дума в своих поползновениях вступала в резкое противоречие с теперешним состоянием страны. Если, допускалось, и было время, когда «начала парламентаризма», привлекательные будто бы лишь для интеллигенции, «стали проникать даже в сознание народных масс», то оно миновало без остатка, и «нельзя не заметить с тех пор возрастающего разочарования и охлаждения населения к Государственной думе». Она-де скомпрометировала себя своей «крайне непроизводительной деятельностью», обусловленной «постоянным отвлечением от дела настоящего законодательного творчества в сторону вмешательства в текущие дела управления» да еще вкупе с «шумными заседаниями, похожими на уличные митинги». «В итоге, — объявлялась Дума всем чужая и никому не нужная, — развивается равнодушие общества и народа к думской деятельности, полная безучастность к судьбам законодательного учреждения».

Не ограничиваясь одними словесными ударами, «Московские ведомости» тут же переводили все дело в практическую плоскость, ставя перед правительством вопрос, не пора ли разделиться с Думой, во всяком случае действовать так, будто ее и нет. Достаточным основанием рассматривалось здесь обнаружившееся нежелание октябристов скооперироваться с правыми. «...Перед Государственной думой ссора правых с октябристами ставит совершенно загадочное будущее. Как она будет работать при таких условиях?» — спрашивали «Московские ведомости», подразумевая, что рассыпалось то самое большинство, на которое предполагало опереться правительство, и раз нет подходящего партнера, нужно действовать, не оглядываясь на Думу. «Есть ли

в ней с кем считаться правительству? И, — ставился вопрос ребром, — стоит ли еще считаться?».¹³

Так далеко заходящие побуждения приступить к коренной ломке сооружаемого политического механизма не могли, конечно, встретить одобрения тех, кто делал ставку на сращивание и взаимодействие старых и новых начал, другое дело — в каком именно сочетании, и создание из этих компонентов дееспособной системы в надежде на успех проводимой на этой основе политики Столыпина. От него, собственно, и последовало осуждение раздавшихся воинственных призывов. Такое, видимо, значение имели неоднократные полемические выступления «Нового времени», воспринимавшегося как рупор Столыпина, тем более что видным сотрудником газеты состоял его брат, и непосредственного преемником Столыпина в должности «Россия».¹⁴

Однако защита проводимого курса сталкивается со все большими трудностями, натиск его противников делается все сильнее.¹⁵ Под прямую угрозу становится положение самого Столыпина, особенно когда разгорелся конфликт вокруг Морского генерального штаба, который правые раздули с целью в возможно большей степени скомпрометировать и линию Столыпина, и саму Думу. Уверенные в своей силе, в поддержке сверху, они двинулись напролом. Все основные новшества и начала ставятся под сомнение и подвергаются ревизии. Манифест 17 октября и Основные законы теперь выдаются за какой-то путаный черновик, в котором неизвестно что в точности сказано и из которого еще неизвестно что попадет в окончательный беловой текст. В белом же тексте большими буквами как самое главное должно быть начертано полновластное самодержавие, а все остальное изображено гораздо более мелким шрифтом постольку, поскольку оно было бы с этим совместимо. От Манифеста 17 октября и Основных законов теперь требовалось, чтобы они не связывали власти руки. Им давалось самое ограничительное истолкование и отводилось самое скромное место. Как будто бы и не отменяя ничего из уже провозглашенного, из торжественно данных обещаний, все это теперь сугубо уменьшали в размерах и значении, придавали этому игрушечный, карликовый вид. Нововведения, как теперь старались подать дело, никак не означали передачу власти в чьи-то иные руки, они даже не приравнивались к ее дележу между старой властью и вновь созданным законодательным представительством, к установлению новых порядков. Со всеми новыми институтами и реорганизациями порядок оставался прежним, он только обновлялся, да и то больше в косметическом плане, так как выходило, что власть и с существованием законодательной Думы оставалась в руках самодержца, а Думе, хотя бы и законодательной, отводилась роль скромной и послушной помощницы. Толковалось так, что к старому государственному зданию пристраивался новый флигель, но располагался он где-то на задворках, весь в тени главного корпуса.

Давая такую интерпретацию сути нововведений, правые,

отвергая малейшие компромиссы, приравнивают узурпаторству признание за Думой положения соправителя, а тем более ее первенства и объявляют закоренелым врагом власти и порядка всякого сторонника подобного взгляда. С такими должна вестись война до их полного поражения, а пока им ни в чем нельзя давать послабления, хоть в чем-нибудь им уступить.

В отражение такого понимания подлинного смысла и масштаба разворачивающегося конфликта Г. Щечков в своей очередной статье в «Московских ведомостях» продолжал внедрять в сознание ту мысль, что враждующие стороны в сущности находятся в состоянии войны. В Думе борются «непримиримые между собою течения», и действовать приходится против «подспудных политических сил, поклявшихся захватным путем расширить свою власть за счет власти Верховного Вождя нашего отечества».¹⁶

В ближайшие же дни газета, продолжая вести рассуждения в этом духе, завершает их в конце концов декларацией необходимости вернуться не только фактически, но по всей форме к безраздельному владычеству самодержавия. Объясняется, что при всех произошедших со времени революции переменах и при существовании Думы никаких изменений в принципах правления нет и потому в главном все осталось на своих местах и в сущности как будто бы кое-как налаживающееся сотрудничество между Думой в лице прежде всего октябристов и властью лишь видимость. Оно касалось единственно «мелочей текущего управления», несколько не затрагивая главного, пролагавшего «между правительством и октябристами непроходимую бездну».¹⁷ А этим главным, разведившим обе стороны в противоположные концы, было провозглашенное еще в правительственной декларации и теперь с торжеством указываемое газетой право «верховой власти самодержавия» и в дальнейшем выступить учредителем, т. е. формировать тот государственный порядок, какой она сочтет нужным, не стесняя себя «актами предыдущего учредительства», что было равнозначно восстановлению основного принципа прежнего правления наперекор «парламентарным замыслам ограничения власти монарха». Оставалось теперь сделать только шаг, для того чтобы предложить привести в согласие с этим основополагающим началом теперешний порядок, и газета делает его, выступив сразу же с призывом пересмотреть государственные законы 1906 г.¹⁸

В этом неотступном натиске и на Думу, и на прочие установившиеся новшества «Московские ведомости» несколько даже опережали «Гражданина» с его вариантом подачи на царское усмотрение мнения как большинства, так и меньшинства, т. е. фактического превращения Думы в законосовещательную, хотя он и старался преуменьшить истинное значение рекомендуемой поправки.¹⁹

Вся складывающаяся к этому времени обстановка указывала на то, что это не была лишь одна игра в слова, беспочвенное фантазирование, как далеко ни заходили замыслы противников

теперешнего порядка, и они могут добиться своего, т. е., как объясняло их цель «Новое время» устами А. А. Столыпина, «лишить Россию парламента».²⁰ Реально устанавливавшееся соотношение сил свидетельствовало, что противостоять давлению с этой стороны будет трудно, да, собственно, и некому. Ни Дума, ни входившие в нее элементы не производили впечатления силы. Становилось очевидным, что у них нет твердой почвы под ногами, так как за ними не стоит широкая общественная поддержка, а, скорее, напротив, они впадают в состояние нарастающей изоляции. Об октябристах, основной думской партии, «Речь», ведя их критику с кадетских позиций, писала еще в начале марта, что они вообще, будучи сборищем самых разнородных элементов, запутались в своих комбинациях и «окончательно растеряли своих приверженцев в стране и сократились до размеров своей фракции в Думе».²¹ Но к этому времени уже не октябристы составляли равнодействующую Думы, а, по мнению газеты, умеренно правые, которые еще в меньшей степени, чем октябристы, могли сойти за политическую партию с определенной программой и избирательским корпусом. Головке удалось воспользоваться «исключительной политической конъюнктурой, моментом общей паники в стране, чтобы провести под своим флагом в Государственную думу группу испугавшихся людей самых разнообразных политических оттенков, начиная с бывших кадетов и кончая председателями отделов Союза русского народа». О том, с чем они вышли на политическую арену, можно было говорить лишь как о «примитивной попытке фальсифицировать политическую программу».²² «Все это взято. . . — устанавливала газета, — из старой культурнической работы земского третьего элемента».²³

Если строгий суд «Речи» может быть объяснен партийной принадлежностью, то «Новое время», хвалившееся как раз своей беспартийностью и старавшееся идти в ногу со Столыпиным, о его главных партнерах высказывалось совершенно в том же духе, одинаково не видя в них авторитетных политических фигур как уже по причине отмечаемой газетой пестроты состава партии, так и вследствие крайней расплывчатости самого ее облика. Эта тема резко прозвучала в статьях заглавного публициста «Нового времени» М. О. Меньшикова. За поверхностным сходством числившихся октябристами он обнаруживал глубокие различия. Он вообще отказывался считать единомышленниками представителей правого и левого крыла. Принимать их за одно, пусть и неодинаковых оттенков, — «это все равно, что смешивать змей и угрей. Они похожи, но совсем разные создания».²⁴ О партии же в целом говорилось как о чем-то загадочном, неизвестно что собой представляющем. «В чем же, однако, суть октябризма? В чем черта их индивидуальности? — недоумевал Меньшиков. — Никто этого не знает». «При основании партии А. И. Гучков просил меня прочитать их программу и написать ее литературно, — делился он своими воспоминаниями. — То, что я прочел, показалось мне чепухой, непереводаемой на человеческий язык».

Действительно, не надо было долго вглядываться, чтобы убедиться, что и октябристы, и другие группировки, называвшие себя партиями, — в значительной мере искусственные, далеко еще не устоявшиеся мозаичные образования, составленные волей случая из разных, друг с другом плохо сочетаемых частиц, которым полагалось бы находиться в других конгломерациях. «Ведь давно для всех превосходно ясно, что партия 17 октября представляет в сущности две, даже, пожалуй, три партии, соединенные невзгодой для чего в одну»,²⁵ — в раздражении, как об очевидной нелепости, писал Меньшиков, которого в данном случае несколько опережали в сущности солидарные с ним «Московские ведомости», полагавшие, что в октябристской фракции столько же программ, сколько и членов, т. е. там каждый сам себе голова.²⁶ Они к тому же находили, что в своих вождениях прибавить к своим рукам верховное управление страной вожаки октябристов оторвались от большинства собственной фракции и правые октябристы, «люди сельские по преимуществу», могут и не одобрить «подкопа „тихой самой“ под существующий строй».

Положение, когда под одной крышей вели совместное существование столь малосвязанные между собой партнеры, чуть ли даже не антагонисты, воспринималось как очевидная несуразность, и, чтобы, наконец, покончить с этой путаницей и неразберихой, создававшими неискоренимый разлад и дезорганизацию, Меньшиков призвал произвести генеральную межпартийную перетасовку, дабы родственное находилось с родственным и подобное с подобным, а не чуждым себе.

Выступать в качестве авторитета, чей голос слышен во всей России, ему было тем проще, что он мнил себя звездой первой величины, персоной нисколько не менее важной, чем любой другой на нынешней политической сцене. «„Новое время“ не принадлежит ни к какой партии, но откройте глаза: оно само — партия, — горделиво оповещал он, — и, может быть, самая крупная в России».²⁷ А то, что он был первым пером в газете, уже не требовало никаких пояснений, и он был убежден, что ему вполне по силам играть роль демиурга. Во всяком случае он был уверен, что своим появлением Всероссийский национальный союз обязан именно ему. Теперь на очередь дня им выдвигалось создание «одной большой русской партии». Дело как будто бы и не такое уж трудное. Ведь, как легко было убедиться, «программа умеренно правых до такой степени напоминает устав Всероссийского национального союза, что похожа на плагиат». Его лишь беспокоило, «как отнесется Всероссийский национальный союз к своему двойнику — с испугом, как к привидению, или с сочувствием, как к реальности, совершенно с ним однородной».²⁸ Предпочитая второе, он к тому же напоминал, что прежде оба близнеца и так составляли одно целое и разделились не по причине каких-либо политических расхождений, а, «как говорят, из-за нежелания одного князя уступить графу, а графа князю». Не видя никаких сколько-нибудь веских оснований и дальше вести им раздельное существование,

помимо личных амбиций руководителей, «ввиду тождественности Национального союза и правых октябристов с умеренно правыми» Меньшиков предлагал всем трем слиться в одну партию. Он, правда, отдавал себе отчет в том, что реальный ход дел пока что мало благоприятствует претворению в жизнь подобного совета, так как среда, к которой он обращался с призывами объединиться, проникнута сознанием общности целей и дружно выступить ради их осуществления, по его собственным словам, «не только раскалывается, а прямо дробится и рассыпается в прах». Красноречивый пример подавал Киев — «один из наиболее жизнеспособных центров», где, однако, «не говоря уже о множестве левых и центральных партий. . . одних националистических партий в городе двенадцать».

Придумывать можно было что угодно и строить любые воздушные замки, но в действительности приходилось считаться с тем, что «вместо соглашения и поддержки иногда очень близкие между собою группы враждуют». И «печальнее всего, — сетовал Меньшиков, — что враждуют, собственно, даже не партии, а главари их, между тем из-за мелких лидерных самолюбий слагается картина общей грызни и раздора». И верно — всюду давали себя знать центробежные тенденции. Политическая эрозия подвигалась безостановочно, обессиливая существующие формирования, не давая приобрести им сколько-нибудь значительный вес. Пока все находилось в движении, пребывало в неустойчивом, зыбком состоянии, и выходило, что теперешние партии — это в сущности зачастую не более чем политические потенции, нечто такое, из чего в дальнейшем что-то может получиться, далеко не то, чем они сейчас являются или кажутся. С этой точки зрения Меньшиков подходил к Национальному союзу как к своему творению, считая его малоуспешным начинанием, чем-то бесформенным, но и не составляющим какого-то исключения: «. . . подобно умеренно правым и октябристам, это, скорее, материал, нежели результат, это одна из попыток. . .».

Но те же самые слова были одинаковым образом приложимы и к Думе, которая тоже выходила «скорее материалом, нежели результатом», «одной из попыток», вызывая неудовлетворенность и всякого рода нарекания и у тех, кто как будто бы стоял за новый порядок, но, не утратив способности видеть вещи в их настоящем виде, убеждался, что уровень законодательного учреждения очень уж невысок и много творится в нем неподобающего и вовсе нежного. «Дрязги и дрязги» — вот чем до краев была наполнена жизнь Думы и что составляло главный итог ее деятельности, по уверению Меньшикова, вынесшего эти слова в заголовок одной из посвященных ей статей. Как какому-нибудь проштрафившемуся ученику, упорствующему в неопозволительном поведении, он объявлял ей строгий выговор. Еще до пасхального перерыва, сурово школил он Думу, «атмосфера Таврического дворца казалась насыщенной нездоровым электричеством. . . В ту же скверную атмосферу взаимных дрызг, точно в нечистую ванну, сели депутаты

и после праздника».²⁹ Отрицая наличие каких-либо других угроз ее существованию, он признавал реальной лишь одну: «. . . всего опаснее для парламента слишком вздорные характеры многих членов и отсутствие в них культурной сдержки». Как что-то особенно возмутительное преподносилось выявившееся среди думцев стремление вовсе уклониться от какой-либо работы по депутатской должности, ограничиваясь лишь получением следуемого содержания. «По конституции, — негодовал он, — народные представители должны сидеть на своих местах с тою же аккуратностью, с какой получают депутатское жалование, между тем они манкируют службой, как самые плохие чиновники накануне отставки. Затем эти беспрерывные скандалы и неприличная брань в Думе — разве не нарушение конституции?».

С такой и такими церемониться было нечего, и, во весь голос бранился Меньшиков, «мне как плательщику податей противно видеть нескончаемый раздор среди служащих людей, которых мы, Россия, содержим для другой, более серьезной цели. Раздор этот тем опаснее, что он теряет даже слабую культурную сдержку. Поскребите иного лидера Государственной думы, сейчас же обнаруживается провинциал с психологией медвежьего угла».

Эти поучения и громогласные попреки нововременского публициста с его способностью улавливать куда дует ветер, самый тон, в котором он произносил свою нотацию, были наглядным свидетельством того, что Дума еще не нажила никакого капитала, что она не в чести и не только с ней такой, какая она есть, жалкой и бессильной, не считаются, но при случае могут задать хорошую головомойку, а то и пустить в ход розги, как, собственно, и сделал Меньшиков. Она существовала постольку, поскольку ей давали существовать. Собственная сила была здесь ни при чем. «Московские ведомости» принялись даже рассуждать, что ее значение — это производное от того, насколько близко подпускает к себе Думу самодержавие и она паразитирует на оказываемой ей милости. «Партия октябристов была бы совершенно круглым нулем в русском общественном мнении, — развивалась эта тема, — если бы не легенда о ее теснейшей нравственной связи с правительством».³⁰

Вся развернувшаяся с конца зимы словесная баталия, когда все нововведения в государственном устройстве и главное среди них — Дума подверглись сосредоточенному обстрелу, была идеологической подготовкой и уже непосредственным проявлением постепенно набиравшей силы реконквисты. Под напором собравшихся под ее знамя глохли и замирали преобразовательные тенденции, чем бы они ни вызывались, быстрее всего на правительственных верхах. Противники уже произведенных перемен и всех заново намеченных выходят победителями в борьбе с теми, кто причислял их к антигосударственным элементам и увещевал двинуться по единственно возможному пути приспособления к новому укладу жизни, к уже совершенным нововведениям. Их конечное торжество просматривается в том, что на их сторону стано-

вятся те, кто всегда в любой схватке старается определить, кто одерживает верх, и оказаться в стане победителей. В этом смысле многозначительно прозвучало безусловное признание их правоты Меньшиковым, не оставившим и следа от всех брошенных в их адрес обвинений в антигосударственности. Полностью реабилитируя, он именно их выдвигает как истинных борцов за утверждение государственных начал, а началом всех начал выступает самодержавие, с бытием которого должно быть согласовано все остальное. Он лучше других своих коллег в «Новом времени» сознавал, как складывается обстановка, в чьи паруса дует ветер и какие следует выбирать ориентиры, когда в противоположность Ксюнину или брату премьера принялся защищать противников октябристских или с октябристами связанных комбинаций и всего основанного на них курса. От него жестоко досталось председателю Думы Хомякову за данное в первый день возобновления ее занятий интервью, в котором он осуждающе отозвался о правых, домогавшихся, по его словам, свалить Столыпина с целью самим выбиться в министры. «Вот как председатель нижней палаты относится к правым партиям, защищающим пререготивы монарха!» — бросался Меньшиков на их защиту, разнося в пух и в прах и самого Хомякова, и прочих недоброжелателей этих, как он с жаром доказывал, самых верных и стойких охранителей власти и всех ее прав.³¹ «Правые единственно о чем заботятся, это о том, — возводил он их на пьедестал, — чтобы парламент не сбился в республиканский конвент или в теперешнюю жалкую французскую палату, в орудие самых низких партий. Дальше этого так называемые „реакционеры“, по-видимому, не идут». Они теперь выставлялись лишенным каких-либо изъятий образцом для подражания, а все высказанные насчет них обвинения выглядели в этом освещении злонамеренной клеветой и начисто отменялись. «Крайняя мечта правых, насколько мне известно, состоит лишь в том, — поднимал он их все выше и выше, — чтобы дать России национальный парламент, патриотичный и покорный — не министрам, конечно, а верховной власти, высокое учреждение которой на тысячу лет старше и парламента, и кабинета». Думе без всяких околичностей указывалось ее настоящее место — быть подручной у полновластного самодержавия, служить ему верой и правдой, беспрекословно следуя, куда будет велено. Сам полный верноподданнического пыла, во всем солидарный со своими подзащитными, Меньшиков рьяно взялся за их недругов, причисляя к ним прежде всего октябристов и чиня над ними беспощадный суд и расправу за их тянувшиеся еще со времени революции провинности, главное же за проявленную тогда трусость, и, наоборот, противопоставляя им правых как спасителей положения, которые теперь за это возводились в герои. А их оппонентам доставалось еще больше за то, что они стали вдруг фигурировать в этой роли, решив ее себе присвоить, как следовало понимать, по соображениям политической выгоды. Меньшиков расставлял все по своим местам, обнаруживая полную несостоятельность подобных претензий.

«Некоторые наивные обыватели считают октябристов спасителями государства, но, простите меня, это смехотворный вздор, — горячился он по причине самоочевидной ложности такого понимания. — Если кто спас Россию от революционного штурма, то это все те же так называемые „реакционеры“, что защищают и теперь права монарха. . .».³² «В те ужасные дни, когда Петербург и Москва были отрезаны от армии, от России и всего света, где были и что подельывали г-да октябристы?» — со строгостью следователя на допросе требовал он ответа, сам зная его, конечно, заранее. «Они пришли потом, на все готовенькое. Они не без гордости водрузили флаг на позициях, обогранных совсем не их кровью», — выставлялись они теперь то ли политическими мародерами, то ли зарвавшимися в своей наглости самозванцами, но во всяком случае похитителями чужого. Публично хватая их за руку, он не без некоторой театральности широким жестом возвращал похищенное по принадлежности. Хотя, оговаривался Меньшиков, он и «далек по убеждениям от Союза русского народа, но даже эта грубая партия, в силу того что она народна, сыграла несравненно более значительную роль, чем все наши конституционалисты. . . Где прятались и что чирикали за печкой г-да октябристские сверчки, когда гремели громы?».

Эти яростные нападки на и так державшихся очень тихо и смирно, очень далеких от приписываемой им воинственности, как и замыслов завладеть властью в государстве, упрасивавших только подпустить их к ней на условиях правительства в лице того же Столыпина своей явной гипертрофированностью в особенности со стороны того, кто выдавал себя за беспристрастного судью с единственной заботой о благе страны, демонстрировали наряду с некоторыми другими признаками, что акции напрашивающихся в партнеры власти стоят на нулевой отметке без каких-либо видимых шансов на повышение.

Донельзя разошедшийся Меньшиков знал, что делал, когда громил это направление. Ближайшие же события подтвердили, что он взял верную ноту и попал в самую точку. Развернутая им апологетика «государственных анархистов» оказалась совершенно оправданной в свете пришедшегося на эти же дни исхода кризиса с Морским генеральным штабом в связи с письмом, а затем и рескриптом, данным царем 26 апреля на имя Столыпина, оставлявшим его премьером, но в сущности клавшим крест на его дальнейшие планы. Все случившееся в конце апреля означало, что фактически линия его оппонентов возобладала, хотя никаких внешних перемен не произошло. Основные законы не были пересмотрены, Дума как будто бы осталась на том же месте, как и Столыпин на своем посту, после того как со дня на день ожидали, что он вот-вот слетит. И тем не менее вся его непритязательная программа пошла прахом, и на пути, по которому он собирался двигаться с соблюдением всяческой осторожности, опускался шлагбаум. Суете с реформами полагался конец. Действительно, как будто бы удержавшийся status quo был лишь видимостью.

Только на первый взгляд могло показаться, что «все осталось, как было», хотя заметившая это «Речь» могла констатировать сохранение прежней жестокой путаницы, выражавшейся в соседстве несовместимого, в продолжающейся двусмысленности исходных положений, на которых держался весь режим в целом. В итоге «по-прежнему никто ничего не понимает, а потому всякий может, если хочет, понимать по-своему. Все обнадежены, и все продолжают вести свою линию».³³ Продолжало как бы пребывать в неизвестности, «кто „ниспровергает“ и кто „созидает“, где „государственность“ и где „антигосударственность“, где настоящий „патриотизм“ и где „измена“, — эти второстепенные и неважные вопросы, — иронизировала газета, — остаются пока открытыми». И все же она принимала видимость за реальность и сверх меры сглаживала остроту раздравших всю политическую систему антагонизмов, когда писала, что «различные и прямо противоположные истолкования „строя“ как-то мирно уживаются рядом». На самом деле на политической сцене разворачивалось крупнейшее сражение, и становилось ясным, кто в нем одерживает верх, хотя и не добившись еще окончательной победы, сохраняются те или иные декорации или нет.

Еще до того, как Столыпин споткнулся на виду у всех так, что, казалось, уже не сможет подняться, и теперь должен был особенно заботиться о том, чтобы снова не попасть впросак и не подставлять себя под новый удар, а следовательно, повременить с намеченными преобразованиями, каждое из которых, как ныне сделалось совершенно очевидным и не раз проверенным, вызывает, каким бы оно ни было незначительным, настоящую бурю, «Речь» уже оценила силу встречаемого им противодействия, вообще силу старого порядка вещей и слабость шансов на его реорганизацию.

Делая от имени кадетской партии ставку на возможность реформирования старого строя, на укоренение в России порядков и норм буржуазного общества, каждодневно доказывая, что для власти это единственно возможный путь и возврата назад к тому, что, казалось, полностью изжило себя и вконец обанкротилось, быть не может, иначе произойдет небывалая катастрофа, «Речь» все-таки должна была признать, что все ее проповеди и предостережения подобны гласу вопиющего в пустыне и на ее глазах разворачивается подлинная реконкиста, Столыпин же все более отодвигается в сторону и теряет в значении со своими начинаниями, в отстаивании которых он и сам проявлял растущую слабость и непоследовательность. Все труднее было вдаваться в иллюзии и рассчитывать на перемены, когда, как писал еще 11 марта В. Набоков в подведение итогов тому, что воспринималось как этап в политической жизни страны, «вся политическая программа правительства исчерпывается словом „работать“, когда выяснилось с полной убедительностью, что по отношению к широкой политической реформе, более того, по отношению к самым первым шагам на пути к ней существует только один лозунг „ах, оставьте“, когда „обновленный строй“ мало-помалу начинает принимать все

очертания старого, незаметно сливаясь с ним, и самое упоминание о Манифесте 17 октября, давным-давно выброшенное из обиходного лексикона правительственных речей, в близких к правительству сферах начинает звучать упреком, неприличной бестактностью».³⁴

Прояснению обстановки способствовала и пришедшаяся на этот момент отставка военного министра Редигера. «То, что было несомненно и раньше, — писала газета, включая отставку в общую картину происходящего. — теперь вдруг стало ясно всем. Все вдруг поняли, что весь секрет спасения России и исчерпывался стремлением „вырвать жало“ и что в поисках этого жала прошли бесплодно три года, которыми так легко было воспользоваться для творческой созидательной деятельности. Эти три года превратились в сплошной кошмар и были безвозвратно потеряны».³⁵

В напрасности ожиданий чаемых перемен тем более убеждало жалкое положение самой Думы, весь установившийся, по выражению Набокова, «парламентаризм навыворот», когда, например, «не правительство домогается доверия со стороны. . . большинства, а самое большинство образуется в зависимости от того, кого желает облечь своим доверием правительство». Здесь «Речь» прямо перекликалась со своим антиподом — «Московскими ведомостями» с их заявлением, что и октябристы, да в сущности и вся Дума, живут милостью власти и их значение определяется лишь тем, насколько она позволяет им приблизиться к себе.

Развязывала ей руки и позволяла свободно манипулировать думскими формированиями их очевидная слабость, проистекавшая из оторванности от способных постоять за себя общественных сил, из того, что и сама политическая среда, которую они должны были бы представлять, далеко еще не успела выйти из аморфного состояния и в нужной мере самоопределилась, чтобы та или иная партия могла считаться признанным выразителем того или иного слоя или группировки. Такие связи еще только налаживались, и возникавшие конгломерации с их пока еще не устоявшимся составом отличались заметной непрочностью, представляя собой весьма непостоянную величину. Примером здесь могли служить октябристы, как бы повисшие в воздухе. О них, считала газета, «сейчас можно говорить только постольку, поскольку говорят о Думе». Но еще большей отчужденностью, как что-то совсем уже расплывчатое и неопределенное, страдали умеренно правые — порождение комплекса общих условий, когда самодержавие сумело поставить политическое развитие в самые узкие и тесные рамки, держа в узде всех своих контрагентов. «Для переживаемого нами безвременья, — связывала газета общее состояние с его конкретным проявлением, — выступление умеренно правых со всем жалким бессилием их идейного скарба и бессознательным игнорированием основных вопросов русской действительности — факт знаменательный и — увы! — слишком понятный».

Создавшуюся систему и детерминировал громадный перевес самодержавия над своими партнерами, которым не предназна-

чалось быть чем-то большим, чем его покорными прислужниками. При появлении умеренно правых к ним в духе этого со страниц правительственного официоза сразу обратились — и газета специально привлекала к этому внимание — «со строгим напоминанием». «Вы созданы для того, чтобы „вотировать“, а не „агитировать“. Это ваша служба, а не ваше право, — истолковывался смысл преподанных инструкций, — и оставайтесь при деле, к которому вас приставили».³⁶ Терпимы были только те, кто послушно плыл в кильватере самодержавия, всякий же, кто покушался выбрать самостоятельный курс, попадал в ослушники, по меньшей мере включался в категорию неблагонамеренных.

Свободное функционирование политических сил, даже самых близких власти по своей социальной природе, составляло все-таки отступление от установленной нормы. «Политическая партия в стране! Да ведь это что-то такое, что совсем выходит из торной колеи. Это — почти „народовластие“!» — обрисовывался основополагающий подход власти к новой организации политической жизни при непрременном участии в ней массовых объединений, равнозначный категорическому отказу принять суть ею же введенных перемен и созданного на их основе порядка. При своем вскрывшемся бессилии Дума не только не могла остановить ее на этом пути и помешать ей взять в свои руки командование в стране, но, сама поставленная в подчиненное положение, превращалась в ее легко управляемое орудие. «Большинство Государственной думы старается думать не о том, что для него недоступно, но о том, что ему вверено, — отмечалась готовность занять отводимое законодательнице место ассистента. — Ему вверено законодательство, и оно пробует сознательно законодательствовать».

Самодержавию удалось настолько принизить Думу, что отпадала сама надобность менять ее статус. «Становится положительно излишним не только распускать Государственную думу, — выявлялась незначительность играемой ею роли, — но даже превращать ее в учреждение законосовещательное». Под какой бы вывеской она ни содержалась, власть приспособила ее к своим нуждам, низведя ее до положения еще одной детали в своем механизме управления, что бы там ни значилось в Манифесте 17 октября и Основных законах 1906 г. «Собственно говоря, окончательно решенным и установленным можно считать только то, — уточнялись действительные полномочия Думы, — что в известные часы и дни в течение известного количества месяцев депутаты съезжаются в Таврический дворец и там подвергаются обсуждению и принимают законодательные предположения, не возбуждающие сомнений в правительстве. Как это делается, для правительства, собственно, безразлично, но делаться должно именно это, а не что-либо другое». Отдавая себе отчет, как далеко продвинулась власть назад, по сути уже сделав принципиальный выбор пути, газета не придавала никакой цены исходившим сверху заверениям, что имеется в виду приступить в близком будущем к широким преобразованиям. Это связывалось с именем

Столыпина, прочность положения которого представлялась все более сомнительной, как, следовательно, и возможность исполнения даваемых им обещаний. И когда «Россия» заявляла в начале марта, что «во всех ведомствах без исключения идет весьма деятельная и экстренная работа по пересмотру и переработке действующих узаконений», то «Речь» отзывалась об этом как о совершенном блефе: «. . . теперь уже поздно, и никто этому не верит, никто не относится к этим обещаниям серьезно, хотя бы нас и уверяли, что работа идет экстренно».³⁷

Отказываясь принимать всерьез реформаторские потуги Столыпина, газета считала, что он уже сыграл свою роль и достиг предела возможного. И, когда распространились слухи о его предстоящем удалении, в этом уже не усматривалось никакого ущерба для тех задач, которые он намечал к осуществлению: «. . . во всяком случае хуже не будет, ибо хуже „существующего порядка“ быть не может».³⁸

Но, пожалуй, еще более точным мерилom для оценки со стороны потенций Столыпина как реформатора служило даже не мнение «Речи», а то, как он котировался в этом качестве на страницах «Нового времени». И оно, усиленно расшаркивавшееся перед ним, воздававшее ему очередную хвалу за спасение «раненого броненосца», не соглашалось видеть в нем преобразователя, да хотя бы и инициатора с размахом. Как бы подводя итог его деятельности по причине как будто бы предрешенного увольнения премьера, газета находила, что «к числу отрицательных сторон министерства Столыпина нужно отнести недостаточную его инициативу, то, что он сам не имеет крупного шага и не придал большого хода государственному кораблю». Недостаток — поспешно извиняемый: «. . . положение было таково, что устойчивость была предпочтительнее в данное время, чем быстрота и энергия. Пусть даже, как говорят, г. Столыпин не творец, не производитель а только успокоитель».³⁹

Пребывание Столыпина в прежней должности уже ничего не меняло и ничего не сулило. Едва удержавшись, но так и не обретя твердой почвы под ногами, он теперь должен был «поневоле сосредоточить заботы на собственном самосохранении».⁴⁰ Убежденная, что ни на какое движение вперед рассчитывать более никак нельзя, «Речь» приходила к выводу, что «победа П. А. Столыпина есть новая победа той же самой неопределенности, той же коренной двусмысленности, которая составляет главное несчастье и главное зло переживаемого нами момента».

Кадетское руководство тем более утверждалось в своем беспросветном пессимизме, каждодневно наблюдая, кто оказывается в выигрыше, а кто в проигрыше от сохранения этой двусмысленности, кто наступает, а кто отходит. Факты один за другим подтверждали, что она идет на пользу тянущим назад. Захватив инициативу, они продолжали развивать свои успехи, завладевали там и здесь новыми позициями. Их не так уже беспокоит формальное положение дел. Они убеждаются, что при сохранении установ-

ленной формы можно добиться своего, направить развитие в нужное русло. Кроме фронтальной атаки, реконкиста находит иные пути для продвижения вперед. Что нельзя взять, то, оказывается, возможно обойти. В этом плане обращало на себя внимание возвышение после периода некоторого упадка ее влияния группировки, возглавляемой гр. С. Д. Шереметевым, в которую входили наряду с другими такие известные предводители сил старого, как А. Г. Булыгин, кн. А. А. Ширинский-Шихматов, кн. Куракин, гр. С. А. Толь, А. С. Стишинский, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, сенатор Д. П. Голицын. Со своим девизом «необходим возврат» шереметевский кружок теперь придерживался достаточно гибкой тактики. «Они не говорят о полном возврате. — отмечала «Речь». — и удовлетворились бы Думой по булыгинскому рецепту».⁴¹

Новой обстановке подходили новые методы достижения все тех же целей. Стремясь все к тому же, но делая поправку на время, участники объединения выставляли напоказ свою «скромность» и были «не прочь даже пококетничать; мы ведь, дескать, не противники народо-представительного строя, но необходимо дать ему ту форму, которая является единственно целесообразной». Но открывалась возможность ужиться даже и с законодательной Думой — она вполне поддавалась приручению, в чем достаточно успел убедиться кадетский орган. Власть встала высоко над ней. Опираясь на отжившее и отживающее, сама намертво с ним связанная, она совершала стратегический маневр в стремлении возможно дальше отойти от порядков и новшеств, утвержденных силой революции. В этом попятном движении она находила отклик и поддержку со стороны этих сил прошлого, среди которых на первом месте оказывалось дворянство. И само это попятное движение выдвигало дворянство на одно из первых мест. Оно придавало ему возрастающее значение как главному союзнику власти, и оно же набиралось силы и получало новые стимулы своим реставрационным устремлениям в деятельности и требованиях сплывающегося в неприятии нового дворянства.

Эта теснейшая взаимосвязь обнаружилась уже в том, как был принят в начале 1909 г. V съезд Объединенного дворянства и какая роль прочилась в связи с ним дворянству как общественной силе.

Уже самый доклад В. И. Гурко с его упором на переживаемые во всех областях трудности и всякого рода неполадки — главным образом по вине действующего шаблонно и неважно правительства, неспособного, двигаясь старыми путями, найти выход из ставшего определенно опасным положением, — содержавший помимо дискредитации проводимой экономической политики целую концепцию ее перестройки и на этой основе программу радикального обновления методов ведения дел, затем занявшее несколько дней обсуждение этого доклада воспринимались как демонстрация намерения Объединенного дворянства выступить руководителем, чей голос будет услышан и правительством, и всей страной.

На правом фланге дворянский форум рассматривался как крупнейшее событие, как свидетельство готовности дворянства встать во главе обороняющих старые устои и старые порядки и повести их к победе. Это придавало им новую уверенность в возможности добиться своего, выразившуюся и в их возрастающей агрессивности. И развернутый в конце февраля поход на Думу прямо связывается с тем настроением, который создавал в близкой себе среде съезд. «Русские ведомости», отмечая, что в Думе выходки Маркова, как и «вообще все поведение правых», объясняют в первую очередь «той ожесточенной борьбой, которая ведется между Коковцовым и Столыпиным, борьбой тех двух течений в сферах, выразителями и представителями которых они являются», как вторую причину упоминали и «близкую связь отчасти с дворянским съездом».⁴²

В своей все более шумной кампании против Думы «Московские ведомости» противопоставляли ей съезд в качестве ассамблеи достойнейших представителей общества в целом, сумевших первыми постичь, в чем заключаются подлинные нужды страны, и нашедших правильное решение стоящих перед ней задач, предлагавших отодвинуть в сторону политические переустройства и взамен этого заняться улучшением экономического положения вне всякой зависимости от общих условий жизни.

Это подается как наконец-то найденная панацея, которая должна принести верное исцеление после объявляемых ошибочными попыток создать иной политический порядок. «Русская реформа, — старалась убедить в сугубой вредности этих попыток газета, — представляет нечто крайне хаотичное, какое-то смешение противоположных принципов, усерднейшее разрушение всего, что только поддается разрушению, и постоянные противоречия и недоумения в отношении того, что требуется создать». «Шуму, грому, обломков, пыли, не говоря уже об огне и крови, не берешься, — добивалась она окончательно скомпрометировать все сделанное в этом направлении, — а реальное дело доселе не поддается даже и тончайшему анализу».⁴³

Высказывая «тягчайший упрек нашей реформе, упрек политическим способностям создавших ее общественных и бюрократических сил», будто бы в полном ослеплении двинувшихся по ложному пути, «Московские ведомости» находили тем больше оснований для восхваления дворянства, указавшего, куда на самом деле следует идти. «Дворянский съезд имеет ту огромную заслугу, — как о чем-то исключительно важном и достойным самой высокой награды писали «Московские ведомости», — что понял необходимость найти центральный пункт потребностей страны, раздерганной смутами и бессистемными реформами». И они тем ниже склонялись перед дворянством, что его настояния направить усилия в иное русло придали ему «вид некоторой оппозиции правительству, действующему рука об руку с Государственной думой». Но в этом-то противопоставлении себя правительству с призывом встать «главнейше на экономическую почву»

съезд и обнаружил свое превосходство над ним, которое в конце концов склонит чашу весов в пользу дворянства, а пока никто не может разделить с ним «заслугу произнесения первого слова, первого клича, который, конечно, очень скоро будет повторяться всей Россией и несомненно должен будет стать девизом деятельности русского правительства».

Действуя в одиночку и с некоторым даже риском навлечь на себя неудовольствие правительственных верхов, «дворянский съезд произнес слово вещее, передовое», выдвигающее дворянство на первое место. Право занять его усматривалось газетой вдобавок и в том, что на съезде громко прозвучало требование укрепить сословное начало как основу общественной жизни. «В этом отношении, — замечали «Московские ведомости», — дело дворянского съезда уже не дополняет ведущуюся правительством работу, но вносит в нее поправки по существу. . .». Безоговорочно одобряя попытку оживить этот по современным представлениям «не более как вымерший элемент русской общности», они заключали, что «дворянский съезд здесь снова произнес слово очень веское, которому можно было бы пожелать сделаться таким же вещим, как указание на первенствующее значение экономического вопроса». И хотя сомневаясь, что оно найдет согласный отклик по причине слишком уж большого расхождения с установившимися взглядами, газета все же высказывала убеждение, что «дворянский съезд 1909 года будет когда-нибудь помянут добрым словом и за то, что в такое хаотическое время напомнил России значение внутренней социально-сословной организации национальных сил».

В контексте всей политической жизни, какой она складывалась в пору развертываемого под реставраторскими знаменами наступления, выдвижению дворянства в качестве направляющего фактора придавалась чрезвычайная важность. «В общем съезд составляет крупное явление, — удовлетворенно подводили итоги «Московские ведомости», — значение которого скажется вне сомнения многочисленными практическими последствиями». Сами они на этом этапе готовы были споспешествовать, насколько возможно, утверждению ведущей роли дворянства. В общем плане съезд явился для них лишь новым подтверждением того, что оно и есть главнейший оплот порядка, против которого была направлена революция. «Выдвигавшийся левыми партиями проект принудительного отчуждения владельческой земли, — это предъявлялось им уже как обвинение, — имел в виду не обеспечение крестьянства, а именно разгром дворянства, уничтожение его политического и государственного значения».⁴⁴ Устояв под сильнейшим напором революции, дворянство подготовило ее неудачу, оставаясь и ныне преградой на ее пути, поскольку оно «придает устойчивость местной жизни, по мере возможности охраняет ее от потрясений». Будучи главным гарантом сохранения существующего положения, оно, однако, само обнаруживало возрастающую слабость. «К сожалению, — с унынием констатировала газе-

та, — дворянское землевладение и без принудительного отчуждения убывает с изумительной и все прогрессирующей быстротой», теряя в последние 20 лет, несмотря на всю усиленную поддержку власти, в среднем по 900 тыс. десятин в год.

Однако переживаемый им упадок не мешал газете рекламировать дворянское хозяйствование как образец, как «школу для крестьян». ⁴⁵ Дворянские поместья изображались рассадником всего нового и передового, и «вообще, — уверяли «Московские ведомости», — без дворянского землевладения в России не оказалось бы достаточного количества продовольственных припасов не только для вывоза на иностранные рынки, но, быть может, и для потребностей местного населения». Они даже соглашались подписаться под предположением, что «усилившиеся за последние годы неурожаи находятся в известной связи с быстрой убылью дворянского землевладения». Шедшее круто по возрастающей возвеличение дворянства завершалось поданной уже как аксиома декларацией, что «дворяне являются руководителями хозяйственного развития России и в этом заключается их громадная культурная заслуга».

С этими громкозвучными дифирамбами «Московские ведомости» несколько опережали другие издания правой оконечности политического спектра, так или иначе поддержавшие дворянское выступление. «Гражданину» уже с количественной стороны, почти 150 собравшихся, — «по нынешним временам это громадная цифра» — съезд представлялся весьма крупной величиной. Значение же его в политической области выводится из того, что, как изображалось дело на страницах издания в тон с «Московскими ведомостями», «отличительная черта его забот — отсутствие всяких личных интересов и сосредоточение забот над интересами государства и всего сельского населения». ⁴⁶ И раз съезд так размахнулся, приняв к рассмотрению важнейшие общеполитические проблемы, то Мещерский при взятой им направленности задался вопросом, какова будет степень его воздействия на правительственную политику. И в форме интервью с одним из участников съезда он, как бы приводя его мнение, делился с читателем предположением, что в перспективе «мысль о влиянии на правительство допустима», но для этого нужно приобрести «репутацию не только серьезного, но и независимого учреждения». Подразумевалось, пускал здесь в ход Мещерский свой излюбленный прием, переворачивая устоявшиеся понятия вверх ногами и превращая их в свою противоположность, именно умение служить «интересам власти, порядка и народного блага независимо и самостоятельно». Однако он проявлял в оценке несъезда и вообще возможностей дворянства гораздо большую осторожность, чем «Московские ведомости», даже известный скептицизм.

Ожидать же, что дворянство в дальнейшем прочно утвердится в руководящей роли и станет центром притяжения для всех стремящихся удержать прежние порядки, ему мешали неблагоприятные итоги всей пореформенной эволюции когда-то безраз-

дельных хозяев жизни — тема, громко прозвучавшая в дневнике 19 февраля, в очередную годовщину отмены крепостного права, давшую Мещерскому повод оглянуться на пройденный с того времени путь и признать плачевными, а скорее, даже бедственными достигнутые результаты.

Хозяйствование обернулось громадными потерями с последующим глубоким упадком и разорением. Свидетель всего происшедшего еще с 60-х гг., он знал, как плохо распорядилось дворянство доставшимися ему колоссальными средствами. Оно «получило выкупными свидетельствами миллиарды рублей. Оно получило оные и затем в течение нескольких лет, — с горечью напоминал Мещерский, — растратило их без остатка и без следа».⁴⁷ Растройство подвигалось неудержимо, и с каждым повторением 19 февраля «проходил еще один год таяния дворянства и нищания крестьянского населения». Не сумело упрочиться оно и политически. Проявившийся в его среде либерализм — и это была, собственно, главная претензия Мещерского — не встретил сколько-нибудь эффективного сопротивления противной стороны, и уже на самой первой стадии конфликта «удивительны были та мертвенность и равнодушие, с которыми так называвшиеся тогда консерваторы отвечали на увлечения дворян-либералов». В этом-то обнаруженном ими бессилии, целиком унаследованном преемниками и «длящемся доселе», — они и фигурировали как «родоначальники нынешних правых в дворянских и земских собраниях и в Государственной думе» — и виделась им «разгадка, почему с 1861 г. по настоящее время земельное дворянство не только ничего не сделало из того, что оно могло сделать для образования из себя крупной экономической и политической силы, но все сделало для своего окончательного разрушения, духовного и материального».

Скептицизм вырастал из уверенности, что настоящее — лишь продолжение прошлого нестроения и победных реляций об успехах как не было, так и не будет. Глубоко укоренившиеся слабости не могли обратиться со дня на день в силу, и в неспособности преодолеть их заключалась в свою очередь «разгадка, почему так жалки и мизерны правые в нашей Государственной думе. Кричать „гимн!“, бесстрашно ругать революционеров, доносить на них, аплодировать звукам и министрам — это их дело, и на это дело они мастера, — со всей силой обрушивался на них беспощадным судьей Мещерский, затем еще громче и яростнее браня их за выказанное полнейшее ничтожество. — Но знать жизнь, изучать народные нужды, чтобы выступать в Думе с идеями созидания и творчества, отстаивать сплоченно старые предания и охранительные принципы против либерализма кадета, социалиста и чиновника — этого правые из дворян не могут и не умеют».⁴⁸

С этой громовой филиппикой, зайдя так далеко в своем обличительском раже по той именно причине, что дворянство далеко не в той мере, как ему хотелось бы, оправдывало возлагавшиеся на него как на главную опору трона надежды, он оказывался

несколько в стороне от преобладающего течения. Образчиком здесь могло служить «Новое время», всегда старавшееся взять верный тон, идти в ногу с теми, кто в большинстве, кто поднимается вверх. Газета отвела много места освещению работы съезда, помещая подробные и неизменно одобрительные репортажи своего специального корреспондента. Кампанию афиширования дворянства как ведущей силы возглавил сам Меньшиков. Побывав на съезде, он аттестовал увиденное на заседаниях как нечто совершенно исключительное. Такое впечатление чего-то из ряда вон выходящего должно было сложиться от зачина статьи в номере за 22 февраля. «Был на днях в собрании гениальных людей. Несколько часов наслаждался зрелищем того, как совершенная боролась с совершенством, как одна исключительная умственная сила поражала другую. Конечно, — тут же подсказывалось нужное решение поставленной загадки, — Вы были на дворянском съезде, догадается читатель».⁴⁹ И хотя оказывалось, что на самом деле имеется в виду состоявшийся в эти же дни международный шахматный турнир в память М. И. Чигорина, дворянская ассамблея в подаче Меньшикова по мощи демонстрируемого интеллекта выдерживала сравнение с ним.

Еще через день в статье «Дворянство и власть» оно провозглашается выдвинутым самой историей вождем, которому по природному праву предназначено повести за собой страну, чего не приходится ожидать от правительства уже по той причине, что правительства как такового, собственно, и нет. «Есть элементы правительства, а в своем целом оно не существует», — заключал Меньшиков.⁵⁰ Следующий при отсутствии действенного и авторитетного руководства разлад всей государственной жизни приобретал размеры подлинного бедствия, и помощи можно было ожидать единственно от дворянства. В этом убеждении его укрепило присутствие на съезде, показавшемся настолько важным, что он был приведен в настоящее расстройство из-за невозможности побывать на всех заседаниях. «Искренне сожалею, — сокрушался он, — что не имел времени выслушать все доклады и прения». Однако и то, что удалось услышать, было для него ярким доказательством «отсутствия в стране правительства и глубокой потребности иметь его», а главное, наличия самой этой возможности, так как «весьма серьезные речи г.г. Гурко, кн. Щербатова, сенатора Фролова и других убедили меня, что если в стране нет правительства, то не только среди министров, а и в обществе есть прекрасный материал для его создания». Пока же при отсутствии «в государстве органа, который бы связывал мысль страны с ее волей», он считался с тем, что «постановления дворянского парламента» останутся втуне — их только «прочтут, выслушают, согласятся и отложат в дальний ящик». Как идеал такому негодному порядку при дающем подобные результаты хозяйничанье бюрократии противопоставлялось управление, находящееся в руках общественной элиты, и весь ход рассуждений должен был обосновать тот вывод, что «правительством зо все

века было общество, избранный круг его», а именно дворянство и прежде всего его высший слой. Образцом здесь приводилась Англия, управляемая «старой аристократией», и «почти теми же качествами отличается немецкое дворянство, из которого выходят друзья и советники Вильгельма II. Безусловно, тою же стихией власти следует объяснить удивительную силу японского трона». В этом же ряду находилась прежде и Россия, и у Меншикова вызывало преклонение недавнее прошлое, каким оно ему рисовалось. «Когда-то правила Россией группа людей, знавших, что такое единодушие и что такое решимость», — заявлялось в укор и порицание так непохожему на это настоящему при отнесении заслуги в создании восхваляемого совершенства целиком на счет дворянства. «Старой аристократией нашей. . . Россия росла и крепла. Только тогда и было у нас правительство как орган воли, как начало решения, как сила неустающая, поспевающая за жизнью».

Теперь тем более надлежало вернуться к этому, так как дворянство только что засвидетельствовало, что оно сохранило свои прежние качества предводителя. Это особенно убедительно выглядело на фоне неспособности выступить в такой роли ныне функционирующего органа управления. «Дворянский съезд поднял интересные вопросы, именно те, которыми следовало бы заняться правительству, если бы оно у нас было», — как бы передавал Меншиков власть из одних рук в другие, сожалел о том, что само дворянство не потребовало ее себе, тогда как «единственный вопрос, который стоил бы обсуждения дворян. . . это постоянный вопрос всех аристократий, заслуживающих своего имени: как создать правительство. . .». «Не ведомственные вопросы должны занимать дворянство. Даже не государственные вопросы, — взывал к нему Меншиков, побуждая принять на себя главенство, — а лишь один, сверхгосударственный: как создать действительную власть в стране. Организуйте правительство, национальное и единодушное, и оно само справится с тысячью остальных вопросов, которыми теперь шумит Россия».

Так легко разделавшись с правительством, одним движением руки поставив на его место дворянство с предоставлением ему широчайших полномочий, Меншиков отразил существенные особенности создавшейся политической обстановки. Смелость, с которой он действовал, указывала на то, что правительственный престиж стоял очень невысоко и вообще весь учрежденный политический порядок представлялся лишь черновиком, куда можно вносить какие угодно поправки. Таков был подход Меншикова, и так же рассуждали «Московские ведомости». Они ничем не выделялись со своими все более упорными настояниями приступить к переменам и переделкам, которые должны были вернуть власти былую свободу рук, убрав Думу с ее пути или отняв у нее всякую возможность оказаться препятствием в исполнении своих желаний. И если Меншиков так просто распорядился с правительством, препоручая его функции дворянству, то еще

легче «Московским ведомостям» было заменить дворянством Думу. Съезд дал газете возможность подойти практически к претворению в жизнь своих рекомендаций, и для них, подобно Меньшикову, дворянство оказывалось искомой точкой опоры в совершении задуманного.

Уверяя и выдавая это за главный итог политической эволюции последних лет, когда «развивается равнодушие общества и народа к думской деятельности» и налицо «полная безучастность к судьбам законодательного учреждения», газета выражала особое удовлетворение в связи с тем, что параллельно «сами собой самой жизнью выдвигаются иные силы и организации, не имеющие никаких юридических прав, но все более завоевывающие права и авторитет, нравственные и умственные».⁵¹ И хороши они были именно тем, что теснили Думу, выступая ее успешными конкурентами. Возникала, таким образом, реальная альтернатива теперешнему положению с замещением Думы иными организациями, среди которых на первое место ставилось дворянство. «Мы видим, — подводили «Московские ведомости» базу под свой замысел, — что съезд Объединенного дворянства, несмотря на то что юридические постановления его не имеют для государственного управления никакого значения и никакой силы, привлек к себе внимание едва ли не меньшее, чем Государственная дума». В надежде, что это тоже поведет к дальнейшему ослаблению ее значения, приветствовалась и обсуждавшаяся на съезде возможность создания объединенного представительства среднего и крупного землевладения, а также обрабатывающей промышленности и торговли. Дума превратилась на страницах газеты лишь в одну из существующих организаций и даже не самую важную, как будто, скорее, заслоняемую ими. «Нечего и говорить, — ставились все точки над *i*, — насколько выступление на арену общественной и государственной деятельности этих новых сил способно будет повлиять на структуру нашего государственного строя, которая далеко не вышла еще из периода своего образования. Очень возможно, что внешний успех западноевропейского парламентаризма должен будет стусеваться перед новыми формами участия народа в государственном управлении, которые со временем создадутся самобытными реальными силами населения страны». Заходя так далеко, «Московские ведомости» со своим предложением коренной переделки только что установленного порядка снова не оказывались в одиночестве. Созвучное печаталось и на страницах других изданий. Мысль о появлении в лице дворянской организации нового центра власти как альтернативы Думе уже получила хождение среди ее противников. Так рассуждал в своем дневнике один из наиболее целеустремленных и давних поборников дворянского дела А. А. Киреев, сферой деятельности которого был высший придворно-бюрократический мир. Подобно Тихомирову, он, усматривавший в Думе мину замедленного действия, но не находивший, однако, способа избавиться от нее, хотя ее существование должно было в конце

концов утвердить в России парламентаризм, а это приравнялось им гибели выдержавшего удары революции и как будто бы упрочившего себя строя, теперь наконец обнаруживал выход из становившегося все более опасным положения. Дворянство должно было и могло затмить Думу. Она продолжала существовать, но отодвинутая в сторону, уступая в своем значении как реальная политическая сила объединенному представительству общественной верхушки. Дворянству прежде всего необходимо было сплотить ее вокруг себя. К этому следовало приступить, не боясь перешагнуть границы чисто дворянской организации, наоборот, стараясь сделать ее центром притяжения всех родственных элементов. «Мне кажется, что 1) нам следует усилиться участием со стороны (земцы, думцы, отделы [ые] лица), необходимо применить кооптацию в очень широких размерах, — обрисовывал он свой замысел. — Только выйдя отчасти из наших дворянских рамок, мы получим должное влияние на все общество». ⁵² Наиболее целесообразным с точки зрения распространения влияния дворянства он считал выдвижение на первый план в деятельности организации экономических и финансовых вопросов. «. . . Тогда все почувствуют солидарность с нами, возможность опереться на нас. Мы этим усилимся», — намечались возможные пути утверждения дворянского руководства. «Или мы обречены на бесплодное толчение воды, или мы должны сделаться силой», — со всей четкостью формулировался предстоящий выбор. И съезд убеждал Киреева, не оставляя и малейших сомнений, что второе безусловно достижимо и остается только решить, став силой, выступить ли «за правительство или против него». Второе, впрочем, немедленно отменялось, и сразу являлась на базе первого комбинация, ведущая к дальнейшему возвышению дворянства. «Можем ли мы сделаться силой против правительства? Едва ли. Не лучше ли сделаться силой такой, на которую правительство *могло бы опереться!*» — подходил он к центральному пункту разрабатываемой стратегии. Действуя в согласии с ней, дворянство при создавшейся обстановке, какой она рисовалась Кирееву, могло стать решающим фактором. «Госуд[арственный] совет оказывается элементом несерьезным, у него нет инициативы, Дума представляет элемент ненадежный. Она не раз высказывалась против царской власти. На днях высказалась против исключительных охранных законов», — так выявлялась весьма благоприятная диспозиция, позволявшая дворянству занять центр политической сцены. Обнадеженный произведенным анализом, Киреев заключал: «. . . наш усиленный союз (дворянство с кооптированными земцами и другими) мог бы вырасти в большую силу, среднюю между Думой и Госуд[арственным] советом, на которую могло бы в случае нужды опереться правительство (царь)». Уверенно рассчитывая на успех всего дела, Киреев лишь оговаривался: «Но нужно сделаться сильными экономически (сначала, а потом и политически)». ⁵³

А между тем, выдвигая планы, равнозначные совершению

нового государственного переворота, и гораздо более существенного, чем произведенный 3 июня, их создатели никак не впадали в беспочвенные иллюзии. Реально складывающееся на протяжении всего предшествующего года соотношение сил и общее состояние дел оправдывали высказываемые во всеуслышание амбиции. Это время было отмечено непосредственным и властным вмешательством дворянства на разных участках и уровнях с большей или меньшей эффективностью в ход событий с намерением направить его в нужное русло. После поражения революции и положившего ей конец третьиюньского переворота разворачивается наступление тех, кто теперь собирался взять реванш и уже успел далеко продвинуться вспять. Весь 1908 год прошел под знаком набравшей темп и размах реконкисты, давшей себя почувствовать особенно в провинции, где ломили напролом, сокрушая всякое неповиновение, хотя бы оппозиционность или то, что отдавало ею. Со всех сторон на протяжении года слышалось, что даже при Плеве было лучше и власти на местах действовали все-таки с большей оглядкой и остерегались позволять себе то, что стало обыденностью в эпоху существования Думы, политических партий, располагавшей куда большими возможностями печати и провозглашенного самим главой правительства курса на обновление. Все усиливающееся противное течение не давало продвижению в этом направлении дальнейшего хода, и погоду теперь делали, как говорилось в одном из перехваченных черным кабинетом писем, «бешеные порывы реакции уничтожить все». Она утверждалась в центрах политической жизни и решительно возобладала на губернском и уездном уровнях. «В провинции, — говорилось в другом перехваченном письме, — создавалась ужасно тяжелая атмосфера. Она напоминает подавленность дореволюционного периода. Все отхлынуло от общественной жизни. . . В активности нельзя лишь отказать администрации — здесь полная разнузданность». Это писалось из Томска, но составители годового обзора перлюстрированной корреспонденции приводили эту выдержку как выражающую широко распространенное в стране убеждение и сами в виде обобщения отмечали, что «отовсюду из провинции неслись жалобы на торжество реакции и невозможность далее вести борьбу».⁵⁴ Значение общей характеристики создавшейся обстановки приобрели красноречивые строки отправленного из Тюмени письма: «Преследование „неблагонадежных“ теперь значительно резче и метче, чем даже при Плеве. Так называемое „успокоение“ идет с такой неумолимой силой вглубь, особенно крестьянских масс, что о розовых надеждах в пределах десятилетия и говорить не приходится. Дух не только революции, но даже оппозиции так вытравлен теперь, что почти не узнаешь окружающего».⁵⁵ В обзоре это приветствовалось как свидетельство того, «насколько к концу года удалось ослабить революционные силы», и выраженное удовлетворение само по себе означало, что подавление всех и вся, вытравливание оппозиции в любых формах и проявлениях составляет ведущую тенденцию с приравни-

ванием всякого несогласия и неповиновения начальству или хотя бы самостоятельного от него действия открыто бросаемому ему вызову. Уже совсем с другого конца России, из Харькова, один из корреспондентов А. И. Гучкова писал в унисон с остальными о полном запрете на любую политическую активность: «Жизнь в провинции идет теперь, правда, незаметно: у нас нет ни политических собраний, ни митингов, потому что с нами легко разделаться на основании всяких положений или по „усмотрению“». ⁵⁶ На глазах происходило возвращение к старому, настолько себя скомпрометировавшему, представившему такие очевидные доказательства своей несостоятельности и изжитости, что при мысли о возможных последствиях тревогой проникались представители самых верхов общества, подобно включенному в обзор корреспонденту кн. Горчакова. Не каким-нибудь безвестным лицом из затерянного в глуши угла, где воле начальства не было преград, а на этот раз из Петербурга человеком сфер высказывались те же попреки и резко порицались власти за отказ пойти на необходимую перестройку, за грубейший произвол и попираание всех и всяческих законов. «Сабуров мне говорил, — передавал князю принадлежавший к этому же кругу автор письма, — что теперь времена хуже, чем при покойном Плеве, и все это потому, что, перешагнув через грань законности, администрация не знает больше удержу и даже не может понять, что революционный угар миновал и надо вступить на почву закона. Этот метод только возмущает народ, и его стремление сбросить с себя это беззаконие не только естественно, но и законно. Я думаю, что мы еще многое увидим на своем веку, а как легко было бы избежать катастрофы, если бы сдержать свое слово. Правы были те, кто скептически относился к манифесту свободы, — данные обещания не исполняются». ⁵⁷

Знаменательно было понимание смысла и целей всего проводимого курса, высказанное в «полном отчаяния» письме Д. Н. Шипова, десятилетиями безуспешно хлопотавшего о мирном улаживании гибельного, как он был убежден, противоборства — правителей и управляемых, если власть вовремя не одумается и не пойдет на неизбежные перемены, перестав наконец цепляться за давным-давно отжившее, утверждая полноту своей власти и стараясь не подпустить к ней никого другого. Пока же он убеждался лишний раз, что именно отжившее и гибельное образует основу ее деятельности и она все дальше отдаляется от нововведений революционных лет, превращая их в фикцию. Подытоживая в конце 1908 г. совершившуюся за послереволюционный период эволюцию, он уже не сомневался, что движение вспять подмяло реформаторские начинания и впереди может быть только крушение. «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя: я чувствую, как все ближе и ближе наша дорогая родина приближается к пропасти, в которую ее толкает наше правительство», — писал Шипов, выступая вестником неотвратимо надвигающейся катастрофы и возлагая всю вину на власть предрежащих, двинувшихся

старыми путями, хотя и маскирующими это сохранением в прежнем виде созданной в годы революции политической конструкции, которая воспринималась им теперь больше как обманчивая декорация.⁵⁸ «В действиях государственной власти нет необходимой искренности, и все ее мероприятия имеют целью по внешней форме дать одно, а в сущности установить совершенно противное, — четко формулировалось основополагающее начало действий власти. — От представительного строя по форме не отказываются, но в сущности с представительством не считаются и сводят его на нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо прежде. Политические свободы включены в наши основные законы, но где они?».

Явственно обнаружившееся нежелание власти сделать дальнейшие шаги в как будто бы избранном направлении грозило тяжелейшими последствиями, так как «пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все расширяется, и в населении воспитывается чувство злобы и ненависти...», и Шипов страшился, что со временем этот фатально обостряющийся антагонизм «может привести страну только к революции, но революции уже народной и потому ужасной».

Для Шипова это уже не было одной лишь гипотетической возможностью. Вся сложившаяся конъюнктура убеждала его в маловероятности иного исхода, раз самодержавие не сумело перейти на новые рельсы, и потому он даже приходил к мысли, что, пожалуй, будет лучше, если взрыв произойдет скорее, пока накапливающиеся противоречия еще не достигли наивысшей степени накала и разрушительности. Ведь «недовольство все растет», и, хуже всего, «народ видит причину своих разочарований в господах и господской Думе», а потому, сметая все чуждое, все связанное с прежним порядком, «предстоящая неизбежная революция легко может вылиться в форму пугачевщины». Весь во власти этого опасения он и считал, что «чем скорее грянет этот гром, тем менее он будет страшен и опасен», и раз так, то «чем хуже, тем лучше».

Самое уверенно предрекаемое катастрофическое завершение разворачивающейся борьбы Шипов был склонен рассматривать в первую очередь как результат деятельности Столыпина, его неспособности повести дело по-новому со всеми его порываниями этого рода. Насчет реального смысла его политики у Шипова не было никаких иллюзий, и он давал ей категорически отрицательную оценку: «Столыпин не видит или, скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже с него не может сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее и далее».

В свете мнений, высказывавшихся в ряде других писем, пессимизм Шипова, приведшие к нему рассуждения и оценки разделялись многими и могут считаться типическими. Хорошо осознавалось, что дело с реформами встало и возобладало противное течение. Харьковский корреспондент Гучкова, подобно Шипову, страшившийся новой революционной бури, наравне с ним не видел возможности ее избежать. «Прогресс путем эволюции

идет так медленно, — сокрушался он, — что общественная мысль все более и более примиряется с мыслью о революции, которая должна одним ударом разрубить гордиев узел запутавшихся социальных отношений. Время для безболезненного перехода к новому порядку быстро уходит, и можно опасаться, что для эволюции его осталось слишком мало». ⁵⁹

Беспросветно мрачную картину восторжествовавшей реакции рисовал директор Московской гимназии Н. Высотский, за перепиской которого было установлено постоянное наблюдение, так как он считался, видимо, выразителем взглядов и настроений целого общественного слоя. «Никакой конституции у нас нет, — подытоживал он свой анализ внутреннего состояния страны. — Дума решает очередные дела, но за реформы братья не собираются, а мы каждую минуту испытываем на себе прелесть столыпинского режима, не имеющего ничего общего с конституционными порядками. Эта ложь до того отвратительна, что я, согласно с князем Евгением Трубецким, готов признать, что лучше было бы (честнее, прямее) распустить Государственную думу и совсем ее не собирать. Теперешняя Дума — не законодательное собрание, а картонная декорация, при которой ловкою рукою Петра Аркадьевича производятся разные репрессивно-бюрократические эксперименты над жизнью русского народа». ⁶⁰

Пределом оптимизма на этом фоне настроений безнадежности и подавленности было суждение, высказанное профессором В. Соболевским, возражавшим московскому профессору Д. Анучину по поводу будто бы чрезмерно пессимистического восприятия действительности. «... Маленький, едва заметный шаг вперед все-таки сделан», — как что-то принципиально важное подавал он обнаруженный им микроскопический сдвиг к лучшему, и, убеждал он, «от нас самих, от общества зависит теперь отстаивать и удлинять те вершки, те миллиметры завоеванной почвы, которые все-таки прогресс, а не регресс». ⁶¹ Но и расположенный ожидать в дальнейшем облегчения тягот — «лишь бы не заснуло и не впало в протрацию само общество», — он соглашался признать правоту и за своим оппонентом: «... в общем я нахожу, что высказанная тобою точка зрения верна и вполне отвечает общественному настроению».

Общий крен вправо сделался настолько велик, что заметно пошатнулось положение самого Столыпина, со все большей очевидностью запутывавшегося в противоречиях своей политики, которые в свою очередь коренились в невозможности примирить или хотя бы сгладить раздиравшие сверху донизу всю политическую и общественную жизнь страны антагонизмы. И справа, и слева осуждаемая противоречивость находила разные объяснения. С негодованием указывая на «двуличие и фальшь премьера», обличавший его Высотский был на него в тем большей претензии, что он себя чувствовал обманутым провозглашенными Столыпиным декларациями о предстоящих преобразованиях и, приняв все всерьез, вообразил было, что тот и впрямь «вместе с лучшими

умами России искренно желает обновления России». Теперь же он убеждался в ошибочности своих ожиданий, так как Столыпин явным образом выступил как «непоколебимый приверженец старого режима», а повторяя прежние посулы, «систематически лжет» и, вводя в заблуждение, «бесподобно усвоил себе ловкую манеру мазать по губам представителей народа».

С другой стороны, известный дворянский деятель ретроградного толка Ф. Д. Самарин обращал внимание на неразрешимость поставленных перед собой Столыпиным задач. Сам слыша направленные в его адрес обвинения, он соглашался, что тот «своим образом действий подает повод обвинять его в неискренности», но с его точки зрения это происходило непреднамеренно, и Столыпин «совершенно добросовестно делает и говорит вещи, которые никак нельзя согласовать между собой», так как «он просто не понимает той фальши, которую пропитана вся политика». Положение представлялось самому Самарину безнадежно запутанным, и он сам не знал, где искать выход, и не ждал от Столыпина, что тот сумеет его найти. «Если бы явился человек, который указал бы выход из этого положения, такой выход, который бы вывел нас на путь нормального спокойного развития, — как о чем-то вовсе маловероятном писал в другом письме Самарин, — то этому человеку место было бы во главе правительства».⁶² О Столыпине в этом плане не могло быть и речи — он не поднимался выше эквилибриста, «только балансирует на канате, рискуя ежеминутно упасть то направо, то налево». «Столыпинский образ действий имеет лишь выжидательный характер, и в этом вся его цена», — как о чем-то сугубо временном и политически незначительном, дающем только какой-то временный шанс продержаться — ведь, «конечно, все это не выход из затруднения» — отзывался Самарин о сути проводимого курса.

Поле для маневров быстро сужалось, и Столыпин при нарастающей изоляции оказывался в тупике, навлекая на себя справа учащающиеся нападки. Контраст с недавним прошлым был прямо-таки разительным. Свидетельством рывками прогрессирующей дискредитации Столыпина служили относящиеся к концу 1908 г. наблюдения представительницы высшего аристократического круга С. Нечаевой-Мальцевой, изложенные в письме графине Ферзен. «Что поражает меня, — писала она о произошедшей резкой перемене в связи со слухами о его отставке, — это разделение мнений о нем в этом году. Теперь не слышно единодушного поддержания его, и слышно даже, что было бы недурно, если бы он ушел, т. к. он якобы выдохся и совсем уже не то, что был. Это не только Петербург говорит, говорит Москва».⁶³

Охватившее верхи недовольство не ограничивалось словами. Осенью противники Столыпина двинулись в наступление, и, как сообщал жене московский предводитель дворянства П. А. Базилевский, в «реакционном натиске» приняли участие «высокопоставленные лица и т. д.».⁶⁴ В конце же года в Государственном совете во время думских каникул развернулась «обширная интрига,

имевшая целью опрокинуть Столыпина и изменить курс внутренней политики». Если она и не увенчалась успехом в полном объеме, то все же позиции ее участников значительно окрепли в самом Совете в связи с новыми назначениями отобранных к присутствию на 1909 г., от которых Гучков «ночь не спал», как сообщалось в письме жены его сестре.⁶⁵ Накануне состоялась встреча со Столыпиным, и они «очень холодно расстались», так как, видимо, Гучкову не удалось добиться желательных перемен в составе Совета, но автор письма снимал со Столыпина всякую вину за это, ибо тот «ничего не может сделать. Его самого заклевали; говорят, очень непрочен он сейчас». Как бы скромны ни были намеченные им для разрядки напряженности и налаживания работы созданной политической конструкции меры, со своей программой какого-то обновления он, как видно, забегал слишком далеко вперед, не сумев увлечь за собой правящие верхи. «Вероятно, Петербургу надо еще три революции, чтобы они поняли что-нибудь», — говорилось об их неспособности и нежелании сдвинуться с места. Оттого-то и были так уверены противники Столыпина в своем конечном успехе, не смущаясь тем, что пока он остается на посту. «Когда рогатина всажена в медведя и уперта в землю, охотнику остается только ждать, да разве дразнить медведя, — считал дело уже сделанным Б. В. Никольский как один из вожakov союзников. — Таким я нахожу сейчас положение черной сотни и Столыпина. Пусть возится, от этого только крепче сядет».⁶⁶

И рассуждения такого рода, и вытекавшие из них действия свидетельствовали, что на политической арене происходят крупные сдвиги и перестановки и регрессивные тенденции приобретают доминирующее значение. За этим же стояла и подталкивала это движение вспять «все усиливающаяся реакция, — как писал Шипов уже в конце года, — не только со стороны правительства, но и в среде перепуганных обывателей и опасующихся за свое положение привилегированных классов. . .».⁶⁷

Громадные интересы, связанные с сохранением старых порядков, дававших господство над многомиллионной народной массой, которое представлялось недостаточно обеспеченным при намечаемых реорганизациях, направляли усилия живших прошлым общественных верхов в русло непримиримой борьбы с любыми попытками перемен, непосредственного и властного вмешательства в ход событий. В этой роли выступало прежде всего дворянство. Оно ставило те ориентиры, с которыми так или иначе должна была согласовываться внутренняя политика в целом. Но уже и в переживаемый момент оно безраздельно командовало на местах. «Поместное дворянство теперь верховодит всем, — как по собственным наблюдениям, так и при обобщении в масштабе страны описывалась создавшаяся обстановка одним из не сложившихся представителей революционного движения, — оно господствует в земстве, оно дает директивы губернатору и полиции, оно содержит собственную агентуру. Оно всемогуще и в средствах не стесняется».⁶⁸ Помещики «в союзе с правительством, — довер-

шалась эта характеристика, — представляют большую силу». Принятие на себя дворянством функций непосредственного управления и привело к тому, что «ничего подобного настоящему режиму не было даже при Плевае, и тогда дышалось свободнее, чем теперь». Эти крупнейшего значения факторы оказывали постоянное и возрастающее воздействие на общее положение дел в стране, обуславливали неизбежную корректировку внутренней политики в соответствии с выставлявшимися общественной верхушкой при преобладании в ней дворянского элемента императивами.

Важнейшим инструментом претворения в жизнь дворянских интересов по-прежнему оставалась организация Объединенного дворянства. Ее функционирование в послереволюционное семилетие позволяет лучше понять, как вообще обстояли дела у правых, насколько они были сплочены и организованы, какую из себя представляли силу.

¹ С. С. Ольденбург — С. Ф. Ольденбургу, 13 апреля 1906 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 69, л. 54.

² С. Ф. Ольденбург — С. С. Ольденбургу, 20 апреля 1906 г. // Там же, д. 72, л. 7.

³ Н. Г. Высотский — А. Н. Алфераки, 10 апреля 1906 г. // Там же, д. 68, л. 47.

⁴ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 19—20.

⁵ Поливанов А. А. Мемуары: Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 г. М., 1924. Т. 1. С. 68 (запись 17 апреля 1909 г.).

⁶ Там же. С. 69 (запись 22 апреля 1909 г.), 70 (запись 23 апреля 1909 г.).

⁷ Там же. С. 61 (запись 24 февраля 1909 г.)

⁸ Дневник 28 января // Гражданин. 1909. № 9. 1 февраля. С. 14.

⁹ Русские ведомости. 1909. 27 февраля.

¹⁰ Щечков Г. Что творится в Государственной думе // Московские ведомости. 1909. 5 марта.

¹¹ Там же. 6, 7 марта.

¹² Эволюция нашего парламентаризма // Московские ведомости. 1909. 8 марта.

¹³ Ссора думских фракций // Там же. 14 марта.

¹⁴ Ксюнин А. Буфонада или провокация // Новое время. 1909. 26 февраля; Россия. 1909. 10 и 13 марта.

¹⁵ Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 468—469.

¹⁶ Щечков Г. Что творится в Государственной думе // Московские ведомости. 1909. 12 апреля.

¹⁷ Октябристская легенда // Там же. 22 апреля.

¹⁸ О пересмотре Основных законов 1906 г. // Там же. 25 апреля.

¹⁹ Дневник 2 апреля // Гражданин. 1909. № 24. 5 апреля. С. 12.

²⁰ Столыпин А. Источник дрызг // Новое время. 1909. 12 апреля.

²¹ Речь. 1909. 10, 12 марта.

²² Там же.

²³ Там же. 10 марта.

²⁴ Меньшиков М. О. Наши младотурки // Новое время. 1909. 15 апреля.

²⁵ Новое время. 1909. 26 марта.

²⁶ Московские ведомости. 1909. 8 апреля.

²⁷ Новое время. 1909. 8 марта.

²⁸ Там же. 25 апреля.

²⁹ Меньшиков М. О. Дрызги и дрызги // Новое время. 1909. 11 апреля.

³⁰ Московские ведомости. 1909. 22 апреля.

- ³¹ Новое время. 1909. 25 апреля.
- ³² *Меньшиков М. О.* Огненная черта // Новое время. 1909. 18 апреля.
- ³³ Речь. 1909. 30 апреля.
- ³⁴ *Набоков В.* Программа древонасаждения // Речь. 1909. 11 марта.
- ³⁵ Речь. 1909. 12 марта.
- ³⁶ Прозыбание // Речь. 1909. 12 марта.
- ³⁷ Речь. 1909. 12 марта.
- ³⁸ Там же. 8 апреля.
- ³⁹ Новое время. 1909. 17 апреля.
- ⁴⁰ Речь. 1909. 30 апреля.
- ⁴¹ В бюрократических кругах // Речь. 1909. 19 марта.
- ⁴² Около Думы // Русские ведомости. 1909. 27 февраля.
- ⁴³ Дело дворянского съезда // Московские ведомости. 1909. 1 марта.
- ⁴⁴ Дворянское землевладение // Там же. 1909. 18 февраля.
- ⁴⁵ Хозяйственное значение дворянского землевладения // Там же. 22 февраля.
- ⁴⁶ Дневник 18 февраля. // Гражданин. 1909. № 14. 22 февраля. С. 11.
- ⁴⁷ Дневник 19 февраля // Там же. С. 12.
- ⁴⁸ Там же. С. 12—13.
- ⁴⁹ Новое время. 1909. 22 февраля.
- ⁵⁰ *Меньшиков М. О.* Дворянство и власть // Новое время. 1909. 24 февраля.
- ⁵¹ Эволюция нашего парламентаризма // Московские ведомости. 1909. 8 марта.
- та.
- ⁵² Из дневника А. А. Киреева. Запись февраля (1909 г.) // РО ГБЛ, ф. 126, к. 15, л. 13.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 151, 153, 155.
- ⁵⁵ Там же. С. 159.
- ⁵⁶ Там же. С. 147.
- ⁵⁷ Там же. С. 144—145.
- ⁵⁸ Там же. С. 145.
- ⁵⁹ Там же. С. 148.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 150.
- ⁶² Там же. С. 152, 153
- ⁶³ Там же. С. 153.
- ⁶⁴ П. Базилевский — Базилевской, 7 января 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 362, л. 23.
- ⁶⁵ Письмо В. И. Гучковой, 2 января 1909 г., б/п//Там же, д. 361, л. 36.
- ⁶⁶ Б. В. Никольский — Б. М. Юзефовичу, 25 декабря 1908 г.//Там же, д. 360, л. 91.
- ⁶⁷ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928. № 3 (28). С. 213.
- ⁶⁸ Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 154.

III—IV СЪЕЗДЫ ОБЪЕДИНЕННОГО ДВОРЯНСТВА И РАЗРАБОТКА ОСНОВ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Объединенное дворянство после третьиюньского переворота, заслугу в проведении которого оно небезосновательно относило на свой счет, и соответственно предоставления решающей роли партиям, так или иначе связанным с дворянством и способным отстаивать его интересы, хотя ни одна из них не могла быть названа собственно дворянской, даже если преобладал в них именно помещичий элемент, будь то октябристы, националисты или правые в их разнообразных модификациях, вступило в новый этап своего существования.

Действительно, должно было заново определиться его положение рядом с переустроенной Думой, становившейся теперь уполномоченной представительницей всей общественной верхушки в лице тех или иных партий. Пусть само это название не вполне еще к ним подходило, в этом смысле правильно октябристы называли себя союзом, и еще было бы правильнее, если бы назвали себя клубом. Все вместе они переживали пока что период становления, и к 1914 г. он далеко еще не был завершен. Вопрос — кто есть кто — еще не получил окончательного ответа. И Объединенное дворянство как уже нечто оформленное, приобретшее определенную физиономию в этой пестроте, зыбкости и разноголосице, среди только еще начинающих обрисовываться политических образований сохранило себя как особую политическую силу, не примыкая прямо ни к одной существующей партии. У него была в известной степени своя сфера деятельности, своя специализация, было и свое руководство, ядро которого составляли те, кого подняла еще в самом своем начале, а кое-кого и раньше революция 1905 г. и кто еще тогда в противовес своим либеральствующим собратьям принялся за организацию основных сил землевладельческого дворянства. Гр. А. А. Бобринский, А. А. Нарышкин, кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский, А. П. Струков, гр. В. Ф. Доррер, Н. А. Павлов, А. А. Чемодуров стояли у истоков объединения. В немалом количестве руководители и вообще представители Объединенного дворянства вошли в дальнейшем и в Думу и Государственный совет, присоединяясь к тем или иным группировкам, но там они играли, пожалуй, более скромную роль. Ни Бобринский, ни Нарышкин, ни Струков, ни Олсуфьев не принадлежали к числу заправил Думы или Государственного совета. Они оставались

прежде всего деятелями Объединенного дворянства. Там они пользовались почетом и уважением, там они предводительствовали, но в среде правых они так и не сделались фигурами первого плана. Они уступали и в известности, и, возможно, во влиянии таким скандалистам, как Пуришкевич, Марков, входившим тоже в дворянское объединение и часто подававшим на съездах голос, но все же состоявшим там на вторых ролях. Ни тот ни другой не входили в Постоянный совет, собственно, и ведший дела между съездами, происходившими раз в году в самом конце зимы или начале весны, когда в Петербург отовсюду съезжались на несколько дней выбранные дворянскими обществами представители числом приблизительно в сто с небольшим человек. Их вниманию предлагался доклад о деятельности Постоянного совета, заслушивались далее уже рассмотренные им те или иные доклады и проекты.

Обсуждение их на съездах показывало, как настроено дворянство, какие оно ставит перед собой цели и какие пути намечает к их осуществлению. Но и по предварительному рассмотрению дел в Постоянном совете можно было предугадать, что будет происходить на съездах, в достаточной мере считавшихся с его рекомендациями. Съезды, впрочем, не только штамповали принятые им решения — дворянские общества ревниво оберегали свою самостоятельность, стремясь не допустить даже видимости подчиненности Совету или даже самому съезду. Но и Совет учитывал это обстоятельство и старался избегать всего, что могло повести к разногласиям, а тем более предъявлению претензий в превышении предоставленных ему полномочий.

В Совете заседали лица, хорошо известные в дворянской среде еще по событиям революционных лет и первым съездам, — гр. Бобринский, Нарышкин, кн. Касаткин-Ростовский, Чемодуров, Бехтеев, гр. Олсуфьев, кн. Цертелев, Струков, Павлов, всего 12 человек. К Совету тяготели и получали там трибуну и давние поборники дворянского дела, такие как К. Ф. Головин, А. А. Киреев и некоторые другие. Однако собрания Совета не были, как правило, ни многочисленными, ни частыми, и нормальным образом встречались в первое полугодие один-два раза в месяц, за исключением предсъездовской поры, когда заседания могли происходить чуть ли не каждый день. Во вторую половину года, после долгого летнего перерыва, собирались уже не ранее ноября, только раз возобновили свою деятельность в октябре. В расчете на год выходило не больше 15 заседаний, как было в 1911 г., а могло быть и значительно меньше, как было в 1910 г., когда собирались 10 раз. Деятельность Постоянного совета не приходится считать напряженной. Правда, значительная доля работы приходилась на его канцелярию, которая в лице управляющего делами Совета готовила и представляла материалы для обсуждения, собственно, была постоянным рабочим органом во всей системе. Что пост управляющего делами был достаточно важным, видно из замещения этой должности таким лицом, как В. И. Гурко, сменившим первого управляющего А. И. Зыбина после его смерти в марте 1908 г. Он,

правда, пробыв в этом качестве всего один год, после чего место занял управляющий Архивом Государственного совета С. А. Панчулидзе, и уж он подвизался в этой роли почти до самого конца.

Чего же достигло Объединенное дворянство, собираясь после 1907 г. на свои ежегодные съезды? С чем оно пришло к 1914 г., предводительствуемое своим Постоянным советом, проведшим за шесть полных послереволюционных лет 77 заседаний?

За эти годы на десятках заседаний были рассмотрены самые разнообразные и неодинакового масштаба дела, начиная от таких, которые прямо затрагивали большую политику, самую сущность намеченного после подавления революции курса, и кончая сравнительно частными, второстепенными.

К числу крупных и важных дел, обсужденных на первых же заседаниях, должен быть отнесен вопрос о реформе местного управления, сразу и до крайности взбудораживший дворянство.

Реформа местного управления, как она была задумана Столыпиным, логически вытекала из уже начавшей проводиться аграрной реформы. С появлением в массовом количестве крестьянина-собственника следующим шагом должно было быть предоставление ему известной обеспеченности нового положения и соответственно наделение его правом голоса на местах. В этой связи неприкрытое верховенство дворянства при старом порядке управления в лице уездных предводителей с их обширными полномочиями и дворянских же земств требовалось заменить более подходящими совершившейся перемене и намеченным целям установлениями. Дворянство должно было по-прежнему занимать первенствующее место, но верхушка собственнического крестьянства получала теперь возможность подавать свой голос при принятии тех или иных решений. Оставить крестьянина-собственника в прежнем бесправном и приниженном положении значило бы остановиться на полдороге, лишившись всякой возможности превратить его в стойкого защитника существующего строя, в чем, собственно, и заключался главный смысл реформы.

Но если такова была разработанная общая схема в предположении, что дворянство и в новых условиях не будет в проигрыше и сумеет повести за собой крестьянство, то само дворянство не питало на этот счет особых иллюзий и видело, наоборот, во всем замысле один только ущерб себе, выставление против себя опасного конкурента, который теперь будет выживать его всякими способами из деревни, да скоро и выживет.

Так именно стали рассуждать члены Постоянного совета на заседаниях в 1907 и 1908 гг., и так же пошло дело и на III и IV съездах Объединенного дворянства, на которых рассмотрение проектов реформы местного управления заняло центральное место. При первой же вести о реформе местного управления, еще не зная всех подробностей, дворянство усмотрело в ней чрезвычайную угрозу. В такой именно тональности заговорили о ней еще на III съезде Объединенного дворянства в марте 1907 г., а еще ранее забеспокоились собравшиеся в январе губернские предводители

дворянства.¹ Едва съезд был открыт, как Бобринский в качестве председателя предложил в первую очередь обсудить возникшую проблему и для этого создать особую комиссию, которая за время работы съезда сумела бы подготовить свои рекомендации. А. И. Зыбин как секретарь Постоянного совета уточнил, что в самом Совете обсуждение проходило за три недели до начала заседаний съезда, когда стало известно намерение правительства внести в Думу законопроект о местной реформе. Расценив его как отнятие у дворянства всякого значения, Совет со своей стороны немедленно принял меры, дабы отклонить или хотя бы отодвинуть обнаружившуюся угрозу. С этой целью он обратился к Столыпину с предложением предварительно представить законопроект на обсуждение дворянских и земских собраний и лишь после того, как они выскажут свое мнение, препроводить его в Думу.² Такая процедура повела бы к многомесячной, а вероятнее всего, исчисляемой уже годами задержке, тогда как для Столыпина реформа местного управления составляла, собственно, гвоздь всей его программы намеченных преобразований, необходимое продолжение, а вернее, даже завершение только что начатой земельной реформы, без чего во многом становился проблематичным успех уже сделанного шага. Поэтому Столыпин не пошел на предлагаемую отсрочку, соглашаясь вместе с тем, чтобы дворянские и земские собрания поставили на обсуждение задуманные перемены. И первым собранием, которое должно было откликнуться на замысел правительства переделать всю систему местного управления, оказывался III съезд Объединенного дворянства, собравшийся в конце марта — начале апреля 1907 г. Накануне начала его заседаний по инициативе саратовского губернского предводителя дворянства В. Н. Ознобишина Постоянный совет принял решение ознакомить собравшихся с правительственными намерениями,³ трактуя их как маневр, направленный, не говоря уже о дворянстве, против самой власти в лице царя, в лучшем случае не осведомленного, как следует, о сути задуманного, а то и злоумышленно введенного в заблуждение. Как прокомментировал на съезде проект Ознобишин, «основы его таковы, что являются *ria desideria* (благим пожеланием. — Ю. С.) всего, что революция 3 года тому назад требовала». И, повторил он свои рассуждения на предшествовавшем съезде заседании Постоянного совета, «в каком положении очутился бы государь император, если бы ему пришлось не согласиться с основаниями этого проекта вследствие критики, последующей после того, как проект был внесен и одобрен Думой».⁴ В результате получался немалый конфуз, так как подразумевалось бы, что правительство действует с санкции царя, который, однако, вникнув в проект и «убедившись в полной его непригодности, должен был бы его отвергнуть», действуя в таком случае вразрез не только с Думой, но и с собственным министерством. Ради предотвращения такой коллизии предлагалось нарядить к царю депутацию, которой надлежало представить все дело как торжество чуждых домогательств. Пошедшее у них на поводу прави-

тельство царской властью становилось на место, пока оно не успело навредить ей, дворянство же, как вовремя предупредившее о готовящемся подвохе, могло даже заслужить благодарность.

Но, хотя за день до этого Постоянный совет единодушно одобрил предлагаемый план, на съезде он повел себя осторожнее, так что самому Ознобишину пришлось оповестить собрание об одобренном уже замысле. Проявленная сдержанность была, по-видимому, небезосновательной. Совет двинуться в открытую на правительство, обличая его перед царем в предосудительных умыслах, не встретил единодушной поддержки, а, напротив, повел к оживлению прежних разногласий. Сама роль Постоянного совета, как и вообще дворянского объединения, область его полномочий, в связи с тем что оно должно было вступить в прямую борьбу с правительством, снова стали предметом дискуссии. Взявший следом за Ознобишиным слово представитель псковского дворянства В. Л. Кушелев, один из записных ораторов на съездах, входивший в группу наиболее деятельных их участников, усомнился как в том, допустимо ли Объединенному дворянству и тем более Постоянному совету идти на такое вмешательство, так и в целесообразности и обоснованности самого действия. Он сослался на уже не раз заявленное мнение Псковского дворянского общества, что Объединенное дворянство не должно становиться политической организацией. «Наше губернское псковское собрание категорически постановило, чтобы мы обсуждали вопросы внутреннего нашего бытия, но не образовывали из себя политическую партию. Дворянству не подлежит играть политическую роль», — подтверждал он принципиальную установку, априорно исключавшую всякое выступление наподобие обсуждаемого.⁵ Объединенному дворянству указывался другой путь. «Его роль быть залогом процветания русской жизни, заботиться о развитии коммерческом и бытовом», — выставлялось в качестве контртезиса весьма расплывчатое начало. Для него самого политическое самоопределение вело к его обособлению, но как самостоятельная политическая величина оно не могло рассчитывать занять сколько-нибудь видное место, и требовалось проводить линию не на отъединение от выходящих на арену местной жизни сил, не на противопоставление себя им, а, наоборот, на сближение с ними. Соппротивление переменам, стремление сохранить всю власть на местах в своих руках вело в будущем к столкновению с ними, между тем само дворянство продолжалось слабеть, и уже по одной этой причине ему следовало остерегаться восстанавливать против себя быстро растущую силу. «... Нельзя не заметить оскудение в нашей среде в смысле недостаточности высшего образования, а иногда даже и среднего. При таком положении едва ли мы можем требовать каких-либо для себя привилегий», — советовал В. Л. Кушелев воздержаться от вызывающих действий, тем более что недавний опыт воочию показал, насколько острое недовольство вызывает дворянство в своих попытках по-прежнему единолично распоряжаться в деревне. «Наша разрозненность с населением поставила нас в такое положение,

что и на вторых выборах мы были почти ничто», — призывал он сделать выводы из понесенного поражения. Путь был один — сомкнуться с умножающейся собственнической верхушкой. «Когда мы сознаем, что наша будущая сила заключается в том, что мы будем работать и вступать в общение с представителями не дворянства, а местной буржуазии, тогда мы явимся руководителями в особенности», — формулировал он стратегию, которая позволяла дворянству удержать свое главенство, коренившееся в силе, принадлежавшей крупному землевладению как таковому. Кушелев обращал внимание на последнее обстоятельство, уверенный в том, что при любых переменах помещика не смогут затереть. «Я не допускаю, чтобы закон мог устранить совсем дворянство, он может умалить его значение, но совсем устранить не в состоянии, ибо я как был, так и остаюсь землевладельцем, и если как дворянин я никакой роли не играю на земских выборах, то буду играть эту роль как землевладелец», — старался он успокоить своих до крайности перепуганных слушателей, действительно решивших, что все пропало, если прежде помыкаемым верхушечным слоям деревни будет предоставлено право голоса. «Конечно, если в разряд землевладельцев вносятся собственники $1/2$ десятины земли или огорода, то наше положение будет отчаянное», — соглашался он, однако и в этом случае не видя повода для паники. «Но все-таки если даже при введении элемента с уменьшенным цензом мы примемся за агитацию, то что-нибудь да сделаем», — настраивал он собравшихся приготовиться вступить в борьбу, которая может оказаться нелегкой, но в которой тем не менее дворянство может одержать верх, в особенности действуя по-новому и подбирая себе потенциальных союзников, а без них, по его разумению, теперь было уже не обойтись.

Но на такую перестройку, на защиту занимаемого положения в обстановке свободной конкуренции, когда для привлечения на свою сторону собственнического большинства необходимо было чем-то поступиться в его пользу, вообще широко пойти ему навстречу, оставив дворянскую спесь, другие далеко еще не были готовы. Достаточно знаменательно, что в отрицательном отношении к правительственному проекту объединились как закоренелые ретрограды, так и единственный представитель либерального течения А. Н. Брянчанинов, постоянно подчеркивавший принципиальную разность подхода своего и всего остального состава съездов ко всем разбираемым делам, но на этот раз примкнувший к своим оппонентам. Реформа была плоха уже по самому методу своей подготовки — старому, бюрократическому, когда в правительственных верхах даже не поинтересовались узнать мнение «общественности». Разница заключалась только в том, что «одно время вырабатывались проекты, симпатичные дворянству, теперь же — нет». Но, осуждая способ подготовки, Брянчанинов категорически отвергал и саму реформу. «Пути, которыми навязывали нам законы, остались те же, и такими же бюрократическими путями нам навязжут закон, который с пользой общественной, а

в частности нашей, ничего общего не имеет».⁶ Но именно этим случаем он воспользовался, чтобы продемонстрировать собранию преимущества нового порядка, когда правительство при осуществлении своего замысла должно было заручиться согласием Думы и Государственного совета, и он, раз за разом выступавший с либеральными декларациями, успокаивал своих критиков тем сообщением, что «состоящий из лиц, испытанных на государственной службе, выборных по определению земств и дворянств, состав высшей палаты достаточно гарантирует невозможность успеха этого закона, явно расходящегося с принципами палаты».⁷ Помещик-либерал в ответственный момент делал ставку на реакцию, на тех, с кем он беспрестанно полемизировал на съездах Объединенного дворянства, кто наполнял и Государственный совет и в немалом количестве непосредственно входил в число сидевших с ним рядом уполномоченных, будучи уверен, что они не выдадут и дворянская власть в деревне не будет поколеблена, как бы ни суетилось правительство, тем более что и относительно царя как третьей инстанции при утверждении законов он не испытывал сомнений. Уверенный, что и без вмешательства дворянства как такового все дело обречено на неудачу, он теперь советовал дать ему идти своим ходом к неизбежному провалу и не делать ненужных шагов, только лишь содействующих дальнейшей дискредитации дворянства как противника любых перемен. «Не дело нашего сословия тормозить реформы, какие бы они ни были», — снова советовал он больше считаться с обстановкой, не становясь на пути пришедших в движение превосходящих сил.

Для всех остальных, высказавших свое мнение о реформе, она была неприемлема во всех своих частях, по своей общей направленности, которую Кушелев считал по наступившим временам вполне оправданной. В опровержение его аргументации, основанной на признании невозможности для дворянства оставаться в одиночестве, в далеко не блестящей изоляции, выступил К. Ф. Головин, за многие годы своей публицистической деятельности составивший себе известное имя. И как признанный авторитет он снова подтвердил, что дворянство и всю остальную массу населения деревни, эти бесчисленные миллионы, разделяет пропасть и наведение между двумя противоположностями мостов составляет задачу неразрешимой трудности. Пойти по пути, рекомендуемому Кушелевым, значило, по его уверению, идти к своей гибели. «Здесь мы слышали давнишнее учение о том, что дворянство должно перестать быть сословием, должно слиться со всем народом, так сказать, утонуть, чтобы потом возродиться, — так истолковывалась программа Кушелева. — Утопление — плохое средство для возрождения».⁸ Предлагаемое маневрирование казалось тем более опасным, что, отстав от старого и занявшись поисками новых способов упрочения своего положения, дворянство могло утратить те качества, которые делали из него важнейшую опору существующего строя, и это поколебало бы его в самой основе. «Благодаря сумбуру, который у нас господствует, при скороспелом

учреждении, созданном, быть может, недостаточно обдуманно, я думаю, дворянству предстоит играть роль политического тормоза, на который слишком рискованно рассчитывать со стороны того учреждения, которому поручена законодательная власть». Дворянство выдвигалось как главный оплот старого порядка в противовес не перестававшей пугать Думе, чем оно могло быть, пока его ряды не смешались в обходных движениях и особенно в попытках сблизиться с теми, кто никак не воспринимался как потенциальный союзник, а представлялся, напротив, реальным противником, старающимся уничтожить и дворянство, и существующий строй.

И если, подобно Брянчанинову, Головин советовал не делать опрометчивых шагов и не спешить с жалобой к царю на правительство, так как от законодательной машины не приходится ожидать быстрой работы, то эта тактика рекомендовалась в уверенности, что за имеющееся в достатке время дворянское объединение «укажет на главные основы, на которых настаивает дворянство», и этого будет достаточно для успеха дела — «мы будем услышаны, и от России будет отвращено бедствие, которое бы угрожало ей, если дворянству было бы суждено утонуть среди волн демократии». Тем не менее оставались и такие, кто, рассматривая дело как имеющее жизненное значение, отвергал всякую осторожность или хотя бы малейшее промедление в надежде, что все и так само собой придет к благополучному концу, и настаивал на обращении к царю, не останавливаясь перед величиной политических издержек. В этом продолжал упорствовать подавший самую мысль поступить таким образом В. Н. Ознобишин. «Как ни неприятно его величество беспокоить, но это надо сделать», — оставался он неубеденным после всех высказанных соображений насчет политической нецелесообразности проявлять чрезмерное рвение, когда все и так может само собой образоваться. Для разрушения задуманного требовалось пустить в ход артиллерию самого крупного калибра, «ибо вопрос стоит перед нами — быть или не быть, сохранить ли дворянству свое положение в уездах, сохранить ли свою собственность, имущество, не будет ли выкинуто дворянство из уездов, если реформа будет принята в тех основах, на которых она построена». Эту уверенность, что решается судьба дворянства, высказал и Д. Н. Кованько, тоже принадлежавший к числу наиболее активных членов объединения. Соглашаясь, что, «очевидно, законопроект о местной реформе безусловно уничтожает на местах всякое значение и влияние дворянства и погребает дворянское сословие», он также стоял за обращение к царю, вполне пренебрегая указываемыми неблагоприятными последствиями. Но и не упускавший случая подчеркнуть свою принадлежность к правым, секретарь Постоянного совета А. И. Зыбин держался взгляда, что такой ход, делающий у всех на виду прислужницу дворянства из власти, принимающей его сторону в распре с собственным правительством, нежелателен. В итоге прений было решено создать комиссию из 30 членов (по одному от каждой участвующей в объединении

губернии) и поручить ей, не входя в рассмотрение реформы по существу, дать совет, как следует поступить «в настоящую критическую минуту».⁹

Комиссия под председательством гр. Д. А. Олсуфьева (секретарем был гр. П. С. Шереметев) после двухдневной работы представила 29 марта свое заключение из семи пунктов. Предлагалось отправить правительственные законопроекты на предварительное рассмотрение дворянских и земских собраний. Имелось в виду через губернских предводителей собрать экстренные дворянские собрания. Параллельно с этим самому объединению советовалось создать особую комиссию, которая должна была заняться рассмотрением реформы по существу и затем по ознакомлении с ее выводами Постоянного совета направить их всем уполномоченным и губернским предводителям. Пока же предлагалось поспешить с рассылкой законопроектов предводителям, которые далее должны были довести их до сведения своих обществ. В свою очередь Министерство внутренних дел должно было снабдить ими земские управы, а если оно не возьмет это на себя, предлагалось самим позаботиться о доставке их земствам. Последний пункт рекомендовал воздержаться от обращения к царю или председателю Совета министров.¹⁰

Делался, таким образом, только самый первый шаг, но предшествующие прения показали, какое совершенно исключительное значение придает дворянство замышляемой переделке, хотя уже на самой ранней стадии мнения по возникшей проблеме разделились и разница стала еще заметнее при обсуждении рекомендаций комиссии Олсуфьева. Повод для возобновления полемики дало замечание Кушелева, что для признаваемого нужным докладом представителей соответствующей губернии о готовящейся реформе у себя на месте потребуются большая работа, проделать которую посылно только съезду в целом. Это и вызвало резкое возражение Маркова, не усматривавшего в деле ни малейшей сложности, так как, по его безапелляционному заявлению, «проекты вовсе не пригодны к жизни, и, для того чтобы это сказать, не требуется большой работы».¹¹ С его точки зрения все выглядело как нельзя более просто, так как требовалось сделать только одно — все оставить по-старому. «Главное, на что надо обратить внимание, это на то, что нет основания в данную минуту приниматься за такую ломку земской жизни, которую предполагает сделать правительство», — повторял он уже сформулированный другими основной тезис, аргументируя его тем, что будто бы «земства прекрасно функционируют, а что если левые газеты ими недовольны, то за это можно похвалить только земства, ибо это является лучшим доказательством того, что они хорошо работают. Что население ими недоволено — это неправда, и все это знают. А потому нет никаких мотивов для спешности разрешения этого вопроса». Не ослабляло категорического отрицания необходимости что-либо менять и высказанное под конец упоминание возможности произвести некоторые усовершенствования, поскольку тут же выставлялось аннулирую-

щее ее условие. «Уложение, о котором так хлопчут, — постулировал он, — можно внести только тогда, когда все крамольники, даст бог, потерпят заслуженную кару».

Предложенный Марковым выход из положения путем объявления проблемы несуществующей, так как все и так обстоит как нельзя более хорошо, как он действительно ни был прост, в реальности мог лишь обострить обстановку, отнюдь не такую простую, как изображал Марков. Не закрывая вовсе глаза на действительность, приходилось признать, что «земства не везде на высоте своего назначения и достоинства, — свидетельствовал В. Д. Обтяжнов, — и не все так любимы, как уверяет г-н Марков». «. . . Есть, — со знанием дела развивалась эта тема, — много темных пятен, которые надо удалить».¹² Обоснованные возражения выставил и Кушелев, не на шутку встревоженный умножающимися опасностями, среди которых теперь существовало дворянство и игнорирование которых по рецепту Маркова могло повлечь тем более тяжелые последствия. Зная обстановку вблизи, а Кушелев уже около двадцати лет состоял губернским гласным, он отмечал в ней радикальные перемены и едва ли не главную среди них — оттеснение дворянства новым разрядом землевладельцев, кого он уже прежде точно определил как буржуазию. Он не видел возможности и далее держать ее не у дел, что уже теперь вызывало с ее стороны очевидное недовольство. «. . . Тот класс разночинцев, который приобрел земли от нас, не доволен земским положением, — удостоверял он, — тоже желает иметь право участия в земском деле и, между прочим, является представителем большинства землевладельцев».¹³ Он напоминал в этой связи, что «на экономических съездах было высказано, что надо уменьшить ценз, расширить круг лиц, имеющих право участвовать в выборах, и привлечь всех землевладельцев». Упоминалось и о том, что «в большинстве земских учреждений происходят растраты». И уж никак нельзя было с прежним безразличием относиться к крестьянству и его недовольству, имевшему тоже достаточно оснований. «Ведь не надо забывать, что крестьян, напр., облагают довольно крупной суммой на народное образование и больницы, проку от этого нет никакого». Пренебрегать этим Кушелев считал опасным, видя более верный способ предотвратить возникшую угрозу в принятии своевременных мер, так чтобы дворянство не оказалось на пути выдвигаемых всей жизненной обстановкой новых сил, тем более если счет в этом случае велся на миллионы и десятки миллионов. Однако в развернувшейся полемике Марков не оставил последнее слово за своими оппонентами. Их замечаниям он противопоставил общеполитические соображения, касавшиеся самой сути создавшейся обстановки, проблемы реформ в эпоху, когда революция хотя и потерпела поражение, но не была разбита, когда весь старый строй был поколеблен до основания и будущее не предвещало спокойных дней. Он даже готов был признать правоту в обращенной в его адрес критике. «Я не сторонник той мысли, что земство идеально и чисто, как солнце», — делал он эту уступку, чтобы

еще четче и категоричнее отвергнуть самую мысль о необходимости произвести перемены. Для него они были равнозначны разжиганию еще не потухшего пожара, только ждаввшего случая, чтобы вспыхнуть с новой силой. «Теперь, когда благодаря неудачным мерам правительства классовая ненависть разожжена до крайности, — обращал он внимание на этот решающий фактор, — когда дворянство есть объект самых жестоких нападков, и притом несправедливых, и его хотят уничтожить, в это время вносить такой проект земской реформы — это значит сознательно лучшую часть народа бросить в грязь».¹⁴ Изображая положение в таком предельно напряженном виде, Марков не преувеличивал в том смысле, что легкого выхода из того, как писал Ленин, «бесконечно запутанного клубка средневековых противоречий, который создан веками русской истории»,¹⁵ какой думал найти Столыпин, не существовало. Самодержавие, весь старый общественный строй, в котором продолжавшее клониться — и с возрастающим ускорением — к упадку дворянство все же занимало первенствующее место, стояли на распутье, и в какую бы сторону они ни двинулись — по пути ли реформирования или, напротив, противодействия назревшим переменам, — они не были хозяевами положения, не могли достичь поставленных целей. В любом варианте — послабления и компромиссы или завинчивание гаек — они уже не могли выйти победителями в борьбе с теми силами, которые выступили против них в годы революции и которых по-прежнему от сумевшего отбить их натиск строя отделяла пропасть.

Война, развернувшаяся в 1905—1907 гг., не кончилась с поражением революции, она приняла только другие формы, но враги оставались врагами, и то, что их делало врагами — громадное социальное неравенство, приниженность народной массы, помыкание ею общественными верхами, возможное только в условиях феодализма, — продолжало существовать. Вековые традиции, весь устоявшийся образ жизни, ее стародавний уклад создали такую социальную рознь, что примирение антагонистов практически исключалось, и вместо того чтобы пойти навстречу собственной верхушке крестьянства и иных имущих элементов, видя в них своих потенциальных союзников, как рекомендовали Кушелев, Обтяжнов и некоторые другие, большинство представителей дворянства было намерено укрепить против них оборону, не дать им приблизиться к находившимся в дворянских руках центрам власти на местах. Решительно возобладал подход Маркова, линия на противопоставление себя низам или тем, кого по-прежнему относили к низам, несмотря на то что в этой среде усиленно, и тоже все ускоряясь, а теперь и при прямом поощрении со стороны правительства шло социальное расслоение и все заметнее становилась выделяемая ею буржуазная прослойка, составлявшая в качестве будущей опоры власти и всего общественного строя главную величину во всех правительственных расчетах.

Нежелание дворянства принять разрабатываемую под руководством Столыпина стратегию, проявившееся на III съезде Объеди-

ненного дворянства, получило особо веское подтверждение в действиях Московского губернского общества, не раз задававшего тон в общедворянских акциях, даже выступавшего их зачинщиком. На этот раз оно снова решило принять на себя руководящую роль, находя, что III съезд Объединенного дворянства, лишь предложивший приступить к обсуждению намеченных реформ, фактически ничего не сделал для их предотвращения. Поэтому сразу же после его завершения, считая, что «предложенный способ представляется необыкновенно медленным по отношению к несомненной спешности вопроса, особенно в то время, когда при существовании второй Государственной думы можно было с некоторой вероятностью ожидать, что они (т. е. законопроекты. — Ю. С.) будут рассмотрены и разрешены Думой ранее их поступления на заключение дворянских и земских собраний», и по той же причине крайней срочности, не дожидаясь результатов работ избранной съездом комиссии, исполняющий должность губернского предводителя П. А. Базилевский «решился независимо от работ... комиссии немедленно передать вопрос на обсуждение собрания предводителей и депутатов с участием некоторых из г. г. дворян Московской губернии».¹⁶ Мотивировка чрезвычайной поспешности, с которой надлежало действовать, была как бы списана из выступления Маркова. «...Момент для такой решительной ломки всего нашего местного строя был выбран крайне неудачно: возможность проведения совершенно новых начал в то время, когда нормальное течение жизни в стране нарушено, — следовал дословный пересказ его аргументации, — когда правовые отношения отошли на задний план и приходилось считать почти исключительно с насильем во всех его формах и проявлениях, представлялась по меньшей мере сомнительной».¹⁷ И, подобно Маркову, правительство осуждалось не за неудачный выбор момента, а за само стремление произвести перемены. «Замена старых, испытанных принципов новыми, еще неизведанными, ведущими к целому сословному перевороту, захватывающая в корень всю русскую жизнь, веками сложившуюся, казалось бы, могла себе найти оправдание в том лишь случае, если бы существовала твердая уверенность в том, что с нею мы идем к лучшему, а не к худшему, — полностью отвергалась как ложная и никчемная затея сделанная попытка, — при отсутствии же такой уверенности вовлечение страны в область гадательных усовершенствований, призрачных благ, могущих потом на нее же обрушиться всею тяжестью своей ошибочности, представлялось актом величайшей неосторожности, и на нравственной обязанности дворянства и земства лежало бы в таком случае обратить на это внимание правительства». Эти формулировки представляли собой набор тяжелейших обвинений в его адрес, своей резкостью превосходивших выступления на съезде Объединенного дворянства, так что и сам Марков уже не мог бы претендовать в своем обличительстве правительства как едва ли не сознательного прислужника враждебных сил на первое место.

Таковы были руководящие начала, принятые спешно созванным собранием представителей московского дворянства, открывшего свои заседания уже через пять дней после закрытия III съезда. Заседавшие находились в состоянии острого беспокойства, судя по тут же возникшей мысли в таком же пожарном порядке созвать от их имени чрезвычайное собрание всего московского дворянства, но успокаивающе подействовало соображение, что все равно Дума его мнение вряд ли примет во внимание и можно надеяться только на Государственный совет, до которого дело в любом случае дойдет нескоро, так как и сама Дума занята другим. Решив, таким образом, пока не бить понапрасну тревогу во все колокола, собрание признало достаточным создать для рассмотрения намеченных преобразований комиссию, которой подчеркнуто поручалось быть представительницей «интересов общегосударственных». При столь важной роли, отводимой ей, а состав ее постарались сделать возможно авторитетнее, так что она несколько отодвинула в тень комиссию из шести членов, созданную съездом Объединенного дворянства, в которой заняли места В. Л. Кушелев, П. Н. Семенов, А. С. Стишинский, А. П. Струков, Б. В. Штюрмер и Я. А. Ушаков, она превосходила последнюю уже по численности, включая 18 членов во главе с исполняющим должность губернского предводителя П. А. Базилевским. В нее вошли такие известные уже в общероссийском масштабе лица, как братья А. Д. и Ф. Д. Самарины, гр. П. С. Шереметев, сын Каткова А. М. Катков, гр. Д. А. Олсуфьев, В. П. Глебов. В дальнейшем не все избранные приняли участие в ее работе, которая выразилась в составлении докладов, занявших около ста страниц убористого текста. Изготовленные к середине июня, они обосновывали тот, не новый теперь уже тезис, что в задуманном переустройстве нет никакой надобности, а заключается один только вред, и на заседании при подытоживании сделанного 18 июня так и было постановлено.¹⁸

Собранию предводителей и депутатов была представлена во всех подробностях разработанная концепция, хотя и не отличавшаяся новизной, но содержащая развернутое опровержение всех исходных положений и практических выводов правительственного проекта в его двух, по мнению комиссии, главных частях, касающихся реорганизации крестьянского и уездного управления. В уже прочно установившемся резко обвинительном тоне правительству инкриминировалось опрометчивое намерение произвести всеобщий переворот, который совершенно изменит лицо деревни, опрокинет весь наличный строй отношений и прежде всего упразднит всякое значение дворянства, обречет его на неминуемое удаление. Правительство изображалось сокрушителем всех основ, на которых держится существующий порядок, пособником его врагов, разве что несознательным. Но метод и цели оно позаимствовало все же от них, принявшись в полном ослеплении громить и расшатывать вековые устои. «Первое, что поражает во всех этих предположениях, — это широта преобразовательного

пазмаха. Одним разом перестраивается совершенно заново вся система местных учреждений, слагавшаяся в течение многих десятилетий; не останавливаются, — ужасались авторы доклада, — перед коренною ломкою всего, что не соответствует современным вкусам и требованиям, не задумываются долго над изысканием способов к улучшению существующих учреждений». ¹⁹ Такому, как старались представить, бесшабашному натиску противопоставлялся диаметрально противоположный подход: «. . . казалось бы, наоборот, и теоретические соображения, и опыт убеждают в том, что всякие реформы в учреждениях должны вводиться постепенно, что законодательство должно идти в этом отношении путем частичных поправок и улучшений, не увлекаясь нигде заманчивыми теоретическими построениями». Единственным способом врачевать государственные недуги признавалась политическая гомеопатия. «Законодательная власть должна. . . — поучалось как не разбирающееся в самом элементарном правительстве, — постоянно следя за деятельностью государственных учреждений, вносить в них своевременно те мелкие поправки, на необходимость коих указывает практика». Особенно подходящим подтверждением убедительности такого взгляда докладчикам показался пример Англии, в которой «преобразования почти всегда носят. . . характер частичных поправок к действующим законам». И, напротив, очевидным свидетельством неправильности избранного правительством метода общих перемен служила Франция с пережитыми ею потрясениями, но оно и ее оставило позади, если только не сравнялось с нею в годы разгрома старого порядка, произведенного якобинским тараном, потому что оба ставились теперь на одну доску, «на такую огульную ломку всех существующих учреждений едва ли где-либо решилась власть, кроме как во Франции в революционную пору». ²⁰

Выставляя, таким образом, бюрократические верхи подражателями революционной Франции, составители доклада старались сделать их провинности тем большими, что в России силы старого порядка не только не одержали еще решительной победы над революцией, но и сами все еще находились в очень трудном положении, и намечаемые меры были как бы ударом сзади по держащим с предельным напряжением оборону по фронту. «. . . При переживаемых нашим отечеством исключительно трудных обстоятельствах такая радикальная реформа особенно опасна и вредна», — обвинялось правительство в грубейшей политической ошибке, влекущей за собой прямо-таки катастрофические последствия. «Преобразовывать в настоящее смутное время на совершенно новых началах администрацию — все равно что производить полную реорганизацию армии в военное время», — такая именно аналогия показалась тем более точной, так как стоявший со всей резкостью совсем еще недавно вопрос — быть или не быть — продолжал все еще сохранять свою актуальность. Ведь, уверенно утверждалось в докладе, правительству «опереться. . .

не на что и не на кого, ибо все в народе расшатано, запугано, сбито с толку, деморализовано».

Придавая наибольшую громкость всем прежним обвинениям, комиссия со своей стороны прибавила к ним и нечто новое — правительство упрекалось теперь ко всему прочему и в бездумном расточительстве, так как по ее исчислению выходило, что расходы на содержание вновь создаваемого аппарата местного управления должны будут существенно возрасти. По Московской губернии — более чем вдвое, приблизительно с 240 тыс. до более чем 520 тыс. руб. «Создавать новые должности и увеличивать оклады должностных лиц при тех невероятно трудных экономических условиях, в которых находится все население страны, — принималась на себя роль оберегателя общего блага, — роскошь совершенно неподозволительная».

Намеченная к возведению постройка подкапывалась, таким образом, с двух сторон — во-первых, по линии политической компрометации, так что весь замысел выглядел как торжество враждебных начал, и, во-вторых, он же объявлялся совершенной бессмыслицей, так как зачинщики всего дела ничего толком не соображали и творили одни только несуразности и нелепости. «Остается только удивляться, — брался этот тон, — как при подобных обстоятельствах могла возникнуть мысль о таком преобразовании».²¹

Но если реформаторские потуги правительства теперь выглядели как окончательное ниспровержение порядка на местах и одновременно как свидетельство несостоятельности зарвавшейся бюрократии, дошедшей в своих произвольных построениях до очевидного абсурда, то все же и авторам доклада нельзя было не заметить происшедших в стране перемен, и они признавали закономерность вопроса, не является ли предпринимаемая переделка «неизбежным последствием совершившегося в нашем отечестве изменения общих политических условий». Соглашаясь, что именно «таково действительно общераспространенное мнение», они давали такое толкование новых соотношений и установлений, что с ними совмещалось сохранение крестьянского сословного строя и, в частности, особой юрисдикции в виде волостного суда и формально провозглашенное равенство всех граждан перед законом не упраздняло крестьянскую обособленность, а вполне сочеталось с нею. Да и сами произведенные нововведения объявлялись чем-то неоправданным, далеко еще не принявшим окончательного вида, а потому попытка приспособить к ним местное управление расценивалась как преждевременная. «Ясно, что все эти новые установления еще очень неустойчивы, и никто не может сказать, в какие формы они окончательно выльются», — придавался всему совершившемуся после 17 октября характер незаконченного эксперимента, рядом с которым существовали и другие варианты, и только после того, как будет найден верный, следует сделать дальнейшие шаги. Но на этот счет с уверенностью высказывалось только одно — с ними не надо спешить, если

вообще в этом есть надобность, так как пример Западной Европы, и в особенности Пруссии, где после конституционных перемен середины века порядок местного управления десятилетиями оставался прежним, убеждал как раз в обратном. «Из этого видно, что государства с издавна действующими представительными учреждениями вовсе не спешат ввести принцип народного представительства в местные учреждения, — выставлялось это как образец для подражания, — и если вводят, то постепенно, растягивая эту реформу на несколько десятилетий».²²

Следовавший из всех этих рассуждений вывод был сформулирован со всей категоричностью — «существующие теперь учреждения вполне могут в общем продолжать действовать и при новом государственном строе, и от этого не произойдет никаких столкновений, не возникнет никаких неудобств ни для правительства, ни для населения».

Развернутое наступление достигло своей кульминации — да оно все было, собственно, подготовкой к этому — в усилении отстоять прежнее положение предводителя дворянства как главного лица в провинции, полновластного распорядителя уезда. Уверялось, что по правительственному проекту «должность эта, как она сложилась исторически, путем такого рода реформы будет совершенно лишена принадлежащего ей теперь значения».²³ Готовился подлинный переворот, поскольку «из первого лица в уезде, стоящего во главе всех местных правительственных и общественных установлений, предводитель обратился в сословного заседателя правительственного присутственного места и должен будет уступить принадлежащую ему теперь важную роль чиновнику, который явится в уезде чем-то вроде губернатора».

Соображения, высказанные в проекте в обоснование необходимости произвести планируемую перемену, начисто отменялись. Доказательства невозможности достичь объединения властей в уезде, что было одной из главных целей реформы, опираясь на уездного предводителя, так как тем самым нарушался бы принимаемый в основании нового устройства принцип сословности и выборному лицу как независимому от властей не могли быть предоставлены имевшиеся в виду широкие полномочия, подавались как набор нелепостей и предвзятости. Предводителю как главе местного управления выдавался наилучший аттестат. «... Каковы бы ни были недостатки отдельных уездных предводителей дворянства, эта должность в общем безусловно оправдала себя, особенно за последние 40—50 лет», — так оценивалась она высшим баллом по прежде сыгранной роли, позволявшей в новых условиях подняться еще выше. Весь пореформенный процесс, собственно, и заключался в возвышении этой должности, и в ходе него произошло, утверждалось, превращение предводителя дворянства из избранника своего сословия в представителя всего населения. «На глазах у поколения, доселе здравствующего, уездный предводитель из представителя одного сословия, — преподносилась эта метаморфоза, — обратился в первого человека

местной земщины». И само дворянство освобождали от какого-либо своекорыстия. Все его заботы были посвящены — тут имелось в виду земство, где оно полностью доминировало, — народному благу. Попытки «небольшой группы крупных землевладельцев» свернуть на другой путь, т. е. заняться вместо этого политикой, превратив земство в орудие для достижения своих неблагоприятных целей, «никогда не имели успеха в массе среднего дворянства».

Придав, таким образом, предводителям облик идеальных во всех отношениях опекунов, ставящих превыше всего нужды опекаемых и в этом случае нераздельных от всего дворянства в целом, могли теперь в очередной раз изображать недоумение по поводу нежелания воспользоваться проявившим себя с наилучшей стороны устройством.

К тому же по своей политической благонадежности они ставились гораздо выше чиновничества. «... Опыт последних лет не позволяет, к сожалению, слишком рассчитывать на устойчивость должностных лиц местной правительственной администрации, — высказывалось строгое порицание в их адрес, — и, с другой стороны, не дает права относиться с недоверием к твердости политического направления уездных предводителей дворянства».²⁴ Они выглядели тем более надежной опорой, что и само правительство допускало колебания и на него, собственно, переносилась вина за приписываемые его представителям на местах проступки. «Все зависит от образа действий самой власти... — возлагалась на нее вся ответственность за сбой аппарата управления, — если в образе действий власти начинают обнаруживаться шатание и неопределенность, если чувствуется, что правительство колеблется и не знает, чего держаться и куда вести народ, то это неизбежно отражается на всем правительственном механизме сверху донизу; должностные лица, иной раз даже высокопоставленные, проявляют растерянность, а иные и прямо увлекаются враждебными власти течениями».

Здесь целили, по-видимому, в правительство, возглавляемое Витте, и прежде всего в него самого, которого уже давно было принято открыто поносить в качестве до конца раскрывшего себя врага существующего строя, но так как и после его удаления правительство вынуждено было маневрировать, то чувствующие себя затронутыми этими маневрами укоряли верховный орган управления в недостатке твердости и последовательности. Он воспринимался не столько как руководитель, сколько как сам нуждающийся в руководстве и наставлении по причине совершаемых крупных промахов наподобие попытки найти выход из трудностей, упрочить положение режима за счет оттесняемого с командных высот дворянства. И после всех высказанных строгих поучений ему для усвоения главного урока объяснялось, какая тесная связь существует между судьбами самодержавия и дворянства и как тесно задуманная комбинация с передвижкой дворянства в лице смешаемых в качестве хозяев уездов предводителей связана с развивающимися не в пользу обеих сил социаль-

ными процессами и насколько она способна их ускорить. К ним относилось прежде всего прогрессирующее ослабление дворянства. «Дворянское землевладение тает у нас на глазах, а с этим вместе все сокращается круг лиц, из числа коих набираются уездные предводители», — как бы признавался фактор, немало значивший при составлении всего плана реформы, когда действительно как будто бы нельзя было делать ставку на становившуюся все более непрочной опорой. «Так не лучше ли сразу покончить с этой должностью, которая, очевидно, не может долго существовать при современных общественных условиях?» — задавался в лоб вопрос, чтобы следом доказать, что действовать так — значит склониться перед гибельным для существующего строя развитием, каким выдавалась быстро подвигающаяся деградация дворянства. «Ни для кого не тайна, что вследствие событий последних лет частное землевладение повсеместно переживает тяжелый кризис, а во многих местностях находится в прямо безвыходном положении, — говорилось об этом как о важнейшем, чреватом серьезнейшими последствиями явлении, — и что вследствие этого распродажа частновладельческих имений Крестьянскому банку и крестьянам идет теперь необычайно усиленным темпом». Тем самым начинание, вызвавшее настоящую бурю, могло как будто бы осуществиться силою вещей. «Если так пойдет дело и далее, то, конечно, весьма скоро все земли перейдут в руки крестьян, тогда, конечно, сам собой падет вопрос о сохранении или упразднении должности уездного предводителя», — допускалась такая возможность, чтобы потребовать от правительства сделать все, что в его силах, для ее предотвращения, а отнюдь не способствовать ее реализации. Местная реформа квалифицировалась именно как такого рода мера, ускоряющая и без того быстро подвигающееся раздвояние деревни.

«Казалось бы, наоборот, что государственной власти нет причины приветствовать совершающийся социальный переворот, — указывалось на то, что пострадает не одно дворянство, — и что она должна сознавать свой долг бороться против него». Не замечаемая ею суть состояла в том, что беспрепятственное развитие набирающих все большую силу и размах процессов несло угрозу гибели самому государственному строю, так как они верным путем обращали против него всю народную массу и одновременно лишали его поддержки как никогда нужных сторонников за их необдуманно допускаемым исчезновением. Таков должен был быть неизбежный результат неукрепленного разворачивавшегося обезземеливания дворянства и крестьянства в его массе. Утрата мирской земли страшила тем, что «если бы удалось надельную землю обратить в частную собственность, то из народа выделится сравнительно небольшой класс земельных собственников, а вся остальная масса народа утратит связь с землей; такой общественный переворот, не говоря об его экономических последствиях, подорвал бы в корне самые основы нашего государственного строя; на такой благоприятной почве революция сделалась бы

хроническим явлением, с которым не было бы возможности бороться». ²⁵ Опасность, возводимая в следующую степень переходом в руки буржуазии (а имелась в виду, хоть и неназванная, она) вместе с надельной землей и владений дворянства. С их утратой «этот класс обратился бы всецело в так называемую интеллигенцию; из этой неустойчивой в политическом отношении среды, — рисовались не менее устрашающие последствия, — пришлось бы набирать всех государственных должностных лиц как по центральному, так и по местному управлению; в их руках находилось бы и все местное самоуправление; они же явились бы исключительными руководителями центральных представительных учреждений». Мимоходом к этому перечню добавлялось, что будет нанесен ущерб и крестьянству лишением его зарплаток и исчезновением поместий как рассадников усовершенствованных приемов ведения сельского хозяйства. Вывод следовал самый категорический, произносимый уже голосом прокурора: «Преступно было бы поэтому налагать руку на мирскую надельную землю. . . не менее преступно было бы уничтожить тем или другим путем частное землевладение». Четко формулировалась и вытекающая отсюда практическая программа, которой как единственным спасением надлежало руководствоваться правительству. «Ни того ни другого не может допустить государственная власть, сознающая свое историческое призвание. . . Поэтому есть полное основание надеяться, — заявлялось в повелительном тоне, — что правительство наконец примет меры, чтобы остановить происходящую теперь распродажу частновладельческих имений и связанное с этим обезземеление дворянства».

Отталкиваясь от того, что устанавливалось как абсолютная необходимость, как политический императив, с новой стороны подступали к реформе, делали под нее последний подкоп. «Если же так, — следовала заключительная часть всего рассуждения, — то зачем же теперь разрушить дворянские учреждения, несущие общегосударственную службу, как бы заранее признавая, что дворянское землевладение, без коего эти учреждения немислимы, приговорено к смерти?».

Правительству оставался только один путь — безоговорочный отказ от реформы. Не смягчало даже то, что на практике имелось в виду на должность начальников уездов назначать тех же предводителей дворянства и во всяком случае кого-нибудь из местных дворян. «Следовательно, дворянам откроется доступ к лишнему месту на государственной службе, связанному с высоким окладом и дающему видное служебное положение», как бы признавалось, что реформа ориентирована на дворянство, но всякий компромисс все равно непреклонно отвергался. ²⁶ Оставались твердо стоять на почве лозунга «все или ничего». «С точки зрения дворянства можно выразить при этом лишь одно пожелание: если не находят возможным сохранить за уездным предводителем принадлежащие ему теперь полномочия, то пусть лучше, — следовал категорический отказ иметь что-либо общее с установ-

ливаемым порядком, — совсем с него снимут всякие обязанности государственного характера, но не ставят его в новые, совершенно несвойственные ему условия». Открываемые возможности продвижения по службе в качестве правительственных чиновников никак не компенсировали причиняемого ущерба. «В изменении полномочий предводителя дворянства все увидят несомненный знак, что верховная власть лишила их своего прежнего доверия, — указывалось на перевешивающее все остальное обстоятельство. — Зачем же заставлять их принимать дальнейшее участие в уездном управлении? Лишенный доверия предводитель не будет обладать тем авторитетом власти, которым он теперь пользуется и без которого все его значение сведется на нет». Представленные возражения в своей совокупности и взаимосвязи образовали четко очерченную концепцию, накрепко закрывавшую путь к переменам, приравниваемым к капитуляции, ценой которой должна была явиться гибель дворянства, а вместе с ним и всего существующего порядка. Нельзя было, по-видимому, зайти дальше в уничтожении этого правительственного начинания, в осуждении самого правительства. Оно объявлялось отступником от основных начал, на которых держится государственный строй, отступником, старающимся ужалить его врагов, идущим у них на поводу, безразлично, отдавало оно себе в этом отчет или нет. Правительству, собственно, выражался вотум недоверия. Встав на эту крайнюю точку зрения, комиссия со всей точностью выразила мнение избравшего ее собрания. Ознакомившись с докладом, оно подписало под каждым словом этого в сущности обвинительного акта. В принятой резолюции по поводу реформы заявлялось, что «предпринимаемое правительством коренное, чрезвычайно широкое и в высшей степени сложное преобразование всех местных учреждений, как правительственных, так и общественных, совершенно несвоевременно в виду переживаемых нашим отечеством исключительных обстоятельств».²⁷ В той же категорической форме отклонялось любое изменение в полномочиях уездных предводителей дворянства. Оно «не оправдывается ни нынешней деятельностью предводителей дворянства, ни необходимостью расширить полномочия должностного лица, стоящего во главе уездного управления; эта мера лишит предводителя дворянства принадлежащего ему теперь значения и отнимет у государства многочисленных даровых работников, которые могли бы еще долго с пользой служить государству и земскому делу».²⁸

К концу июня, когда состоялось это выступление, определенно выяснилось, что на этой или близкой к ней платформе идет сплочение большинства дворянства. Об этом свидетельствовал прежде всего собравшийся 10—15 июня земский съезд, названный для отмежевания ото всех предшествующих «первым всероссийским». Громко прозвучал на нем голос таких видных представителей Объединенного дворянства, как Н. Е. Марков и кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский, хотя им и не удалось во всем повести за собой съезд из-за противодействия присутствовавших на нем октяб-

ристов.²⁹ Те возлагали свои надежды на то, что, когда крестьянин станет собственником, он будет защищать свои десятины еще упорнее, чем крупные землевладельцы свои владения, и волей-неволей окажется в одном лагере с ними. Поэтому их не страшило в такой степени, как находившихся в большинстве правых, предоставление крестьянской верхушке права голоса, но и они своими способами добивались сохранения земства в руках дворянства и в этом направлении заходили гораздо дальше правительственного проекта. Примечательна была также позиция, занятая несколько раньше псковским дворянством. Его представители на съездах Объединенного дворянства, в особенности В. Л. Кушелев и тем более А. Н. Брянчанинов, выступали за умеренность, советовали считаться со сложившейся обстановкой, выходом на политическую арену многомиллионных масс. Важнейшую задачу они видели в том, чтобы найти к ним доступ, привлечь их на сторону дворянства, для чего и дворянство должно было сделать известные шаги им навстречу. Но тот же Брянчанинов, как уже указывалось, несмотря на весь свой декларируемый либерализм, безоговорочно отверг реформу, напирая в особенности на то, что она была подготовлена старым бюрократическим способом, но осуждая ее и по существу. И хотя само псковское дворянство не отличалось единодушием — как констатировал Кушелев на III съезде: «...у нас в собрании есть крайние левые, есть умеренные, есть и правые, очень трудно сделать доклад, соответствующий духу такого собрания»,³⁰ — оно одним из первых отозвалось отрицательно на правительственный проект.³¹ Оппозиция ему продолжала неуклонно нарастать. После собравшегося в июне первого всероссийского земского съезда в конце августа 1907 г. собирается второй, на котором центральным вопросом снова встала реформа местного управления. Хотя времени после первого прошло не так уж много, его решения заметно отличались в сторону усиления правых тенденций. Точка зрения представителей Объединенного дворянства, таких как кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский, В. И. Карпов, Н. Е. Марков, еще точнее соответствовала настроению собрания в целом, притом что некоторые расхождения между большинством и крайне правыми все же сохранялись.³² Процесс поправки продолжается и в последующее время, свидетельством чему было открывшееся 8 октября чрезвычайное собрание московского дворянства. Теперь эта инстанция, следуя за июньским собранием предводителей, полностью одобрила доклад комиссии, громивший на уничтожение проект местной реформы. Этот нажим нарастающей силы не остался без результата — 16 ноября Столыпин оповестил Думу, что представленный на ее рассмотрение проект сначала будет направлен в Совет по делам местного хозяйства, и в январе 1908 г. это действительно было сделано.

Уступая крепнущей день ото дня дворянской оппозиции, Столыпин мог строить расчеты на то, что октябристы и умеренные, хотя бы и настроенные критически, все же как большинство не

дovedут дело до провала реформы, тем более что он и сам, убедившись в силе оказываемого противодействия, был готов внести в нее некоторые изменения. Однако предпринятое маневрирование существенно затруднялось неблагоприятным для Столыпина развитием общей политической обстановки. Вся его программа реформ, каждая из которых запоздала на десятилетия, стала объектом умножающихся нападков, всякая из них стала выдаваться за исполнение заветов потерпевшей поражение революции. Из разношерстных противников каких-либо перемен, среди которых дворянство выдвигалось как организующая и направляющая сила, постепенно формировалась армия старого порядка, поставившая целью свалить Столыпина и покончить с начатыми переделками. В конце 1907—начале 1908 г. ее натиск особенно нарастает.³³ Застрельщиком развернувшегося наступления становится дворянство.

В циркулярном письме Постоянного совета с подведением итогов деятельности Объединенного дворянства особо подчеркивалась эта первенствующая роль. В частности, инициативе организации приписывался созыв обоих земских съездов и ее же воздействию — изъятие вызвавших недовольство проектов из Думы.³⁴ Придаваемое себе этим значение силы, формирующей внутреннюю политику, нашло вскоре новое подтверждение в целом ряде фактов. 9 января по поручению нижегородского дворянства царю представлялся губернский предводитель С. М. Прутченко.³⁵ В продолжавшейся полчаса встрече с глазу на глаз речь шла исключительно о должности предводителя дворянства. Результаты, по уверению, данному Прутченко делегатам собравшегося два месяца спустя IV съезда Объединенного дворянства, были самые благоприятные. «Я слышал от Е. В. слова одобрения и согласия с точкой зрения нижегородского дворянства, — засвидетельствовал он выявившееся единомыслие. — Мое впечатление было настолько утешительным от общения с Е. В., что я проникся убеждением, что наша работа в этом направлении идет совершенно правильно». А 31 января московское губернское собрание по инициативе братьев Самариных приняло адрес с осуждением нового политического строя и фактическим призывом реставрировать неограниченное самодержавие. Своим содержанием адрес настолько противоречил установленному самой властью порядку, что Базилевский счел невозможным допустить его обсуждение. Протест заявил бывший губернский предводитель, а ныне глава центра в Государственном совете кн. П. Н. Трубецкой, и в этом случае возглавивший целую группу. Но значительным большинством собрание, хотя и неофициальным порядком, проголосовало за адрес, а для закрепления взятого направления незамедлительно заменило Базилевского одним из инициаторов всего дела А. Д. Самариным. Выступление московского дворянства поддержало представлением сходного адреса также курское дворянство, давшее с начала революции нескольких наиболее рьяных вожakov правых. В январе же со страниц «Гражданина»

раздались возражения против преобразования местного суда. Недовольство по этому поводу заявило и тульское дворянство.

В непосредственной близости власти кампанию против Столыпина разворачивали известные предводители правых Стишинский, Шванебах, Дурново, и могло даже показаться, что они близки к успеху и им удастся удалить Столыпина. Тот будто бы сам подавал в начале февраля в отставку в связи с благосклонным приемом, оказанным царем Дубровину и депутации тульского дворянства, засвидетельствовавшего свое недоверие правительству.³⁶

Все эти разнообразные и с разных сторон ведшиеся подкопы так и не достигли цели, но все же атмосфера вокруг Столыпина продолжала сгущаться, взятый им курс, предлагаемые решения — все ставится под вопрос, а перед намеченными реформами воздвигаются новые и новые преграды. Бескомпромиссная позиция, занятая с самого начала дворянством относительно преобразования местного управления, со временем только ужесточается, становится окончательно непримиримой. Планируемая перестройка делается своего рода *casus belli*, судя по тому как повел себя собравшийся 9—16 марта 1908 г. IV съезд Объединенного дворянства, на котором она явилась главным предметом продолжавшегося целую неделю обсуждения. Устроенный в марте, он приобретал значение крупной боевой операции в наступлении, в которое дворянство вкладывало все свои силы, желая во что бы то ни стало победить. Боевой настрой его организаторов проявился уже в том, что докладчиком был приглашен Ф. Д. Самарин, т. е. предполагалось воспользоваться тем готовым обвинительным актом, который вышел из-под пера Самарина и других членов созданной московским дворянством Комиссии по рассмотрению реформы местного управления и в октябре получил полное его одобрение. Самарин предложил сделать на съезде общий обзор задуманных нововведений, давая такие акценты, чтобы это выглядело как забота о государственных интересах, а вовсе не как стремление удержать всю власть на местах в руках дворянства. Он особо отметил, что «по тактическим соображениям следовало бы коснуться общих начал всей реформы, а не ограничиваться только вопросом о предводителях».³⁷

Продолжительные дебаты по каждому из пунктов его доклада, развернувшиеся на съезде, окончательно подтвердили, что им была сформулирована общедворянская платформа и что дворянство стеной стало на пути объявленных реформ. Взятый правительством курс подвергся еще небывалой силы натиску. Все прежние попреки и прямые обвинения были многократно и на высшем пределе громкости повторены, все предъявленные аргументы начисто отвергнуты, так что обе стороны отделились друг от друга еще дальше. Прежние нападки достигли той степени ожесточенности, которая наблюдалась раньше лишь тогда, когда в поле зрения дворянских ненавистников попадал Витте. Теперь

же в состоянии одинаковой распаленности бросились крушить бюрократию вообще, видя в ней главный источник зла, несколько не боясь задеть и само правительство, как никогда резко отделяемое от верховной власти и даже противопоставляемое ей. Самаринские обвинения, что оно принялось за необдуманную ломку всего строя жизни, когда еще тлели угли революционного пожара и он может вспыхнуть вновь, были немедленно подхвачены и зазвучали в речах сменяющих друг друга ораторов на самой резкой ноте. В этом смысле известным даже диссонансом прозвучало выступление начавшего прения Кушелева, хотя и заявившего, что «всецело должны мы присоединиться к тому, что резкая ломка только дискредитирует правительственную власть», но в духе сказанного еще на III съезде все же считавшего нужным «в каждом проекте... выдвинуть все хорошее и отвергнуть дурное». ³⁸ Он снова обращал внимание на факт прогрессирующего ослабления дворянства, так что «во многих губерниях дело дошло до того, что не из кого выбирать количество гласных, представляемое дворянам, и во многих уездах выбирают тех лиц, которые при иных условиях никогда бы не были выбраны». Но если на III съезде Кушелев, встретивший в этом своем подходе возражения Маркова, все же получил известную поддержку, то сейчас настроение подавляющего большинства было построже судить правительство, а не выискивать какие-либо достоинства в его замыслах. Их связывали с прежними его промахами, вытекавшими опять-таки из того, что рассматривалось как отступление от намерений верховной власти и даже их искажение. А примером случившихся катастрофических последствий приводился капитальный просчет, какой был совершен при выработке положения о Государственной думе, когда ставка делалась на мнимую, как обнаружилось, преданность крестьянства старому порядку. «Правительство надеялось, и теоретически оно было совершенно право, на то, что крестьянство даст вполне консервативный элемент, твердо преданный коренным началам русской жизни. Но действительность жестоко его обманула — представительство от крестьян и духовенства было в 1-ой и 2-ой и в 3-ей отчасти, и оказалось оно далеко не приверженцем русской старины, а, наоборот, заклятым врагом самодержавной власти, церкви, собственности и всего исторического строя», — припоминалось одним из основателей организации В. Н. Снежковым недавнее прошлое для того, чтобы связать с ним настоящее, уподобить теперешние расчеты правительства уже потерпевшим однажды сокрушительное фиаско. ³⁹

Еще дальше в осуждении действий правительства зашел кн. Касаткин-Ростовский, вообще отрицавший в них какие-нибудь другие мотивы, кроме одного желания «угодить кадетам», спешествуя таким образом им в их прямо революционных планах, исполнению которых мешало единственно дворянство, поскольку, мол, кадеты уверились, что, «пока существуют нынешние земско-дворянские учреждения, до тех пор рассчитывать на успех револю-

ции нельзя, и несомненно кадетам необходимо уничтожение дворянского влияния, в этом их сила».⁴⁰ Пройди правительственный законопроект — «и анархия утвердилась бы на многие годы». Для часто выступавшего на съездах Э. А. Исеева, занимавшего, кроме того место в Думе среди крайне правых, решало дело то соображение, что, «когда пожар еще не потух, когда возможно, что он вспыхнет снова, нельзя менять одних пожарных на других, которые в этом деле не участвовали. Они вместо того, чтобы погасить огонь, скорее его раздуют, а наша современная жизнь подобна данному пожару».⁴¹ И если он не в пример иным своим предшественникам все же оставил правительство за пределами лагеря революции, то насчет его истинной роли и намерений он пребывал в полном недоумении. «Я удивляюсь, неужели люди, стоящие наверху, рекомендуя такой революционный путь, как уничтожение всего существующего земельного строя и замену его другим, — так понималась им суть намеченного, — неужели не понимают они, что в этом случае нельзя ломать существующие учреждения и ставить на место их совершенно новые, никому не известные, никем не испытанные».⁴² И снова повторилось на почве яростных нападков на бюрократию, и прежде всего на самую ее верхушку, слияние обоих течений в дворянской среде — за неуступчивое сохранение всего, чем располагало дворянство, и за маневрирование перед лицом многомиллионного противника, только еще проведенного первую пробу сил. Брянчанинов как почти что единственный представитель второго течения в один голос со своими обычными оппонентами тоже принялся обличать бюрократию, выдавая ее за главную виновницу всех бед, за какого-то даже узурпатора, единственно на пользу которого пошла и сама отмена крепостного права. «Вышло, словом, то, что реформа 1861 года была использована не для крестьян, которые остались в том же печальном положении, если не в худшем, — утверждал он, — а исключительно для бюрократов, непомерно разросшихся с тех пор и приобретших мощную государственную роль». Подлинная природа помещичьего либерализма сказывалась и в том, что на бюрократию же возлагалась вся ответственность за нарушение «связи, существовавшей между землевладением дворянским и крестьянским, уничтоженной усилиями чиновников».⁴³ Целиком на ее счет при полном освобождении от какой-либо прикосновенности к делу самих помещиков он относил и то, что «между дворянским и крестьянским элементами искусственно посеяна рознь, приведшая их к печальным результатам». Ее соответственно следовало отстранить от дальнейшего вмешательства в их отношения, предоставив дворянству урегулировать их. «Теперь наша задача — уничтожить эту прискорбную рознь», — выдвигалась главная цель, в достижении которой обе дворянские фракции могли действовать сообща, во всяком случае держа вожжи в своих руках и не подпуская к делу бюрократию. «... Хотя я и принадлежу к либеральному направлению русской мысли, но в данном случае я схожусь с представителями консер-

вативной мысли, схожусь на том, — устанавливалась Брянчаниновым основа для сотрудничества, — что какая угодно опека, хотя бы даже консервативная, будет предпочтительнее опеки людей, чуждых интересам лиц, живущих на местах». ⁴⁴ При отстранении бюрократии он допускал и необходимость перемен, и даже значительных, не по «системе заплат», как он отозвался о рекомендуемом методе мелких поправок, а в соответствии с величиной предстоящей задачи «уничтожения пропасти, существующей между сословиями». Но здесь багаж его оказывался весьма скудным, поскольку верховенство оставалось за дворянством в любом случае, и потому он не зашел дальше предложения, чтобы каким-то образом предводители как выборные лица «были по возможности всесловны». Самарину, подведшему итог прений, не составило большого труда выявить слабость и нелогичность рассуждений Брянчанинова, который был и против токми действующего порядка, и за его коренное переустройство. «Одно с другим совсем не вяжется». — имеет достаточные основания констатировать Самарин. Туманные пожелания Брянчанинова не оставили следа в принятой по предложению Совета резолюции по вступительной части доклада. А затем день за днем, по мере того как Самарин излагал остальные части своего доклада, подрывались такие основы перестройки местного управления, как приобщение к работе местных органов других элементов, помимо дворянства, и соответственно стирание сословных разграничений, новая судебная организация в деревне, а следовательно, и новое положение земских начальников и, наконец, сосредоточение управления уездом в руках назначаемого правительством уполномоченного.

Все произнесенное на самой высокой ноте указывало на то, что дворянство ни перед чем не остановится и ни с чем не посчитается, чтобы похоронить задуманное, в уверенности, что иначе придет конец и ему, и вообще, как выразился когда-то кн. В. П. Мещерский, «царско-дворянской России». Это была главная тема речи Д. Н. Кованько, говорившего о том, что власть не витает в воздухе, а держится дворянской поддержкой и без нее «не может существовать и монархия». «Это видно на примере Франции. — тоже делал отсылку на так часто упоминавшийся опыт этой страны, — где за разгромлением дворянства последовало и разгромление монархической власти». ⁴⁵ Неразрывная связь судебной и другой силы должна была служить главными ориентиром для правящих сфер. Не питая, однако, уверенности на их счет, он предлагал обратиться к царю и объяснить ему, «в каком положении действительно находится Россия и что может грозить ей как монархической стране в случае умаления значения предводителей дворянства». ⁴⁶

В свою очередь после речи Исеева правительство и вообще администрация фактически подлежали препровождению на скамью подсудимых, настолько велики и преднамеренны ока-

зывались их промахи и провинности во всех областях жизни, во всех отраслях управления. «Для всех несомненно, что бюрократия обанкротилась, — провозглашал он. — Правительственная машина затрещала по всем швам». Всюду наблюдалось манкирование долгом, неумелое, неверное или просто губительное ведение любого дела. Многочисленные примеры должны были убедить, что в этом коренились причины понесенного поражения в недавней войне и следующих одни за другими провалов во внутривнутриполитической деятельности, так что власть уже не могла предоставить необходимую защиту тому же дворянству. Напоминая события революционных лет, когда «администрация совсем потеряла голову», когда «губернаторы. . . держали нос по ветру и ждали, какой ветер подует из Петербурга», а «исправники и становые пристава попрятались — их найти не могли, а если и находили, то они отказывались что-либо делать», и «были такие, которые плакали и заявляли, что скорее уйдут в отставку, чем пойдут подавлять бунт», — он противопоставлял им предводителей, которые «сделались полными начальниками уездов» и переломили ход событий в пользу старого порядка, раскачав в конце концов и власти.⁴⁷ «. . . Благодаря поместному дворянству революция не достигла своих целей, и третий элемент поместному дворянству этого никогда не простит», — выводил Исеев из прошлого причину теперешнего конфликта с правительственными верхами, так как «мы должны признать, что теперь, как и в старину, все законопроекты пишутся этим третьим элементом». С ним могло быть только продолжение борьбы без перемирий и компромиссов. Упоминался Исеевым и почти единственный присутствующий на съезде сторонник иной политики, включавшей уступки, сближение с новой, нарождающейся силой, чтобы тем решительнее отвергнуть подобные рекомендации. «Дворянин Брянчанинов советует нам идти навстречу той волне, которая надвигается со стороны третьего элемента, и безмолвно согнуть шею, подставляя ее под удары. Он думает этим путем ослабить удары и спасти что возможно». — представлял он эту линию как вытекающую из сугубо пораженческих настроений.⁴⁸ Для него самого исключалась сдача на милость победителя, как он истолковывал предлагаемую Брянчаниновым тактику, хотя конфликт с правительством и внушал ему немалые опасения. «Наше положение много трагичнее положения французского дворянства конца XVIII века, оно вдвойне трагично потому, — жаловался он, — что наши же собратья, волею судеб поставленные к кормилу правления, нас предают в жертву третьему элементу. Вот в чем трагизм нашего положения! Сначала предавали нас экономически, теперь предают политически». Отказывая руководству в политической доверии, Исеев не принимал и его общую оценку обстановки, основанную на предположении, что с революцией покончено, «наступает спокойствие, жизнь приходит в порядок и реформы не только возможны, но и необходимы». С этим выразилось коренное несогласие. «. . . На наступившее спокойствие я не могу смотреть в те

розовые очки, которые стремятся на нас надеть, — протестовал он. — Тому, кто говорит, что смута прекратилась, я готов в глаза сказать: не верю!».⁴⁹ Он, напротив, ожидал от исполнения объявленных планов общего крушения, так как силы революции непременно воспользуются заменой старого механизма новым, для всех непривычным, в деле не испытанным и нанесут сокрушительный удар. «Тогда революционная волна, — уверенно рисовал он эту перспективу, — не встречая сопротивления в неприспособившихся и неготовых новых деятелях бюрократии, встанет выше и грознее, а разлившись вниз, пойдет и дальше». ⁵⁰ Его заключительный выпад наглядно продемонстрировал, до какой степени враждебности в отношении правительства дошли на этом этапе участники съезда в опасении, что начало проведения реформы явится одновременно сигналом для нового, теперь уже победоносного штурма. «В этот момент и наступит взрыв, — предрекал кипевший ненавистью к ответственным потенциально за это Исеев, — и если меня самого не поглотит революционная волна, если самого меня революционеры не повесят, то не без злорадного чувства приду я на площадь, где будут приготовлены петли для тех, кто революционным путем изломал весь установившийся строй русской жизни, не справляясь с последствиями этой ломки, чтобы спросить: что, господа, теперь все спокойно!!». Подлинное остервенение, прозвучавшее в этих словах, представляло собой, конечно, нечто из ряда вон выходящее, стрелка барометра, судя по всему делавшемуся на съезде, устойчиво указывала на бурю — именно ее вызывали неожиданно для самого Столыпина его начинания, которыми он рассчитывал надежно успокоить еще так недавно бушевавшее море, способное, думалось ему, разбушеваться вновь, если ничего не будет предпринято, чтобы смягчить недовольство десятков миллионов. Но завершающий эпизод съезда, связанный с обсуждением нового положения земских начальников, окончательно подтвердил, что в этом пути Столыпина и Объединенного дворянства полностью разошлись.

В этом случае, очевидно, резче всего проявилась неуступчивость его дворянских оппонентов, нежелание отказаться и от наиболее одногозного, полностью себя скомпрометировавшего и сделавшегося политической обузой.

Заняв эту бескомпромиссно боевую позицию, съезд решил через особую делегацию в составе его руководства — гр. А. А. Бобринского, А. А. Нарышкина, кн. Н. Ф. Касаткина-Ростовского и двух предводителей — А. Д. Самарина и С. М. Прутченко довести свое категорически отрицательное мнение до сведения царя.

Это, между прочим, означало, что Объединенное дворянство не приняло ничего из той аргументации, которая была развернута Столыпиным, очевидно, в ответ на прозвучавшие со стороны разгорячившихся оппонентов даже уже не возражения, а обвинения, когда он открыл 11 марта, т. е. почти одновременно с началом работы IV съезда, заседания Совета по делам местного хозяйства

с параллельным обсуждением тех же самых законопроектов.

Заверения премьера, что правительство намерено «сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее притом привыкшего к земской работе, и именно класса поместных землевладельцев», при, однако же, непременном переустройстве местного управления, не примирили с его планами дворянских представителей в Совете.⁵¹ Речи В. М. Пуришкевича, М. Я. Говорухо-Отрока, гр. В. Ф. Доррера, кн. А. П. Урусова являлись как бы отголоском говорившегося на параллельно заседавшем съезде Объединенного дворянства. Их давление не осталось безрезультатным, судя по тому что половина мест в уездном земстве закреплялась за крупными землевладельцами, хотя и не удалось повысить эту квоту до $\frac{2}{3}$, как добивались некоторые. Да и сам Столыпин приготовился пойти на «значительные изменения». Без них тем более было не обойтись после приема царем делегации съезда. Аудиенции предшествовали два заседания Постоянного совета 24 и 28 марта, на которых вырабатывалась соответствующая линия поведения. На первом А. А. Нарышкин предлагал изложить дело в устной форме, но С. С. Бехтеев, С. М. Прутченко, А. Б. Нейдгарт и В. Н. Ознобишин сочли это недостаточным, настаивая на представлении подробного письменного доклада.⁵² Ознобишин и Нарышкин советовали подчеркнуть присутствие на съезде предводителей дворянства, земских начальников и других связанных с земством участников, т. е. тех, кто в их подаче был лучшим судьей реформы, близко знакомым со всеми обстоятельствами предпринимаемого. Касаткин-Ростовский видел смысл дела в том, чтобы обратить внимание царя на «крайне важную работу» съезда, так как «если все, что предначертано правительством по вопросу о местной реформе, пройдет, то несомненно земские собрания полевуют, и от этого добра ждать не придется».⁵³ Это было тут же подхвачено кн. Н. Н. Чолокаевым и А. П. Струковым, заявившими, что «в записке красной нитью должно проходить то положение, что вся ныне предпринимаемая правительством реформа преждевременна и подведет к демократизации, которая несомненно отзовется и на монархии».

Уже 4 апреля Бобринский докладывал о приеме, состоявшемся 2 апреля. Каждый из четырех участников встречи (Самарин должен был уехать в Москву на открытие памятника вел. кн. Сергею Александровичу) говорил отдельно на определенную тему. Бобринский толковал о «неотложной необходимости для блага государства сохранения значения уездных предводителей», Касаткин-Ростовский — о земской реформе, Нарышкин — о волостном суде, Прутченко — вообще о предполагаемых реформах.⁵⁴ По словам Бобринского, прием был «высокомилостивый». Царь «обнадежил депутацию обещанием обратить самое серьезное внимание» на высказанную точку зрения, приняв для лучшего ее усвоения составленную Гурко записку. Спустя год, докладывая V съезду Объединенного дворянства об аудиенции, Бобринский

сообщил дополнительно некоторые подробности, свидетельствовавшие о том, что депутация вполне достигла своей цели и между царем и дворянством в ее лице установилось полное взаимопонимание. Прием длился «продолжительное время», и каждый представляющийся получил возможность высказаться «вполне откровенно». ⁵⁵ В итоге царю были объяснены роль дворянства как доминирующей силы на местах, а также то, «насколько опасна и нежелательна ломка всего этого строя в угоду неизвестным замещениям». Царь безоговорочно принял развернутую аргументацию и со своей стороны дал заверение, что «уездные предводители и их права нарушены не будут, что они также близки к сердцу Г. И., как и к нашему». ⁵⁶ Действительно, у Бобринского имелись основания сказать, что он и его сотоварищи были «весьма обласканы», а кроме того, Николай поручил им выразить его благодарность съезду «за его труды». «Мы вынесли самое отрадное впечатление». — обобщал Бобринский результаты встречи. В свете данных обязательств, несомненно означавших, что Николай не отверг исключительных по резкости нападков на собственное правительство, следует, по-видимому, рассматривать и широко известное его письмо матери от 27 марта, где он пенял дворянству за отсутствие помощи в «страшную осень 1905 г.», тогда как «теперь, когда стало спокойнее, дворянство стало жаловаться на разные нововведения и реформы». ⁵⁷ Очевидно, неодобрение Николая относилось не к этим жалобам, а именно к тому, что в момент наивысшей опасности оно не помогло «ровно ничем» и в итоге пожинает ныне плоды своего тогдашнего бездействия. Но этот выговор дворянству вовсе еще не означал поддержки самих «нововведений и реформ». К ним царь был в лучшем случае равнодушен или питал пока пассивную враждебность, только ждавшую случая, чтобы превратиться в активную. В этом плане дворянские предводители не напрасно поговаривали, что реформы предприняты без его ведома, не допуская, чтобы царь, вдумавшись в их смысл, мог бы их поддержать, и потому надо лишь вскрыть их истинное значение. И в последующее время, убедившись в результативности своих настояний, они продолжают неослабно воздействовать на Николая, понимая, что раз Объединенное дворянство вступило в борьбу со Столыпиным в деле, которому он придавал первостепенное значение, то вряд ли он откажется от своих планов при первой же осечке. Действительно, понадобились целенаправленные длительные усилия, чтобы чаша весов склонилась наконец в пользу его дворянских оппонентов и реформа местного управления была окончательно провалена. А что дворянство его не выпустит из-под обстрела, действуя непосредственно на царя, он мог убедиться хотя бы по тому, что в июне аудиенцию получил Гурко. Снова Николаю действия правительства были представлены как подрывные при благосклонном отношении к недругам существующего порядка. ⁵⁸ Вместе с тем наращивается нажим и на Столыпина. Повторно полем борьбы становится осенью Совет по делам местного хозяйства.

собиравшийся на свою вторую сессию. Дворянские представители действуют сплоченной группой под руководством Постоянного совета. Накануне начала работы гр. В. Ф. Доррер обратился на заседании 6 ноября к его составу с информацией о предстоящем 20 ноября возобновлении обсуждения реформы в присутствии дворянских представителей, «почему было бы крайне желательно сговориться, как действовать сообща».⁵⁹ Гурко считая «крайне важным», предложил со своей стороны подготовить доклад. 20 ноября он был заслушан, а 4 декабря дворянские участники сессии ознакомили Постоянный совет с ходом прений.⁶⁰ Дворянская фракция держалась неуступчиво, в особенности восставая против совмещения должности уездного предводителя дворянства и уездного начальника, мотивируя это тем, что предводитель утратит тогда свою самостоятельность и авторитет и превратится в заурядного агента Министерства внутренних дел, т. е. из первого лица у себя в уезде делается простым чиновником, обязанным во всем подчиняться своему начальству. Самого же уездного начальника собирались поставить на второе место, ограничив его обязанности лишь теми функциями исполнительно-административного и полицейского характера, которые низвели бы новую должность до уровня, как рассудил Столыпин, полицейского исправника.⁶¹

В комиссии по уездному управлению дворянская оппозиция сумела одержать верх, отвергнув председательствование уездного начальника в уездном совете, как и совмещение должности уездного начальника и предводителя дворянства, и, хотя в общем присутствии Совета большинство сложилось уже в пользу правительственного проекта, Столыпину пришлось пойти на то, чтобы в дальнейшем обсуждению подвергались на равных оба варианта.⁶²

Столь же шатким был успех, достигнутый при обсуждении проекта губернской реформы, упорядочивавшей положение и отношения губернатора с Министерством внутренних дел, усиливавшим над ним свой контроль. Дворянство расценило это как покушение на верховные права самодержца, а то, что составленное из служащих министерства большинство проголосовало тем не менее за проект, не ослабляло значения обнаружившегося с этой стороны противодействия, да еще с такой мотивировкой.

Обстановка в целом складывалась для Столыпина все более неблагоприятно, упреки и прямые обвинения в его адрес умножались и становились громче, и на пути предположенных преобразований выставлялись новые преграды. Начало 1909 г. было отмечено активизацией его противников.⁶³ Неослабная кампания Объединенного дворянства против местной реформы теперь разворачивалась в гораздо более благоприятных условиях, когда Столыпину, хотя и не допустившему прорыва занимаемых позиций, покачнувшемуся, но все же удержавшемуся на своем посту, теперь приходилось заботиться главным образом об укреплении обороны, а не о продвижении вперед. Он еще не отказывается

от своих планов, как оказался вынужденным это сделать в конце года, но дворянство уже убедилось в своей силе и способности преградить им путь. На собравшемся в феврале 1909 г. V съезде оно держится увереннее, считая, что непосредственная опасность миновала и остается окончательно разделаться с уже и так сильно потрепанным законопроектом. Эта мажорная нота прозвучала в выступлении открывшего новые прения по реформе Бобринского, проинформировавшего съезд о полном взаимопонимании посланной предыдущим собранием депутации с царем. Найдя созвучный отклик в Царском, теперь вовсе отказываются делать какие-либо шаги навстречу правительству, утратившему на этой стадии всякую тень авторитета. О нем отзываются без малейшего почтения, наоборот, с нескрываемым пренебрежением, часто превосходя даже выпады, имевшие место на IV съезде. Не только не собираются следовать за ним, но требуют, чтобы оно, изображаемое вконец запутавшимся в своих рискованных экспериментах и комбинациях, завлеченное ими в расположение противника, опомнилось пока не поздно и вернулось на правильную стезю. А пока его политическая ненадежность, как и аппарата управления вообще, подчеркивается вновь и вновь. Бюрократию сажают на скамью подсудимых и чинят над ней суд без всякого снисхождения, обвиняя ее в том, что она моментально может переменить фронт, готовая немедленно поддержать, а то и осуществить государственный переворот. Ей противопоставляется дворянство как неколебимая опора трона, без которой ему не устоять. Раз за разом доказывается, что весь существующий порядок держится на дворянстве и без него непременно рухнет. Потеснить дворян в пользу новых пришельцев — значит подорвать в корне положение самой власти, да еще и руками собственного правительства. Ему в каждом выступлении достаются новые удары и пинки. Марков, Пуришкевич, другие выступающие как бы соревнуются в том, чтобы посильнее поразить его, представить проводимую им политику как ложную и вредную с начала и до конца. Оно, доказывал начавший всеобщий разнос участник сессии в Совете по делам местного хозяйства от тульского земства кн. А. П. Урусов, рубит сук, на котором держится власть. С отстранением дворянства от управления делами в уезде и заменой его бюрократией оно повисает в воздухе, но, замечал он, «я никак не могу понять, как может правительство существовать без моральной поддержки».⁶⁴ «Нельзя править, постоянно опираясь на одни штыки», — предвещал он неудачу приравниваемых грубому насилию новшеств. Заменить же дворянство как свою неизменную опору власти нечем. «... На развалинах дворянского сословия вы чего можете ожидать?» — ставил он главный вопрос о классовых основах власти, от ответа на который зависело определение доминанты всей внутренней политики. «Вы можете ожидать или французскую бюрократию, или, скорее, буржуазию, или *aristocratie d'argent* (денежную аристократию. — Ю. С.), как в Америке, — объяснял он, кто способен занять место дворянства. —

Может ли это сословие в чем-нибудь нас заменить? С моей точки зрения — никогда».⁶⁵ Дворянство, таким образом, оставалось вне конкуренции как единственный союзник власти, и его умаление поведет к образованию политического вакуума. И если осуществится проект, который ударит по дворянству, то «раз предводители дворянства не будут уже вершителями всех дел в уезде, его моральная сила упадет и правительству не на кого будет опереться». Урусов во весь голос предостерегал от совершения этой «страшной ошибки». Впрочем, он ожидал, что правительство, «во главе которого стоят наши же дворяне», не сделает этого шага, уразумев после данных разъяснений всю его опасность.

Съезд в целом сплотился на принятии в качестве общей платформы особого мнения С. А. Панчулидзева, поданного им (как его членом) в Совет по делам местного хозяйства и теперь оглашенного в самом начале прений. Все дело представлялось в нем как борьба выборного и бюрократического начала, не знающего удержу в своих домогательствах. Это сразу же нашло горячее одобрение со стороны такого ретрограда, как Марков. Различие между двумя факторами он усматривал в том, что «бюрократическая система, которую в общих чертах проводит наше правительство, видит улучшение России, избавление от тех зол, которые ее угнетают, преимущественно в политических реформах, в разных свободах, в разных изменениях — административных, общественных и социальных и т. д.», тогда как система земская или, что одно и то же, дворянская «отстаивает преимущественно необходимость экономических реформ».⁶⁶ Находя первое неприемлемым, он теперь противопоставлял попытки найти политическое решение встававших проблем намерениям верховной власти, принявшей в тяжбе между бюрократией и дворянством в свете аудиенции в Царском, по его убеждению, сторону последнего, так что «после тех весьма важных слов Е. И. В., на которые было председателем Съезда указано, реформа эта не последует». Эта уверенность, правда, корректировалась уже приобретенным опытом, когда царь не раз поступал вопреки ранним декларациям. Наподобие того как «6 августа... была признана незыблемость основ, а 17 октября последовал другой манифест». Хотя Марков и выражал надежду, что им еще не сказано последнее слово и он может быть изменен и даже будет вскоре изменен, поскольку смысл его якобы «темен и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования», все же относительно заверений, данных дворянству, следовало считаться с тем, что «Е. И. В. есть человек и может изменить свое мнение, поэтому нам необходимо не успокаиваться на тех обещаниях, на рискованных надеждах, которые мы имеем».⁶⁷ Дворянству, подразумевалось, надлежало попытаться встать на собственные ноги, не полагаясь целиком на баговоление, только что снова доказанное, верховной власти, имея к тому же против себя определенное «течение в среде правительственной власти», пусть

оно и «не соответствует ни с внешней, ни с внутренней стороны тому взгляду, который Е. И. В. был высказан». Туманное пожелание сводилось к тому, что «теперь имеются хорошие силы помимо дворянства и их надо так или иначе привлечь в его состав». Та же мысль была развита и всегдашним оратором всех съездов, из правых правым Д. В. Хотяинцевым, предлагавшим одинаковым образом позаботиться о том, чтобы дворянство стало силой, с которой «правительство должно было бы считаться *polens-volens* (волей-неволей. — Ю. С.)», и «голос дворянства слушала бы страна».

Но и всего сказанного в поношение и осуждение высшей бюрократии все еще оказывалось мало. О ней заговорили как об опасной для верховной власти, готовой объединиться при случае с ее врагами и совместными усилиями ниспровергнуть ее. На нее обрушился с обычной неистовостью и Пуришкевич, выставляя ее главным виновником поражения, которое потерпело самодержавие в 1905 г., и в дальнейшем причиной и источником всех остальных бед. «Дряблая, слабая духом, слабая энергией и волей, правительственная власть под напором событий преувеличила значение опасности, которая была в тот момент, — предъявлял ей Пуришкевич несколько запоздалый, но зато очень крупного значения счет, — и расширила понимание свобод 17 октября».⁶⁸ Из-за проявленной ею в тот момент слабости «мы... к глубокому сожалению, связаны еще исполнением тех обещаний, которые были расширены тогда», — усугублял Пуришкевич совершенную бюрократией провинность, тем более что «и сейчас еще идет ломка всех исторических, исконных устоев...». Единственно дворянство мешало переходу власти в руки враждебных сил, тогда как бюрократия не только попустительствовала продолжающемуся разрушению старого порядка, но и сама могла нанести удар сзади. «Не сегодня-завтра может стать во главе правительства лицо вроде С. Ю. Витте, которое будет вести страну к революции и может посягнуть на шапку Мономаха», — доводил Пуришкевич до конца кампанию, развернутую против будто бы позволившей себе пренебречь интересами дворянства бюрократии.⁶⁹ И это не было только лишь полемической выходкой. Устами вовсе не одного Пуришкевича дворянство старалось внушить власть имущим, что от бюрократии всего можно ожидать, не доверяя ей ни на йоту. Об этом раньше Пуришкевича говорил Кушелев, и об этом же после него — Марков, тоже принявшийся изображать правительство каким-то ждущим своего часа оборотнем. И если оно еще не проявило себя в этом качестве, то на будущее никаких гарантий дать нельзя, напротив, может случиться любое. Не успокаивало, что «сейчас во главе правительства стоит лицо, которому большинство дворян доверяет, так же как и я...». Как за вполне реальную возможность выдавался и другой вариант: «Но, гг., не можем же мы ради доверия к одной, случайно находящейся во главе правительства личности допустить, чтобы действительно когда-либо могло произойти такое обстоятельство,

чтобы из Петербурга (я надеюсь, что это никогда не случится) . . . тот, кто будет во главе правительства, вдруг пошлет телеграмму своим губернаторам: „Отныне монарха нет, а есть республика“». Прерванный на этом месте Бобринским, нашедшим, что фантазия Маркова завела его слишком далеко, и заявившим в исправление допущенного перехлеста, что «это невозможно, это никогда не может случиться», тот все же стоял на своем. «Да ведь все эти представители правительства, начальники губерний переменят направление, и мы из телеграмм узнаем, что у нас нет государя императора», — настаивал он на своем прежнем обвинении, продолжая считать бюрократию способной на все.⁷⁰

Если такое раздавалось в адрес правительства, то о будущем уездном да и губернском начальстве отзывались уже вовсе уничтожительно, как о каком-то негодном сброде. Нападки на правительство подогревались приобретенным после аудиенции в Царском убеждением в твердой поддержке верховной власти, которая не допустит причинения вреда дворянству, от кого бы такие планы ни исходили. «. . . В настоящее время я твердо убежден в том, что наш венценосный хозяин земли русской, который понимает и видит положение дела, не допустит никогда того, что проектируется правительством», — выражал уже в самом конце Д. Н. Кованько эту, как видно, разделяемую всем съездом уверенность.⁷¹ И верно, дело с реформой неотвратно покатило под уклон, как заглохла под возрастающим нажимом противников и вся линия на перемены и преобразования, которые должны были, по мысли инициаторов этого курса, радикально улучшить положение власти, дав ей возможность разделаться с тянущим вниз грузом прошлого.

11 марта 1909 г. Бобринский был принят царем и доложил ему о V съезде Объединенного дворянства. Снова установилось полное взаимопонимание. Николай, как сообщил Бобринский 14 марта на заседании Постоянного совета, безоговорочно одобрил все происходившее на заседаниях, отнесясь «крайне милостиво к трудам V съезда».⁷² Нарышкин предложил известить об этом все губернские собрания, считая, что было бы «крайне важно», если бы каждое из них по отдельности обратилось к царю «по столь жгучему вопросу, как о местной реформе вообще и о сохранении прежних функций за уездными предводителями дворянства в частности».⁷³ В дальнейшем ряд собраний выступил в соответствующем духе.⁷⁴ Борьба далее переносится в Думу, где Бобринский в мае, метя в Столыпина, говорил о дворянстве как о необходимой составной части государственного строя.⁷⁵ А когда 2 октября чрезвычайное собрание московского дворянства снова осудило реформу и решило вновь обратиться к правительству с подтверждением всего того, что было заявлено в 1907 г., наверху решили более не настаивать, и весь проект был отложен, и только в мае 1911 г. Министерство внутренних дел, никуда уже не торопясь, закончило его переработку в плане высказанных претензий. В новом варианте предводитель дворянства сохранял все свои прежние права.⁷⁶

Столкновение с дворянством дорого обошлось Столыпину. Как отмечал его ближайший помощник С. Е. Крыжановский, «попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении. . . подняла против него такие слои, которые имели большое влияние у престола, приближенные государя открыто его осуждали».⁷⁷ Столыпин споткнулся там, где, видимо, не ожидал. А между тем принявший такие размеры и остроту конфликт с дворянством указывал на то, что он капитально ошибался в общей оценке обстановки, не улавливал глубину и масштабность кризиса всей старой общественно-политической структуры, думая, что ее перестройка в соответствии с требованиями времени может быть произведена малой ценой, и не замечая, какие громадные социальные противоречия накоплены за многие десятилетия, какая пропасть отделяет верхи от низов, правителей от управляемых. Он не предвидел поэтому, какие громадные препятствия возникнут на пути и самых незначительных перемен, и просто реорганизаций, как острейший социальный конфликт, сохранившийся и после революции, затруднит всякое маневрирование и всякий шаг в сторону, когда малейшее продвижение вперед будет рассматриваться как фатальное отступление от основных принципов, на которых держится все здание царско-дворянской России. Именно так ставило вопрос дворянство, отвергая столыпинскую стратегию и тактику, предложенный им способ укрепить положение режима в сознании невозможности сохранить старые порядки во всей их архаике и невыносимости для большинства населения.

Уступки, компромиссы, поиски каких-то новых путей, которые должны были облегчить положение власти, увеличить число ее приверженцев, расширить этот, как ясно обнаруживалось в годы революции, чрезвычайно узкий круг, подверглись с этой стороны яростным нападкам. Стремлению учесть уроки революции ради спасения существующего строя в будущем в понимании, что она не была неизвестно откуда налетевшим шквалом, а имела глубокие корни и причины и если останутся сами причины, то в дальнейшем следует ожидать одинаковых следствий и новых потрясений, решительно противопоставлялся контртезис — все должно остаться по-старому и со всем новым, что все же появилось в политической и общественной жизни. В этом проявлялось сопротивление дворянства как прежнего хозяина жизни утверждающемуся буржуазному укладу, свойственным ему тенденциям, принципам и нормам. И хотя власти они тоже были чужды, во многих отношениях враждебны и неприемлемы, как они были враждебны и неприемлемы на протяжении десятилетий — и до реформы 1861 г., и после нее вплоть до самой революции, — но именно революция заставила сделать ряд шагов в непреклонно отвергаемом прежде направлении. Управляя буржуазной страной, после революции нельзя было действовать по-старому, с прежней силой подавлять неодолимые тенденции ее развития. Под их воздействием приходилось идти на установление соответствующих новому укладу порядков.

Крепнувший на всех участках и уровнях напор жизни преобразующейся на буржуазный лад страны все более заставлял считаться с собой. Старые порядки, наследие давнего времени, совсем иной формации, не выдерживали нарастающего нажима новых сил, новых общественных отношений, требовавших соответствующих их сущности форм. Становились безусловно обязательными обеспечение имущественных и гражданских прав, гарантированность от произвола властей, внедрение законности и упорядоченности ведения дел на всех уровнях, дабы и мелкий производитель, тем более исчисляемый десятками миллионов, мог почувствовать твердую почву под ногами, иначе становившаяся явью новая общественно-экономическая формация не могла как следует заработать. После того как была провозглашена ставка на сильных и судьба режима нерасторжимо сковалась с успехом взятого курса, нельзя было держать поощряемых утвердиться в качестве крепких хозяев, своего, как воображалось, массового союзника, в прежнем бесправии и приниженности, на положении, как когда-то выразился Витте, полуперсон. Им необходимо было дать возможность распрямиться, встать вровень с другими собственниками, обрести свободу рук. Требовалось убрать с их пути во множестве нагроможденные преграды, всякого рода препоны и запреты, не дававшие сделать ни шагу. Ликвидировалась община как средоточие этих помех, упразднялась сословность, но для расчистки будущему самостоятельному хозяину свободного поля деятельности, на котором он мог бы развернуться во всю свою силу, предстояло сделать гораздо больше. Будущих «сильных» отныне нельзя было держать в прежнем подчинении их прежним владельцам, которое они с помощью государства сумели продлить в новых формах спустя десятилетия после отмены крепостного права, выступая и в начале XX в. безусловными распорядителями деревенской жизни, не подпуская и близко к центрам власти на местах громадное большинство населения. Государственная власть, руководствующаяся прежде всего целями самосохранения, предотвращения новой революции и соответственно озабоченная ослаблением или устранением вызвавших ее противоречий и конфликтов, не имела уже силы сохранить это неравенство. Она была не в состоянии отстоять прежде занимаемые позиции, наложить на народную массу прежние путы, сорванные в годы революции. Она не могла противостоять могучему течению, уносившему Россию от крепостничества и всех его пережитков или связанных с ним порядков и установлений, всего чуждого новой формации уклада жизни. Она не могла оборонять всю прежнюю линию, а лишь некоторые участки, не допуская прорыва лишь на наиболее важных для себя направлениях. Существовавшее прежде грубейшее социальное неравенство, бесцеремонное помыкание народной массой и тем более формирующейся деревенской буржуазией, так много значившей в общеполитических расчетах, уже невозможно было сохранить, и последовал целый ряд мер в этой области.

Это, однако, вовсе не означало, при необходимости приспособиться к новому положению, подрыва положения дворянства или самой власти. Правительственные проекты исходили из того, что дворянство, занимая командные высоты, располагая как крупнейшая сила деревни различными рычагами воздействия, сохранит в новой обстановке свои позиции, сумеет увлечь за собой собственническую массу, даже и наделенную правом участвовать в местном управлении. Опыт других стран убеждал в том, что крупная собственность, как крупный капитал вообще, подчиняет себе экономически мелкую собственность, и при могущих быть трениях коренного расхождения между ними никак не предвиделось, а ожидалось, что мелкий собственник силой вещей потянется за крупным, а не пойдет на него войной. В итоге создастся блок собственнических элементов под главенством дворянства, пусть и не распоряжающегося, как прежде, единолично, отчего произойдет радикальное укрепление положения как режима в целом, так и всей общественно-политической структуры, поскольку отомрет вся ее расшатывающую вражда крестьянства к дворянству.

По всем этим причинам и расчетам оставить в прежнем бесправии и приниженности крестьянина-собственника как намечаемую наряду с дворянством главную фигуру деревни значило бы лишиться возможности достичь основной цели, преследуемой при разрушении общины с переходом на индивидуальное владение землей.

Но если таковы были объективная логика и искомые результаты предпринимаемого переворота всей прежней крестьянской жизни, от которого ожидалось радикальное улучшение в положении власти, приобретающей по этим выкладкам массового союзника, и в положении дворянства, которое тоже должно было, казалось, выиграть от появления в деревне миллионов мелких землевладельцев как защитников собственности на землю вообще, то в дворянской среде намечаемые шаги, как видно из предыдущего, вызвали не просто неодобрительное, но резко отрицательное и прямо враждебное отношение. И если сама реформа на первой ее стадии, связанной с разрушением общины и переводом крестьянства на индивидуальное владение землей, была выставлена на первых съездах Объединенного дворянства как единственная возможность спасения, то на последующих съездах предложенные в ее развитие меры встретили со стороны того же состава единодушное, высказываемое в предельно резкой форме осуждение. Поместное дворянство отвергло начисто и без какого-либо исключения все задуманные преобразования, всякую форму партнерства с крестьянской и вообще собственнической верхушкой деревни, уступку ей и доли своей власти. Оно по-прежнему желало оставаться безраздельным хозяином провинции, убежденное, что любые уступки губительны и кондоминиум в любой форме был бы началом конца, и только если у крестьянства по-прежнему будут связаны руки и оно будет лишено права голоса, поместное дворянство сможет существовать. В противном же случае, когда

в органах местного управления появятся в самостоятельной роли крестьяне-собственники или, еще хуже, внедряющиеся в деревню всякого рода буржуазные элементы, дворянство окажется у них в подчинении и наверняка будет выставлено без пощады и сожаления. А мирное урегулирование острейшего социального конфликта, местом которого веками была деревня, в особенности в свете событий революции, на местах представлялось маловероятным. Революционные годы со всей наглядностью обнаружили, какая глубокая пропасть отделяет дворянство от крестьянства даже в его верхушечных слоях. Громадное социальное неравенство между ними практически исключало возможность сближения, достижение которого ставил своей целью Столыпин, предполагая создать массового союзника и режиму, и дворянству. Для дворянства речь шла не о союзнике, а о противнике, который теперь получал возможность установить в деревне свои порядки, поменяться с дворянством ролями и в короткое время выжить его оттуда. Намерение власти радикально улучшить положение в его и свою пользу путем устранения теперь уже нетерпимой архаики и сглаживания прежнего неравенства воспринималось поэтому в дворянской среде в совсем ином свете — как оставление дворянства один на один с превосходящей силы противником.

В такой оценке обстановки оно, очевидно, ближе стояло к действительности, чем правительственные круги, питавшие иллюзии насчет возможности безболезненного преодоления социального конфликта громадной застарелости и глубины.

Ошибочность основных правительственных расчетов следует соотнести с общей тенденцией бюрократических верхов упрощать обстановку, игнорировать сложности, проявившейся так ярко во время подготовки летом 1905 г. думского избирательного закона, когда, во-первых, именно в крестьянстве усмотрели стойкий оплот против революции и вообще природного защитника самодержавия и, во-вторых, предположили, что дворянство представляет для крестьянства авторитет и потому на выборах крестьяне послушно пойдут за помещиками.

Сами помещики, представленные при обсуждении разработанного проекта Бобринским, Нарышкиным, Касаткиным-Ростовским, хотя и разделяли заблуждение насчет приверженности крестьянства самодержавию, вместе с тем уверенно предупреждали, что при бессловности выборов, в конкурентной борьбе, когда неизбежно на первое место выдвинется аграрный вопрос, им будет несдобровать и вожаками крестьянства им никак не придется быть, какие бы иллюзии на этот счет ни строили бюрократические верхи. Последующее подтвердило отсутствие всякого влияния дворянства в деревне, отдавшей при предоставленной по ошибке возможности свои голоса противникам как дворянства, так и самодержавия.

Теперь снова с высоты Петербурга проявляли склонность не различать неистребимую вражду крестьянства к дворянству, *bona fide* воображая, что с приходом крестьянства в органы

местного управления положение дворянства не пошатнется. Но само дворянство, не делая никакой скидки на то, что ему придется иметь дело все же с крестьянской верхушкой, уверенно ожидало с ее стороны враждебных действий и предвидело скорое вытеснение себя как распорядителя жизни в уезде и губернии. Поэтому никакого изменения границ ни на одном участке не допускалось и даже маневрирование воспринималось как нечто весьма опасное.

В этой своей реакции дворянство во многом предвосхитило возобладавшее в конце концов неприятие верховной властью политики, включавшей признание необходимости тех или иных перемен. Съезды Объединенного дворянства стали в этом смысле форумом, где формулировались основополагающие политические принципы, с точки зрения которых формировалось отношение к происходящему в стране, к процессу утверждения в ней буржуазного уклада. Выяснялось, что перемены, произведенные революцией или вследствие революции, не принимаются, что они признаются ее производным и потому отвергаются как враждебное начало.

На съездах в связи с местной реформой утверждался тот взгляд на случившееся в годы революции и после нее, который в дальнейшем усвоила верховная власть. Дворянство несомненно способствовало ее новому самоопределению. Обнаруживалась их глубокая внутренняя общность, сопряженность главных устремлений.

В долгих дебатах формировалась внутренняя политика самодержавия, определялись ее основы и направленность, как было и при проведении аграрной реформы, а также третьеиюньского государственного переворота. Дело, конечно, не в том, что власть ждала, когда выскажется дворянство, чтобы затем приняться за исполнение разработанной им программы, а в том, что между ними существовало глубоко коренившееся единство и судьба у них была общая, о чем ясно и четко говорилось в правительственных декларациях еще при создании Особого совещания по делам дворянства. Такими, какими они были — тысячами нитей связанными с прошлым, — они не могли существовать друг без друга, держа совместно фронт против крепнущей армии врагов старого порядка. Поэтому линия, намечаемая на дворянских съездах, больше соответствовала природе самодержавия, чем официальная правительственная политика во времена Столыпина, включавшая при одинаковости цели — укрепление существующего режима — гораздо больший компонент перемен, чем допускала власть. И даже в своем скромном движении вперед — со всей его непоследовательностью и противоречивостью — в поисках каких-то новых щими ей квиетизмом и неповоротливостью. — В такие времена государства падают или восстают в новом, еще большем величии Столыпин заходил гораздо дальше того, что соответствовало подлинным намерениям верховной власти. Правда, во всей полноте они выявились лишь с течением времени, на основании приобретенного опыта, коренясь, однако, в самой ее природе.

Как и все другие его предшественники, стоявшие у руководства и считавшие перемены неизбежными и для блага режима нужными, он имел ту же участь. Ни один реформатор независимо от калибра не удержался на месте, никто несдобровал. Все они без исключения оказались в положении врачей, лекарство которых было хуже болезни, все они под конец, а то и в начале были отстранены, и сделанное ими при невозможности совсем его уничтожить было ослаблено, усечено, сокращено, задвинуто куда-нибудь подальше.

Если и не сразу, то всякий раз на этом пути, когда выяснялось, куда он ведет, зажигался красный свет. В случае со Столыпиным этот красный свет, появившийся в конце концов и на правительственном семафоре, раньше по собственной воле зажгло дворянство, представленное на общедворянских съездах.

Столыпин еще продолжал вести свою линию, но на съездах было громко и во всеуслышание заявлено: «Государство — это мы», ни мы не дадим себя в обиду, ни власть не даст нас в обиду, а бюрократы, какие бы посты они ни занимали, нам не указ, хотя бы им на время и удалось сбить власть с толку, действуя как будто бы от ее имени. Но преобладала уверенность, что в борьбе с бюрократией верх одержит дворянство и в конце концов власть окажется на его стороне, лишив бюрократов своего доверия. Расчет, как видно, вполне оправдался.

---

¹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 472.

² Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 14.

³ Там же. С. 30

⁴ Там же. С. 16, 17.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Там же. С. 27, 28, 33.

¹⁰ Там же. С. 337—338.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 131.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417—418.

¹⁶ Доклад собрания предводителей и депутатов дворянства чрезвычайному Московскому дворянскому собранию 8 октября 1907 г. о реформе местного управления // Труды IV съезда. . . С. 475.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 477.

¹⁹ Доклады комиссии, избранной Московским дворянским депутатским собранием по рассмотрению законопроектов о реформе местного управления // Там же. С. 382.

²⁰ Там же. С. 383, 384.

²¹ Там же. С. 389.

²² Там же. С. 394.

²³ Там же. С. 436.

²⁴ Там же. С. 443—444.

- ²⁵ Там же. С. 445.
- ²⁶ Там же. С. 446.
- ²⁷ Там же. С. 480.
- ²⁸ Там же. С. 481.
- ²⁹ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство: (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 248. (Тр. ЛОИИ СССР; Вып. 13).
- ³⁰ Труды III съезда... С. 132.
- ³¹ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 251.
- ³² Там же. С. 250.
- ³³ Там же. С. 252.
- ³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 7 об.
- ³⁵ Труды IV съезда... С. 334.
- ³⁶ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 253, 254.
- ³⁷ Протокол заседания Постоянного совета от 6 марта 1908 г. / ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 12 об.
- ³⁸ Труды IV съезда... С. 71.
- ³⁹ Там же. С. 73—74.
- ⁴⁰ Там же. С. 76.
- ⁴¹ Там же. С. 84.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 86.
- ⁴⁴ Там же. С. 87.
- ⁴⁵ Там же. С. 252.
- ⁴⁶ Там же. С. 253.
- ⁴⁷ Там же. С. 257—258.
- ⁴⁸ Там же. С. 259.
- ⁴⁹ Там же. С. 261.
- ⁵⁰ Там же. С. 263.
- ⁵¹ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 259.
- ⁵² Протокол заседания Постоянного совета от 24 марта 1908 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 16.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Протокол заседания Постоянного совета от 4 апреля 1908 г. // Там же, л. 23 об.
- ⁵⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 102.
- ⁵⁶ Там же. С. 103.
- ⁵⁷ Красный архив. 1932. № 1—2 (50—51). С. 184.
- ⁵⁸ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 261.
- ⁵⁹ Протокол заседания Постоянного совета от 6 ноября 1908 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 27 об.
- ⁶⁰ Протокол заседания Постоянного совета от 4 декабря 1908 г. // Там же, л. 30.
- ⁶¹ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 263.
- ⁶² Там же. С. 265.
- ⁶³ Там же. С. 266.
- ⁶⁴ Труды V съезда... С. 104.
- ⁶⁵ Там же. С. 105.
- ⁶⁶ Там же. С. 114.
- ⁶⁷ Там же. С. 116.
- ⁶⁸ Там же. С. 129.
- ⁶⁹ Там же. С. 131.
- ⁷⁰ Там же. С. 151.
- ⁷¹ Там же. С. 147.
- ⁷² Протокол заседания Постоянного совета от 14 марта 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 7.
- ⁷³ Там же, л. 7 об.
- ⁷⁴ *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 270—271.
- ⁷⁵ Там же. С. 270.
- ⁷⁶ Там же. С. 271—273.
- ⁷⁷ *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. [Петрополис], [6. г.]. С. 213.

V СЪЕЗД ОБЪЕДИНЕННОГО ДВОРЯНСТВА И ОБСУЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ

После III и IV съездов, на которых была разработана политическая платформа Объединенного дворянства, заметное место занял собравшийся в феврале 1909 г. следующий V съезд, когда по плану реформы местного управления, а в сущности по линии на преобразования в целом был нанесен завершающий удар и наряду с этим подверглись обсуждению важнейшие проблемы экономического развития в связи с докладом одного из наиболее видных государственных и дворянских деятелей В. И. Гурко «Наше народное и государственное хозяйство и меры, могущие содействовать нашему экономическому преуспеянию».

Выступление Гурко заслуживает внимания по целому ряду причин. Его, очевидно, можно назвать крупнейшей правительственной фигурой этого времени, инициатором осуществленного руками Столыпина исторического переворота в деревне. Именно он еще в годы министерствования В. К. Плеве повел дело о создании на месте общины мелкого крестьянского хозяйства на индивидуальной основе. Ему принадлежала поправка в этом смысле, внесенная в Манифест 26 февраля 1903 г.¹ Более чем кто-либо другой, он подготовил переход к тому, что стало потом называться столыпинской аграрной реформой. Он заметно выделялся в чиновничьем мире. Среди всякого рода служаек он сделался фигурой выдающейся, хотя бы потому, что, достигнув высоких степеней по табели о рангах, он не сделался чиновником, в этом смысле уподобляясь С. Ю. Витте, которого тоже вряд ли можно назвать чиновником, хотя он много лет пробыл министром финансов, а затем председателем Комитета и Совета министров. Подобно ему, и Гурко был человеком широкого кругозора, живого, небюрократического отношения к делу, деятельным работником. И в какой-то мере не случайно, что он был вынужден оставить службу, хотя мало кто сделал такую карьеру, как он, имея как будто все шансы подняться еще выше. Но все же его падение закономерно обусловливалось и его неполным соответствием правилам неписаного бюрократического устава, запрещавшего, в частности, брать на себя малейший риск, хотя бы на йоту большую ответственность, чем следовало, полностью пренебрегая всеми остальными соображениями и пользами. Бюрократ не мог попасть впросак так, как он. Для него это было бы слишком грубой промашкой.

Он по праву входил в ту тройку, которую можно было бы признать группой государственных деятелей, а не бюрократов, хотя бы они и занимали видное бюрократическое положение. Наряду с Витте и Кривошеиным в ней состоял и Гурко.

В условиях самодержавного, бюрократического строя в том, что составляло их силу, заключалась и их слабость. По правилам игры, по неписаному служебному кодексу надо было быть потише, поскромнее, не слишком выделяться из общего строя, не затевать крупных дел, когда инициатор рано или поздно оказывался большей частью в положении одиночки, потому что крупное не соответствовало бюрократическому порядку, нарушало его стройность; путало параграфы и инструкции, в целом затрудняло жизнь неспешно работающему бюрократическому аппарату. Случавшиеся исключения подтверждали, как обычно, общее правило. Живое масштабное дело, как правило, не совмещалось с бюрократическим порядком управления, веками выработанным чиновничьим, безразличным к нему отношением, тем множеством препонов, из которых, собственно, и состоял бюрократический свод правил, когда на первом плане всегда стояла забота подогнать любое дело под существующие параграфы, т. е. любое новое приспособлять к старому, иногда совсем уже отжившему. Эти руководящие начала вырабатывали особый тип управителя, относящегося с безразличием к любым несогласным с ними соображениям, равнодушного к любым бедам, которые могли произойти от действий на основе установленного порядка, каким бы он ни был устаревшим. Гурко в противоположность этому подходу, не довольствуясь ролью немудрящего исполнителя, не уклонялся от принятия на себя инициативы в важных начинаниях, в поисках новых путей, как было с принадлежавшим ему и основательно разработанным замыслом аграрной реформы. Его служебная карьера достигла высшей точки, когда он занял в 1906 г. в правительстве И. Л. Горемыкина пост товарища министра внутренних дел и в этом качестве вместе с А. С. Стишинским отстаивал в первой Думе дворянское землевладение, отвергая любые проекты принудительного отчуждения. По-видимому, именно он был автором записки, разгромившей разработанный Н. Н. Кутлером по побуждению Витте план выкупа помещичьих земель с их последующим распределением между крестьянами, повлиявшей существенным образом на царя.² Столыпин хотя и не исключил его из состава своего кабинета, но и не давал ему выступать в первых ролях с приобретенной им после всего этого наряду со Стишинским репутацией закоренелого ретрограда, тогда как сам премьер рассчитывал так или иначе взять Думу под контроль, избегая по возможности нового обострения отношений с ней, и такие деятели, как Стишинский, Шванебах, Гурко — его коллеги по кабинету Горемыкина, — могли здесь оказаться помехой. А кроме того, Гурко был неудобен и как вполне реальный конкурент,³ он уже успел обратить на себя внимание верхов как сторонник принятия крутых мер в борьбе с революционным

движением и как человек, наделенный большой энергией и настойчивостью. С этой точки зрения рассматривалось в правых кругах привлечение Гурко к суду в связи с делом Лидваля, за лицепрятное, по-видимому, предоставление тому поставок хлеба в голодающие губернии. Считалось, что Столыпин в данном случае заботился не столько о покарании виноватого, сколько об окончательном устранении опасного соперника. Действительно, скомпрометированный Гурко, хотя дело обошлось без вынесения формального приговора, уже не мог претендовать после этого на занятие первых мест в правительстве, и, принимая это как непреложный факт, он обратил свои усилия на то, чтобы стать видной фигурой в общественной жизни. Организация Объединенного дворянства представилась ему, по-видимому, как подходящая для его нового возвышения точка опоры, своего рода трамплин. Во всяком случае немногие в ней могли сравняться с ним по известности, по значительному опыту ведения крупных правительственных дел, по умению работать. Все это придавало особое значение его докладу. А кроме того, и сам доклад за всю историю существования организации Объединенного дворянства явился единственным в своем роде.

Доклад представлял собой концепционное исследование современного состояния России, и в этой связи определялось ее место в концерте великих держав. Подробно рассматривалась проводимая правительством политика, ее основы и общая направленность, в особенности в соотношении со стоящими перед страной задачами. Гурко высказал и свое мнение о том, по какому пути и куда должна пойти Россия, что с ней надо делать и что ей самой надо делать.

Внимание к развернувшейся дискуссии, ко всем ее оттенкам и мельчайшим подробностям тем и оправдывается, что в ходе нее обсуждению, принимавшему подчас накал страстной полемики, подверглись самые главные, прямо-таки жгучие проблемы бытия страны, к которым участники не знали, как и подступиться, и которые в своей нерешенности, а скорее даже неразрешимости, завязывались в туго запутанные узлы, создававшие вместе непреодолимое препятствие для успешной перестройки всей жизни на новых началах.

Состоявшиеся прения представили всю палитру мнений дворянских посланцев о современном положении, о том, что надлежит и можно сделать. В их рассуждениях само дворянство показало себя в своем настоящем виде, обрисовалась его платформа, его credo, его политические тенденции, а также и то, какими оно располагало силами.

О значении, которое сам Гурко придавал своему труду, можно судить отчасти по тому, что после напечатания работа составила почти 250 страниц, она состояла из восьми глав — «Наше современное экономическое положение», «Наша внутренняя политика», «Правительственные мероприятия в области земельного вопроса», «Обзор мероприятий, направленных к развитию сельского хозяйства в государствах Западной Европы, США и России», «Наш

государственный бюджет и казенные хозяйственные операции», «Наш международный расчетный баланс и внешние государственные займы», «Наш частный кредит», «Наше школьное образование».

Простой их перечень указывает на то, что Гурко брался охватить все важнейшие сферы государственной жизни, вынести суждение об общем ходе дел, который представлялся ему крайне неблагоприятным. Он рисует картину неубывающего и даже увеличивающегося отставания России от ведущих стран, тем более опасного, что быстро назревает и неотвратимо надвигается решающее столкновение великих держав. При невозможности уклониться от него оставалось только наилучшим образом подготовиться к уверенно предрекаемой схватке, но пока он мог только констатировать, что дела обстоят неблагоприятно. Хозяйство в большом и все усугубляющемся расстройстве и упадке. Он перебирает последовательно главные отрасли производства и может указать лишь недостаточное их развитие и отсутствие перспективы на улучшение. «... Не пройдет и десяти лет, и если положение нашего народного хозяйства не будет самым радикальным образом изменено, то, — предупреждает он, — наша экономическая кабала по отношению к Западной Европе достигнет крайних пределов, а всем известно, что экономическая кабала есть преддверие кабалы политической».⁴

Констатируя пока что «грозные признаки ухудшения», он возлагает вину за это на правительство, которому к тому же здесь послушно assiste Дума. Идя в намеченную сторону, страна вовсе собьется с пути. Все принимаемые меры бьют мимо цели, не дают никакого эффекта. Тщетны все эти усилия выбраться на верную дорогу взявших ошибочный курс руководителей. Правительство все делает неправильно, невпопад, не понимая, что надо делать. Ошибочен самый, как он это презрительно называет, бухгалтерский подход к экономическому развитию, неспособность и нежелание выйти за рамки имеющихся скудных возможностей. Если расходы на развитие производительных сил «не производятся своевременно, если в поисках за бюджетным равновесием избегают этих расходов, то в результате получается не бюджетное равновесие, а его потеря», — выставлял он свой контртезис.⁵ «Жить по средствам для государства, — делает он достаточно парадоксальный вывод, — во многих случаях значит приговорить себя к смерти».⁶

Еще большей ошибкой изображает он выдвижение правительством в качестве основной цели проведение политических реформ, тогда как главным делом должна стать забота об экономическом росте. Гурко как раз и старается доказать тот софизм, что существующие порядки не помеха развитию производительных сил и в свою очередь при недостаточном их развитии не будет толка от осуществления «правового строя». В подтверждение он ссылается на свое собственное выступление в 1903 г. на Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, допустившем будто бы ту же самую ошибку, т. е. принявшем необходимость

политических перемен как неперемное условие преодоления затруднений в сельском хозяйстве. Он, собственно, проводит ту мысль, что, для того чтобы стать свободным, надо быть свободным, а это дается независимостью, а независимость — это естественное свойство крепко стоящих на ногах, имеющих достаточные средства самостоятельных личностей. Без этого главного условия, когда народ нищ и убог, конституционные порядки не будут иметь под собой почвы. «Сторонники конституционного образа правления должны бы наконец понять, — поучал он, — что и самая конституция может быть осуществлена только при наличности многочисленного зажиточного, вполне независимого класса населения. . . В стране нищих не только не может быть установлена конституция, но даже не может удержаться и самодержавный строй. . . В стране нищих может водвориться только деспотия, безразлично, византийского ли типа деспот, опирающийся на преторианскую гвардию, или народоправство худшего пошиба, фактически выражающееся в деспотическом господстве сменяющейся кучки властителей наверху и множества бессменных мелких властителей полицейского типа внизу». Весь этот прогноз служил ему основанием, чтобы сделать уверенный вывод: «Нет, не реформами внешних порядков можно изменить наш народный быт и сделать народ сытым, сильным и развитым».⁷

В одинаковой мере с правительством ответственность за создавшееся положение несет и Дума, у которой тоже нет никакой самостоятельной экономической программы или хотя бы каких-то своих предложений. Она полностью погрязла в мелочах. Он и ей ставит неудовлетворительную оценку. Пусть ею проделана «безусловно большая, кропотливая, почтенная работа», но «эта работа пошиба бюрократического; она мелка, микроскопична. . . Из-за деревьев лес, по-видимому, совсем исчез из вида наших законодателей». Можно было бы, рассуждал он, ожидать от Думы каких-то слишком уж смелых начинаний, но ничего подобного не случилось — «широкого полета мысли, могучего взмаха творчества Г. дума не обнаружила». Она всего лишь «занялась расписанием и украшением карнизов того здания, которое от основания до крыши все трещит».⁸

Его общий вывод был сформулирован с предельной категоричностью: «. . . наша внутренняя политика, созидаемая ныне не одним правительством, но и выборными от населения, находится на ложном, на пагубном пути». В согласии с ним была составлена и резолюция, вносимая на одобрение съезда: «Наша современная внутренняя государственная политика, страдая односторонностью, находится на неверном пути. Стремления ее направлены к переустройству порядка управления и к реформе суда, но при этом не принимается достаточно мер к вящему использованию народного труда и к увеличению количества добываемых и обрабатываемых в стране ценностей».⁹ Принципиальное несогласие высказывал Гурко и с методом решения главного вопроса, стоявшего перед страной, — аграрного. Как будто бы

именно он стоял у истоков нового курса, направленного на ликвидацию общины и насаждение хуторского хозяйства. Но он имел при этом в виду, что помещное землевладение непременно должно будет остаться в целости и неприкосновенности, тогда как правительство хотя и отвергло намеченное Витте, действовавшим через Кутлера, принудительное отчуждение, оно все же включает в свои расчеты и дворянские земли, пусть и покупаемые у помещиков на строго добровольной основе Крестьянским банком по указу 3 ноября 1905 г. И, какова бы ни была получаемая ими компенсация, Гурко не видел разницы по существу между тем, что должно произойти с дворянским землевладением в случае победы революции, и тем, что теперь практиковалось правительством. Если, с одной стороны, выставлялся лозунг «поднимитесь и отнимите землю у помещиков», то, с другой — ему противопоставлялся призыв «сидите смиренно, мы сами вас обеспечим землей, без насильственного ее отнятия у помещиков», и разницы между тем и другим Гурко не усматривал — ведь противники, толковал он, «в одинаковой мере признавали необходимость увеличить площадь крестьянского землевладения, передав в руки крестьян если не всю, то значительную часть земельных владений частных лиц».¹⁰ И только «небольшая кучка людей», к которым он, конечно, причислял и себя, «продолжала стоять на той точке зрения, что дальнейшее сколько-нибудь значительное увеличение площади крестьянского землевладения за счет рентных владельческих хозяйств не только не увеличит крестьянских достатков, а, наоборот, ввергнет массу сельского населения в окончательную нищету». Единственно, чего она смогла добиться, — это предотвратить принудительное отчуждение, но во всем остальном ее настояния остались «гласом вопиющего в пустыне, и на практике частновладельческие земли на наших глазах тают». В результате же проводимая политика в корне подрывает сельское хозяйство, так как для его наибольшего преуспевания обязательно требуется сочетание трех типов хозяйств — «мелкотрудового, среднего — фермерского и крупного — рентного», необходимого именно потому, что только при нем «единственно возможно устройство технических, перерабатывающих сельские продукты, заведений».¹¹ А между тем уже и ныне «такого рода гармония у нас нарушена до крайности», поскольку ни в одной европейской стране мелкое землевладение не занимает, мол, такой доли общего пространства обрабатываемой земли.

Крестьянский банк, приобретший или посодействовавший приобретению крестьянами 9.7 млн. десятин помещичьих владений на сумму 1 млрд руб., изображался в этой связи орудием разрушения основы — дворянского землевладения как средоточия культурного ведения промысла, на котором держится все сельское хозяйство. «Каждый день три тысячи десятин культурной земли осуждаются на раздробление на мелкие земельные участки», — ужасался Гурко, предсказывая от этого великие бедствия.¹² В таком быстром темпе разворачивается «систематическое разо-

рение государства, происходящее вследствие понижения производительности земли при ее переходе из рук культурных сословий во владение крестьян».

Правительству предъявлялся форменный обвинительный акт. Ему прямо инкриминировалось чуть ли не сознательное пособничество в исполнении враждебных замыслов. «... Мы присутствуем при самом энергичном осуществлении на практике социал-революционной земельной программы», понимаемой как стремление «выселить из наших сельских местностей весь землевладельческий элемент, предоставив все руководство местной жизнью пришлому беспочвенному элементу и одновременно разжечь в народе его самые низменные вождедения и тем подготовить к насильственному низвержению всего нашего не только государственного, но и социального строя». Однако, и ведя столь рискованную игру, правительство не сможет обезопасить режим со стороны деревни. В конечном счете все сделанное для того, чтобы отвести от себя эту угрозу, обернется против него же. «Культурный землевладельческий элемент с каждым годом тает, сходя на нет, а народ не успокаивается, ибо таким путем успокоен быть не может», так как «народу нужна не земля, а возможность безбедно жить, умственно развиваться и материально богатеть», но как раз «этой цели переход земли от землевладельцев к земледельцам не только не достигает, а, наоборот, резко ей противоречит».¹³ В подтверждение Гурко с еще большей напористостью развивал прежнюю аргументацию, смело допуская даже, что «если мы положим на одну чашу весов 130 000 землевладельцев, а на другую весь русский народ, то выбора между этими двумя частями быть не может: 130 000 землевладельцев должны быть принесены в жертву всему русскому народу». Он безоговорочно соглашался, что «в таком случае и принудительное отчуждение их земель следует признать мерой справедливой и даже необходимой» — не нужны тогда и миллиардные выплаты Крестьянского банка помещикам. Но только самому крестьянству ни в коем случае не обойтись без них, без предоставляемой ими работы и следуемых за нее заработков. «Действительно, упразднение рентных имений есть упразднение прежде всего крестьянских заработков, а это для нашего населения несомненная гибель», — как неотвратимую катастрофу представлял он последствия ликвидации дворянского землевладения.¹⁴ «... Перекачивать землю из рук более культурных в руки менее культурные, которые используют эту землю с меньшей для себя пользой, извлекают из нее меньшее количество ценностей, значит, понизить общее количество добываемых в стране ценностей и тем самым понизить общий уровень благосостояния страны», — разыгрывал он эту карту, называя наотрез отвергаемый им метод смягчения крестьянского малоземелья «актом безумия».

Осуждая проводимую политику в самой ее основе, Гурко дополнительно выводил, что попытка решить поставленную задачу путем использования миллиардов Крестьянского банка обречена

на неудачу по той причине, что если продажа ему земли убыточна для помещиков, так как они получают в уплату вместо денег облигации, биржевая стоимость которых не достигает и 90 % номинала, а стоимость земли в свою очередь определяется капитализацией будущего низкого дохода крестьянина, а не землевладельца, то для покупателя-крестьянина цена, напротив, оказывается непомерно высокой, для него непосильной. По проведенным исчислениям выходило, что получаемый доход крестьяне должны будут «целиком передать в Крестьянский банк» и в сущности «к крестьянину переходит лишь титул собственника, на деле же он превращается в работника Крестьянского банка или, вернее, владельца его облигаций».¹⁵ Справляться с платежами по ним он мог лишь в случае особо удачного стечения обстоятельств и уж обязательно хорошего урожая. «Откуда крестьяне возьмут деньги для уплаты этих процентов в неурожайные годы, я представить себе решительно не могу», — небезосновательно указывал он на то, что все здание построено на песке и те 170 руб., которые крестьяне должны были в среднем по стране уплатить банку за десятину, окажутся вне их возможностей.

Если в длительной перспективе весь замысел должен был столкнуться с едва ли преодолимыми затруднениями, то в одинаковой степени повисала в воздухе политика укрепления позиций дворянства как основы третьеиюньского режима. В этом случае Гурко приходил уже в полное — настоящее или деланное — недоумение. Ведь, рассуждал он, «наше народное представительство, как оно установлено законом 3 июня 1907 г., как известно, построено на мысли привлечь к законодательству страны прежде всего культурные земские силы; на эти силы опирается и ныне правительство в 3-й Государственной думе». Но если такова избранная стратегия с выдвиганием вперед общественных верхов при лидирующем положении дворянства, то каким же образом можно было ее согласовать с поощряемой тою же властью массовой продажей дворянских земель? «...Спрашивается, откуда же можно будет взять эти культурные земские силы при том усиленном их исчезновении из сельских местностей, которое ныне происходит под влиянием энергичной скупки частновладельческих земель Крестьянским банком», — указывал Гурко на несовместимость главных целей, поставленных перед собою правительством.¹⁶ «Явное противоречие между деятельностью Крестьянского банка, с одной стороны, и законом 3 июня 1907 г. — с другой, объяснению в моем уме не поддается», — писал он о том, что ему представлялось коренным пороком всей созданной системы. А пока он считал своевременным обратиться к власти имущим с призывом: «...остановитесь, не разоряйте страны нашей, не превращайте ее в исключительно серое крестьянское царство». В этом смысле подлежала реорганизации прежде всего деятельность Крестьянского банка как главного орудия этой трансформации. Что именно следует сделать, не мог в точности сказать и сам Гурко, так как, признавал он, жаловаться дворянству на банк не приходилось

и без него, этого безотказного приобретателя, оно само никак не смогло бы обойтись. «Если уж на то пошло, то сохранение за Крестьянским банком права и даже обязанности покупать всякое предлагаемое ему имение нашим личным преходящим выгодам отвечает в полной мере. Действительно, что может быть для нас выгоднее и удобнее, как наличность такого покупателя наших имений, который, отнюдь не принуждая нас их продавать, однако всегда готов купить их», — вывлял он эту столь ценную для дворянства роль банка. Никак не конкретизируя, Гурко теперь хотел, чтобы банк действовал так, чтобы сохранилось бы и это удобство, но вместе с тем его главной заботой было бы предотвращение окончательного исчезновения дворянских имений, и ради этого он должен был вести покупки с разбором. «... Вслепую скупать все рентные земельные владения, которые только попадают под руку, — это, — решил он выразиться как можно сильнее, — преступление перед Россией».¹⁷ Конечно, выдвинутое предложение явно относилось к разряду неосуществимых благ пожеланий, потому что само дворянство не согласилось бы предоставить банку право усмотрения при покупках, равнозначное почти что установлению опеки, если не принудительного владения имением. Так или иначе основной тезис Гурко сводился к тому, что дело надо вести совсем по-другому и вместо того, чтобы обременять крестьянство долгом в миллиард рублей, следовало позаботиться о том, чтобы предоставить ему ежегодный доход в тот же миллиард рублей, но это было возможно только при сохранении дворянского землевладения как главного поставщика крестьянских заработков. Только широко поставленное капиталистическое хозяйство, подразумевал он, способно обеспечить необходимый подъем сельскохозяйственного производства, создать новые возможности приложения труда, в целом сделать землю источником постоянно растущего дохода. А попав в руки мелкого производителя, задавленного долгом, которому усовершенствованные методы ведения хозяйства будут не под силу, те же десятины окажутся несравненно менее продуктивными, и уж, конечно, никакого миллиарда само крестьянство заработать не сможет. Гурко не задавался вопросом, так ли уж много наберется таких хорошо поставленных капиталистических хозяйств, которые он имел в виду, иначе вся его аргументация могла рассыпаться, как карточный домик. Большинство помещиков не шли на крупные капиталовложения, привычно растрачивая имеющиеся средства на непроизводительные надобности, и гораздо большая часть помещичьей земли сдавалась в аренду. Это было, замечает виднейший советский исследователь помещичьего хозяйства А. М. Анфимов, «особенно характерно для крупных и крупнейших владений».¹⁸

Из всех доводов Гурко вытекало, что уже сделанные шаги — это шаги в разных направлениях, друг друга аннулирующие. Создавшееся запутанное положение еще более усугублялось тем, что далекой от разрешения и чреватой тяжкими последствиями

изображалась также проблема насаждения индивидуального крестьянского хозяйства — главная во всей аграрной политике. Гурко прежде всего убеждал освободиться от иллюзий насчет легкости, едва ли не автоматизма предстоящего преобразования. «Хуторское хозяйство сейчас в представлении многих является панацеей, которая излечит все наши экономические недуги, обеспечит небывалую зажиточность крестьянского населения. Подобное увлечение, — отмечал он неосновательность широко распространявшихся ожиданий, — как и всякое иное, только вредит делу». Сам же он был уверен, что «быстрого, одновременного перехода крестьян на самостоятельное, вполне обособленное от мира хозяйство нельзя ни ожидать, ни желать». В противном случае такой рывок мог повести к крупнейшим потрясениям, которые существующий строй, вполне возможно, не выдержал бы. «Я скажу более: если бы такой массовый переход действительно произошел, то это было бы величайшим бедствием, кануном общего краха», — такую перспективу открывал он, если бы дело пошло быстрым темпом.¹⁹ «Ведь хуторское хозяйство несомненно требует довольно высокого уровня умственного развития, — рассуждал он. — На хутора могут переходить в настоящий момент лишь исключительные крестьяне, массовый же переход на отрубные владения грозит тяжелым явлением — обратным бегством в село, в общину и, следовательно, крушением в народном сознании понимания выгод хуторского хозяйства». Этому тем более следовало опасаться, что параллельно должен был идти процесс раскрестьянивания, массовой продажи поступающей в индивидуальную собственность земли и соответственно появления «многочисленного сельского безземельного пролетариата»: Такого рода результат приводил Гурко в крайнее беспокойство, поскольку тем самым создавалась почва для социального катаклизма громадного масштаба. И если то же самое уже происходило прежде в европейских странах с пролетаризацией там крестьянства, то разница заключалась в российском варианте в том, что здесь город был не в состоянии поглотить массу лишавшихся средств к существованию людей, так как промышленность как главный потребитель рабочей силы не предъявит достаточного спроса на нее по причине своего сравнительно слабого развития. «Ясно, что если мы немедленно не примем самых решительных мер для расширения области применения народного труда, для предоставления лицам, вытолкнутым из сельских местностей, возможности найти какой-либо промысловый заработок, то мы получим в городах такой буйный контингент, о котором говорить страшно», — без всяких недомолвок объяснялась крайняя настоятельность всего дела.²⁰

Третировать эти миллионные массы просто как слабых и пьяных, которые сами виноваты в случившемся с ними и потому не заслуживают внимания и должны быть предоставлены собственной участи, как поставил вопрос Столыпин в своей нашумевшей речи, провозгласив ставку на сильных, Гурко показалось тоже достаточно рискованным, и он специально отмежевался от

объявленного курса. «Я не могу согласиться с мнением, что законы пишутся не для слабых и пьяных. Это одна из тех жемчужин государственного красноречия, — иронизировал он, — которыми от времени до времени дарит Россию с думской трибуны председатель Совета министров. В моих глазах ценность ее весьма сомнительна». Понимая, по-видимому, лучше, чем Столыпин, что с быстро умножающимся пролетариатом будет затруднительно справиться путем зачисления его в категорию неполноценного люда и под всей социальной и государственной структурой в лице этого множества отверженных накапливается громадный взрывчатый материал, Гурко поучал главу правительства: «... мимо этих „слабых и пьяных“ мы пройти не можем; мы должны иметь в виду, что и слабость их, и пьянство не от них самих зависит, что эти их свойства являются результатом совокупности общественных явлений, среди которых они живут и действуют. Облегчить им возможность из слабых превратиться в крепких, а из пьяных в трезвых для государства в высокой степени необходимо. Но иного способа, кроме предоставления им возможности найти подходящий их естественным наклонностям род занятий и тем обеспечить им заработок, в распоряжении государства для этого не имеется».²¹

Надвигающиеся опасности оставляли только один выход — форсированное развитие производительных сил как сельского хозяйства, так одинаково и промышленности, и шанс преодоления назревающих затруднений сам Гурко связывал более всего с последней. И перед лицом дворян, в большинстве смотревших на Витте как на своего заклятого врага и только что неосужденного государственного изменника, он теперь оправдывал его политику насаждения промышленности, доказывая, что «даже в смысле влияния на наше сельское хозяйство экономическая политика гр. Витте имела не одно отрицательное влияние»,²² хотя он и ставил ему в упрек будто бы излишнее предпочтение, оказанное промышленности. Но теперь уже не было никаких сомнений, что если сельское хозяйство, будучи пренебрегаемым, и понесло известный урон, Витте все-таки выбрал правильный курс, и то самое, что многие годы подвергалось неистовому поношению, теперь превозносилось как единственная возможность спасения. «... Трудно даже определить, насколько наше современное экономическое положение было бы тяжелее и не было бы оно даже безысходным, если тому назад 15 лет государство не оказало мощной поддержки делу насаждения и развития у нас фабрик и заводов», — такая теперь давалась хвалебная оценка целенаправленному укоренению промышленности в свете событий последних лет и процессов, которые должны были в могучем своем развитии неотвратимо повести к коренному изменению условий существования и перемещению в город многомиллионных масс.

Гурко тем более был расположен высказать похвалу в адрес Витте, чтобы на фоне его напряженных усилий способствовать

росту оказавшейся столь необходимой промышленности, рельефнее оттенить бездеятельность и безынициативность его преемников. О них он отзывался в тоне резкой критики. «На смену односторонней экономической политики периода 1893—1903 гг. появилось, — осуждающе замечал он, — отсутствие всякой экономической политики. Министерство финансов фактически превратилось в обширную бухгалтерию, а М-во торговли и промышленности, по-видимому, вдохновившись начальными буквами своего названия, можно по справедливости назвать м-вом препон и тормозов». Оно уже и вовсе обвинялось в обструкции, так как «ограничивает свою деятельность тем, что чинит всевозможные формальные препятствия всякому нарождающемуся у нас торговому или промышленному предприятию».

Упрекая, таким образом, оба министерства в том, что они ни в какой мере не стоят на уровне предстоящих задач, да даже и не сознают, в чем эти задачи заключаются, Гурко обращался с призывом к съезду взять на себя представительство интересов не только сельского хозяйства, но и всей сферы производства. «...Мы должны возвысить наш голос не только за всемерное покровительство сельскому хозяйству, но и за поощрение всех других отраслей народного труда», — предлагал он дворянству утвердиться в роли лидера всех собственных элементов.²³ Не противопоставлять себя им, не обособляться, а, тесно сплотившись с ними, повести их за собой — такова была намеченная им стратегия. Но возглавить эту коалицию можно было, сохранив свою экономическую силу, свое положение хозяев деревни. «нам, дворянам... ни на одну минуту нельзя забывать, — втолковывал он, — что наше значение на земле, что без нее мы как сословие, как государственная земская сила ничто». Поэтому перед дворянством выдвигалась двойная задача: «Отстаивайте, гг., крепко и стойко ваше политическое положение в стране в лице выборных уездных предводителей дворянства, но одновременно указывайте на жизненную необходимость подъема сельского хозяйства, просите, молитесь, требуйте, обращайтесь на этот вопрос все внимание как правительства, так и общества». Во всяком случае создавшаяся обстановка уже выдвинула жесткую и не терпящую отлагательства альтернативу — быть или не быть. «Без подъема сельского хозяйства, — формулировал ее Гурко, — не прожить нашей стране: она превратится в данника Западной Европы. Без подъема сельского хозяйства не удержаться дворянам на земле: они из служилых людей превратятся в наемников государства».²⁴

Как критика действий и взятого правительством общего направления, так и противопоставляемая ему программа отразились в концентрированном виде в предложенной на одобрение съезда резолюции. «Правительственные мероприятия в области земельного вопроса, поскольку они касаются увеличения площади крестьянского землевладения посредством скупки и раздробления частновладельческих земель, — гласила она, — ведут

не к подъему экономического благосостояния страны, а к его упадку. Дальнейшая бессистемная скупка частновладельческих земель Крестьянским поземельным банком грозит разорением государству и выселением всего культурного слоя из сельских местностей. Закон 9 ноября 1906 г., без принятия решительных мер к расширению области применения народного труда, сулит образование многочисленного класса безработного пролетариата. Единственным действительным средством подъема народного благосостояния является развитие нашего сельского хозяйства при соответствующем ему росте нашей обрабатывающей и добывающей промышленности. Без равномерного развития этих двух основных отраслей народного труда не может процветать ни одна из них. Интересы сельского хозяйства и промышленности не только не противоположны, но однородны».²⁵ Самое главное было теперь сдвинуть экономическое развитие «с мертвой точки». По выкладкам Гурко, для этого могли потребоваться капиталы в 100 или даже 200 млн. руб., которые должно было предоставить государство. Отталкиваясь от этих цифр, он рассматривал, каким образом можно получить названные крупные средства, и для этого произвел подробный анализ состояния государственных финансов прежде всего с точки зрения правильности проводимой финансовой политики. Разбор как уже сделанного, так и новых начинаний наподобие проектируемого введения подоходного налога служил ему основанием для выражения коренного несогласия с действиями и общим подходом финансового ведомства. Вместо того чтобы предоставить необходимый простор развитию производительных сил, т. е., собственно говоря, капиталистическому предпринимательству, государство само усиленно принялось хозяйствовать. И в этом Гурко усматривал сугубую неправильность, так как оно в лице нерадивой бюрократии в принципе не может наладить управление удовлетворительным образом и в итоге, ведя дело убыточно, перекладывает многомиллионные убытки на население и, что еще хуже, создает в целом своим вмешательством и всем устанавливаемым обиходом неблагоприятную обстановку для формирования предприимчивости и тех качеств, без которых, полагал он, возможно только убогое прозябание. Ошибочен был уже замысел ввести в России подоходный прогрессивный налог по причине, как доказывал Гурко, ничтожного количества находившихся в стране состоятельных лиц. Пользуясь собранными по этому случаю официальными материалами, он заключал, что в России на 100 000 населения приходится «всего лишь 17 богатых людей».²⁶ Упомянув, что доход свыше 50 000 руб. получают от земельных владений 703 человека и от капиталов 331, он осуждающе комментировал: «И вот при этих-то условиях мы собираемся установить прогрессивный подоходный налог, последствием коего неизменно является вящее затруднение для нарастания свободных капиталов в стране». Это рассматривалось как проявление общей вредной тенденции «искать каждый заработанный производителем грош для направления

его в кассы государственного казначейства», а между тем изымать накопления значило «сознательно сокращать размеры народного производства, стеснять все виды промышленности». ²⁷

При невозможности повышать дальше и без того чрезмерные и как раз недавно повышенные налоги или урезывать необходимые расходы для поддержания великодержавного статуса существования, по убеждению Гурко, был лишь один выход — свертывать казенное хозяйство в виде уральских заводов, винной монополии и, главное, железных дорог, приносивших громадные убытки в сотни миллионов рублей. Только за время с 1895 по 1899 г. они равнялись 400 млн. руб., а с тех пор значительно выросли, при том что частные линии давали прибыль. ²⁸ Попытки поправить дело, пока оно велось на бюрократических началах, он считал заранее обреченными на неудачу. Никакой пользы не ожидал он от учреждения специальной комиссии по изучению причин убыточности железнодорожной сети с участием членов Государственной думы и Государственного совета. Раз управление оставалось за бюрократией, «никакие мероприятия, — было его твердое убеждение, — существенно улучшить наше казенное железнодорожное хозяйство не могут». ²⁹ Общая закономерность сводилась к тому, что с расширением государственно-бюрократической сферы в экономике с ее намертво ввевшейся и ставшей ее сущностью неэффективностью «пульс хозяйственной деятельности страны все замедляется, а самая эта деятельность получает все более безжизненный, механический характер». ³⁰

Эти же особенности обуславливали и неподготовленность современного финансового аппарата к снабжению сельского хозяйства и промышленности необходимыми для их быстрого развития средствами в виде прежде всего широко поставленного кредита. Если бы даже появились те 100 или 200 млн. руб., которые требовались, чтобы придать хозяйству первоначальное ускорение, то при современной технике дела и установившихся порядках их было бы затруднительно использовать. Главный финансовый институт — Государственный банк никоим образом не соответствовал делу такого масштаба. «. . . Какое широкое поле деятельности отведено государственному банку его уставом, но поле это существует исключительно на бумаге, на практике же совсем не используется», — писал он в обвинительном тоне о господствующем стремлении держаться потише и поосторожнее. ³¹ «. . . Учреждение это, — конкретизировал Гурко, — лишено живой связи с производительными силами страны, в особенности же с сельскохозяйственной средой». Объяснял же это тем, что «фактическими его заправилами, несмотря на участие в совете банка и его отделениях общественного элемента, являются всецело и исключительно банковские чиновники, которые, естественно, стремятся не к развитию, а к сокращению коммерческих операций банка, т. к. последнее не сопряжено ни с каким риском ни для целостности средств банка, ни для их собственного благополучия, расширение же кредита, наоборот, всегда связано с возмож-

ностью некоторых денежных потерь и вообще может быть с успехом исполнено лишь при постоянной живой связи с торгово-промышленными сферами». ³² В особенности неудовлетворительно был поставлен сельскохозяйственный кредит, в котором как раз существовала крайняя нужда. Но здесь сдерживающе действовали и такие факторы, как закон о неотчуждаемости за долги наделных земель, практически лишивший крестьянство возможности кредитоваться. Таким образом, вместо существующего негодного должен был быть создан новый финансовый механизм, способный предоставить в распоряжение капиталистических элементов как деревни, так и города потребные им ресурсы, соответствующим образом должны были быть изменены и общие экономические и правовые порядки с переводом их на чисто буржуазную основу. И в этом случае отчасти речь шла о полной переделке имеющейся конструкции. С той же уверенностью в необходимости коренных перемен подошел наконец Гурко и к рассмотрению постановки в России образования как важнейшего фактора экономического развития страны, поскольку современная экономическая деятельность требовала во всех отраслях многочисленных хорошо подготовленных именно для данного рода занятий кадров, и их отсутствие или недостаток становились не давным-давно двинуться вперед тормозом. Гурко устанавливал непосредственную зависимость между так называемой классической системой с ее упором на абстрактное и застойным положением дел в важнейших отраслях экономики. «Пагубный» классицизм привел к тому, что, оторванные от реальной жизни, несведущие в элементарно необходимом для успешной деятельности, «представители нашего землевладельческого сословия не в состоянии обеспечить доходность своих поместий, не только не могут поднять уровень сельского хозяйства, но не способны вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями, а потому отрываются от земли, причем постепенно разоряются». ³³ Незаметно, по-видимому, для себя Гурко побивал здесь себя самого в важнейшем пункте всей развернутой им аргументации, так как рентное землевладение выступало у него как главный рассадник прогресса, основная движущая сила сельскохозяйственного развития, без которой крестьянство ни в коем случае не может обойтись. Теперь же те, кому надлежало играть роль локомотива, увлекающего весь состав, сами оказывались неспособными «вообще сколько-нибудь толково заведовать своими имениями». Помещики, которые, впрочем, никогда не фигурировали как умелые хозяева, какова бы ни была система образования, не составляли, однако, исключения. «Не в лучшем положении, — уверенно утверждал Гурко, — находится торгово-промышленный класс; его молодые силы также не обладают теми познаниями и свойствами характера, что требуют современные условия жизни от лиц, занимающихся торговлей и промышленностью». Крайне неблагоприятные последствия этого приобрели государственное значение, поскольку «в результате все наше горнозаводское и фабричное производство

попало целиком, в смысле технического заведования им, в руки инородцев». Опасность под его пером уже достигла размеров катастрофы: «...русские люди сосредоточили свою деятельность в различных правительственных и общественных бюрократических учреждениях, благодаря чему власть в стране как будто бы в их руках, но власть эта призрачная, кажущаяся. Жизненный нерв страны — вся ее хозяйственная деятельность — захвачен элементами пришлыми, чужеземными, вследствие чего к этим элементам понемногу переходит и фактическое господство в стране». ³⁴ Таковы были, по уверению Гурко, плоды неправильно поставленной системы образования.

Всем сказанным Гурко старался убедить, что пройденный до сих пор путь — это путь заблуждений и ошибок, неверных поисков, неправильных решений, еще более усугубляемых начинаниями последнего времени. Все сделанное требовалось переиначить, начиная с общего подхода к так остро и неотступно вставшим проблемам. В корне ложны, повторял он напоследок, полувекковые попытки найти выход «в политических перестроениях, в изменении внешних форм нашей государственности». А идти следовало в прямо противоположном направлении, как трактовал свою концепцию сам Гурко, выдвигая вразрез с начисто отвергаемым началом будто бы принципиально иную основу. «Хозяйственная свобода — вот что должно стать лозунгом нашего времени», — формулировал он свое кредо как противопоставление курсу на политические преобразования. ³⁵ «Пора нам сознать, что это пагубное заблуждение, пора постигнуть, что политический строй, что степень свободы отдельной личности, что ее неприкосновенность от произвола власти, — твердил он, — находятся в тесной зависимости от экономического уклада страны, от степени зажиточности и культурности ее населения».

Отрицательное отношение к политическим переменам происходило, пожалуй, главным образом оттого, что Гурко казалось, будто правительство пошло на поводу у политических партий, ³⁶ восприняло их программу, что они стали задавать тон всему и правительство пляшет под их музыку. Он же, становясь на точку зрения крайнего этактизма, видел идеал в том, чтобы власть поступала по своей воле, как найдет нужным, не заботясь о том, какой отклик встретят ее действия. И, заходял он еще дальше, в наступившую эпоху бурных потрясений и всяких неожиданностей власть должна быть сосредоточена в руках государственных деятелей диктаторской складки, которым будет принадлежать право распоряжаться, что делать и куда двигаться. «...В такие времена, как переживаемые нами, — пояснял Гурко, — мероприятия вообще ничто, а все составляют люди, их осуществляющие». ³⁷ Он исходил из того, что революция создала совершенно иную обстановку и громадные перемены продолжаются. Жизнь на глазах прокладывает себе новое русло, и в этих условиях нельзя обойтись старым багажом, пользоваться привычными, устоявшимися методами, стародавними мерками, когда со всех сторон

наступает новое, до того небывалое, и при каждом новом повороте нужно моментально ориентироваться, без задержки сразу находить новые пути, принимать огромной важности решения. В продолжающуюся бурю, разве только что сбавившую свою двенадцатибалльную силу, у руля должны стоять наделенные исключительными качествами вожаки, и, подразумевалось, все обязаны им подчиняться ради собственного спасения. «В такие времена, когда действовавшие системы расшатаны, когда опираться на бывшие примеры и общие правила нет возможности, когда колеблются основные государственные устои, когда истощены жизненные соки страны, для воссоздания порядка и упрочения внутреннего мира, для объединения народных пожеланий и обеспечения насущных потребностей страны служебный опыт и административный навык недостаточны, — метил он в бюрократию с присущими ей квиетизмом и неповоротливостью. — В такие времена государства падают или восстают в новом, еще большем величии в зависимости от того, получают в них преобладающее значение заурядные деятели или люди выдающегося государственного ума и непреодолимой силы духа и воли. В превратностях их судеб государства своим спасением неизменно обязаны не тем или иным мероприятиям власти, сколько бы они ни были тщательно обдуманы и разработаны, а талантам и энергии их исполнителей».³⁸ При сопоставлении с тем, что понималось как выставленный временем категорический императив, деятельность наличного руководства выглядела как бессмысленная суета сбитых с толку, потерявших ориентацию ординарных чиновников, не верящих в правильность делаемого. Эта несостоятельность правящей верхушки внушала Гурко тем большую тревогу, что быстро выростала угроза извне. «Европа несомненно находится накануне великих мировых событий», — уверенно предупреждал он. «... Мировые явления порождают такие международные осложнения, разрешение которых мирным путем представляется маловероятным», — еще в начале 1909 г. констатировал он неизбежность войны в ясном сознании, что она решит судьбу империи.³⁹

И по тону, и по содержанию доклад Гурко явился подлинным штурмом правительственной политики во всех ее аспектах. Круша все подряд, он вознамерился не оставить камня на камне от всего, что было возведено и, более того, что еще предполагалось соорудить, чтобы поставить крепкий заслон на пути революции, разрядить ту взрывчатую атмосферу, в которой постоянно существовал режим. И исходные положения, и практические действия, все до одного ошибочные, завязывая новый запутанный узел безысходных противоречий, могли только сделать эту задачу окончательно неразрешимой.

Но в этой атаке по всему фронту на совокупные действия и намерения правительства Гурко не получил от съезда чаемой поддержки. Лишь некоторые присоединились к объявленному им походу. Другие участники обсуждения доклада принялись высказывать всякого рода сомнения и прямые возражения, снова

обнаружившие отсутствие в дворянской среде необходимого единодушия.

Разногласия вызывали не детали, а основные тезисы, да и весь тон доклада. Прения и начались с протеста по поводу первого же вывода, содержавшего утверждение, что экономическое положение России «проявляет грозные признаки ухудшения». О своем несогласии с этим заявили часто выступавшие на предыдущих съездах А. Д. Кашкаров и Д. Н. Кованько. Их отрицательное отношение обуславливалось неприятием доказательств, говоривших об ухудшении положения крестьянства и вообще народной массы. Рассуждая, по его собственным словам, как «человек не научный, не статистик», а «человек практики, помещик, живущий в известной местности и знающий, что делается в других местностях», Кованько принялся изображать совсем иную картину: «. . . я вижу людей, если это крестьяне, относительно благоденствующих, состоящих в гораздо лучшем положении, чем каждый из нас». «Ни один из них потерять того не может, что потерять можем мы, ни один из них не может быть разорен, как может быть разорен каждый из нас», — уверял он.⁴⁰ Но дело было даже и не в этой их обеспеченности от любых житейских превратностей, а в том, что уже и ныне они ведут безбедно, а точнее, даже вполне благополучное существование. «Они постоянно строятся, они вечно свои постройки приводят в лучшее состояние; они на свадьбы свои тратят огромные деньги, они питаются прекрасно», — в таком безоблачном виде преподносила крестьянская жизнь. В свою очередь с опровержением всех высказанных в адрес Гурко возражений выступил С. Ф. Шарпов, один из самых известных дворянских деятелей, специализировавшийся многие годы как раз на вопросах экономики и сделавшийся как давний оппонент Витте некоторой даже знаменитостью. «. . . Говоривший передо мною живет в каком-то необыкновенном углу России. Я живу в типичной местности средней России и замечаю вокруг себя понижение благосостояния в ужасающих размерах», — напроць отрицал он какую-либо достоверность уверений Кованько.⁴¹ «. . . Наряду с одним голосом предыдущего оратора, который указывал на благосостояние и сомневался в падении народного хозяйства, можно считать тысячи голосов, которые говорят совершенно противоположное», — со всей категоричностью зачислял он оппонента Гурко в крошечное меньшинство, с которым и полемизировать не имеет смысла по причине самоочевидности разделяемых им заблуждений. «Достаточно проехать по российским железным дорогам из конца в конец и посмотреть просто бегло на внешний вид деревень, чтобы увидеть, что такое эти постройки, о которых говорилось — нет, не строятся они, а окончательно разваливаются, — начисто отлетела вся высказанная аргументация. — Деревня сокращает размеры изб, потому что леса истреблены, материал лесной вздорюжал. Падение является страшными признаками, и в это время говорят о благосостоянии неимущей страны».

При обозначившейся диаметральной противоположности занятых позиций Гурко решил подкрепить свою точку зрения, рассеяв повторяемые сомнения в надежности оперируемых им статистических данных, а кроме того, выявив истинную сущность того благополучия, о котором говорилось применительно к крестьянству. «... Обогащение у нас происходит не посредством увеличения количества производимых обогащающимися ценностей, а за счет ценностей, уже созданных другими лицами», — отмечал он тот факт, что «увеличение богатства единиц» происходит «за счет достояния массы». И если кто-нибудь при виде единичных явлений и мог впасть в иллюзию растущего благосостояния крестьянства, то Гурко был твердо уверен, что она беспочвенна, и «в сущности, говоря попросту, обогащение у нас является главным образом следствием столь широко распространенного в наших сельских местностях кулачества и ростовщичества».⁴²

Своими объяснениями и уточнениями он намеревался совлечь съезд с пути обсуждения тех или иных конкретностей доклада, уводивших от признания главного, между тем «иногое заключения быть не может, как именно то, что производительность падает, потребление уменьшается, государственные финансы приходят все в большее и большее расстройство».

Чтобы склонить съезд на свою сторону при уже проявившемся противодействии, Гурко прибегнул к чрезвычайным мерам воздействия, обратившись к собранию с призывом, выдержанным в духе предельного драматизма. «Господа, в настоящую минуту на улицах Петербурга везде на стенах красными буквами написано: „Не пейте сырой воды“. Я бы заменил эту надпись иною, именно надписью, наглядно свидетельствующею наше несчастное экономическое положение. Нужно, — взывал он, — чтобы огненными буквами в душе каждого, в уме всей России этот ужасный для нас факт запечатлелся бы и чтобы в зависимости от этого мы бы стали самым решительным образом на путь экономических мероприятий».⁴³

Однако и этот натиск, в который Гурко вложил всю силу, всю убедительность, на какую он только был способен, не достиг цели. Едва прозвучали его заключительные слова, после которых говорить было бы, собственно, и нечего, поскольку они и так уже были чуть ли не из лексикона Апокалипсиса, как на него напустился один из наиболее известных главарей правых, активный и в среде Объединенного дворянства, курский помещик и член Думы, в которой он был одной из самых заметных фигур, Н. Е. Марков. Явным криминалом служило для него уже одно то обстоятельство, что, «желая осветить положение России, весьма дурное, по мнению докладчика, он, по-видимому, развил целый ряд положений, в которых, почти буквально во многих случаях, подтвердил положения члена Государственной думы Шингарева, нападавшего третьего дня на правительство».⁴⁴ Гурко выступал теперь мистификатором, поставившим все с ног на голову с целью

нагнать на аудиторию беспричинный страх, тогда как для внушаемых им панических настроений нет ни малейших оснований. Настоящая же обстановка в деревне характеризуется «громадной скупкой помещичьих земель крестьянами». Растущий экспорт сельскохозяйственных продуктов рассматривался вовсе не как признак того, что крестьянин отрывает от себя необходимого, чтобы кое-как справиться с непосильными платежами, — один из центральных пунктов в аргументации Гурко — а как свидетельство его увеличивающихся достатков. Беря же объяснение Гурко, иронизировал он уже на грани издевки, «можно дойти до того, что человек, который вкладывает в банк миллион рублей, он этим самым, быть может, лишает своего мальчика штанишек, которые он мог бы ему сшить». Походя удар пришелся и по заступившемуся за Гурко Шарапову. Ничего катастрофического да и просто внушающего сколько-нибудь серьезные опасения нет, хотя «необходимо бороться с нашими бедами, необходимо бороться со всем тем злом, которое несомненно существует», но «не нужно себя запугивать несуществующими страхами». «Никакого обнищания, никакого обеднения против прежнего времени я не усматриваю, — заявлял Марков в опровержение самой сути доклада Гурко. — Усматриваю слабый рост, быть может, недостаточный рост нашего благосостояния, и с этим надо бороться, но нечего запугивать нас, земских людей, знающих жизнь, тем, чего нет». Дело же гораздо проще, и разгадку испытываемых затруднений следует искать в том, что народ «мало трудится, он не воспитан в труде, надо его воспитать в труде и тогда он будет богат. . .». ⁴⁵ Каким именно образом осуществить это на практике, Марков не стал разъяснять. А если уж искать, кому приписать вину за то, что «теперь Россия отошла назад, в смысле экономическом, на 50 лет», то готовым виновником для него была революция, а вовсе не правительство послереволюционных лет, и Гурко строго порицался за то, что он будто бы вовсе запутался в решении элементарной политической задачи, предъявляя претензии совсем не по адресу. Взяв слово вторично, после выступления тоже достаточно известного К. Ф. Головина, жаловавшегося, что Гурко «в крайне мрачных красках рисует картину теперешнего экономического положения России» и к тому же «и в дальнейшем будущем оставляет перед нами беспросветный мрак», ⁴⁶ Марков стал поучать бывшего товарища министра внутренних дел как человека, не уразумевшего политических азов. Аргументацию следовало строить совсем на другой основе. «Была бы ясна цель, если бы докладчиком было доказано, что революция — ужасное зло и что отчуждение земли у помещиков и передача этой земли крестьянам есть зло еще ужаснее», так как раз, мол, «отняли большое количество земли у собственников, дававших хороший урожай, и передали это количество земли собственникам, этого хорошего урожая не дающим, то от этого не увеличилось количество, питающее народ». Укоряя Гурко за неспособность уяснить себе столь простую причинную связь и найти виноватого,

Марков заверил его, что «если бы он хотел доказать эту мысль, то среди нас спорящих не было бы», как и в том случае, если бы он занялся обличительством виттевского правительства. Оно-то «действительно было виновато, потому что лица, которым были предоставлены места в кабинете, могли бы скорее занять места в Шлиссельбургской крепости. Правительство того времени действительно привело нас к бедствию. Если бы это была мысль, которую желал развить докладчик, я первый ему рукоплескал бы», — наставлял Марков Гурко,⁴⁷ совсем будто бы сбившегося с верного пути, а потому следовало безапелляционное заключение: «. . .присоединиться к тем выводам, которые нам старается доказать докладчик, т. е. что теперешняя финансовая политика неверна и что нужно делать другие шаги, к этому присоединиться я не могу и считаю, что доклад этот не обоснован». Но и напористость Маркова не положила конец полемике, а придала ей еще больший накал, еще дальше отдалив друг от друга оппонентов. Все сказанное в опровержение и поучение Гурко теперь в свою очередь отменялось в выступлении тоже давнего поборника дворянского дела, одного из основателей Объединенного дворянства и члена Постоянного совета саратовского помещика Н. А. Павлова. Черноту Гурко он постарался сделать еще чернее, положение еще более отчаянным, надвигающуюся гибель еще ближе.

Павлов был настроен тем наступательнее, что от того, сумеет ли государство финансировать реформу 9 ноября 1906 г., задуманную и сформулированную, снова напоминал он, именно на дворянских съездах, зависела ее судьба. «Мы извне подавали голос, отсюда, из среды наших комиссий, из съезда, создались главные очертания и план закона».⁴⁸ Теперь же, настаивал Павлов, требуется сделать второй, не менее важный шаг, без которого не даст результата и первый, так как «новые земельные реформы без немедленной реформы нашего денежного хозяйства, без коренного переустройства всего нашего экономического хозяйства невыполнимы».⁴⁹ «Без денег, без кредита. . . — убеждал он, — хозяйство крестьян не только не пойдет, но зачахнет и народ начнет выбрасывать миллионы бездомных. . . Без денег закон 9 ноября перепутает все и не даст никаких результатов». Перспектива настолько пугающая, что Павлов предлагал отбросить всякую осторожность и, не останавливаясь ни перед чем, взять за принцип, что цель оправдывает все средства. «Занимайте, выпускайте бумажный знак, куйте фальшивую монету, но доставайте денег, вот что мы должны сказать правительству», — увещевал он съезд, поскольку для него был большой вопрос, «поймет ли наконец эту суть жизни страны финансовое ведомство, изображающее из себя сегодня не то банк, не то простую бухгалтерию».

Настоящее пока что убеждало в обратном, и Павлов целиком и безоговорочно подписывался под каждым тезисом и словом критики Гурко, каким бы оно ни было резким. «Не сомневайтесь же вы, господа, отрицающие важность доклада Гурко, — обращался

он к возражавшим, — не отрицайте этой важности, не обманывайте себя, не утешайтесь успехами нашей финансовой политики: она несчастна, жалка эта политика и ведет нас к банкротству».⁵⁰ Но еще страшнее была для него угроза извне. Как нечто вполне реальное и даже быстро надвигающееся изображал он поработенные страны «западным ростовщиком». «. . . Нечто более страшное, чем война и революция, обоймет нас, стиснет и задушит», — в таком гибельном виде представлялось недалекое будущее, и Гурко еще недостаточно остро представил катастрофичность обстановки. «Если Гурко говорил горячо и настойчиво, и я постараюсь усилить его мысль еще более горячо и угрожающе», — перенимал на себя Павлов роль главного застрельщика в кампании за перемену установленного курса, «призывая не на борьбу с революцией, не на борьбу с внешним врагом, а на борьбу с грозным призраком разорения, которого не сознает ни народ и не хочет понять власть, успокоившаяся на внешнем и только кажущемся благополучии».

Однако и такие силовые приемы не подвинули съезд в целом в нужном направлении, не сплотили его на платформе осуждения практикуемой правительством политики как в корне неверной и признания положения страны бедственным.

И как ни был настойчив Гурко, съезд отказался принять его логику, и при голосовании по губерниям подавляющим большинством голосов (21 против 6) было решено оставить вопрос открытым.⁵¹ Дальнейшая дискуссия как в этот, так и в последующие дни пошла по уже проторенному пути. Утверждаемое Гурко в качестве непреложных аксиом было встречено в качестве тезисов сомнительной обоснованности. И по второму разделу доклада, в котором трактовалась внутренняя политика, и по третьему, где давался анализ аграрного вопроса, последовало множество замечаний, касавшихся наряду с массой подробностей и сути затронутых проблем, и их освещения. Обнаружилось, что даже и расположенные как будто в пользу Гурко не обходились без критики в его адрес. «Если говорить об этом докладе, то несомненно, что его нужно хвалить, т. к. он прекрасен, но в нем есть некоторые такие способы изложения, — высказывался в этом духе Д. Н. Кованько, — против которых я не могу не возразить». Широта и многоплановость доклада сделали его, как теперь убеждался Гурко, уязвимым чуть ли не в каждой фразе, и, не оставляя все-таки надежды привести в конце концов дело к благоприятному концу, он намеревался теперь сосредоточить внимание присутствующих на самом, как он заявил, главном — на постановке аграрного вопроса, предложив немедленно перейти к его обсуждению, а раздел о внутренней политике оставить без принятия постановления, против чего он настойчиво возражал, когда подобное предложение было внесено относительно первого пункта.⁵² Он, очевидно, опасался, что за деревьями, зацепляясь то за одну, то за другую конкретность, могут не разглядеть леса, и теперь хотел направить дискуссию в нужное русло, не давая ей свернуть в невыгодную для себя сторону, как постоянно происходило до сих пор. Весь сле-

дующий день, 20 февраля, ушел на обсуждение выдвинутых Гурко способов вывести сельское хозяйство из того бедственного состояния, в котором оно в его изображении неизбежно пребывало. Развернувшиеся многочасовые прения снова показали, как далеко еще представленное на съезде дворянство от установления общих руководящих начал в этой важнейшей для него области, как разнится оно в понимании причин переживаемого упадка, да даже и в признании самого факта упадка. Доклад для иных из участников явился как бы точкой отталкивания, давая давно поджидаемый предлог высказать свои собственные взгляды, предложить свои толкования и рецепты. В итоге из выступлений складывалась довольно пестрая и даже сбивчивая картина. С одной стороны, произносились созвучные выставленным Гурко тезисам речи. Для говорившего первым полтавского губернского предводителя кн. Н. Б. Щербатова положение землевладения во всех категориях — крупном, среднем и мелком — представлялось «положительно ужасающим: во всех отраслях сельского хозяйства мы видим, — уверял он, — что оно находится в каком-то переходном, критическом положении, просвета в ближайшем будущем не видно».⁵³ Поддерживая Гурко, и он винил за такой результат правительство, которое, из политических соображений скупая у помещиков земли для последующей продажи крестьянству, наносит будто бы непоправимый ущерб сельскому хозяйству, понижая культуру земледелия и лишая его вместе с тем главного источника средств. «Плохо или хорошо хозяйничает землевладелец (купец, дворянин — это безразлично), но во всяком случае он хозяйничает лучше, — доказывал он, — чем местное крестьянское население, лучше — по большей культурности и главным образом потому, что имеет известные средства; но когда это имение продается, то эти средства, этот капитал, который обращался в этом районе, из него исчезает, потому что лицо, продавшее имение, не остается там, чтобы держать кассу ссуд, а отправляется в Петербург, за границу. И это поразительное оскудение в деньгах, которое замечается в местах, является настоящим бедствием».⁵⁴

Но осуждение могло заходить гораздо дальше, и главной причиной расстройств и продолжающегося скольжения вниз выдавалась уже не ошибочная политика правительства, а сама аграрная реформа и связанные с ней другие мероприятия, вместе составляющие целостную систему. Так ставил вопрос Я. А. Ушаков — помещик средней руки Ярославской губернии, десятки лет прохозяйствовавший в своем имении, а кроме того, служивший и по местному управлению, находившийся 11 лет в должности земского начальника, теперь же состоявший членом Государственного совета. По его утверждению, суть укореняемой системы заключалась в том, что «весь наш уклад русской жизни, вся наша старина пойдет насмарку».⁵⁵ Но тем самым порицалось не только правительство, но и общий курс на упразднение общины, в работе которого главенствующая роль принадлежала как раз

Гурко. И если вступили на этот путь, то в полном соответствии с поставленной целью выходило, что «заботы направлены на то, чтобы дать возможность сильным, здоровым, смелым голосам раздаваться, а слабым, бедным — для тех не предполагается какие-нибудь меры принимать». Как будто бы повторяя слова Гурко, метившего в Столыпина, которому по поводу открыто провозглашенной ставки на сильных читалась настоящая проповедь, Ушаков обращал их против самого инициатора похода на общину. Быстро ли совершится переворот или, как настаивал Гурко, с соблюдением некоторой осторожности, для него не имело принципиального значения. Важным же было, что с осуществлением закона 9 ноября 1906 г. рухнет старый строй отношений и «положительно опасно будет оставаться в деревне, придется бежать оттуда просто поневоле; как же вы будете жить: тут стоит голодный, тут проходит нищий».

Но, как и на предшествующих съездах, защита общины как таковой была делом одиночек, и подавляющее большинство еще в годы революции пришло к окончательному убеждению, что единственный остающийся выход — поскорее разделаться с этим крупнейшим остатком прошлого, хотя и сознавалось, какой громадной встряской будет столь резкое изменение условий жизни в деревне. Никто не встал рядом с Ушаковым, когда против него немедленно выступил будущий член Постоянного совета сенатор С. П. Фролов, громко повторивший то, что говорилось в пользу перехода к индивидуальной форме хозяйствования, выразив заодно уверенность в обоснованности опасений, будто начнется массовая распродажа земли крестьянам, как только они получат ее в свое распоряжение.⁵⁶

Об обстоятельствах принятия закона 9 ноября напомнил К. Ф. Головин, выявляя категорическую необходимость этого шага ввиду отчетливо обозначившейся перспективы краха всего существующего строя. «В том положении, в котором мы тогда находились, в том пожаре, который охватил всю Россию, в том понятии, что все зависит от крестьянского сословия, что все, что крестьяне задумают сделать, в тот же момент ими будет осуществлено, — вот что заставило правительство метаться из стороны в сторону, не имея под собой твердой опоры, боясь потерять свое положение, и не только свое положение, но и самую династию», — восстанавливал он обстановку все ближе надвигающейся катастрофы,⁵⁷ но «к счастью... явился закон 9 ноября». Он-то и позволил дворянству уцелеть, и каковы бы ни были его отрицательные последствия, с ними следовало мириться. «Как бы он мало ни был удовлетворителен, — рассуждал Головин, — но в настоящий момент он сослужил свою службу. Он остановил то крестьянское брожение, которое было основано на голоде земли и которое кидалось во все стороны, чтобы эту землю захватить». Выведя одним отчаянным рывком дворянство и вообще существующий порядок из-под удара, правительство тем меньше заслуживало критики, что после совершения пусть и вынужденного маневра оно подтвердило свою

продворянскую ориентацию. В пояснение Головиным приводился третьеиюньский переворот. «Вот вам уже доказательства того, что правительство одумалось и ищет другие пути», — призывал он быть к нему снисходительнее, верно оценивая его готовность упрочить свои связи с общественной верхушкой. Гурко в этом контексте перестарался со своей тотальной критикой, но со скидкой на эту гипертрофированную увлеченность отрицанием доклад его оценивался самым высоким баллом. Общий же вывод сводился к тому, что в момент, когда правительство занято поисками направления, по которому двинуться дальше, «обязанность дворянского Объединенного съезда указать на эти пути. Они прекрасно указаны в докладе В. И. Гурко, который мы должны всей силой своего авторитета поддержать».⁵⁸ Хотя эти слова и были покрыты аплодисментами, Гурко все-таки продолжал оставаться для части аудитории человеком крайностей. И уже в полную изоляцию попал Гурко в своей попытке побудить дворянство по-новому взглянуть на деятельность Витте и проводившееся им насаждение промышленности. Для тех, к кому он обращался, Витте и все им сделанное продолжали оставаться главной причиной всех зол и бед. Тон выступлениям на эту тему задал старый противник Витте С. Ф. Шаррапов. Он видел только один вред в том, что Витте «чрезвычайно широко раздул промышленность, поднял громадные отрасли, вызвал огромные цифры производства, бросил население с земледелия в каменноугольные шахты и на фабрики, развил всевозможные виды промышленности. . .».⁵⁹ Безапелляционный приговор Витте и его методам произнес С. С. Бехтеев, выводя самого себя в роли самого крупного знатока в области экономики и старейшего борца за дворянские интересы, на защиту которых он встал еще в 1865 г., с его избранием в только что созданное земство. Высоко поставив себя как свидетеля хода дел за весь пореформенный срок, он представил съезду обзор почти уже полувекковой эволюции страны. Свои выводы он обобщил в концепции, основу которой составляло безоговорочное осуждение, во-первых, политики Витте и, во-вторых, попыток найти решение вставших задач на пути политических преобразований. И там, и здесь результатом была катастрофа. «В 90-х годах при общем сельскохозяйственном кризисе наблюдается кратковременный расцвет обрабатывающей промышленности, взлелеянной правительством. Эта расцветшая промышленность, колоссальными деньгами оплаченная государством, лишенная потребителей, оказалась быстро и скоро в той же пропасти, куда упали и крестьянство, и землевладельцы, — находил он в противоположность Гурко один только непомерный ущерб в итоге всех предпринятых усилий. — Начало XX века ознаменовалось крахом обрабатывающей промышленности».⁶⁰ А между тем «сельское хозяйство не только было подавлено, но и забыто». Дальнейшее вплоть до самого последнего времени изображалось как увлечение политикой при забвении экономики, и в этой трактовке Бехтеев сходил с Гурко, но сходил с Гурко как представитель крайней реакции, отрицавшей малейшую необходимость что-ни-

будь менять в политическом устройстве, горой стоявшей за сохранение архаики во всей ее неприкосновенности. «Я думаю, вы согласитесь со мной, — обращался он к съезду, — что нельзя в период общей расшатанности, когда все поколеблено, когда поколеблены все авторитеты — бога, царя, законов, власти, когда все отвергается, все подвергается сомнению, в этот момент предпринимать перестройку учреждения по рецептам, продиктованным не жизнью, а стремлением осуществлять отвлеченные доктрины, и подражать Западу, искать примера там. Ясно, что это значит идти на новую, очевидную, несомненную смуту».⁶¹ Вполне достаточно было предоставить всем желающим возможность покинуть общину, даже не уничтожая ее и не боясь того, о чем предупреждал Гурко. «Жизнь переработает, переделает все по-своему, поэтому меня не страшит и рождение пролетариата, — настраивал он безбоязненно смотреть в будущее, — экономический подъем страны, если он совершится, даст и ему хорошее приложение его труда, не страшно мне и то, что новые законы поколеблют общину, что раскабальятся люди из-под деспотии мира, все это мало меня смущает».

Перечеркнув все прежде сделанное и признав это ложным, в особенности все, связанное с именем Витте, следовало избрать совсем иной путь и предъявить правительству уже не ходатайство, а требование совершить новый переворот. «Мы должны сказать громко всем имеющим уши слышать все, что дворянство думает о положении России, о проектируемых реформах и о необходимости удовлетворения первейших ее потребностей», — настаивал Бехтеев на переходе к широким наступательным действиям, под которые попадали и представители дворянства в Думе и Государственном совете, пока что пренебрегающие, по его мнению, своими обязанностями перед сословием. «... Они давно обязаны не только по долгу народного представителя, но ранее всего по долгу дворянства, — высказывал он строгое порицание в их адрес, — изменить курс своей политики и сосредоточиться на вопросах экономического подъема страны, по достижении которого все остальное само собой приложится. Вот что — и именно им — мы первое всего должны сказать».

При обнаружившемся расхождении с Гурко — прежде всего из-за оценки роли Витте — Бехтеев все же был готов подписаться под его основными положениями, побуждая и съезд в целом последовать его примеру. Имея в руках это оружие, можно было заставить верхи переменить курс, во всяком случае начать действовать в этом направлении. Доклад давал нужную точку отталкивания. «Думаю, что как данные, доложенные съезду дворянином Гурко, так и восстановленные мною в вашей памяти события последнего сорокалетия, война и революция, — все это не может не свидетельствовать о том, что Россия несомненно находится в состоянии давнего, ныне очень обострившегося экономического упадка, — нацеливал он съезд на подтверждение всем своим авторитетом этого главного тезиса, — что дальнейшее игнорирование этого печального положения при сосредоточении законодатель-

ной деятельности на реформах волостного суда и администрации, на сломке всего местного управления и на установлении для сего новых налогов есть образ действия не только неверный, но и пагубный, народным средствам и потребностям не отвечающий».⁶²

И в заключение ставилась задача склонить к признанию этого взгляда законодательные инстанции, действуя через представленных в них дворян, хотя до сих пор они и сами упрекались в недостатке рвения в отстаивании интересов сословия, в следовании по ложному пути.

На этой стадии Гурко вновь вмешался в ход обсуждения как для того, чтобы сделать более убедительной свою позицию, так и для форсирования принятия нужного ему решения съезда, видя, что все затеянное дело может иначе погрязнуть в бесконечных прениях с аккумуляцией всякого рода критики в его собственный адрес. Он и сделал попытку обезоружить своих теперь уже достаточно многочисленных оппонентов, усматривавших в его докладе предосудительное стремление «подорвать значение власти». Ему самому предъявлялось обвинение, «что это есть некоторого рода кадетизм все отрицать».⁶³ Оказавшись в этой совершенно неожиданной для себя роли пособника кадетов, Гурко принялся доказывать, что между ними и им существует «громадная разница», состоявшая будто бы в том, что «кадеты разрушают и ничего взамен не предлагают, кроме туманных политических построений», тогда как его цель — «перевоспитание страны путем увеличения ее достатка». Однако то, что ему пришлось оправдываться в таком пункте, говорило о том, в каком затруднительном положении он оказался, выступая чуть ли не носителем или хотя бы бессознательным распространителем крамолы. Тем более что одновременно Гурко порицался и за то, что он будто бы подрывает в глазах иностранных финансистов кредитоспособность России, живописуя одолевающие ее беды и не оставляя надежды на скорую перемену к лучшему. «Это заблуждение, господа. Наше экономическое положение Европе и ее финансовым сферам, — оправдывался он, — безусловно лучше известно, чем нам».⁶⁴ А пока на основании уже обсужденных разделов доклада он предложил вынести согласную с их содержанием резолюцию, остальную же часть принять к сведению как «слишком специальную».

Но и без того туго подвигавшееся дело вовсе застопорилось после выступления псковского представителя А. Н. Брянчанинова, разыгрывавшего на всех предыдущих съездах роль оппозиции, не ради, однако, оппозиции самой по себе, но чтобы склонить их участников больше считаться с временем и его требованиями, вообще лучше отдавать себе отчет в реальностях обстановки, дабы не быть выброшенными событиями за борт. Всякий раз он вызывал, впрочем, одно только осуждение, и его дюжинный либерализм октябристского пошиба навлекал на него лишь резкие нападки, и в итоге неизменно возникала граничившая со скандалом ситуация. И в этом случае его выступление повело к громкому скандалу, так как вопреки установившемуся, несмотря на разногласия почти

по всем остальным пунктам, общему мнению, что верхи впали в пагубное заблуждение, приступив к политическим преобразованиям якобы в ущерб заботам о хозяйстве, тогда как именно ему следовало посвятить все внимание, он принялся доказывать, что без изменения политических порядков нельзя ожидать и перемен к лучшему в экономике и пора дворянству перестать упорствовать в защите нетерпимой и для него самого губительной архаики. Доклад Гурко послужил для него подходящим поводом, чтобы возобновить свои увещания, будучи вместе с тем и симптомом возможных перемен в занимаемой дворянством позиции, так как в нем была сделана попытка изобразить положение без прикрас, признав его нетерпимым и требующим принятия безотлагательных мер. «В прошлом году, а тем более 2 года тому назад, на первых наших съездах, — сравнивал он, — доклад, нам представленный, был совершенно невозможен. Тогда угар реакционного настроения был еще так силен, что никакая критика тех лиц, которые ныне находятся у власти, была бы невозможна в таком собрании».⁶⁵ Предъявленные Гурко претензии верхам являлись для него признаком того, что «теперь можно констатировать, что этот угар реакционный прошел. Начинают констатировать, что одно дело — держать в кулаке нити виселиц, и другое — направить хозяйственную жизнь страны в то русло, которое обеспечивает выход из того тупика, который здесь чрезвычайно красноречиво был нарисован». Приветствуя острую критическую направленность доклада, Брянчанинов ставил его на иную почву. За основополагающее начало он брал как раз отвергаемый как Гурко, так и всеми остальными принцип. «... Вне политических вопросов, — возражал Брянчанинов, — невозможно разрешать экономические вопросы. Вот в этом-то и лежит центр тяжести».⁶⁶ Повернув, таким образом, вопрос в прямо противоположную сторону, он корил Гурко за то, что тот «со свойственным ему пафосом подчеркивал сохранение неограниченного самодержавия в России, которое составляло несчастье русской жизни...». Он не успел договорить эти слова, как последовала бурная реакция. В зале поднялся шум, раздались возгласы: «Замолчите. Довольно. Вы не знаете, где говорите... Дальше идти нельзя». Однако в духе сказанного Брянчанинов продолжал вести свою линию, развивая либеральную трактовку поставленной Гурко проблемы и выставляя главным препятствием всякому улучшению дел незавершенность и в сущности фиктивность произведенных политических преобразований. Успех возможен в том лишь случае, если общественные верхи под предводительством дворянства получают доступ к действительному управлению страной и смогут повести за собой народную массу, подчинив ее своей идейной гегемонии. «... Пока землевладелец не протянет руку крестьянину для совместной работы, — формулировал Брянчанинов названное им главным условие, — пока не будет тех форм общественной самодеятельности, никакого возрождения, ни экономического, ни финансового, быть не может. До тех пор пока опека государственная будет

в руках самодержавных докладчиков, до тех пор никакая реформа пользы не принесет».

И раз положение было настолько бедственно, как о том свидетельствовала совокупность собранных Гурко данных, съезду ничего не оставалось, как, следуя всей логике неопровержимых фактов, сделать именно вывод, что «до того момента, пока общество всех классов без различия не будет работать над возрождением страны, пока у нас не будет народного представительства, не пародии на народное представительство, до тех пор ничто не может вывести Россию из ее теперешнего положения».⁶⁷ Ответом на этот призыв присоединиться к либеральной программе был вновь поднявшийся шум, обвинения Брянчанинова в том, что он будто бы оскорбляет собрание, и обращенные к председателю требования унять оратора. Брянчанинов тем не менее не переставал настаивать на необходимости преодолеть дворянству сословную замкнутость и, способствуя упрочению новых начал, тем самым утвердить свое главенство, иначе, держась за старое, оно будет оттеснено на второй план. «... Дворянство в России только тогда будет иметь силу, — склонял он съезд поддержать эту стратегию, — когда оно будет не во имя своих узких сословных интересов, а во имя интересов общественности отстаивать и развивать те общественные учреждения, которые были созданы и существуют внесословно.

Идя по этому направлению, сила ваша будет несокрушима, если вы создадите такие учреждения, в которых будут заседать не одни дворяне, но и представители биржевых комитетов, купцов, крестьян и т. д.».⁶⁸ Усилия Брянчанинова подвинуть собрание в этом направлении пропали даром. Своей обостренной реакцией оно лишь подтвердило, что остается чуждым всякому либерализму и использование Брянчаниновым доклада Гурко в качестве веского обоснования программы либералов лишь усилило настороженное отношение к предложению подать его уже от имени съезда.

Как ни отгораживался Гурко от кадетов, Брянчанинов наглядно продемонстрировал, что либеральная оппозиция сумеет воспользоваться концентрированной критикой правительства в своих целях, и в сознании этого всякая успешность отклонялась. «Доклад очень обширный, многосторонний, очень интересный, — судил кн. П. Л. Ухтомский, готовый обронить и несколько слов похвалы, — но все-таки съезду дворянских обществ, ввиду того что это учреждение авторитетное, голосу которого придают особое значение, наспех принимать такие важные доклады нельзя». Предлагалось для окончательного вынесения решения сначала напечатать его и уже через два-три месяца, которые могли для этого понадобиться, снова вернуться к обсуждению и только тогда принять соответствующую резолюцию. Раздавшиеся в зале возгласы одобрения указали, что так думал не один Ухтомский. Принять подобного рода процедуру значило бы в сущности, как оценил сделанное предложение К. Ф. Головин, «похоронить доклад, сдать его в долгий ящик, как это нередко делается с неудобными

докладами».⁶⁹ Так же понял дело и сам Гурко. «...Такое предположение равносильно тому, чтобы похоронить доклад. Вы не с докладом сражаетесь, а только с теми тезисами, с которыми вы не согласны», — отзывался он об избранной тактике, настаивая на том, чтобы по рассмотрении тезисов в Редакционной комиссии они были ею представлены съезду на утверждение или отклонение, но без отлагательства. Он был готов довольствоваться на худой конец самим фактом состоявшихся прений, тем, что доклад был «внесен в известное установление, обладающее обширным значением, — в общедворянский съезд». «Один факт, что съезд заслушивает вопросы экономические, дает ему громадное значение, — пояснял Гурко, — и то, что на нем говорится, получает широкое распространение».⁷⁰

Поддержка со стороны В. Л. Кушелева, С. С. Бехтеева и кн. Н. Б. Щербатова позволила Гурко избежать обрисовавшейся угрозы отсрочки. На следующий день, 21 февраля, он уже в виде справки изложил для сведения съезда содержание заключительных частей своего доклада. Гурко тем самым рассчитывал сгладить неблагоприятный эффект от выступления Брянчанинова, с которым для вящей убедительности он вступил в прямую полемику. Его обеспокоенность по поводу того, как бы их не приняли за единомышленников, не была преувеличенной, как показало совершившееся в тот же день совместное выступление псковской делегации с декларацией о полном несогласии с Брянчаниновым, обвиненным в произнесении «кощунственных слов» относительно пределов царской власти. «...Считаю своим долгом заявить собранию, — говорил по поручению псковского губернского предводителя дворянства В. Л. Кушелев, — что такое крайне неприличное звание дворянина мнение является, конечно, исключительным, единичным среди дворян Псковской губернии».⁷¹ От их лица был зачитан манифест с провозглашением неограниченного самодержавия, произведший некоторого рода переполох. В недоумение был приведен кн. Ухтомский. «Я, конечно, сочувствую речи дворянина Кушелева, но должен сказать, что у нас тут не учредительное собрание. Мы не призваны ни прибавлять, ни убавлять прав монарха, все это узаконено основными законами», — находил он несколько сомнительными претензии псковских дворян своевольно устанавливать образ правления, что могло квалифицироваться как неподчинение установленному порядку. А с выступлением самого Брянчанинова, пожелавшего ответить на предъявленные ему обвинения и снова повторившего, что неограниченного самодержавия больше не существует, дело приняло вовсе скандальный оборот. Поднялся сугубый шум и крик, так что гр. Бобринский в качестве председателя посчитал необходимым вмешаться и своей властью прекратить перепалку. «Существует или не существует самодержавие в России, вопрос этот в дворянском съезде не поставлен и поставлен не будет», — постановил он, лишив слова как Брянчанинова, так и его оппонентов, раввавшихся свести с ним счеты.⁷² Случившееся столкновение служило очевидным показате-

лем накаленности обстановки, и при такой степени разлада Гурко ничего не удалось достичь. Напрасны были все его усилия как-то сгладить острые углы, притушить разногласия, установить наконец приемлемую для большинства программу. Это большинство упорно не шло на предлагаемый маневр. С пространными возражениями сызнова выступил кн. Ухтомский, по-прежнему не соглашаясь ни с общей оценкой состояния России, ни с рекомендуемыми методами выправить положение. Сходным образом выступил вслед за Ухтомским С. П. Фролов. Он и похвалил Гурко, который «кроме даровитости и огромного опыта вложил в доклад массу труда», но его никак не устраивала самая суть концепции. «Нам представлена Россия нищая, голодная, отравленная водкой, в которой, как указано было, народ топит свое горе», — так обобщал он смысл доклада, отказываясь признать такое изображение правильным.⁷³ А надо было руководствоваться той точкой зрения, что «не из таких бурь выходила Россия. Из того, что сейчас цифры складываются против России, что мал % паровых сил, мал % железных дорог и т. д., еще не следует, что Россия погибнет». Он не усматривал ровно никаких оснований для тревоги, считая теперешние тяготы преходящими, и «при своей громадной устойчивости и гранитной выносливости, — открывал Фролов источники своей уверенности в конечном благополучном исходе, — Россия выйдет из временной неурядицы гораздо легче и скорее, чем многим теперь представляется. Эти мрачные предсказания раздаются не впервые, но жизнь их не оправдывала, а значительно смягчала и умаляла. Все эти мрачные предсказания Россия слышала, слышала много раз, но не погибла».⁷⁴ Подобно Ухтомскому, он связывал надежду на улучшение с проведением в жизнь закона 9 ноября, явившегося «событием громадной политической важности». И, уверенно заключал он, «априорного убеждения в столь отчаянном положении России съезд, во всяком случае большинство его, не имеет».

В оценке доклада явно превалировали не утилитарные или деловые соображения, а соображения принципа, с точки зрения которого Гурко переступил границу допустимого и превратился в некое подобие опасного нигилиста, хотя бы и наделенного большими способностями. «Я слышал доклад и считаю его великолепно, но не объективно составленным и присоединяться к нему не могу», — четко сформулировал этот принципиальный подход Кушелев.⁷⁵ Он ставил все дело на политическую почву. «Я не могу присоединиться от лица всероссийского дворянства к полной критике нашего государственного быта. Это недостойно нас. Мы можем сожалеть об этом, но кричать на все стороны, что у нас ничего хорошего нет, а все дурно, нельзя, — выставлялись критерии, которыми в этом случае надлежало руководствоваться. — Поэтому, присоединяясь к мысли о том, что теперь действительно на первой очереди должны стоять вопросы созидательного, экономического свойства, я не присоединяюсь вполне к этому докладу, который выражает одно порицание и поношение нашему государству».⁷⁶

Сторонники Гурко, стараясь удержаться на чисто фактической почве и избегая политических выходов, продолжали в этом духе толковать, что приведенные данные не могут быть оспорены. Но ввиду нарастающего сопротивления от съезда требовалось теперь только признание в самой общей форме, что «Россия находится в состоянии экономического упадка» и «необходима правильная экономическая политика». ⁷⁷ Эта программа-минимум уже никак не походила на генеральный штурм правительственной политики, который должно было произвести по сигналу и планам Гурко Объединенное дворянство. Но тем не менее доклад определенно приобрел вид вызывающей политической демонстрации, и принятие любых его тезисов, присоединение к Гурко даже в частностях отвергались прежде всего по мотивам политического свойства и именно такими зубрами, как Марков. «Г. г., не будем играть в руку левым, которые безусловно будут делать ссылки на наши слова для своих нападков на правительство, на Россию и на государство», — выдвигал он тот главный довод, который побуждал его встать против Гурко. ⁷⁸

Полемика не прекратилась и после этих выступлений. С ответом оппонента трибуну снова занял Гурко. Он продолжал бить все в ту же точку. «Мы здесь слышали такого рода идиллическую картину, что, по-видимому, существует в пределах Европейской России какая-то Аркадия, — иронизировал он, — которая известна кн. Ухтомскому; мне она, к сожалению, неизвестна». ⁷⁹ Постарался он отбиться и от обвинений в антиправительственных поползновениях. «Г. г., я правительство не критикую, — оправдывался Гурко. — Все стрелы мои были обращены ведь главным образом на финансовое ведомство». Но и это приглушающее основное звучание доклада уточнение сопровождалось той оговоркой, что «нынешнего министра финансов знаю с давних пор, в высокой степени уважаю, это редкий по своим способностям государственный деятель, и поэтому в этом вопросе я вовсе не критикую правительство». ⁸⁰ «Я только указываю на то, что нам надлежит сделать», — до такой узкой сферы ограничивал теперь Гурко свои намерения, хотя обстоятельства и требовали «взять вечевой колокол, дабы разбудить нас от того сна, в котором мы находимся». И, чтобы не оставалось дальше никаких сомнений в его собственном политическом кредо, В. И. Гурко причислил себя к сторонникам «могущественного, неограниченного самодержавия», к каковым он отнес под громкое одобрение присутствовавших и все дворянство в целом.

На основании развернувшихся долгих прений теперь особая комиссия должна была представить на утверждение съезда свое заключение по докладу. 22 февраля 1909 г. Гурко доложил разработанный ею проект резолюции. После состоявшихся дебатов, в ходе которых достаточно четко выявилось, что доклад не принимается как приемлемая общая платформа, Гурко от имени комиссии специально отметил, что предлагаемый проект отражает лишь их содержание. Но, хотя и отделяемый от доклада, он все

же сохранял с ним преемственность. Она просматривалась во вступительной преамбуле, где говорилось, что съезд обсудил «современное экономическое положение России в связи с правительственной деятельностью как в области общего управления, так и в деле подъема народного благосостояния».⁸¹ В следуемых затем трех выводах в той или иной мере перефразировались основные тезисы доклада. В первом утверждалось, что «экономическое положение России настоятельно требует незамедлительного принятия самых решительных мер, направленных к развитию всех отраслей народного труда и сельскохозяйственной промышленности в особенности». Это звучание предъявляемой правительству претензии усиливалось в следующем пункте, в котором с недвусмысленным осуждением заявлялось, что «современная правительственная политика под влиянием преходящих течений направлена преимущественно к осуществлению различных преобразований в порядке управления и суда», она не останавливается «перед теми крупными новыми расходами государственного казначейства, которые сопряжены с осуществлением предположенных преобразований». Хотя и признавая пользу некоторых из них, в особенности же постановку народного просвещения целиком в духе укрепления существующего порядка, комиссия в противоположность этому курсу предлагала сосредоточить «все внимание правительственных и общественных слоев» на «развитии производительных сил страны». В третьем пункте разъяснялось, что это должно происходить без ущерба для дворянского землевладения, и в согласии с рекомендациями Гурко правительству предлагалось озаботиться увеличением площади крестьянского землевладения. Однако лишь «за счет тех огромных, существующих поныне в Европейской России необработанных земель», которые хотя пока и не пригодны для ведения сельского хозяйства, но в дальнейшем могут быть приведены в культурный вид. О практикуемой скупке помещичьих земель с их последующей продажей крестьянству, хотя она прямо и не упоминалась, давался решительно отрицательный отзыв. «Переход земли от землевладельцев к земледельцам, сопряженный с раздроблением ее на мелкие участки, если он происходит с нарушением в данной местности правильного соотношения между крупным, средним и мелким землевладением, существенно нарушает, — заявлялось в проекте, — общегосударственные интересы». В доказательство утверждалось, что «при настоящем низком уровне крестьянского сельского хозяйства» от этого происходит «понижение производительности земли», а кроме того, приходят в упадок общественные организации, так как уход дворянства «лишает сельские местности столь необходимого для процветания земской жизни культурного элемента», а в конечном счете бьет по самому крестьянству, поскольку, мол, «увеличивая земельные владения меньшинства крестьянства, уменьшает количество заработков у остальной его части».

В связи с предложенным проектом уже напоследок завязалась новая дискуссия, но и при прозвучавших сомнениях резолюция все

же прошла. Однако ее реальная весомость была далеко не той, чтобы стать программным документом. В этом плане примечательно, какой поворот попробовал дать ей Пуришкевич. Он воспользовался несколькими словами из второго раздела насчет необходимости позаботиться об упрочении в народе преданности существующему режиму и именно их постарался сделать смысловым центром. Он произнес пространную речь, в которой громились все независимые от правительства общественные организации и больше всего «Лига образования», видя в подчинении народной массы идеологии самодержавия единственный способ уцелеть. Если это не удастся сделать и народная школа ускользнет из-под контроля охранителей, гибель неотвратима. «...Когда войска и народная школа будут охвачены революцией, тогда, — уверенно предрекал он, — дело наше проиграно и кадеты, и левые, и правые — все будут висеть на фонарных столбах и телефонных проводах, ибо тогда не будет элемента, который встал бы на защиту царя, отечества и основных законов».⁸² Вся речь, покрытая аплодисментами, законченная под возгласы «браво», была произнесена в этой тональности, и Пуришкевич добивался, чтобы она послужила основным содержанием этого раздела резолюции. Гурко употребил все усилия, чтобы не допустить такой подмены, и ему удалось склонить съезд к образованию особой комиссии, которая должна была заняться возникшим по инициативе Пуришкевича новым делом, но весь эпизод говорил о слабости позиций Гурко.

А между тем доклад в его планах был лишь первым шагом. В расчете увлечь за собой съезд он затем предполагал от его имени обратиться с ходатайством о созыве комиссии специалистов по экономическим вопросам, нечто вроде экономического парламента, который бы установил, что следует предпринять для того, чтобы страна смогла наконец двинуться вперед. В состав этого органа должны были войти выборные представители дворянских и земских учреждений, «выдающиеся лица» от биржевых комитетов, от торгово-промышленных сфер, которым предназначалось стать полномочными законодателями в области экономики, тогда как Дума для такой роли не подходила. «Государственная дума, конечно, сохраняет за собой все свое значение, — объяснял Гурко свой замысел, — но она этим делом ныне заниматься не в состоянии». Ее неспособность взять на себя руководство выводилась из того, что она «завалена своей текущей работой», т. е. рассматриванием и принятием росписи, собственно законодательством, а также из ее некомпетентности. «Как Государственная дума, так даже и Государственный совет не заключают в себе специалистов по всем тем отраслям народного труда, участие которых необходимо для разработки экономического положения России и указания тех конкретных мер, которые необходимы для поднятия всех многочисленных различных отраслей нашего народного труда». При подобного рода обстоятельствах выдвигаемое предложение приобретало исключительную значимость, и Гурко именно так ставил вопрос.

«... Если мы взойдем с ходатайством к кому следует о немедленном созыве этой комиссии, мы сделаем великое государственное дело», — взывал он к собранию поддержать задуманное им начинание.⁸³ В предупреждение каких-либо неожиданностей и успокоение уже возбужденных опасений предлагалось теперь же установить «пределы и программу этого съезда, дабы раз навсегда исключить всякую возможность испортить дело вливанием в него политики».

При обсуждении предложенного главную роль сыграли соображения политического порядка. Для В. Л. Кушелева созыв комиссии означал созыв еще одной Думы кроме уже имеющейся, приближающейся, скорее, к ее предшественницам, и его отношение к такой возможности было безусловно отрицательным. «Я считаю, что довольно того опыта, который мы имели в России с первыми думами», — заявлял он в категорической форме свое несогласие, предвидя, что не дворянство будет главенствовать в свободно выбранном собрании. «Мы не хотим идти по пути, как было раньше, когда третий элемент взял верх и управлял таким съездом, когда вопрос был не о сельскохозяйственной экономике, а политического свойства...», — напрямик высказывал он свои опасения.⁸⁴ Не устраивая столь рискованные эксперименты, следовало упрочить контакты с правительством, «которое наша обязанность поддерживать в видах порядка». Убедившись, какие опасения вызывает проектируемый съезд, Гурко предлагал поставить его под строгий правительственный контроль и соответственно сформировать его не по выборам, а по назначению.

Созданная для составления резолюции по докладу комиссия предложила наряду с прочим, как поступить со съездом. Ее решение должно было повести к значительной задержке с осуществлением этого плана. В ней возобладала та точка зрения, что сначала необходимо установить, как и из кого формировать съезд, какова будет его программа. Сама комиссия не располагала временем, чтобы разработать эти вопросы, и поэтому дело предлагалось передать на разрешение Постоянному совету, которому надлежало «подробно обсудить возможные способы... обследования экономических потребностей страны» и только тогда внести свои заключения на рассмотрение следующего съезда. В известное противоречие с таким решением комиссия вместе с тем предложила съезду иной вариант, полагая возможным уже теперь назначить срок созыва этого не имеющего программы, как и никакой другой определенности, совещания. В этом, видимо, сказалось воздействие Гурко, которого, конечно, столь длительное промедление, вытекавшее из основного решения, устраивать не могло и который по новой процедуре явно рассчитывал ускорить реализацию своего замысла.

Он намеревался добиться от съезда авторитетного поручения новому составу Постоянного совета приступить при широких полномочиях к осуществлению своего замысла. Но хотя новый Совет, в котором Гурко занял место управляющего делами, получил

задание приступить к разработке проекта, обстановка указывала на то, что на успех в этом предприятии вряд ли можно рассчитывать. Это стало еще яснее в свете конфликта, разыгравшегося почти сразу после завершения обсуждения доклада Гурко в связи с постановкой доклада одного из наиболее известных деятелей Объединенного дворянства, входившего в число его основателей, — В. Н. Снежкова. Между обоими докладами существовало прямое сходство. Снежков тоже заботился о созыве через Объединенное дворянство съезда, на этот раз земского, как первого шага в создании новой общеземской организации. Он уже выступил в печати с изложением своего плана, и по его докладу о земстве и предстоящих ему задачах московское объединение «Кружок дворян, верных присяге», членом которого он тоже состоял, еще 6 октября 1908 г. обратилось в Постоянный совет с предложением, чтобы Совет взял на себя организацию нового общеземского съезда. Дело было тем важнее, что оно не сводилось к этому единичному мероприятию. По мысли Снежкова, для направления деятельности земства «на правильный путь» и общего ее оживления необходимо сделать регулярными съезды уполномоченных уездных земств.⁸⁵ На первом же съезде предполагалось обсудить намечаемую местную реформу и в связи с ней реформу земства. Но если сам Снежков видел в осуществлении своего плана возможность поднять престиж и влияние Объединенного дворянства, то в Постоянном совете при обсуждении прозвучали всякого рода сомнения и оговорки. Уже А. Б. Нейдгарт, считая полезным выяснить мнение дворянства о местной реформе, находил съезд громоздким предприятием, а выступивший вслед за ним симбирский губернский предводитель В. Н. Поливанов и вообще заявил о нежелательности созывать съезд, т. е. принимать за него ответственность Советом Объединенного дворянства.⁸⁶ Другие участники прений — А. Н. Наумов, А. А. Нарышкин, Н. Н. Чолокаев — тоже были расположены проявить осторожность, полагая более безопасным произвести сначала зондаж на местах. Решительнее были настроены С. С. Бехтеев и гр. В. Ф. Доррер, попробовавшие было рассеять высказанные опасения указанием на то, что съезд-де должен быть занятый обсуждением исключительно хозяйственных вопросов и потому «месту какой-либо политике на нем быть не может».⁸⁷ Но неубеденным остался сам глава объединения гр. Бобринский. «Если такой съезд под флагом Объединенного дворянства удастся, то, понятно, это послужит только к нашей вящей славе, если же нет, то надо подумать о последствиях», — формулировал он смущавшую не его одного дилемму. Бехтеев и после этой откровенной констатации возможности легко попасть впросак все же находил дело весьма заманчивым, видя в нем «шаг к объединению дворянства с земством под главенством первого».⁸⁸ За созыв съезда под эгидой Объединенного дворянства уже после категорического заявления Нейдгарта, что это «немыслимо», высказался и Гурко, так как, только будучи созван Советом, «он будет солидарен с идеями Объединенного дворянства». Решение передать вопрос

на рассмотрение предстоящего вскоре съезда уполномоченных наиболее соответствовало ходу прений. На съезде Снежков теперь вкратце повторил основное. Он исходил из того представления, что «в настоящее время почти все земства империи переживают тяжелый кризис. Земства не только не имеют возможности расширять свою деятельность, но вынуждены даже сокращать ее, отказывая населению в удовлетворении его самых насущных потребностей».⁸⁹ Выход он видел в создании общеземского союза, который должен был занять место уже существующих, но почти не связанных между собой объединений, возникших для удовлетворения тех или иных практических надобностей. Обстоятельства, доказывал он, требуют немедленно приступить к организации земских сил. «Переход крестьян к землевладению на правах личной собственности, настоятельная необходимость поднять доходность как крестьянских земель, так и частновладельческих и многие другие вопросы современной экономической жизни требуют, — подводил он основу под свой замысел, — необычайного напряжения земской деятельности. Предстоит спешная мобилизация всех земских сил, и каждая потерянная минута может повлечь за собой роковые последствия». По этим причинам предлагалось без промедления организовать общеземский союз, собирающийся на ежегодные съезды, а при необходимости и чаще. Отталкиваясь от этого, Снежков шел еще дальше, заговорив о желательности создания сельскохозяйственного союза наподобие того, который функционировал в Германии, хотя весь имеющийся опыт указывал на трудновыполнимость подобного предприятия. Ведь, припомнил он, «даже в тот момент, когда революция сметала с лица русской земли русских землевладельцев, попытка организовать союз землевладельцев, бессловный и беспартийный, попытка, предпринятая известными общественными деятелями, потерпела полнейшую неудачу: из 130 000 землевладельцев не откликнулось и одной тысячи».⁹⁰ А между тем «каждая упущенная нами минута, — нагнетал он атмосферу тревоги, — приближает нас к пропасти». Употребление таких сильных средств отчасти объяснялось тем, что иначе Снежков уже более не надеялся расшевелить массу дворянства, укоряемую в полной инертности, неподатливости на любые попытки побудить ее сделать очередные шаги по пути, определенному созданием организации Объединенного дворянства. «Уже почти два года, как я стараюсь доказать необходимость сельскохозяйственного съезда, — сетовал он, — но согласилось со мной лишь тамбовское дворянство и Тамбовское губернское земское собрание», т. е. его собственная губерния. Снежков считал теперь обстановку подходящей, чтобы с помощью Объединенного дворянства в целом организовать «грандиозный сельскохозяйственный съезд», а кроме того, и «постоянный союз уездных земств». «Наша аудитория должна быть не эта зала, а вся земля русская», — такую перспективу овладения всем миром деревни ставил он перед дворянским съездом. Он специально оговаривал, что в союзе должны быть представлены все сословия и обязательно

крестьянство. «Этим путем мы завяжем самые прочные, самые серьезные связи с крестьянским населением, а ведь в этом и заключается наша главная задача», — так разъяснял он смысл своего проекта.⁹¹ И в ответ на сомнения, заявленные еще в Постоянном совете, которые могли одинаковым образом быть повторены и на съезде, он старался уверить, что новую организацию можно будет держать под строгим контролем, не давая ей уклониться в политику. «Союз уездных земств не будет иметь ни малейшей политической окраски, — ручался он, — никакой пустой болтовни о конституциях и революциях не будет допущено». В порядке реализации этого плана предлагалось разослать всем уездным предводителям дворянства давно уже напечатанные и находившиеся у Совета 11 тыс. экземпляров доклада Снежкова «Общеземская организация» и через них представить текст всем уездным гласным. От Министерства внутренних дел требовалось получить разрешение на созыв земского съезда, если же оно будет чинить препятствия, предлагалось нарядить к царю особую депутацию и с его помощью преодолеть сопротивление бюрократических верхов.

Однако, несмотря на все усердие, с которым Снежков отстаивал свой замысел и предоставленные им же гарантии, его затея была воспринята как весьма рискованная. В этом духе отозвался о ней А. Ю. Ознобишин, помещик той же Тамбовской губернии, отрекомендовавшийся другом и единомышленником Снежкова. Но и он не разделял «розовых надежд» своего коллеги, что земским съездом можно будет управлять. «Деятельность губернских собраний такова, что очень мало разницы между деятельностью нынешних губернских земств и той, которая была в дореволюционное время», — выдавал он им аттестат в политической неблагонадежности, приводя в пример тамбовское земство. Оно «благополучно идет прежней стезей, размножая до бесконечности третий элемент, раздувая земскую смету по требованию якобы управы, а в сущности третьего элемента, потому что управа находится у него в руках».⁹²

«. . . Я боюсь, — заявлял Ознобишин, — как бы общеземский съезд, о котором сейчас говорили, не вышел бы вроде того, что мы видели в 1905 г. Он будет не столь крайний, будет более умеренный, но и более опасный, ибо скрытая революция хуже открытой». Общеземский съезд, собравшийся летом 1906 г., его не успокаивал, хотя тогда всякая оппозиция была забыта и земские помещики дружно выступили на поддержку власти. Но он не видел в этом решительного и окончательного разрыва с прежним фрондерством. Тогда поступили «под свежим впечатлением недавнего разгрома». «Когда нас громят, мы принимаем меры, — выводил он как бы закономерность, — а потом очень быстро забываем и начинаем кадетствовать».⁹³

Но если какие-то шансы осуществить замысел еще сохранились, то они свелись к нулю после того, как слово взял Н. Е. Марков. Он обрушился на Снежкова чуть ли не с бранью как на прямого пособника революции, содействующего ее повторению. Как

следом же обнаружилось, Марков говорил не только от своего имени, потому что, когда председательствующий осведомился, как все же следует поступить с докладом и не передать ли его в Совет для последующего рассмотрения, из зала высказали мнение, что доклад следует теперь же отклонить. Дело принимало вовсе скандальный оборот, и, чтобы не допустить окончательного превращения конфликта в громкий скандал, Гурко взял на себя роль заступника Снежкова, уверяя собрание, что того все-таки не следует причислять к революционерам и никак нельзя «обвинять его в том, о чем сейчас сказал Николай Евгеньевич». В конце концов конфликт был исчерпан, но все же со всей очевидностью выяснилось, что всякие планы по созданию новых организаций, по расширению поля деятельности и установлению контактов даже с наиболее близкими общественными силами не пользуются в дворянской среде поддержкой. Опасения, первоначально заявленные еще в Постоянном совете при обсуждении предложения Снежкова, на съезде прозвучали гораздо резче, и уже не приходилось надеяться увлечь дворянство на этот путь. После случившегося столкновения шансы созвать с помощью дворянского объединения экономический съезд в задуманном Гурко виде свелись практически к нулю.

На послесъездовской стадии инициатива Гурко провалилась окончательно. Он сам, более не надеясь, что ему удастся увлечь за собой объединение, решил, видимо, отказаться от активного участия в его деятельности, и уже 3 марта 1909 г. на первом же заседании Постоянного совета поступило заявление Гурко с отказом от должности управляющего делами.⁹⁴ Он, правда, еще попробовал продвинуть дело с созывом экономического съезда, и Совет поручил ему на заседании 9 мая 1909 г. представить доклад с конкретизацией этого замысла.⁹⁵ Его должна была обсудить специально созданная для этого подкомиссия в составе Бехтеева и Карпова. Но спустя уже полгода на первом же заседании после летнего разъезда Совет констатировал, что Гурко обещанного доклада не представил⁹⁶ и никаких дальнейших приступов Совет уже не делал. Единственно, пожалуй, чего добился Гурко, это того, что В. Н. Коковцов уже в качестве нового председателя Совета министров сделал в 1912 г. все от него зависящее, чтобы не допустить уже обеспеченного избрания Гурко в Думу от тверского земства.⁹⁷ Проявленная им пассивность становится понятной в свете того, что действительно с течением времени сомнения в осуществимости да и вообще целесообразности затеи Гурко только окрепли. На том же первом заседании Постоянного совета после летнего перерыва 14 ноября Н. А. Павлов стал толковать, что самое важное ныне — это организовать земство, как это предлагал Снежков, особенно принимая во внимание намеченную губернскую и земскую реформы. «Почин в этом деле в самых широких пределах должно взять на себя Объединенное дворянство», — настаивал он.⁹⁸ А об экономическом съезде он отзывался как о совершенно ненужном. Но, как

вскоре выяснилось, и общеземский съезд представлялся большинству излишним. На состоявшемся 28 ноября заседании Постоянного совета Мосолов говорил о предложении Снежкова в том смысле, что оно может рассматриваться как довольно запоздалый отзвук событий революционных лет. Не соглашался он и с утверждением, что земства переживают экономический кризис. Некоторые, по его мнению, просто неумело вели свои дела.⁹⁹ Но главное заключалось в невозможности взять съезд под свой контроль. «Большинство проектируемого съезда составят те же гласные — дворяне, которые имеют полную возможность высказаться на дворянском съезде, — рассуждал он. — Введение же третьего элемента поведет лишь к его демократизации, что едва ли соответствует интересам дворянства». Эту тему развил взявший следом слово рязанский губернский предводитель В. А. Драшусов. «Участие третьего элемента несомненно отразится на общем характере прений на таком съезде, при отсутствии сознания дворянской солидарности даже члены из дворян заговорят другим языком, что наблюдается и на земских собраниях», — уверенно предсказывал он.¹⁰⁰ Этот взгляд вызвал возражения Павлова, считавшего, что «созванный на началах беспартийности» съезд «проявит деловое отношение к назревшим нуждам и даст о них свое веское мнение». Павлов советовал приспособиться к казавшемуся ему неизбежным укреплению в земстве третьего и даже непосредственно демократического элемента. И раз уж «демократизация земства в близком будущем неизбежна», то «пугаться ее в отношении земства не стоит». Даже, наоборот, «благородный почин дворянства в этом деле послужит ему только на пользу и вырвет оружие из рук левых элементов, среди которых мысль о созыве съезда вполне окрепла», — предлагал он необходимость обратиться в благо.¹⁰¹ В практическом плане Объединенному дворянству не понадобится переобременять себя хлопотами, поскольку ему будет довольно ограничиться ролью посредника между земскими управами, когда же их представители соберутся, оно должно совершенно устраниваться. Ему следует «отказаться от всякого воздействия на программу и ход работы съезда». Точно так же и С. А. Панчулидзева надеялся, что «инициатива дворянства завоеует ему первенствующую роль в уездных собраниях, укрепит доверие к нему иннословных элементов, что особенно важно накануне демократической земской реформы. . .».¹⁰² Для остальных, однако, все это теперь граничило с авантюрой, потому что по всему пока выходило, что ручаться за благоприятный для организаторов ход дела нельзя, и, как четко сформулировал опасения большинства А. П. Струков, «с принципиальной стороны Объединенное дворянство, взяв почин в этом деле, может легко себя скомпрометировать, если состав, программа и все направление съезда не оправдают ожиданий». «Вообще будоражить Россию подобным съездом, нарушать только что наступившее успокоение, — выдвигал он свой главный довод, — едва ли может считаться делом, подобающим дворянству».¹⁰³ И раз это

«успокоение» наступило, то и Бехтеев, год тому назад защищавший предложение Снежкова, теперь выступил против этого плана, который он одобрил тогда по чисто тактическим соображениям. Имелось ведь в виду «этим путем отвратить общественное мнение от вопросов политических и направить его в сторону экономических интересов», — раскрывал он подоплеку своего прошлогоднего выступления, констатируя теперь с облегчением, что «поворот этот осуществился сам собою без помощи съезда, под влиянием событий». «Съезд, — доказывал он теперь, — является аппаратом слишком громоздким, трудноуправляемым, и созыв его сопряжен с большим риском. Не подлежит сомнению, что он выйдет из-под руководства Объединенного дворянства, а каково будет взятое им направление — сказать заранее невозможно».¹⁰⁴ Объединенное дворянство, таким образом, остерегалось приступить к широкомасштабным политическим действиям. При выборе, оставаться ли в тихой заводи или пуститься в плавание в открытое море со всеми его неожиданностями и опасностями, отдавали решительное предпочтение первому. Лучше было ничего не делать, чем делать с риском нежелательных последствий. Руководствуясь этим принципом, отклоняли всякую ответственность и за действия даже наиболее близкой себе среды, не доверяя ни своей способности вести ее за собой, ни ее благонадежности. Утверждаясь в пассивности, готовы были довольствоваться наступлением кажущегося успокоения, и главным делом здесь становилось недопущение каких-либо поводов и okazji для нового общественного оживления из-за возможности в этом случае повторных оппозиционных выступлений. А из этого следовало, что дворянство замыкалось в самом себе и в состоянии самоизоляции лишалось возможности оказывать действительное влияние на общественную жизнь и тем более занять прочимое ему место предводителя.

Опасливое отношение к побуждениям двинуться широким фронтом для утверждения своей руководящей роли понятно и в свете того, что за пределами организации ее наиболее активные участники не пользовались сколько-нибудь значительным влиянием, да зачастую они даже не могли считаться видными фигурами и в собственной дворянской среде. Их выбор на съезды Объединенного дворянства вовсе еще не означал, что в своем обществе они занимают руководящее положение и могут в случае надобности повести его за собой. Они, скорее, были выразителями мнений своих доверителей при постоянной угрозе быть дезавуированными за всякое несанкционированное выступление, а тем более несогласное со сложившимся у них на местах настроением. И находившиеся на авансцене съездов могли быть у себя в губернии достаточно скромными величинами. Таково было положение весьма известного в Объединенном дворянстве лица, состоявшего в числе и его основателей, и затем наиболее деятельных участников, — В. Н. Снежкова, то и дело выступавшего с различными инициативами, часто печатавшегося и, будучи постоянно на виду, сумевшего как будто бы приобрести себе определенное имя.

Однако среди дворян своей Тамбовской губернии он так и не сделался авторитетом и, судя по неодобрительному отзыву губернского предводителя дворянства кн. Н. Н. Чолокаева об одном из его предложений, вызывал к себе несколько даже скептическое отношение.¹⁰⁵ И уже вовсе пренебрежительную характеристику дал ему губернатор Н. П. Муратов, предрасположенный как будто бы к поддержке лиц своего направления. Правда, он был в претензии на Снежкова за то, что тот, по его мнению, повел себя не должным образом в столкновении Муратова с гр. К. А. Бенкендорфом при избрании того моршанским предводителем дворянства, о чем предстает особый рассказ. Во всяком случае за Снежковым не признавалось никаких заслуг, его роль в Объединенном дворянстве вообще никак не принималась во внимание, и в изображении губернатора он выглядел всего лишь мелким интриганом, которому к тому же при всех усилиях никак не удавалось стать заметной фигурой.

Муратов застал его земским начальником Козловского уезда, где у него было хорошо поставленное имение, и председателем Моршанского отдела Союза русского народа. «Земским начальником он считался дельным, — удостоверял Муратов. — Им было написано руководство для земских начальников, довольно толстая книга».¹⁰⁶ Однако и это поворачивалось таким образом, что служило к вящей дискредитации Снежкова, так как «и председательством в Союзе, и книгой С[нежков] хотел выдвинуться, сделать карьеру, но все это ему не удавалось, и он решил идти в предводители, когда в 1909 г. С-ов решительно отказался баллотироваться». Отталкивающее впечатление производила сама личность Снежкова, какой она была обрисована Муратовым. «Уже зрелых лет, седой, грузный, с торопливой, захлебывающейся речью, с бегающими и потому как будто косыми и лгущими глазами, с шаркающей походкой и всегда задранной кверху головой», он будто бы хотел втереться в доверие начальника губернии, но, «заметив, должно быть, мою в отношении его сдержанность», впоследствии прекратил эти попытки, так и оставшись мелкой сошкой на губернских задворках. Муратову не приходилось считаться с таким ничтожеством без всякого веса и значения. Допуская, что в своем уничижительном отзыве об этом известном деятеле Объединенного дворянства губернатор увлекся желанием отомстить Снежкову за будто бы совершенный им проступок, уже одно то, что он позволил себе так далеко зайти в своем очернительстве, указывает на скромность роли того, с кем можно было так обращаться. Одинаковым образом и Павлов с его многолетней службой дворянству, хотя он и не был объектом такого пренебрежения и даже поношения, не нажил в дворянской среде сколько-нибудь значительного капитала и так и не сделался подлинно влиятельным лицом. Дело здесь было не в личной неудачливости обоих — есть возможность продолжить список несостоявшихся карьер, и первым здесь может быть упомянут Гурко, — а в том, что по самому своему устройству организация

Объединенного дворянства не благоприятствовала появлению и формированию политиков крупного масштаба, располагавших признанной властью, с правом распоряжаться и вести за собой. Выдвинуться в такие руководители, чьи решения и мнения приобретали директивное значение, препятствовала в первую очередь издавна укоренившаяся автономия дворянских обществ. С течением времени организация Объединенного дворянства все более утверждается на конфедеративной основе как наименее обязывающей низшей ступени объединения, но даже и в этом качестве она начинает казаться чем-то излишним, каким-то пережитком бурного времени 1905—1907 гг., когда с наступлением затишья можно уже не обременять себя дальнейшими заботами по собиранию сил дворянства. И если во внутренней политике самодержавия свертывается курс на обновление режима путем тех или иных реорганизаций и основополагающим становится принцип отказа от перемен, то и в дворянской среде после того, как были провалены затрагивавшие положение дворянства проекты, наступило успокоение, и наилучше соответствующим его интересам было признано сохранение status quo, и раз так, то отпадала надобность в разработке программы совместных действий и новом напряжении сил для ее претворения в жизнь. Напротив, выявляется стремление несколько сократить деятельность Объединенного дворянства, в частности не устраивать ежегодных съездов, а собираться лишь по мере необходимости. С таким предложением выступил еще в начале 1908 г. гр. Бобринский, мотивируя его тем, что боевая роль Объединенного дворянства с наступившим, как он выразился, успокоением отошла в область прошлого. Тогда ему возражал кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский, заявивший, что успокоение только кажущееся и дворянству необходимо крепить единство.¹⁰⁷ Большинство высказалось за продолжение практики созыва ежегодных съездов. Но целесообразность их снова была поставлена под сомнение, когда стало очевидным ослабление интереса дворянства к собраниям 1910-го и последующих годов, на которых действительно зачастую обсуждались сравнительно второстепенные вопросы и дело, собственно, ограничивалось словопрениями. Поступило предложение заменить съезды сессиями Постоянного совета в усиленном составе, а съезды созывать уже в случае действительной необходимости.¹⁰⁸ И хоть остались при прежнем порядке, Объединенное дворянство несколько умалилось в своем значении как организующая и направляющая сила в дворянской среде. Примечательную жалобу высказал С. С. Бехтеев на заседании Постоянного совета 20 мая 1911 г. Указывая, что Объединенное дворянство «работает над многими крупными вопросами государственной жизни, поступающими на обсуждение законодательных учреждений», он с горечью отметил, что «с решениями съездов настолько мало знакомы, что даже некоторые из участников их забывают о принятых решениях, как это имело место недавно, когда один из членов Госсовета баллотировал за решение, диаметрально

противоположное тому, за которое он подавал голос на съезде». ¹⁰⁹

Знаменательным признаком того, что Объединенное дворянство теряет в своем значении, послужили события, которые развернулись в связи с подготовкой к юбилею 300-летия царствования дома Романовых.

Дворянству здесь предстояло сыграть главенствующую роль, но встал вопрос, кто же его будет представлять. Дело обсуждалось на неоднократно собиравшихся в конце 1910 и начале 1911 г. совещаниях губернских предводителей. ¹¹⁰ «По временам среди нас возникали страстные прения», — удостоверял самарский губернский предводитель А. Н. Наумов, имея в виду, что некоторые из их участников считали предпочтительным дать право представлять дворянство именно организации Объединенного дворянства, тем более что с ее стороны уже были предприняты некоторые шаги. Однако после ряда обсуждений предводители пришли к единодушному заключению, что эта роль должна принадлежать им. Постановление было направлено в Постоянный совет, дабы предотвратить конкуренцию со стороны объединения. На заседании, где обсуждалось это обращение, завязалась дискуссия, показавшая, что и среди руководства Объединенного дворянства нет общего мнения о значении и будущем организации. И если Струков был неприятно задет настоятельным предложением Объединенному дворянству отойти в сторону, тогда как именно оно как будто и должно было в качестве уполномоченного дворянского представительства выступать от имени дворянства, то сам глава Постоянного совета Бобринский, поддержанный Нарышкиным, посчитал эту инициативу вполне корректной и на возражение Струкова, что таким образом наряду с уже существующим дворянским объединением появляется как бы новое конкурирующее формирование, чего допускать не следует, ответил, что если новая организация окажется лучше, то ровно ничего дурного в этом он не усматривает.

Совет решил отказаться от принятия на себя Объединенным дворянством представительства сословия, очищая место губернским предводителям. ¹¹¹

Как будто бы незначительная на первый взгляд деталь, но тем не менее достаточно красноречивая — участвующие в объединении общества бывали весьма неаккуратны с уплатой причитающихся с них взносов, не превышавших несколько сот рублей. Максимальная сумма составляла 600 руб., минимальная равнялась 200 руб. Весь бюджет организации был в пределах 12 000 руб. Однако и при таких скромных затратах образовались упорные недоимщики, не поддававшиеся ни на какие увещания. Дело дошло до того, что по состоянию на 1 ноября 1912 г. в кассе Объединенного дворянства числилось 7 р. 55 к. Задолженность же канцелярии выражалась в сумме 2895 р. 18 к., а недоимок за дворянскими обществами числилось 3710 руб., т. е. более четверти всего бюджета. Никак не могли уплатить свои 450 руб.

Симбирское дворянское общество и 580 руб. Рязанское общество.¹¹²

Правда, упадок организации Объединенного дворянства отчасти был, очевидно, связан и с тем, что организующим политическим центром, руководящим дворянским представительством, в возрастающей степени становятся политические партии, а в особенности усиливающаяся помещичья фракция Государственного совета, непосредственно влиявшая на течение государственных дел и направление внутренней политики. Уже в первую сессию реформированного Государственного совета в составе 196 членов 34 человека принадлежали к дворянской группировке, так или иначе связанной с Объединенным дворянством.¹¹³ В дальнейшем ее удельный вес неуклонно возрастает как за счет назначений, когда после убийства Столыпина царь пополнял Совет только правыми и в первую очередь дворянами, так и вследствие поправки самого дворянства и земства, выбиравших в Совет представителей Объединенного дворянства или стоявших близко к нему. В результате к девятой, последней предвоенной, сессии их численность увеличилась почти вдвое, достигнув 59.¹¹⁴ «Правда», оценивая значение этого факта, писала в июле 1912 г. о том, что сословная дворянская организация приобрела возможность выступать от имени высшего государственного учреждения.¹¹⁵

Воздействию сплоченной и постоянно набирающей силу дворянской группировки следует в первую очередь приписать превращение Государственного совета из «спасительного тормоза» принимаемых Думой нововведений в то «кладбище реформ», каким он стал с осени 1912 г., когда правые окончательно возобладали в нем.

Укрепившись с помощью самой власти в Государственном совете, дворянство перемещало туда центр своей политической активности, составляя в качестве преграды любых нежелательных перемен непосредственную опору самодержавия, отказавшегося в эти последние предвоенные годы от какого-либо дальнейшего продвижения по пути обуржуазивания, намереваясь, напротив, насколько возможно, отодвинуть страну назад и, в частности, вернуть себе максимальную долю прежнего всевластия.

На почве этого упорного противодействия совершающимся в России переменам, неприятия порядков утвердившегося в ней буржуазного уклада происходит сближение самодержавия и дворянства, обновление и упрочение соединявших их связей.

Однако самый процесс шел не по прямой. Он находил свой путь в чрезвычайно сложных условиях, созданных политической действительностью послереволюционного семилетия с ее пестрой мозаикой старого и нового, соседствовавших друг с другом в неубывающей антагонистичности, при нарастающей кризисности положения как самодержавия, так и дворянства в их крепнущих попятных устремлениях.

Старый порядок во всех своих составных частях неуклонно разваливался, увлекая вниз и поддерживавшие его силы. Для них

разница между хотеть и мочь стала, как никогда, велика. И она все увеличивалась при проясняющейся скудости их созидательных ресурсов, когда со всех сторон надвигающемуся новому противопоставлялось в сущности лишь отрицание, и оно так и оставалось враждебным и даже губительным началом. Ни утвердиться, ни упрочиться на базе сохранения обреченного не удавалось. Почва уходила из-под ног победителей, по мере того как обнаруживалось их бессилие сплотиться и консолидировать свое положение и тем более обзавестись новыми союзниками. Вместе с тем никак не приходится изображать переживаемый упадок одной непрерывной ровной линией без зигзагов и отклонений, видя только нарастающую слабость. Обреченность легко сочеталась с агрессивностью, а слабость и разложение — с удержанием верховенства за собой. Перед тем как реконкиста должна была кончиться неудачей, ей суждено было занять новые территории и далеко потеснить противника, хотя рядом с силой все явственнее проступала деградация. Но исход борьбы отнюдь еще не был предрешен, определяемый столкновением многих факторов и обстоятельств, когда вопросов было гораздо больше, чем ответов, и требовалось напряжение всех сил, чтобы сдержать натиск державшихся за прошлое.

---

¹ Gurko V. I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford University Press, 1939. P. 219—221. — См. также: Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 78.

² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 196—197.

³ Gurko V. I. Features and Figures. . . P. VII, 507.

⁴ Gurko B. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 18.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 31—32.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 43, 45.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 55—56.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX—начало XX в.). М., 1969. С. 84, 187, 297.

¹⁹ Gurko B. И. Наше государственное и народное хозяйство. С. 65, 66.

²⁰ Там же. С. 63.

²¹ Там же. С. 69.

²² Там же. С. 77.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ Там же. С. 79, 80.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ Там же. С. 121.

- 27 Там же. С. 123.
28 Там же. С. 132.
29 Там же. С. 143.
30 Там же. С. 147.
31 Там же. С. 209.
32 Там же. С. 210.
33 Там же. С. 226.
34 Там же. С. 227.
35 Там же. С. 239.
36 Там же. С. 240.
37 Там же. С. 240—241.
38 Там же. С. 241.
39 Там же. С. 243.
40 Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 47.
41 Там же. С. 51.
42 Там же. С. 58.
43 Там же. С. 59.
44 Там же.
45 Там же. С. 60, 61.
46 Там же. С. 67.
47 Там же. С. 71.
48 Там же. С. 76.
49 Там же. С. 77.
50 Там же. С. 78.
51 Там же. С. 82.
52 Там же. С. 97.
53 Там же. С. 157.
54 Там же. С. 162.
55 Там же. С. 163.
56 Там же. С. 167.
57 Там же. С. 171—172.
58 Там же. С. 172.
59 Там же. С. 177.
60 Там же. С. 182.
61 Там же. С. 187.
62 Там же. С. 189—190.
63 Там же. С. 196.
64 Там же. С. 198.
65 Там же. С. 203—204.
66 Там же. С. 205.
67 Там же. С. 205—206.
68 Там же. С. 206—207.
69 Там же. С. 208.
70 Там же. С. 209.
71 Там же. С. 246.
72 Там же. С. 248.
73 Там же. С. 231.
74 Там же. С. 232.
75 Там же. С. 241.
76 Там же. С. 242.
77 Там же. С. 251.
78 Там же. С. 255.
79 Там же. С. 257.
80 Там же. С. 258.
81 Там же. С. 295.
82 Там же. С. 299.
83 Там же. С. 197.
84 Там же. С. 260.
85 Протокол заседания Постоянного совета от 6 ноября 1908 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 26 об.
86 Там же.

- ⁸⁷ Там же, л. 27.
- ⁸⁸ Там же, л. 27 об.
- ⁸⁹ Труды V съезда... С. 312.
- ⁹⁰ Там же. С. 314.
- ⁹¹ Там же. С. 315.
- ⁹² Там же. С. 317—318.
- ⁹³ Там же. С. 318.
- ⁹⁴ Протокол заседания Постоянного совета от 3 марта 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 79/307, л. 5.
- ⁹⁵ Протокол заседания Постоянного совета от 9 мая 1909 г. // Там же, л. 11.
- ⁹⁶ Протокол заседания Постоянного совета от 14 ноября 1909 г. // Там же, л. 16.
- ⁹⁷ *Gurko V. I. Features and Figures...* P. 525.
- ⁹⁸ Протокол заседания Постоянного совета от 14 ноября 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 79/307, л. 16 об.
- ⁹⁹ Протокол заседания Постоянного совета от 28 ноября 1909 г. // Там же, л. 21.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 21 об.
- ¹⁰¹ Там же, л. 22.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же, л. 22 об.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Доклад тамбовского губернского предводителя дворянства кн. Н. Н. Чолокаева чрезвычайному губернскому дворянскому собранию по поводу записки В. Н. Снежкова «Земство и земля» // ЦГИА СССР, ф. 899, оп. 1, д. 96.
- ¹⁰⁶ Воспоминания Н. П. Муратова // ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 26, л. 399.
- ¹⁰⁷ Протокол заседания Постоянного совета от 2 января 1908 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 78/307, л. 1.
- ¹⁰⁸ Протокол заседания Постоянного совета от 3 ноября 1911 г. // Там же, д. 81/307, л. 57—60.
- ¹⁰⁹ Протокол заседания Постоянного совета от 20 мая 1911 г. // Там же, л. 52 об.
- ¹¹⁰ *Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний.* Нью-Йорк, 1955. Ч. II. С. 219. — Сам Наумов указывает время конца 1911—начала 1912 г., но при уточнении выяснилось, что он ошибся на год.
- ¹¹¹ Протокол заседания Постоянного совета от 7 февраля 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 431, оп. 1, д. 18/307, л. 27 об.
- ¹¹² Протокол заседания Постоянного совета от 15 ноября 1912 г. // Там же, д. 82/307, л. 72.
- ¹¹³ *Бородин А. П. Усиление позиций Объединенного дворянства в Государственном совете в 1907—1914 годах* // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 57.
- ¹¹⁴ Там же. С. 66.
- ¹¹⁵ Там же.

НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ. ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ — ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ

Обстановка после 1909 г., когда явственно обозначилась невыполнимость затеянной программы перемен и усовершенствований, так что устранение Столыпина осенью 1911 г. уже ничего, собственно, не меняло, складывалась очевидным образом в пользу правого фланга. Но открывавшиеся перед ним после достигнутых успехов перспективы не отличались ясностью. Знамя реконкисты было развернуто, но решающим оставалось, кто, а главное — в какой силе соберется под ним, насколько целенаправленны и координированны будут действия формирующейся армии реконкисты и в этой же связи что она собой будет представлять. Ответ на эти вопросы вырисовывался постепенно, по мере того как совершавшаяся в послереволюционные годы эволюция выявляла состояние и подлинные политические потенции и дворянства, и всего стана реакции во главе с государственной властью в целом, их способность достичь те цели, которые они ставили перед собой и которые свидетельствовали об их стремлении двигаться прежним курсом при всех произведенных переменах. Такой настрой исходил от самого царя. Для верховной власти в его лице все им же санкционированное и учрежденное на «незыблемых основаниях», как торжественно провозглашалось в закладывавших основы нового порядка актах, продолжало оставаться истинным бедствием. И если, едва были сделаны самые первые шаги в новом направлении, как в известном салоне ген. Е. В. Богдановича, куда стекалась вся информация о политической конъюнктуре, уверились, что «царь ненавидит то, что сам дал»,¹ то будущее лишь подтвердило правильность сделанного тогда наблюдения. Данное в 1905—1906 гг. навсегда оставалось для него навязанным вопреки воле революцией, понимаемой во все последующее время не как явление, вызванное затрагивавшими миллионы тяготами и неурядицами, а как некая постыдная провинность. «Россия осрамилась», — заявил он в этом разумении на аудиенции архиепископу Николаю в середине сентября 1906 г.,² продолжая и в дальнейшем пребывать в полном неведении причин случившегося и на йоту не подвинувшись в уяснении истинного смысла поднявшего на борьбу всю страну движения.

Весь приобретенный Николаем II за время революции опыт, когда не раз катастрофа казалась неизбежной, заставлял его, одна-

ко, соблюдать осторожность и остерегаться открыто противопоставлять себя новым началам. Действительно, кроме «страшной осени 1905 года» были еще, например, и «страшные» весна и лето 1906 г. с высказываемым всюду со страхом или радостью сотнями голосов убеждением, что победа революции совсем близка, настолько все казалось готовым для последнего решительного натиска, когда никакая сила не сможет остановить наступающих. Уверенное «дни старого режима сочные, он должен вскоре рухнуть»,³ стоявшее в одном из перехваченных писем, повторялось многократно в эти весенне-летние месяцы, как и в письме назвавшего себя только по имени московского большевика. «Конфликт со старым режимом приближается с неудержимой быстротой, — характеризовал он обстановку. — Волнения разрастаются в громадных размерах. Предстоит что-то ужасное, грозное и великое. Декабрь будет игрушкой в сравнении с тем, что произойдет».⁴ Предел терпения был достигнут, и сама деревня подтянулась к передовым силам и окончательно созрела, как судили находившиеся в народной гуще наблюдатели, для нанесения сокрушительного удара. «Теперь деревня готовится к решительной, кровавой встрече со своими врагами, — обобщал все виденное собственными глазами социал-демократ из Черниговской губернии. — Настроение ее в высшей степени революционно и тревожно. Достаточно только бросить туда искру, бросить руководящие лозунги минуты, и пожар разгорится».⁵ Ожидаемое выступление крестьянства создавало решающий перевес в надвигающейся схватке. «С городами войска могут справиться, но против миллионов крестьян не хватит пулеметов», — утверждался в своей уверенности в недалекой победе писавший 19 мая из Одессы. «Я верю, товарищи, — развивалась эта же тема в другом письме, направленном из Тверской губернии рабочим Невского судостроительного завода, — что час решительной победы близок. Знайте, что крестьянство смотрит на вас, пойдет за вами и поддержит вас, в качестве главных сил довершит победу. Пробуждение народа подвигается изумительно быстро. Народ неузнаваем».⁶ По разделяемому множеством убеждению сигналом к выступлению мог послужить роспуск Думы. «Разгною Думу правительством безусловно подпишет себе смертный приговор», — категорически заявлялось в одном из петербургских писем еще в мае 1906 г.⁷ Только стоит ее тронуть, и произойдет взрыв, немедленно «в России вспыхнет волна революционного движения, которая сметет на своем пути все преграды»,⁸ как говорилось в одном письме и повторялось в десятках других. И когда Д. Н. Шипов в самый день роспуска Думы писал, еще не ведая о нем, что «если же, избави бог, распустят Думу, о чем здесь усиленно говорят, то революция, а главное, повсеместное аграрное восстание неизбежны, и страшно подумать, какая может разразиться пугачевщина и какие польются потоки крови»,⁹ то это вовсе не было проявлением какой-то особой проницательности, а лишь выражало широко распространенное сознание того, что вопрос — быть или не быть — поставлен

ребром и судьба не только самодержавия, но и всего строя висит на волоске. И даже благополучно сошедший разгон Думы вовсе еще не давал уверенности, что опасность миновала. Ходивший в либералах великий князь Николай Михайлович уже полмесяца спустя засвидетельствовал состояние все той же острой тревоги в предположении, что решающее испытание еще впереди, потому что только еще через месяц станет ясно, как поведет себя крестьянство, занятое сейчас урожаем. Пока же «общее настроение ниже нуля, и ждут чего угодно». В ожидании худшего, обрисовывал он положение в письме к своему корреспонденту французскому историку Ф. Массону, «в высших сферах решено сопротивляться до последнего».¹⁰ Собственные надежды на благополучный финал великий князь связывал со Столыпиным и в особенности с тем, удастся ли ему «найти энергичных людей для провинции». «Если нет, — четко представлялся ему дальнейший ход событий, — фатальный исход не замедлит наступить с пролитием потоков крови и борьбой, которая поглотит всех участников в ужасной резне. Нервы настолько перенапряжены, что приготовились ко всему, и многие из нас как будто бы хотят, чтобы нарыв прорвался поскорее. Тогда станет ясно, на чьей стороне сила и останется ли победа за разумными элементами».

В этот момент никто наверху еще не мог поручиться, удастся ли уцелеть. «Ужасное время приходится переживать, и ужасно страшно за ближайшее будущее», — писал Д. Н. Шипов 9 июля,¹¹ и тысячи могли поставить свою подпись под этими словами. Всю правящую верхушку, как и общественные верхи вообще вместе с их оппозиционной частью, пронизывал граничащий с паникой страх за ближайшее будущее, и в той или иной мере всем было свойственно, не исключая и царя, ожидание неотвратимо надвигающегося катаклизма. И хотя «страшное» лето 1906 г. в конце концов обошлось без ожидавшихся потрясений, оставалась все же память о казавшейся такой возможной гибели. Случались и другие моменты, когда почва уходила из-под ног и Николаю даже уже при начавшем слабеть напоре революции было все же опрометчиво демонстрировать свою близость с правыми. Оставшаяся грозовой и чреватой неожиданностями обстановка, наоборот, делала целесообразным несколько даже дистанцироваться от них, так чтобы между царем и ими нельзя было поставить знак равенства, хотя именно они своим отказом принять вызванные революцией перемены были в сущности его политическим двойником. В этой среде могли даже раздаваться упреки в его адрес с обвинениями в шаткости и нетвердости, переменчивости настроений. А. В. Богданович, верно фиксируя их, осуждающе писала о той «двойственности, которая царит теперь», воспроизводя с одобрением укоры царя в «двойственности, хитрости, которую все разглядели».¹² Близко стоявшие к нему понимали, как он настроен на самом деле, не обманываясь вынужденным маневрированием в действительности очень сложной и взрывчатой обстановке. Хорошо знавший царя ген. А. А. Киреев верно подметил в марте 1907 г.,

когда чаша весов еще не успела до конца склониться в пользу контрреволюции, что царь, выказывая вместе со Столыпиным некоторую отчужденность в отношении правых и ультраправых, тем не менее «в самой глубине своего сердца (in his heart's heart) . . . им сочувствует».¹³ Дальнейшее лишь укрепило Киреева в таком понимании сути положения. Оно принесло достаточные доказательства того, что всякие признаки сближения Николая с новыми условиями — лишь видимость и напрасны вызываемые ими страхи. Он было встревожился в начале 1908 г., когда у него возникло впечатление, что между царем и дворянством назревает конфликт на почве крепнущей дворянской оппозиционности в отношении политики Столыпина. Тогда по инициативе прежде всего Московского дворянского общества, только что избравшего своим предводителем А. Д. Самарина как одного из наиболее ретроградно настроенных дворянских вожakov, оно со всей неистовостью обрушилось на столыпинские проекты преобразования местного управления. Как очевидный признак недовольства Николая расценил Киреев задержку с ответом на адрес московских дворян, составленный в тоне безудержного восхваления самодержавной власти. Все вместе явилось многозначительной демонстрацией. «Выбор, значительным большинством, Самарина-славянофила (resp. соответственно. — Ю. С.) черносотенца) и адрес царю, конечно, указывают, — делал он уверенный вывод, — на поворот общ[ественного] мнения к антиконституционализму, к теории самодержавия».¹⁴ Дворянство ожидало получить царское поощрение за свое выступление, но Николай не спешил благодарить, и эта сдержанность, по сведениям достаточно осведомленного Киреева, «очень тяжело отозвалась в сердцах верноподданных московских дворян древней Москвы». Сам он тоже приуныл. «За что такая кара?! — сокрушался он. — Чем провинились дворяне?». О какой провинности с их стороны может идти речь, недоумевал он, принимая во внимание, что «ведь они в своем адресе сказали то, что сам царь повторял многократно. Они подчеркнули самодержавность царя. Ничего более!». Все случившееся произвело большой переполох. «Правые все опечалены», — уточнялось, до какой степени болезненно восприняла эта среда кажущееся царское неодобрение, понимаемое тем более как согласие с октябристской платформой. Но как о чем-то явно предосудительном писал Киреев: «. . . разве можно государю становиться на сторону октябризма?!». Дворянство, спровоцированное, собственно, царем, горько сетовал Киреев, все же оказывалось настроенным более роялистски, чем сам король. Киреев оттого и горячился, что считал дворянство введенным в заблуждение: «Ведь не отвечать на адрес значит сделать демонстрацию, выразить очень ярко свое недовольство, порицание — и чему, тому, что говорил сам царь».¹⁵ Вдобавок порядком уязвил и приходившийся как раз на это время весьма милостивый прием главаря черносотенцев А. И. Дубровина, «неотесанного», который со своим Союзом русского народа

годился служить только подспорьем, но никак не опорой наравне с дворянством, вдруг обнаруживавшим в его лице пользующегося предпочтением соперника. «Как же можно было не ответить московскому дворянству», — предъявлялась верховной власти в сопоставлении с этим фактом претензия за то, что она позволяет темным проходимцам, хотя и очень пригодившимся в момент опасности, оттирать первенствующее сословие. Учиненный ей выговор — и неважно, что он остался ей неизвестен, — мог служить еще одним свидетельством того, что с дворянской стороны их старинный союз остается сохраняющим все свое значение, и от другой стороны ожидается, что и она будет хранить ему верность, а все, что могло сойти за стремление ослабить соединяющие их узы, переориентироваться на какие-то другие элементы, воспринималось как нарушение векового договора. В заботе, чтобы между давними союзниками не наступило и малейшего отчуждения, можно было гипертрофировать имеющуюся опасность или обмануться видимостью трений, как и случилось с Киреевым. Николай все же отозвался на адрес, хотя и не в той тональности, чтобы рассеять до конца возникшую встревоженность. «Ответ послан несколько холодный, — предъявлялась новая претензия в дневнике. — Благодарит за верность принципам, но и указывает на то, что следует исполнять „мои предначертания“». ¹⁶

Пройдет всего месяц, и Киреев убедится в связи с собравшимся в марте IV съездом Объединенного дворянства, что его тревоги и подозрения, свойственные, само собою разумеется, не ему одному, чрезмерно преувеличены, а в сущности дворянство может быть спокойно — царь его не выдаст.

Отмечая, что съезд, рассматриваемый приблизительно как «представительство всего русского дворянства», начисто отверг реформу местного управления, он задавался прежде всего вопросом, «как отнесется к нашим трудам правительство». ¹⁷ И в любом случае он руководствовался в оценке обстановки сознанием силы дворянства, невозможностью действовать вопреки его воле. «Конечно, это будет не по нутру Столыпину, — допускал он, — но с мнением нашим нельзя будет не считаться». И существовала твердая уверенность, что в тяжбе со Столыпиным царь будет не на его стороне. «Ведь в сущности и сам царь — правый, монархист, — выявлялась его истинная настроенность. — Он только „прикидывается“, что он нами недоволен». Тактические ходы в последующем уже не вызывали прежнего испуга. Самое большее они теперь рассматривались как проявление слабости и нерешительности, когда отсутствовала уверенность в их целесообразности. «Государь несомненно за правых, за нас, — отбросив всякие сомнения, устанавливал для себя Киреев в январе 1910 г., — но он боится выступить смело и открыто. Как это странно звучит, Николай — и боится. Правда, не Николай I». ¹⁸ Настроенные максималистски могли, подобно Кирееву, желать, чтобы царь действовал более прямолинейно, с меньшей оглядкой по сторонам, но их же единомышленники убеждались, что от

него нельзя требовать большего, что он из правых правый и в этом качестве готов до предела возможного, хотя и сознавая в своем наступательном напоре, что какой-то предел все же существует. И край, за который не надо заходить, есть. К такому заключению годом раньше пришел одинаковым образом имевший доступ к Николаю ближайший союзник Киреева Д. А. Хомяков. Очередной случай, писал он Кирееву в феврале 1909 г., снова дал ему почувствовать, combien le Souverain est imbu d'absolutisme qui perce partout ou est le locus minoris resistencie («насколько государь преисполнен самодержавности, которая прорывается всюду, где только встречается точка наименьшего сопротивления». — Ю. С.).¹⁹

В этом, собственно, и заключалась суть. Царь обеими руками держался за старое, в глубине души отвергал происшедшие перемены, неослабно тянул назад и в своем движении вспять мог быть остановлен только там и теми, от кого опасался встретить надлежащий отпор. Но шли постоянные поиски точек наименьшего сопротивления, дабы, где только можно, потеснить новое, не дать ему продвинуться дальше и укорениться.

Наблюдение Хомякова дает вместе с тем ключ и к пониманию действий режима власти в целом. Аппарат управления на всех уровнях и во всех областях тяготел к восстановлению прежнего *modus vivendi*, пользуясь для этого всякой возможностью, всяким проявлением слабости. Где только попадалась точка наименьшего сопротивления, тут же утверждались привычные порядки, как будто бы не было ни Манифеста 17 октября, ни новых Основных законов, ни законодательного представительства. Эта тенденция способна была проявить себя с тем большей силой, что точки наименьшего сопротивления попадались всюду, являли собой правило, превращаясь уже в целые области наименьшего сопротивления, и в редких пунктах реконкиста сверху могла встретить крепкую преграду. В какую бы обманчивую словесность это ни облакалось и какие бы декорации ни выставлялись, повсеместный ход назад вплотную приблизил режим к тем рубежам, с которых его сдвинула революция. Провозглашаемое обновление становилось видимостью, воспринималось уже как намеренный обман, настолько резко слова контрастировали с делами и фактами. Отсутствие какого-либо прогресса при далеко зашедших попятных устремлениях констатировалось теми, кто был готов довольствоваться самым малым, ждать сколько угодно, лишь бы дело кое-как двигалось, но не видя и этого самого малого, а видя остановку на пути перемен после первых же шагов, они теперь приходили в отчаяние, подобно особо выделяемому перлюстрационной частью Департамента полиции наблюдателю за происходящим, каким был директор Московской гимназии Н. Г. Высотский, по-видимому, чуть ли не каждое письмо которого еще с начала революции подвергалось просмотру с последующим снятием копии, так что в фонде перлюстрации их отложились многие десятки. Вовсе утрачивая веру в возможность какого-либо переустройства, он

делал лейтмотивом своих пропитанных злостью и горечью писем фронтальное возвращение к старому при особенно возмущавших его столыпинских потугах создать впечатление движения вперед. «Мне не нужна Аркадия, — подчеркивал он минимальность своих притязаний, — но я измучен продолжающейся ложью. Я возмущаюсь тем, что те самые люди, которые твердят о своей преданности конституционным началам, в то же время топчут ногами и забрасывают грязью все, что хоть сколько-нибудь напоминает конституционные порядки», — отмечал он раз за разом отход от обещанного, совершаемый под видом дальнейшего упрочения нововведений.²⁰ Он, не колеблясь, ставил Столыпина в один ряд с его наиболее одиозно отличившимися в подавлении оппозиции предшественниками, устанавливая неразрывную связь теперешнего порядка с дореволюционным. «Плеве — жестокий, Дурново — цинично грубый, Столыпин — более эlegantный, вместо ежовых рукавиц на нем изящные перчатки, речь его мягкая и приправленная разными хорошими словами», — сводил он к этому всю разницу, так как на самом деле «режим тот же. То же бесправие, тот же административный произвол, та же необеспеченность каждого русского подданного против разных ужасов дикой расправы».

Эта беспроблемная картина была обязана своим появлением не избытку впечатлительности, а ясному пониманию действительности, с годами не менявшейся, и потому год за годом Высотский употреблял для ее изображения одну и ту же черную краску.

Дальше всего реконкиста зашла в провинции, хотя всюду, пусть и неравномерно, разворачивалось движение вспять. Но именно провинция, отданная во власть губернаторам, при оставшемся непоколебленном дворянском засилье давала всем тянущим назад наибольший простор, была для них обретенной точкой наименьшего сопротивления. И после революции, как справедливо отмечает П. Н. Зырянов, «губернское начальство... по-прежнему пыталось управлять народом так же, как оно управляло „обывателями XVIII в.“».²¹ Это характеризовало общий подход и стиль, поскольку «насилие и произвол губернской администрации имели место не только в отношении крестьянства». Как бы ни волновалась поверхность политического моря, в губернской глубине замирали и глохли всякие отзвуки и всплески будораживших центры событий и веяний и от привычного, укоренившегося за десятилетия, здесь не отступали ни на шаг. С какой бы степенью сознательности и целенаправленности политика подавления ни проводилась, но и до произнесения самих всколыхнувших всю страну знаменитых слов руководящим принципом деятельности на этом уровне оставалось «так было и так будет», и в повседневной неизменной практике «методы действий губернатора и его аппарата были грубы и насильственны даже в отправлении текущих административных дел. При этом бесцеремонно нарушался закон». Порождаемые этой отзывающей даже и не дореволюционной, но прямо дореформенной архаикой эксцессы в годы

премьерства Столыпина могли создать для него известные неудобства при провозглашенном им курсе на обновление и при появившихся, хотя и слабо функционирующих институтах буржуазного общества, как было при учиненных рязанским губернатором кн. А. Н. Оболенским бесчинствах. Глава правительства мог жаловаться, что тот «не хочет понять, что этим сыплет мне на голову горячие уголья»,²² и рассылать по губерниям «пространные циркуляры» с увещанием слишком уж разошедшихся управителей держаться в рамках, но цели они не достигали, так как местная власть «продолжала применять те приемы и методы, которые осуждались в этих циркулярах».²³ И многого ли мог добиться Столыпин, если среди самых рьяных приверженцев старого находился его собственный ставленник Н. П. Муратов, возвышенный им из незначительной судейской должности сразу в губернаторы, а, по мерке самого Муратова, «быть назначенным из маленьких провинциальных прокуроров сразу губернатором и в такую губернию, как Тамбовская, равняется выигрышу в 200 т.».²⁴ Муратов навсегда сохранил к Столыпину как своему благодетелю чувство глубокой благодарности, для него он вообще являл собой образец государственного деятеля, преемники которого на посту министра внутренних дел изображались в оставленных им воспоминаниях один другого ничтожнее. «Если при Макарове кабинет министра потерял для меня всякий страх, при Маклакове — серьезность, то при Щербатове, — шла эта неуклонная деградация, — он сделался каким-то нелепым местом, куда нужно было только возить бумаги, чтобы получить подпись».²⁵ На этом фоне Столыпин выступал фигурой совсем другого калибра. «Я всегда каждый раз входил в столыпинский кабинет, как на самый строгий экзамен, — прилагал Муратов все старания, дабы возможно выше приподнять своего принципала, — зная, что экзаменатор все поймет, даже те мысли, которые, как запутавшийся в сетях собственных сомнений, я не собирался высказывать. Сколько раз вопросы, казавшиеся серьезными и сложными, переставали ими быть от какой-либо фразы или даже слова, пропущенного вскользь П. А.»²⁶

Себя самого он считает верным выразителем его линии, не говоря уже о каком-либо расхождении или тем более противодействии ей, и небеспричинно, раз именно Столыпин обдуманно выбрал его как одного из наиболее подходящих для осуществления в губернских масштабах своих планов лиц и дал такой толчок его карьере. Преклоняясь перед своим кумиром и не видя между ним и собой никакой разницы, он одновременно был ярким противником совершавшихся перемен и в своей практической деятельности старался, насколько возможно, вести дело старой колеей и к тому же так, чтобы быть поближе к временам Николая I. В послереволюционную эпоху дореформенные порядки в их ненарушенной архаике продолжали жить в сознании стоявших у власти, были для них магистральным ориентиром, а новое вызывало остервенелую ненависть как прямое порождение рево-

люции. Единственной задачей было, как от него избавиться или хотя бы свести к минимуму его значение. Всякое сближение между одним и другим исключалось. Свое продуманное *сredo* как блюстителя самодержавия, которому пришлось временно отступить и то больше по причине проявленного его защитниками малодушия, а теперь следует приступить к реконкисте, он сформулировал в свободном от всякой недоговоренности, как и компромиссности, рассуждении, выражавшем исповедание веры не одного только губернатора Муратова, но целого легиона приверженцев старого строя всех оттенков и калибров. Состоявшиеся нововведения были для него лишь вредоносной добавкой в сохранившемся механизме самодержавной власти при последовавших от переделки разлаженности и несогласованности в действиях аппарата управления и общей их направленности. Они изображались как застопорившие надлежащий ход дел палки в колесах, а вовсе не необходимая часть созданной из старых и новых деталей конструкции. «...Положение исполнителей закона, особенно после смутных 1904—1906 гг., было не из легких, — в этом ключе давал он толкование совершившихся перемен. — Власть, обязанная оберегать нашу государственность, вместо того чтобы перейти в решительное наступление на ту свору врагов, которая бросилась на нее в эти годы, начала отступать, подбирая искусанные ноги и кидая — в виде подачек — наскоро, кое-как написанные, противоречивые, не согласованные с нашим сводом законы, в содержании которых заключалась лишь трусливая мысль: ублажить хоть как-то на время остервенелую стаю, чтобы она дала передышку и отвязалась».²⁷ Но если новый порядок был обязан своим появлением единственно обнаруженной и теперь сурово осуждаемой непростительной слабости, то прошлое в своем сохранившемся могуществе продолжало оставаться неколебимой точкой опоры в борьбе с проникшим так далеко врагом. «Наши строгие и величавые законы II тома, законы силы и державства государственной власти, с грозно нахмуренным челом от лежавших на них воспоминаний николаевского царствования, — приносил он эту торжественную присягу верности николаевским заветам, как одновременно и клятву сражаться не покладая оружия с покушающимися на них, — продолжали стоять неразрушенной колоннадой и с презрением смотрели на этих ублюдков, пробравшихся в их храм и пытавшихся своей спутанной, косноязычной, с акцентом — от всех языков до еврейского включительно — болтовней, взятой из модных книжек и чуть ли не из партийной 3-х копеечной литературы, диктовать правила для поступательного движения нашей государственной и общественной жизни».²⁸

Человек реконкисты с головы до пят, он весь был проникнут боевым настроением, видя весь смысл своей деятельности в том, чтобы изо всех сил теснить ненавистное новое, раз уж его нельзя было выкорчевать без остатка, не думая ни о перемирии, ни об ослаблении напора. Бездонная пропасть отделяла старое от всего привнесенного революцией или обещанного ей своим

появлением, и нигде, ни на одном участке, нельзя было навести между ними мосты. Каждое слово рассуждений Муратова, весь их непреклонный тон были тому непререкаемым подтверждением. Со своей стороны он эту пропасть готов был сделать еще шире и глубже. «У нас, исполнителей, явилось двое господ: старые, которые нас воспитывали, и новые, которые требовали себе повиновения, и нам нужно было примирить суровый голос стариков с торопливым, назойливым твяканьем ублюдков», — демонстрировал Муратов, до какой степени ему ненавистна и непереносима сама мысль об этом «примирении», раздосадованный только тем, что не всем управителям была присуща подобная, исключавшая всякое сближение с противником твердость и неуступчивость. «Некоторые, повернувшись к старым господам спиной, стали служить только новым, — выступал он их беспощадным обвинителем, который жестоко покарал бы их за отступничество, будь это в его власти, — а я не хотел поступать так, да и не мог: старые господа оставались, и нельзя было затыкать уши на их приказы. . . зная же происхождение и природу новых моих повелителей, я не поправлял их косноязычную и спутанную речь, и, когда они что-нибудь не договаривали и предоставляли догадываться, я не пускался в догадки».

Практика его действий стояла в полном соответствии с этим воинствующим неприятием совершившихся перемен. Повернувшись к ним спиной, как будто бы их вовсе не существовало, он держался губернатором николаевских времен, считая себя полновластным хозяином губернии и поступая в убеждении, что он может стереть в порошок всякого, кто только осмелится на малейшее неповиновение, не выкажет абсолютной покорности. Он с упоением изображает себя таким грозой-губернатором, громовержцем, испепеляющим всякое непокорство, перед которым все трепещет, все дрожит. Отраднo было впоследствии вспоминать, какого страху он мог нагнать на «провинившихся», доводя их до дражи в коленках и потери речи.²⁹

Едва ли не с наибольшим удовлетворением вспоминался эпизод, когда он в свою бытность уже в Курской губернии вдоволь покуражился над представителем Петербургского международного банка Файнбергом вкупе с другими местными воротилами за якобы допущенную теми непочтительность в обращении с полицейским чином. Устроенная им выволочка, когда с уполномоченным крупнейшей финансовой силы и прочими видными дельцами обращались с подчеркнутым пренебрежением, желая показать, что они ничего не значат и их можно согнуть в бараний рог, говорила о том, что для Муратова оставались живы во всей своей допотопности не только дореволюционные времена, но времена до отмены крепостного права — до таких пределов доходило нескрываемое презрение к личности при абсолютной уверенности в ее бесправии и обязанности безропотно и покорно сносить от начальства все и, наоборот, своей способности сделать с ней все, что угодно. «Я вас расшвыряю, как щенят», — гремел губерна-

тор. От ужаса перед разбушевавшимся губернским Зевсом «колени у Виленчика ходили ходуном направо и налево».

С такими ухватками и аллюрами Муратов не только не чувствовал себя не на месте в новых условиях, но не питал и малейшего сомнения в том, что власти нужны именно такие правители, как он, что он ей под стать, а вовсе не желающие угодить тем, кого следует держать в железной узде, кто не исполняет, что им приказывают, и осмеливается поступать, как вздумается. Задора придавало и то, что он не видел вокруг никого и ничего, способного остановить его на этом пути.

Ломя наполюмом, он был убежден, что ветер дует в его паруса и дело реконкысты должно будет восторжествовать, сила за ним.

И не только ему, но целому сонмищу стоявших за старое и отвергавших новое могло показаться, что обстановка складывается в их пользу и впереди их ждут победы и легкий возврат к прежним порядкам, к которым и так приблизились совсем вплотную. Об этом уже сформировавшемся настроении писал у себя в дневнике Киреев еще в ноябре 1907 г. «Говорят: вся Россия поправила и будет еще праветь, так что все уляжется и уладится, — передавал он утвердившееся в близкой себе среде мнение, — и Дума, в которую перестают верить, делается une *quantité négligible*».³⁰

В том, что надежды на возврат к прошлому связывались с упадком значения Думы, которому готовы были всячески содействовать, проступала главная направленность развертываемого под знаменем реконкысты наступления. Если в период наивысшего взлета революции многие из оказавшихся под ее ударом хватались за Думу как за единственный шанс уцелеть, не дать революционному потоку вырваться на простор, заключив его в русло думской деятельности, — в их числе оказался с перепугу и Мещерский, — то теперь, когда смертельная опасность миновала и, казалось, можно было зажить по-прежнему, и на послушную третьиюньскую Думу, отданную в руки общественной верхушки при ничтожном участии в ней демократического элемента, стали смотреть косо, как на соперника власти, который со временем сумеет ее потеснить. Она, услужливо поспешающая облегчить власти бремя управления и в лице октябристов как основной думской партии принимающая ее верховенство, выдвигалась на передовую линию огня как главный оплот противника. Она становилась той крепостью, которую надо было взять или хотя бы окружить так, чтобы, не получая никаких подкреплений, она бы окончательно обессилела и сама собой сошла на нет. Боялись, как бы она ни укрепилась, ни приобрела вес, тем более наблюдая, что даже те, кто бил себя в грудь, выдавая себя за ярого ненавистника новых начал и преданнейшего приверженца самодержавной власти, старались попасть в Думу и заделаться видными политическими фигурами, выглядеть вершителями дел, не уступающими в своем значении людям правительства. Двигало ими не одно только тщеславие, но зачастую и соображения самого меркантильного

свойства, как будет видно из дальнейшего. Но так или иначе эта тяга отличиться на думской сцене и обратить на себя внимание страны, проявлявшаяся в среде правых, внушала опасения, умеряемые предвидением, что Думе не удастся — и ей не дадут — выйти в большое плавание и ее ожидает жалкое прозябание под боком у твердо держащей в руках бразды правления власти.

Для такого противника Думы, как Киреев, было очевидно, что «думский régime несомненно у нас укрепляется, „получает права гражданства“»,³¹ но на этом основании он отнюдь не считал игру окончательно проигранной и самодержавие ниспровергнутым с заменой его конституционным правлением. Созданный каркас законодательных установлений и правил еще только должен был обрести плотью реальных отношений, а пока он не брался определить даже в самых общих чертах, как будет выглядеть нарождающийся порядок. Амплитуда возможностей была самая большая, так как ничто еще не успело занять своего окончательного места и главные вопросы оставались пока без ясного ответа. «Какой это „régime“?» — вопрошал Киреев и сам признавался, что «ответить трудно».³² «Все зависит от того, — выставлял он решающий критерий, — как смотреть на 3 июня. Если видеть в нем лишь временное нарушение конституции 17 окт [ября], лишь как исключение, мы находимся под régime'ом, ведущим к парламентаризму, если 3 июня — норма, то мы пользуемся régime'ом древнерусским, т. е. совещательным, представляющим не только окончательный голос, но и *право безусловной инициативы государю*». «Этот важнейший из важных вопросов не решен», — указывал Киреев на сохраняющуюся коренную двусмысленность, при которой открытыми оставались два разных пути. «Настоящая Дума (октябристская), если ее запросить, скажет, что 3 июня — лишь маленький произвольный каприз, „coup d'état'ишко“», тогда как для представляемого им направления это было «изменение принципиальное».

Человек дела, Киреев не ограничивался одними рассуждениями, но, как обычно, деятельно старался придать течению событий нужный оборот, воздействуя как влиятельное лицо в этом духе на самого Столыпина и убеждаясь, что тот, собственно, так и смотрит на роль Думы, хотя предпочитает держаться менее вызывающей тактики. Обсуждая со Столыпиным в очередной раз обстановку в стране и требуемый курс действий в середине сентября 1908 г., он «говорил о необходимости и желательности подчеркивать, что Дума совещательное, а не решительное учреждение, что необходимо выдвинуть 3 июня».³³ Предвидя, по-видимому, в этом случае возникновение известной напряженности, Столыпин счел нецелесообразным провоцировать конфликт с Думой, тем более что фактически она и так была поставлена в подчиненное положение. Поэтому собеседник с настояниями Киреева «не соглашался. Ставить принципиальные вопросы, — говорил он, — поведет к спорам, а на деле ведь Дума ограничена 3-м июня».

Когда так широко распространилось предположение, что все само собой «уляжется и уладится», и сам царь, принимая Тихомирова в январе 1909 г., «высказал надежду, что все устроится и если будут еще вероятные вспышки, то все же восторжествует здравая русская идея»,³⁴ действительно трудно было убедить в надобности создавать казавшиеся ненужными осложнения. Здесь Киреев расходился и с некоторыми своими ближайшими единомышленниками, ожидавшими, что Дума постепенно вовсе захиреет и даже довольно скоро, так что ничего и делать не придется, а надо только набраться терпения. Так был настроен Д. А. Хомяков, уверявший, что «в провинции перестают интересоваться Думой, что она теряет свой prestige. Он думает, что она сама собой без всякого госуд[арственного] переворота, — гласила запись в декабре 1908 г., — превратится в нуль».³⁵ Сам Киреев не рассчитывал, что с Думой удастся так просто разделаться, но в его окружении приходят к убеждению в ее бессилии и возможности поступить с ней как заблагорассудится. Оставалось только двинуться этим легким путем. И даже наиболее сдержанно настроенные провоцируются очевидной беспомощностью Думы, и их подмывает воспользоваться ее хорошо видной слабостью, чтобы так или иначе потеснить ее. Казалось, из этой податливой глины можно вылепить что угодно и следовало безбоязненно приняться за дело. «Видел кое-кого из провинции, все в один голос говорят, — передавалась эта атмосфера уже летом 1909 г., — что России хочется отдохнуть, „очухаться“ и что, ежели государь вздумает сделать из Думы орган *совещательный*, ни один человек не двинется в защиту „народных прав, попранных *тираном!*“».³⁶ Но и при уверенности, что все обойдется малой кровью, предполагаемое хирургическое вмешательство и переход к открытым боевым действиям, каким бы гарантированным ни рисовался успех, все же не представлялись безусловно предпочтительным образом действий, в особенности ввиду того что Дума влачила все то же незаметное существование и, как с удовлетворением отмечал Киреев в начале 1910 г., пребывая в ничтожестве, «положительно не вызывает прежнего интереса. Она как бы надоела. . .».³⁷ Суть положения состояла в том, что со всеми новыми пристройками и другими переделками основа государственного здания да и оно само оставались все теми же и «можно было вести обе линии. В Думе можно было говорить о парламентаризме, а царь мог говорить о том, что все идет по-старому».³⁸ Однако подавляющий перевес при этой дихотомии принадлежал последнему. «Конечно, авторитет царя, — допускал Киреев, — страшно уменьшился после японской войны, после революции, подавленной только внешне, и после нашего политического поражения в Боснии-Герцеговинском деле», но, сопоставлял он обе политические величины, «все же авторитет царя силен, а Дума ничьих симпатий не завоевала».³⁹ Последнее успокаивало его, между прочим, в опасениях, что Гучков, заняв председательское место Хомякова, попытается изменить баланс сил в пользу Думы, действительно не

сумевшей нажать никакого политического капитала, а вызвавшей, напротив, горьчайшее разочарование и среди своих собственных сторонников, — в такой громадной степени не соответствовала она пробужденным надеждам, так жалка была она, покорно при-
мостившаяся где-то на задворках власти. И самые смиренные и непритязательные чувствовали себя нагло обманутыми и теперь с негодованием предъявляли своим утратившим всякое доверие избранныкам счет, как сделал в письме Гучкову один из понадеявшихся на октябристов, а ныне испытывавший к ним лишь презрение при виде того, что ему представлялось демонстрацией самой постыдной импотенции. «. . . Оказалось, что октябристы до Думы и октябристы в Думе — это огромная разница. Вы и Ваши единомышленники скоро забыли, — строжайшим судом судил он их, — свои обещания. Оказалось, что это была только предвыборная реклама. . . Вы проявили удивительную угодливость правительству. . . своим поведением в Думе вы убили в таких мирных людях, как я, всякую надежду на благополучный выход из данного положения. Передо мной — один беспредельный мрак! А я враг революции и друг прогресса, умеренный в своих требованиях, но искренно желающий своей родине блага».⁴⁰ Это выданное и октябристам, и Думе в целом свидетельство о бедности, а вернее, о вопиющей нищете было почти сразу же удостоверено особенно ценным свидетелем, членом Думы от октябристской фракции, по близкому знакомству с ее составом и деятельностью с полным знанием дела давшим ей уничтожающую характеристику. В письме от 6 февраля 1909 г. А. П. Губареву, состоявшему в ранге превосходительства и проживавшему в Москве, он безоговорочно осудил большинство своих коллег как людей, преследующих единственно свои корыстные интересы и способных принести один лишь вред. «Вообще чем дальше, тем больше я расхожусь со своей партией, и уже редко я голосую с ней», — писал он о своем теперешнем положении с перспективой вовсе выйти из партии и переселиться на скамьи оппозиции.⁴¹ «Я нахожу, — формулировал он причины разрыва, — что октябристы сбились и стремительно ударились в невозможную реакцию и на все смотрят глазами обозленных дворян и перепуганных купцов, которые дрожат за свое добро, но могут легко его погубить своими эксцессами». «Это, — довершал он обрисовку политической физиономии выступающих под октябристским ярлыком, — та же скверная предательская порода разных бывших земских начальников и адвокатов — аршинников и лицемеров, которая так много нам вредила до войны и подняла голову теперь, когда стало успокаиваться». С таким балластом Дума прочно сидела на мели. При столь негодном материале, преимущественно заполнявшем стены Таврического дворца, не приходилось надеяться на какие-нибудь благоприятные перемены. Наоборот, глядя реалистически, следовало ожидать дальнейшего ухудшения, и с ним-то и связывалась вероятность последующего улучшения. Поворот к лучшему предвиделся только после того, как октябристы доведут Думу до полного упадка и, окончательно

скомпрометировав себя как ответственных за это, оттолкнул от себя избирателя. Тогда-то их место смогут занять другие политические силы и сдвинуть наконец Думу с мертвой точки. Таковы были расчеты известного прогрессиста И. Н. Ефремова, пока что констатировавшего, что и октябристы никудашны и Дума находится в донельзя жалком состоянии. «Скверно пахнет в думском центре, — писал он 3 февраля 1909 г. члену Думы С. И. Комсину. — Октябристы фаталистически должны докатиться до конца, до слияния с правыми. Полной потерей своей конституционно-прогрессивной физиономии они должны подготовить или сделать возможной иную группировку обывателя, на своей шкуре чувствующего, что в лизании сапог Столыпина и усилении власти губернаторов нет спасения».⁴² И если он в своих оценках становился несколько правее кадетов, полагая, что «не следует поддаваться и той нервности, которая овладела к. д.», то по всем соображениям выходило, что «трудно, конечно, и нам оставаться равнодушными при виде творящихся гадостей и среди настроений не то бедлама, не то кабака, в котором погрязает по временам Дума».

Да и самому октябристскому большинству и его лояльным сторонникам не чуждо было сознание ничтожности играемой ими роли и возможных последствий прислужничества власти. Обеспокоенные перспективой утратить всякое значение, подыскивали средства поправить дело, подобно одному из корреспондентов Гучкова. «Теперь все убеждены, что Дума не имеет никакой власти, а меньше всего октябристы», — писал тот из Каширы 10 февраля 1909 г.⁴³ Чтобы сохранить хоть какое-то место на сцене, нужно было проявить себя, хотя бы повысить голос. Так или иначе, поколебать сложившееся убеждение, что октябристы состоят из одного бессилия. «При таких обстоятельствах, — рекомендовалось Гучкову, — нужно показать когти. Для этого нужно выбрать жертву, но с толком и подходящую. Забравшись слишком высоко, Вы только покажете собственное бессилие. Одним словом, большого результата возможно достичь двумя способами: поразить одно очень высоко стоящее лицо или поразить много маленьких людей», как например прогнать сто земских начальников. Но давать советы было гораздо легче, чем их исполнить. Октябристы как были, так и оставались политической мелкотой, с которой всерьез не считались ни друзья, ни враги, и они-то и задавали тон Думе, и та, закоснелая в своем убожестве, оставалась незначительной величиной, которую терпели прежде всего за это ее убожество и вытекавшую из него безвредность для власти. И при фактической возможности ниспровергнуть ее одним дуновением предпочитали держать ее на положении приживалки, которой сами хозяева не дозволят досаждать им сверх меры и которую дальше передней не пустят.

Наступательные действия на правом фланге, которые слились бы в общее координированное наступление сил реконквисты, встречали к тому же преграду в том неудержимом и все убыстряю-

шемся упадке, которым был охвачен весь мир старого, во множестве сохранившегося пережиточного, фатально обреченного на исчезновение, как бы ни силился он продлить свое существование. Какой бы перевес в грубой силе ни был еще на его стороне, почва все равно уходила у него из-под ног. Удержавшийся на плаву, по выражению «Нового времени», «раненый броненосец», сумевший выдержать бурю революции и теперь как будто бы даже вырубивший на прежний курс, находился на самом деле в непоправимо бедственном состоянии. Его громадный корпус со всеми надстройками продолжал безостановочно разрушаться. Развал и распад захватили все стороны и проявления жизнедеятельности этого государственного образования, еще способного подавлять своих противников и тем более оппонентов, которым так хотелось стать признанными союзниками власти, но уже неспособного задержать губительные для него процессы внутреннего разложения, прогнивания самой сердцевины режима. Дело нигде не ладилось, ни в каком месте не наблюдалось улучшения. Все слишком обветшало и пришло в негодность, чтобы прилаживаемые заплатки могли придать всюду расползающейся старине хоть какую-нибудь прочность. С особенной наглядностью это выражалось в том, что среди бросившихся на защиту старого возрастает несогласованность, дисгармония, недовольство друг другом. Всюду видны углубляющиеся трещины, со всех сторон слышатся взаимные обвинения и попреки, и эти умножающиеся междоусобицы зачастую завершаются громким скандалом, а то и рукопашной. Нескончаемые дразги на самой грязной подкладке с взаимными обвинениями в хищениях и мошенничестве шли в Союзе русского народа.⁴⁴ Марковцы поедом ели дубровинцев, а те их. Последовало изгнание Пуришкевича, следом же основавшего Союз Михаила Архангела как свою собственную персональную партию. Не поладил А. И. Дубровин и с И. И. Восторговым, возглавившим Русскую монархическую партию, где сызнова стали вершиться темные денежные дела, так что самому руководителю пришлось формально отойти в сторону, чтобы избежать ответственности за растрату.⁴⁵

От того, что творилось в Одессе, гром стоял на всю Россию. Там сошлись у всех на виду в свирепой схватке друг с другом две шайки правых, и пошло многолетнее кровавое побоище. В него оказались вовлеченными высшие сферы, ближайшее окружение трона. Одних во главе с гр. А. И. Коновницыным поддерживал любимец Николая флаг-капитан «Штандарта» адм. К. Д. Ниллов, других во главе с градоначальником знаменитым ген. И. Н. Толмачевым, чье имя стало нарицательным, — дворцовый комендант В. А. Дедюлин. Но и везде происходило то же самое. Всюду правые жестоко враждовали друг с другом, вырывали друг у друга кусок изо рта, потому что для правых главное заключалось в возможности побольше урвать в качестве защитников веры и престола.⁴⁶ Армия старого порядка уподобляется не знающему никакого послушания и не признающему никакого подчинения

сброду, лишенному сколько-нибудь авторитетных вожаков. Горлопаны вроде Маркова II, Пуришкевича, Дубровина, Восторгова и нескольких им подобных, какой бы шум они ни производили, как бы пронзительно ни звучал их голос и какие бы номера они ни откалывали, так и не заняли положения власть имеющих, за кем признавалось бы право давать обязательные для кого-либо распоряжения. В лучшем случае их окружала маленькая клика приспешников, скорее даже прихлебателей, чье благополучие так или иначе зависело от того, как пойдут дела у главарей. Так далеко продвинувшийся кризис старого порядка давал себя знать во всех его составных частях, не позволяя появиться среди шатающегося и разваливающегося ничему прочному, основательному, способному снискать сколько-нибудь широкую поддержку, утвердить себя как крупная общественная сила.

Все, что воздвигалось, воздвигалось на песке и из песка, и немного требовалось времени, чтобы созданная из такого материала постройка рушилась. Не напрасно никому не удавалось придать этому скопищу мало-мальски устойчивую форму и хоть какое-то внутреннее единство. Никакие другие группировки не отличались такой разнородностью, а главное негодностью состава. Среди правых можно было встретить кого угодно — от столбового дворянина до совершенного люмпена при громадном перевесе всякого темного и даже вовсе уголовного элемента. Все грязное и скверное, что только могла выплеснуть улица, чьим законным местом обитания было самое дно жизни, все эти природные дети клоаки, профессиональные босяки могли найти у правых пристанище и могли рассчитывать на продвижение и даже, если уж повезет и сами будут не промах, на занятие какого-нибудь видного положения и, что было особенно привлекательно, получить доступ к денежному сундуку. Политика для них была сродни игре в рулетку, когда, имея какие-то жалкие гроши, при удаче можно было сорвать крупный куш и сразу попасть в тузы. Ради такого эта публика шла на все и не останавливалась ни перед чем. Уважались не происхождение, не социальное положение, не принадлежность к высшему кругу, а только сила и ловкость. Дворянству с его барскими замашками нелегко было тягаться с прошедшими такую школу жизненной борьбы хищниками, хотя зачастую и очень мелкого разбора. Но так как в правой среде все были друг другу конкурентами и знали только свою пользу, то в выигрышном положении оказывался тот, кто, пройдя огонь и воду, лучше владел всеми приемами борьбы, дозволенными и не дозволенными, и понятное преимущество здесь, как правило, принадлежало воспитанникам улицы, а не тем, кого происхождение избавило от многих лишений и тягот, поместив некоторым образом в тепличные условия. Так или иначе, солдаты или те, кого хотели определить в солдаты и которые больше всего по всему своему складу годились в мародеры, здесь стоили своих самозванных командиров. Заранее исключалось проведение этим грызущимся между собой сборищем, этим антиподом порядка, успешной наступатель-

ной операции, а тем более достижение стратегического успеха в борьбе с неодолимым течением, уносившим Россию от архаики, от принадлежавших совсем иной эпохе порядков и нравов.

Бедственное состояние дел на правом фланге с выраженной тенденцией к дальнейшему ухудшению вызывало в этой среде ширящуюся тревогу, принимавшую разную степень остроты, у иных доходившую до окончательной уверенности, что все пропало и неоткуда ждать спасения. На одном из первых мест здесь оказывается Л. А. Тихомиров. Все эти годы он находится в постоянном смятении, раз за разом переходящем в неудержимое отчаяние. Его не оставляет ощущение неотвратимо надвигающейся беды, развала всего и вся и полнейшей безысходности и непоправимости сущего. Он с нарастающей отчетливостью осознает, что отстаивает безнадежное, гиблое дело. Он уверяется, что старый мир, то, что он называет старой Россией, который он всеми силами старался уберечь от гибели, приходит в необратимый упадок, прежде всего потому, что его защитники пали так низко, что им ничто не поможет и они обречены вместе со всем тем, что держалось столетия, уцелело и после реформы 1861 г., и после революции и еще так недавно было как будто бы еще во всей силе, а теперь рушится на глазах. Рисуемая им картина выдержана прямо-таки в апокалипсических тонах с разверзжейся под ногами бездной. Это то же настроение, в каком он жил в годы революции, каждый день находясь в опасении конца и вина слуг режима во всяческом непотребстве, нечестии и вопиющей негодности. И в одержавшем в конце концов вопреки ожиданиям верх самодержавии он не видит победителя, а лишь на шаг отступившего от края пропасти, но влекомого все туда же. «Страшное и беспримерное царствование: никогда и, вероятно, нигде за столь краткое время, — подводит он как бы главный итог 24 сентября 1907 г., — не было разрушено все: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже простое самолюбие. Я бы не поверил прежде, что в состоянии буду пережить падение и поругание всей святыни, всего дорогого, чем жил. . . И живу — страшно сказать, — ни на что не надеясь, зная, что погибла родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы. . . И живу! Странно самому».⁴⁷

Этот всеобщий крах фокусировался и воплощался в самих поборниках старого строя, один другого ничтожнее, пустяковее, во всяком случае лишенных того, что могло бы сделать их предводителями, способными увлечь за собой, сплотить и возглавить силы старого. Другими словами постоянно повторяется, становясь рефреном, сказанное в марте 1907 г. — вокруг «мелочь на мелочи».⁴⁸ И даже те, в чей адрес высказывается в виде какого-то уже исключения похвала, все равно не годятся. После долгого разговора с противником столыпинского курса П. Х. Шванебахом Тихомиров отзывался о нем в превосходной степени: «. . . очень, очень симпатичен и теоретически умен», однако рядом с этим соседствует и серьезнейший недостаток — «но сомневаюсь, чтобы был настоящим практиком»,⁴⁹ т. е. попросту умел делать дело.

И уже, не рассчитывая, что тот сможет стать в будущем фигурой, он от частности, рассматриваемой как нечто типичное, приходит к тому существенному обобщению, что, «вообще говоря, не видно кругом ни одного „исторического“ человека». И чем хуже идут дела, тем большая роль отводится кому-то, кто придет мессией и найдет в непролазных дебрях путь, решит неразрешимые задачи, выведет из глухого тупика. Чем более безнадежным кажется положение, тем сильнее жажда чуда в виде появления этой всеведущей и всемогущей личности, для которой невозможного нет, способной сдвигать горы и осушать моря. А пока от худого подвигаются к еще худшему, а чудесного избавителя как не было, так и нет. «Ведь действительно положение ужасное, нелепое, страшное. Все рассыпается: государство, церковь, вера, семья, все, все. . . , — доходит до пределов отчаяния Тихомиров. — И вот не дает господь человека, вожака, пророка, повелителя. Мечутся люди, никто ничего не понимает, все заставляют друг друга делать, работать, спасать. А что делать — неизвестно, как спасти — неведомо».⁵⁰

В этой бессмысленной сумятице и неразберихе, когда ребром стоял вопрос о жизни и смерти, те, кто теперь выступал в первых ролях по занимаемому ими официальному положению или собственными стараниями пробился на первые места, уже проявили свою малокалиберность и в любом случае были не в уровень предстоящей громадной сложности задач. Если в начале деятельности Столыпина какие-то иллюзии связывались с ним и многие из державшихся за старое стали доверчиво ожидать провозглашенное им пришествие «богатырей духа» с ним во главе, то ныне и он перестал котироваться таким «богатырем» и другие новоявленные известности решительно ничем на них не походили.

В конце 1907 г. Тихомиров сочувственно выслушивал так понравившегося ему Шванебаха, который «очень долго критиковал Столыпина», отрицая за ним «возможность. . . какой-нибудь крупной роли национального вожака».⁵¹ В первую очередь отсутствовал «крупный ум и характер». К числу недостатков относилось и то, что Столыпин был, как считал Шванебах, «человеком компромисса», склонным по вменяемому ему крайнему самолюбию и тщеславию «к популярничанью» за счет, подразумевалось, интересов самодержавия. Не выставляя никаких возражений на это, Тихомиров единственно полагал, что все-таки «Столыпин крупнее всех остальных», и приходил даже в раздражение от того, что «ему противопоставляют Горемыкина». «Ну, уж это совсем плохо», — напрочь отвергал он такую замену, тем более так много ожидая от появления «исторического деятеля», коему Горемыкин мог считаться полной противоположностью. «Какой же „исторический деятель“ Горемыкин?!» — как о явной нелепости придавать ему такое значение писал Тихомиров. Не подходил и второй персонаж, прочимый в преемники Столыпину, — П. Н. Дурново. «При всем уме (очень тонком) и характере (громадном), — допускал Тихомиров, — П. Н. не имеет цели действия, кроме

порядка и чисто внешнего поддержания государства», т. е. не поднимается выше полицейского, пусть и самого высокого ранга, а одной полицейщиной, которой так долго и так успешно, по-видимому, пробаивались, теперь было очевидным образом не обойтись. Одного умения схватить и связать, забить кляп в рот теперь было явно недостаточно. Но если Столыпин ставился поэтому выше Дурново, раз он собирался снискать общественную поддержку режиму, то реформатора из него тоже не получалось. «Человек полумер», — отзывается о нем Тихомиров уже в начале 1908 г.⁵² Со всеми потугами создать впечатление новизны, выхода на новые пути он все-таки придерживается прежнего *modus vivendi*. «Так крупен и привлекателен по внешнему впечатлению, — заявляет о своем разочаровании в нем Тихомиров, — и так мало серьезных видов, планов и оценок». Перемены допускаются только в самых узких границах, только как корректировка продолжающегося считаться правильным текста. В середине 1908 г. Тихомиров уверился, что Столыпин «никаких глубоких реформ просто не представляет себе. Он воображает положение, нелепое в основаниях, исправить мелочной работой, частичными улучшениями».⁵³ Убеждается и в другом — дело так и будет идти, так как «он, по-видимому, не способен измениться. Да и как требовать? С утра до ночи в мелочной толчее нельзя думать. Он не может встряхнуться и захотеть овладеть работой, но следует за ней рабски, по течению ежедневной злобы дня». Поэтому, когда да него спустя непродолжительное время дошли сведения, что кампания против Столыпина усиливается, то он, заинтересовавшись, в чем будет состоять смена курса в случае его смещения и «что же именно эта коалиция может сделать Столыпину, какая у ней может быть дальнейшая программа»,⁵⁴ каких-то больших перемен не предвидел, так как, «собственно говоря, и у Столыпина нет серьезной программы. Он начинает кучу реформ, но все они вырабатываются кое-как, скорее, в виде вывески, чем дела». Его он теперь твердо записывал в тактики, вовсе разуверившись в нем как в стратеге, не веря и в то, что можно будет выехать на одной тактике. «Вопрос только в том, насколько практична *petite habilité politique* («уменьице обделывать политические дела». — Ю. С.) в такие страшные времена политико-социально-нравственного разгрома, — сомневался он, что удастся обойтись малым. — Тут нужны *grands moyens* («крупные меры». — Ю. С.), а не проволакивание дня за днем мелочной „практичностью“: там сунул, там смазал, там пригрозил, день за днем — сутки прочь».⁵⁵ И уже никаких иллюзий не возникало насчет главарей отстаивавших старые порядки скопищ. Не приходилось долго докапываться до их мелкотравчатости. И если едва ли не наибольшую известность приобрел среди них Пуришкевич, то, оценивая его как политического деятеля, Тихомиров ставил его на совсем невысокую ступеньку. «К сожалению, Пуришкевич, — выявлялась его третьестепенность, — не способен на сложные комбинации. Его единственное оружие — личный протест, личный скандал».⁵⁶ Для Тихо-

мирова он был всего лишь «безвредный делатель шума». ⁵⁷ Эта характеристика распространялась, собственно, и на черносотенство в целом, погрязшее в интригах и мерзости и неспособное послужить сколько-нибудь надежной опорой, какой бы шум ни исходил с этой стороны. Зная достоверно все сам, а не понаслышке, он имел достаточные основания для пренебрежительного заявления: «. . . все эти „правые“, „патриоты“ друг друга готовы перетопить в ложке воды, уничтожить. Какое может идти дело с подобными личностями?». ⁵⁸ Дело и не шло. Спустя несколько недель он констатирует полный провал черносотенства в Москве. «В монархических союзах раздоры, ругань. . .», — с унынием пополняет он летопись быстро продвигающегося развала старого строя. ⁵⁹ Просвета нигде не просматривалось. И то, что и в церкви, представлявшейся ему наряду с самодержавием важнейшей из «исторических основ», творилось то же самое, было для него особенно знаменательным предвестником неминуемо надвигающейся катастрофы. Падение и этой твердыни старого порядка, чему он приравнивал ожесточенные распри среди церковных иерархов на почве дележа всякого рода благ, вконец подрывало надежду на возможность отстоять устои. «Да, старая Россия, кажется, бесповоротно умирает, — решал он под впечатлением непристойных ошибок высших блюстителей веры. — *Novum nascitur ordo* («Новый рождается порядок». — Ю. С.). Замыкается круг времен». ⁶⁰ В беспросветном пессимизме укрепляла и судьба «Московских ведомостей», этого тонущего флагмана правой публицистики. В середине 1909 г. ему становится ясным, что «газета не завоевывает публики. . . публика будто пробует газету и, понюхав, уходит: не нравится ей». ⁶¹ К началу 1910 г. очень туго шедшая подписка дала всего 1811 абонентов ⁶² при слабой розничной продаже примерно в 1000 экземпляров. ⁶³ Уже через год убыло 200 подписчиков. ⁶⁴ Жизнь, какая она складывалась, все дальше отодвигает газету в сторону, и ее руководитель сам начинает смотреть на себя как на что-то лишнее, как на обломок иной эпохи, хотя и старается изо всех сил удержаться видной величиной на самой авансцене и воздействовать на ход событий. «Стою на своих бастионах, знамени не опускаю, палю из орудий. . . — живописал он свою напряженную боевую деятельность в защиту «исторических основ», — но положение такое же, как у Стесселя в Порт-Артуре. Пали не пали — ничего не получается, родная армия уходит от тебя все дальше. . .». ⁶⁵ Да уже и армии никакой нет. «Читают и одобряют меня десяток стариков, постепенно вымирающих. Я — последний могиқан, — приходил он к сознанию, что вокруг него пусто и впереди дороги нет. — Будущего нет не только у меня, но и у дела моего». ⁶⁶ Падающая из месяца в месяц подписка говорила сама за себя. Газета шла на дно. Зная и видя это, Тихомиров все же продолжал «палить», в сущности вопреки уже собственному рассудку, ведь стало «очевидно, что у меня своей публики в России нет совсем. Несколько сот человек наберется. Да и сотрудников в моем духе

нет». ⁶⁷ Правда, неустанные проповеди Тихомирова в защиту самодержавия, какими бы бесполезными они ни стали казаться ему самому в плане воздействия на общество, имели назначением не только его идеологическое обоснование, их, возможно, еще более важной целью было побудить власть в лице прежде всего ее главы к тем или иным конкретным действиям. Но и здесь на чаемый отклик рассчитывать не приходилось. «Беда в том, — убеждался он в безуспешности своих стараний достичь практического результата, — что государю нужны не идеи, которых у него самого достаточно, а сила, которая могла бы за него все сделать. На голос такой силы он бы, может быть, отозвался. . . Но силы этой нет нигде. . .». ⁶⁸

Ниоткуда не встречая сколько-нибудь значительного отзвука, Тихомиров попадал в состояние почти полной изоляции, усугублявшееся и тем, что родственные издания не только не были подмогой, но, где могли, вредили, как вообще было заведено у правых, для которых единомышленник был вместе с тем и даже главным образом конкурентом. «Замечательно, — с горечью удостоверять он, — что ни одна „правая“ газета не осталась без подложения мне какой-либо свиньи». ⁶⁹

Куда ни кинь, всюду выходил клин. За все годы он и на минуту не обманулся кажущимся укреплением режима. Наоборот, кажущееся стояло как никогда в остром противоречии с настоящим и внешнее успокоение никак не переходило в упрочение, скрывая как раз продолжающееся ослабление всего старого общественно-государственного организма. Тихомиров упрекал Столыпина именно в том, что тот «не видит опасности нашего положения, преувеличивает значение временного затишья». ⁷⁰ Чем больше сам Столыпин уверяется в том, что худшее позади, тем больше появляется у Тихомирова оснований для прямо противоположных прогнозов. «Вообще могу только завидовать Петру Аркадьевичу, который может находить, что „мы выплываем, выгребаем“ из пучины, — отвергал он этот с его точки зрения совершенно беспочвенный оптимизм. — Мне больше сдается, что все мы сидим по уши в болоте и никуда не „выгребаем“. . . Какое-то кручение, верчение, ужасно похожее на агонию Польши или Византии при крестоносцах. Есть люди, любящие родину, есть желающие работать на ее спасение, и почва — такая гниль, что „не с чего взяться“, так что все только суется, опьяняют себя бегом, чтобы забыться и хоть вообразить себе, что и они что-то делают. . . Прямо ни искры органической силы, идеи, возрождения. . .». ⁷¹

С этой такого громкого звучания отходной по прежнему и предсказанием близящегося крушения как будто бы упрочившегося порядка Тихомиров не стоял особняком. В его окружении пессимистические настроения разделяли многие, давая дополнительное подтверждение верности его оценок и общего взгляда на происходящее. Таким подтверждением был в начале 1908 г. разговор с П. Н. Дурново, который «характеризовал положение России. Очень мрачно. Но умно, очень умно». ⁷² Сам он, видя все

в черном свете, ровно два года спустя снова имел возможность убедиться, что он не одинок. «За эти дни был кое-кто из политического мира: Саблер, преос. Серафим, — записывал он 17 января 1910 г. — Все смотрят мрачно на будущее, и все не видят никакого исхода. Конечно, все это уныние касается старой России, царской, православной. Россия столыпинская, всеверная, интеллигентно-конституционная, бесцветная и безыдейная — та, может быть, и „образуется“». ⁷³

И то, что по общему теперь приговору погибало, не могло не погибнуть и, делал Тихомиров следующий шаг, должно было погибнуть — жизнеспособного, непрогнившего до самых корней ничего не оставалось. «Да, по-видимому, этот строй не в силах ожить и „обречен року и Немезиде“, как выражался Карамзин», — заключал он в конце 1910 г., так как действительно «есть за что выступить Немезиде. Полное забвение каких бы то ни было принципов и исключительно „шкурный“ интерес сверху донизу власти. Не пробудить ни совести, ни разума». ⁷⁴ А пока всеобщая неурядица становилась устоявшимся образом жизни режима. «Положение правительства в СПб самое скверное, — записывалось по свежим впечатлениям от визита в Петербург в конце ноября 1910 г. — Столыпин не умеет объединять министров, и они все с ним на ножах, как и между собой. Эта анархия министров отражается и на чиновниках. Все ждут чего-то скверного, а Столыпин утверждает, будто все обстоит превосходно». ⁷⁵ Мартовский провал Столыпина и его *va banque*, проигранный им при первоначальной видимости одержанной над несогласными победы, служил лучшим подтверждением верности понимания Тихомировым конъюнктуры. Провалился не столько даже Столыпин, а третьейюньская система вообще. Столкновение прояснило, что попытка развязать намертво запутанные узлы, соединить несоединимое, породить какого-то невиданного политического кентавра, так чтобы и самодержавие было цело и завелись противоречащие самой его сути порядки, оказалась только что лопнувшим мыльным пузырем. То хрупкое, что мастерил Столыпин, упало и расколотилось на множество кусков. Эту разбитость в точности фиксировал Тихомиров, когда писал в мае 1911 г.: «. . .теперь в СПб положение до невероятности запутанное. *Bellum omnium contra omnes* («Война всех против всех». — Ю. С.)». ⁷⁶ Это было такое поражение, такое подавляющее свидетельство несостоятельности режима и того, на чем он держался, что он отводил ему совсем малое время перед тем, как окончательно исчезнуть. «Ну, а лет десяток еще — уже старой России и следов не останется», — прикидывал он оставшийся срок. И хотя после мартовского побоища Столыпин вовсе утратил свое бывшее значение и существовал больше как собственная тень, так что формальное смещение его было лишь вопросом времени, все-таки случившееся в Киеве сделало для Тихомирова давнюю безнадежность еще беспросветнее и мрачнее. Исчезла последняя почва для самонадеянных иллюзий, и, оглядываясь вокруг, он как никогда удостоверился, что вокруг никого

и ничего нет и ухватиться не за что. «У него в политике, по-моему, много ошибок — коренных. . . но в общем теперь, когда его уже безвозвратно нет, — подводил он итог деятельности Столыпина, возводя его одновременно на пьедестал как единственного, который хоть что-то собой представлял, — перед Россией открывается какая-то черная тьма неизвестности и, вероятно, жестоких бедствий. . . Не справится, вероятно, никто с положением». ⁷⁷ Отсутствие каких-либо благоприятных шансов бросилось в глаза после очередной поездки в Петербург и общения с тамошним черно-сотенством во всем его откровенном безобразии. «Прямо куча какой-то сволочи, — не бранился, а называл он вещи своими именами, — которых можно принять за преднамеренных врагов этой же монархии и вообще русского дела». ⁷⁸ Неудержимое и убыстряющееся соскальзывание вниз заставляло острее и острее чувствовать «бессмысленное положение человека, пытающегося отстаивать наши несчастные „основы“». ⁷⁹

Возможно, Тихомиров заходил дальше других в своих инвективах и сознании непоправимой гибельности всего хода дел, но несомненно и то, что это был уже достаточно хорошо проторенный путь и не у него одного в палитре господствовал черный цвет. Развал старого и катастрофический упадок поддерживавших его сил приняли такие масштабы и проявлялись в таких формах, что стали доступной и самому ординарному политическому зрению, и разумению очевидности. Трудно было сколько-нибудь осведомленному наблюдателю обмануться в том, что обороняющие старое донельзя мизерны и действительно ни на что негодны, не умея ничего толком наладить и пустить в ход. Еще в апреле 1907 г., комментируя создание клуба «правых» Государственной думы и Государственного совета, А. А. Киреев с унынием замечал: «. . . дело идет как-то вяло. По обыкновению всяких русских дел собираются часом позже назначенного, вместо реферата — разговоры. . . без понукания нам политикой долго будет еще не по плечу заниматься. . . Вообще, где нужна работа, а не порыв, там мы плохи!». ⁸⁰ И в дальнейшем с организацией, которая тут же не захирела бы, не развалилась, едва возникнув, ровно ничего не выходило. Эта устойчивая недееспособность вызывала даже удивление, утратив со временем всякую новизну. «Удивительно неумело ведутся дела правых», — продолжал сокрушаться Киреев на этот раз уже в конце 1908 г., ⁸¹ не предвидя никакой перемены к лучшему, потому что вообще так жили и так делали дело. Эта неизменность, становившаяся равнозначной безнадежности, порою прямо-таки ужасала. «Ах, как у нас все глупо ведется! Везде халат! — негодовал Киреев при виде всюду и везде царящего беспорядка и бессмыслицы. — В Морском министерстве ничего не сделано за 3 года после Цусимы! Те же беспорядки. Кражи везде! Халат везде!». ⁸² В этой атмосфере всепроникающего разложения опускали руки и те, кто считал дело правых терпящим поражение, поскольку противник сумел продвинуться в глубь занимаемой позиции, кто сам оборонял ее, но ныне утрачивал

надежду приостановить наступающих из-за многократно проверенной невозможности собрать и сплотить ее защитников. Так случилось с председателем Русского собрания кн. М. Л. Шаховским. Он был предельно встревожен сложившейся обстановкой. Как он извещал одного из наиболее известных предводителей правых Б. М. Юзефовича, «центр Гос. думы, т. е. решающая ее часть, соединилась со Столыпиным и особым Комитетом, состоящим из Коковцова, этого фата и гаера, князя Оболенского, залезшего в милость и творящего что ему угодно, Щегловитова, некоторых великих князей и тех лидеров из партии 17 октября и национальной фракции, которые приглашаются поочередно главарями якобы на чашку чая, дает директивы как в направлении деятельности Гос. думы, так и в деле направления и управления на местах. Наверху единственно что твердят: „Оставьте меня в покое“. Из всех бесед, которые слышишь здесь в обществе или лично ведешь в деловых сношениях, так и выступает одно: „Мы пережили самодержавный строй“». ⁸³

Но, изображая угрозу принявшей исключительные размеры, он, вместо того чтобы в качестве состоящего в среде правых в руководящей роли лица попытаться воспрепятствовать нежелательному повороту событий, счел наиболее правильным отойти в сторону, так как уверился в невозможности чего-нибудь достичь при имеющемся человеческом материале. Всего лишь несколько недель спустя он сообщал тому же Юзефовичу о принятии им бесповоротном решении оставить свой пост по причине очевидной бесполезности всякой дальнейшей деятельности. «Чем дальше, тем больше убеждаюсь в полнейшей апатии наших правых организаций, — свидетельствовал он на основании долгого опыта их недееспособность. — Людей дела, а не криков нет. На моих глазах сколько погибло самых насущных потребностей для систематической борьбы с революцией, по существу эпизодической, находившейся и находящейся в руках мизерной кучки людей. И погибают они по халатному к ним отношению, по разгильдяйству вообще». ⁸⁴ Конкретного материала для подтверждения объективности нарисованной картины воцарившегося маразма у Шаховского было сколько угодно. «„Союз правой русской печати“ накануне распада. Книжный магазин переходит в „Союз Михаила Архангела“ к Пуришкевичу, — начинал он этот перечень наличных и предстоящих провалов и неполадок. — Вот и этот В. М., весьма энергичный деятель и иногда даже полезный своими эксцентричными выступлениями в Думе, так разбрасывается в разных учреждениях, что в конце концов все его академические союзы, им организованные почти во всех высших учебных заведениях в Петербурге, окончатся крахом, как и лига народного образования, так и книжный магазин, который он теперь берет себе. И так везде. Отовсюду получаешь известия о жалком материальном положении правых политических организаций, даже 50 коп. взносы членов неаккуратно поступают. Ведь это не случайное явление, а повсеместное отношение к своим обязанностям. Не говоря уже

о недостатке лиц, желающих не только разговаривать, а делать дело. . .».

Все это худое становилось еще гораздо худшим из-за самих личностей тех, кто верховодил у правых. «В Главном совете „Союза русского народа“ происходят по-прежнему одни неурядицы. Там все поглощено личными счетами, составляющими основу его деятельности, — досконально зная всю подноготную, писал Шаховской о том, что представляет собой эта организация. — Я всегда далеко себя держал от них и разные их вылазки посадить Дубровина к нам в Совет дипломатично отклонял. . . признаю, что, будь в этом Союзе другой характер деятельности, было бы полезнее для общих целей не идти вразброд».

Особенно выразительным показателем того, насколько скомпрометировали себя и Союз русского народа, и прочие скопища этого толка, было неблагоприятное мнение, сложившееся о них в салоне генерала Е. В. Богдановича, где собирался «весь Петербург». И там за ними прочно укрепилась репутация сосредоточия отпетых подонков и отбросов, желающих заработать на изображении приверженности «устоям». Для Юзефовича Союз русского народа был клоакой,⁸⁵ о Союзе Михаила Архангела судили как о прибежище проходимцев.⁸⁶ «Как ужасно положение, которое мы теперь переживаем! Какие есть грязные личности, которые занимают почетное положение, как напр. доктор Дубровин», — записывала у себя в дневнике сама генеральша,⁸⁷ этот верный фиксатор настроений и оценок собиравшейся в ее доме столичной и общественной верхушки (салон посещает, убедился попавший туда Тихомиров, «народ отборный»⁸⁸), державшейся как раз за «устой». «Печальное явление все эти „союзники“, „старцы“ и проч.», — по-прежнему отказывалось им в доверии или хотя бы в минимуме благопристойности спустя год.⁸⁹

Но как бы ни было все плохо, главным источником беспокойства и здесь служило то, что это не составляло исключения, а было лишь частью общего неблагополучия, так как в целом дела режима были еще хуже и не виделось выхода из создавшегося тупика, и не Столыпину было отыскать путь к спасению. Он так и не нашел философского камня, не придумал чудодейственного средства вывести строй из губельного кризиса, и теперь ему пеняли за это, видя, что бурное море переплыть не удалось и впереди расшатанный корабль ждет новые ураганы, хотя он уже и сейчас в бедственном состоянии. «Такое настроение у всех, что все чувствуют, что тревожно будущее, что созидательной работы нет, — передавала Богданович это понимание сути сложившегося положения, — что Столыпин на эту созидательную работу не способен, что дело он свое сделал — умиротворение есть, но дальше надо работать, укреплять умиротворение, и это не делается, и все разваливается. Люди как-то утратили все начала, все смешалось у них в головах».⁹⁰ Последнее предпочитали отнести прежде всего на счет нового поколения. «Жить и наслаждаться — вот девиз теперешней молодежи, но так как для наслаждения

нужны средства, то и стараются их раздобыть всякими правдами и неправдами, не гнушаясь способами, забывая честь, дорогое имя и проч.». Но кто бы ни был виноват, успехов впереди ждать не приходилось. «И в такое время, с такими людьми начинают переустройство России! — как о наверняка обреченной на неудачу попытке писала Богданович. — Понятно, что ничего выйти не может. Старые с нравственными устоями люди уходят, а теперешние, хладнокровно относящиеся ко всему, кроме своей особы, еще более запутывают все и доведут Россию до полного разорения. Мнение Штюрмера: „Мы уснули“».

Но если сами обличители и могли указать пальцем на виновников переживаемых бед, по праву уличая их во всяческих безобразиях и проступках, то противопоставление себя им оборачивалось сугубым лицемерием. Гремя против пороков других, они сами в свою очередь могли быть судимы за то же, в чем обличали тех самых новопришельцев, кто, работая вовсю локтями, старался пробиться вперед, мог, войдя в раж, потеснить их, а там и занять их собственные места, которые они захватили раньше, тоже ничем не гнушаясь. И сам хозяин салона на Исаакиевской площади, староста Исаакиевского собора и фигура первого плана в охранительской среде, этот до небес превозносимый в последние годы своей жизни патриарх охранительства, ни перед чем не останавливался ради карьеры, пуская в ход все, что сулило успех, и сталкиваясь с подобными себе в борьбе, в которой не было ничего недозволенного. И если Лев Тихомиров с его громадным запасом скептицизма и недоверия к окружающим, вполне оправданного в свете того, что представляли собой эти окружающие, был покорен Богдановичем, отзываясь о нем почти с восторгом — «старик весьма симпатичный», а что касается самого автора дневников, то «это просто одна прелесть»,⁹¹ — то ближайший соратник и вместе с тем помощник генерала Б. В. Никольский, один из заправил дубровинского союза, знавший до мельчайшего всю подноготную своего принципала, ведя собственные записки, осветил закулисные стороны его личности и вживе представил подлинный диапазон его возможностей. Момент для этого настал, когда Богданович схватился с другой знаменитостью охранительства равного ему ранга кн. Мещерским. И хотя они продолжали для публики раскланиваться друг перед другом и разыгрывали товарищеский по оружию, оба показали себя мастерски владеющими отравленным клинком, как и вообще всем арсеналом запретных приемов. Видавший виды Никольский, сам приобретший особую известность после громкого скандала в Русском собрании в ноябре 1911 г., когда он вступил в рукопашную с Марковым, увидел в творящемся у него на глазах положительно верх возможного, а в героях схватки воплощение духа интриги и злокозненности. «Вот когда я смогу пожалеть, что я не беллетрист: какие чудные страницы можно было бы создать, — не чувствовал он себя в силах живописать портреты на уровне оригинала, — изображая этих двух подлецов, — злобного, жадного, грубого и подлого

бульдога и вороватого, блудливого, беспокойного, ласкового и кусачего сеттера, даже не сеттера, а борзого. Оба старые, хитрые, подлые, оба друг друга боятся, у обоих рыльце во всех пушках, в какие могло попасть, и оба умные, даровитые, лизоблюды, попрошайки, холопы до грации, на все готовые и на все способные». ⁹² Но, будучи воплощением интриги и злокозненности, оба были для Никольского воплощением и гораздо большего — самого порядка жизни, каким он ему представлялся, державшегося именно на том, что составляло суть обоих, и нечего было пробовать изменить его, хотя это и вело к разрушению и гибели. «Да, мой адвокатский и секретарский заработок завел меня за все кулисы, — исповедовался он, — я вижу такие изнанки, от которых можно было бы прийти в ужас, если бы ждать чего-нибудь от людей. А что делать? Управлять людьми нужно такими, каковы они есть, и по шучьему велению другими их не сделаешь. Ох, идеалисты, не суйтесь в дела правления! — становился он в позу все познавшего и изведавшего и теперь могущего поучать. — Вы будете или деспотами, или жертвами, погубите себя, озлобите других и ценою невероятных жертв достигните гомеопатических успехов». Но если поделаться было ничего нельзя, то альтернатива была еще тягостнее, и если болезнь была неизлечимой, то и беда — неизбежной. «Но горе горшее тому государству, — подводил он главный итог, — где сердце власти бьется в груди циников и подлецов». А подводя окончательный итог жизненному пути Богдановича, когда тот скончался в августе 1914 г., и стараясь, как требовал древний обычай, выразиться о покойном почтительно, все же в повторение сказанного отметил в нем «великое смешение добра и зла, холопства и идейности, ума и плутовства, дерзости и трусости, деятельности и праздности, паразитизма и громадных заслуг, благородных порывов и отъявленной подлости, непроницаемой конспиративности и бабьей болтливости, гениальной изворотливости и находчивости и вопиющей бестактности, пронырства, маклачества и геройства, доброты и мстительности, великодушия и бессовестного эгоизма, бесстыдства и цинизма и утонченной деликатности». Стараясь ради самой okazji найти вместе с отвратительным и отталкивающим и что-то доброе и привлекательное, Никольский уклонился от окончательного приговора наподобие произнесенного годом раньше. «Что в нем преобладало?» — вопрошал он, чтобы завершить нейтральным «не берусь ответить». ⁹³ Но если в Богдановиче Никольский старался отыскать что-то компенсирующее его отталкивающие качества, то этим одним он выделял его из той среды, которая, по его уверению, состояла из «грызущихся шакалов», и для своего собственного руководителя он уже не припас ничего смягчающего его одиозность в сочетании с полнейшим ничтожеством. «... Сегодня сидел у меня Дубровин, — записывал он 25 августа 1912 г. — Это прогоревший начисто случайный человек, живущий теперь только завистью и ненавистью к еще худшим, чем он, ничтожествам с Баскова переулка». ⁹⁴ И вообще «правое движение... стало

грызною шакалов». С приходом Маклакова акции Дубровина несколько поднялись, но это настораживало в особенности, так как «я знаю, — удостоверял Никольский, — что Дубровину верить ни в одном слове нельзя и дай только ему Маклаков денег, он все на свете продаст».⁹⁵ Благодаря этому он и был настоящим героем своего времени и своей среды. Те, с кем Никольский делает дело, с кем идет как будто бы рука об руку, — все как на подбор, все друг друга стоят, и с кем он сотрудничает, того он и ненавидит всей душой. Скрестились его пути с Меньшиковым. «. . . По делам с ним приходится ладить. А когда я заварю кашу с запросом в Думе, — записывает он в октябре 1913 г., — Меньшиков будет чрезвычайно полезен».⁹⁶ Союзник союзником, но вместе с тем «какой отвратительный гад этот Меньшиков! Он мне весь противен, с ног до головы». И все остальные попутчики скопом проводились по этой же категории. «И вот я смотрю кругом, — формулируется спустя полгода общее умозаключение. — Вместо людей — гады. Люди отходят, уходят, а гадам все привольнее. Вне наших идей — полная гибель, но людей не видно и у нас. Умирать еще рано, я не чувствую смерти, но жить невозможно».⁹⁷

То было приобретенное годами наблюдений и опыта сознание того, что идти не за кем, вести некому, а претенденты выступать в этой роли один другого мельче и никудашнее, не только лишенные какого-нибудь ореола среди своих, но зачастую прямо комического, а то и шутовского вида персонажи — настоящие герои балагана. С такими не церемонились, при случае могли отпустить и оплеуху, дать пинка, как поступил Мещерский с Пуришкевичем, как будто бы делавшим то же самое дело, за которое ратовал «Гражданин», но, по мнению князя, этому делу только вредивший своими непристойными, дикими по своей наглости проделками. «Г-н Пуришкевич несомненно нуждается в лечении своей нервной болезни, ибо в области выходок á la Половцов, простительных только пьяным или сумашедшим, — числил его Мещерский единственно как потерявшего всякие представления о допустимом безобразника, — он идет все crescendo, не понимая ни того, что он роняет свою партию (если она есть) все ниже и ниже, ни того, что он наконец нарвется на такого противника, который не дуэль ему предложит, а тут же, в присутствии всей Думы, его накажет так, как наказывают невоспитанных и дерзких мальчишек».⁹⁸

В такой же, собственно, тональности отзывался Мещерский и о прочих главарях на правом фланге. Единственно, на что они оказались способны, это устраивать шумную клоунату в стенах Таврического дворца. Своей нелепостью подобные представления вели лишь к полнейшей дискредитации охранительского течения, и, предвидя от разыгрываемого во славу самодержавия фарса лишь возрастающие политические убытки, Мещерский открещивался от всякой общности с каждодневно творившей несуразности и оплошности компанией. И как она ни тужилась в усилиях представить себя могучим поборником и гарантом сохранения в будущем старого порядка, ее реальная котировка держалась

на нулевой отметке и ее раздутые притязания могли вызвать только усмешку. «Правые в Думе бестактны до трагикомического», — отмечал в феврале 1909 г. Киреев,⁹⁹ имея в виду кампанию против Редигера с обвинениями, по поводу которых он мог лишь воскликнуть: «В высшей степени комично!». Результат, который сам Киреев склонен был объяснить отчасти и отсутствием сколько-нибудь дельного руководства. «Да и „лидер“ наш в Думе очень слаб — проф. Вязигин».

Под этим малоавторитетным водительством и орудовала в Таврическом дворце небольшая группка, почти сплошь состоявшая из лишенных всякого веса и значения персонажей, так что эффект от прилагаемых стараний получался самый мизерный при постоянно наличествовавшей угрозе понести на ее буйных выходках крупные политические убытки. Она роняла себя ими даже в глазах сочувствующих, подобно Кирееву, раз за разом заставляя убеждаться, что роль руководителя ей явно не по плечу, и единственно, на что она способна, — это неуклюже суетиться или просто поднимать невероятный шум и гвалт, тоже, однако, выходявшие невпопад и некстати. В результате получался один вред. «Столкновения правых и Хомякова продолжаются. Все это, — попрекал он в марте 1909 г. разошедшуюся компанию в неразумии, — выходит как-то childish («по-детски». — Ю. С.), все как-то „лично“».¹⁰⁰

И хотя сами попрекаемые были настроены наступательно и даже агрессивны, переход в наступление при столь непутевых кадрах представлялся авантюрой. На какой успех можно было рассчитывать, когда никто толком ничего не умел, в лучшем случае обладал лишь зычным голосом, но не словесностью, хотя и при употреблении самых сильных выражений, можно было задержать непрестанное разрушение старого и ослабление поддерживавших его сил. Слишком далеко зашли эти процессы, чтобы возможность открытия боевых действий не наводила страх, предвещая не победы, а провалы и неудачи. «Все расползается! Не на что опереться, — находясь как будто в гнилом болоте, где нет и одной твердой кочки, оценивал общее состояние дел Киреев. — Принципы все раскрошились, размякли, растаяли. . .».¹⁰¹ Он склонен был в этом винить в первую очередь царя, «потому что у государя нет определенной системы управления», но здесь он вступал в противоречие с самим собой, отдавая себе отчет в том, что причины кризиса старого порядка коренятся в гораздо более важном. И сам, неоднократно укоряя Николая в нерешительности, в боязни воспользоваться слабостью противной стороны и отодвинуть Думу еще дальше от власти, сделать ее еще меньше и незначительнее, он, уверенный, что это легко сойдет с рук, пребывает в постоянном недоумении насчет дальнейшего, не видя, как можно будет затем овладеть обстановкой, раз так никудышно правое воинство, а в особенности его командиры, и потому он с неизменной опаской относится к побуждениям теперь же пойти на этот шаг, а в его окружении импульсы подобного рода возникают постоянно. В январе 1909 г. он как мнение Д. Хомякова записывает, что

«правые (или кто-нибудь при государе) намереваются сорвать Думу». ¹⁰² Высказывая сомнения, так ли это, он признает самый замысел легко осуществимым: «...положим, Думу сорвать нетрудно», беспокоит же другое — «what next? («что дальше?» — Ю. С.)». Расправа с Думой могла быть только началом, за которым должно было последовать создание чего-то иного, но на этот счет у Киреева не было никаких иллюзий. «Правую Думу, которая бы сразу приобрела авторитет в народе, — расценивал он шансы на успех дальнейшего, — создать нелегко». Возможности власти определялись находившимся в ее распоряжении аппаратом управления, но качество его было таково, что больше всего следовало опасаться последствий от его деятельности экстренного, как потребовало бы предпринимаемое дело, характера. «Если бы иметь 60 хороших (черносотенных) губернаторов, энергических, умных, дело было бы не трудно, но если большинство их окажется вроде Муратовых, — переходил он от желаемого к действительности, — ведь это будет страшный провал!! гибель, революция!».

Даже хотя бы смещение вправо при сохранении status quo, но с заменой Столыпина кем-нибудь более соответствующим духу реконквисты, несмотря на непрекращающееся упорное давление, оставалось в области пожеланий, так как никакой сколько-нибудь равноценной замены не находилось. Еще в июле 1908 г. Киреев отмечал, что «вокруг царя являются какие-то политические течения, начало которых нельзя уследить. Являются возможными разные комбинации, конъюнктуры, которые враждебны Столыпину. . . более консервативным премьером был бы Дурново (П. Н.), очень умный и энергичный человек. При таком более консервативном, правом правительстве вышли бы на первый план на сцену „правые“, не октябристы. . .» ¹⁰³

С тех пор этот замысел становится постоянным элементом разрабатываемых на правом фланге планов, но выставляемые вместо Столыпина кандидатуры все-таки не представляются гарантирующими удачный переход к наступательной политике. И когда в феврале 1909 г. Столыпин занемог, Киреев переполошился, узнав вместе с тем, что возможность его ухода «напугала Царское Село». «Да и есть чего бояться!» — соглашался Киреев. ¹⁰⁴ Ведь «Столыпин незаменим». «Кто у нас правых?» — перебирались возможные кандидаты на его пост с наиболее обращавшим на себя внимание П. Н. Дурново. «. . .Но у него хвост замаран, — припоминал Киреев его давнюю скандальную проделку, хотя и проявляя снисходительность, — . . .положим это неважно для политического деятеля». К тому же и в общеполитическом плане можно было действовать как будто бы размашисто. «Положим, что и Думу можно прогнать безнаказанно, восстания не будет». И все-таки такой бросок представлялся пока что чем-то опрометчивым, потому что за дальнейшее ручаться целиком было нельзя, а Столыпин, мнилось, как-никак держал вожжи в руках. «Но вот Столыпин „большой“ человек в общественном мнении, — ставился он поэтому на первое место, — и он Думой владеет!».

Подкоп, однако, продолжается: «. . . многие из правых (м. проч. Александр Нарышкин) мечтают, — записывается уже в марте, — о новом курсе, с заменой Столыпина Горемыкиным».¹⁰⁵ Горемыкин ли, Дурново ли — для Киреева суть не менялась, им не вытянуть корабль самодержавия в большое плавание, как это не под силу и никому другому из имеющихся на примете, хотя бы иные рисовались окружающим какими-то фигурами. «Но все эти соображения, — оценивал Киреев основательность задуманного, — не выдерживают критики, потому что есть люди, а нет человека, нет того человека, за которым пойдет Дума и Россия».

Он продолжает стоять на своем, когда натиск его единомышленников усиливается еще более и Столыпин фигурирует уже как вражеский пособник. «Среди правых Госуд[арственного] совета идет работа, направленная против Столыпина. Александр Нарышкин обвиняет Столыпина в том, что он сознательно ведет дело к катастрофе», — фиксируется новый фазис разворачиваемой кампании.¹⁰⁶ Киреев видит в этом явный перехлест, хотя и признает, что Столыпин дал почву для нападков, оставаясь человеком того же круга. «Не думаю! — отклоняет он выдвинутые обвинения. — С[толыпин] верный слуга царю, а что он октябрист, так это верно, но ведь и среди октябристов есть честные слуги царя». Не находя здесь криминала, он по-прежнему усматривает главное препятствие в том, что с теми, кто есть, переворота желаемого масштаба будет не совершить, хотя помешать делу тоже некому. «Ну, хорошо! Столыпин уйдет. Кем заменить его? — выдвигается все тот же решающий вопрос. — Правые все указывают на П. Н. Дурново. Действительно, умный человек. Может всплыть Гурко; тоже очень умен, но у правых ни в Думе, ни в Совете нет большинства. Нужно, стало быть, прибегнуть к государственному перевороту! И это нетрудно, но нужен человек, хотя бы низкой нравственности, но энергичный».

Наилучший шанс разделаться со Столыпиным предоставил разыгравшийся в это самое время кризис с морским Генеральным штабом,¹⁰⁷ но весь ход событий с окончательной наглядностью показал, что его противники никого не могут выдвинуть взамен, хотя было сделано все возможное, чтобы его скомпрометировать. Видную роль в этот момент сыграл Киреев — свой человек при дворе, выступивший там как полномочный представитель группы, восставшей против утверждения принятого Таврическим и Мариинским дворцами решения при согласии самого правительства. «Еду с очень деликатным поручением от „правых“ Госуд[арственного] совета (Нарышкин etc. . .) к Фредериксу объяснить ему положение дел, — записывается 28 марта 1909 г. — Ведь Госуд. совет благодаря министрам голосовал против прерогативы государя самовластно распоряжаться бюджетом».¹⁰⁸ Угадываемую мотивировку действий правительства он счел неубедительной. «Министерство боится, чтобы Дума (большинство) не перешла налево, — осуждал он стремление избежать конфликта как несоизмеримое с вытекающим для самодержавия ущербом. — Но ведь

если сегодняшний случай послужит примером, всю порфиру царскую обдергают. *Le commencement de la fin!* («Начало конца!», — Ю. С.)».

Убеждать Фредерикса для последующего воздействия на царя не понадобилось. Тот был «вполне знаком с делом и возмущен поведением министров». Оставалось только наметить план действий. «Я указывал на то, что ведь это *le commencement de la fin*, предлагая, чтобы Государь не утверждал вовсе этого постановления, оставил бы его под сукном».¹⁰⁹ Ставший известным выдвинутой Столыпиным выход — после утверждения царем дела все уладить «в самом монархическом духе» — был отвергнут. «Пусть Столыпин скажет *mea culpa* («моя вина». — Ю. С.) (а не Государь). Я удивился, как Столыпин, — упрекал его Киреев, — мог сделать такое эгоистическое предложение Царю! Веду переговоры правых (наших) с Фредериксом».

И уже как лицо, не только наблюдающее и рассуждающее, а своими собственными руками делающее большую политику, он снова вплотную сталкивается со старым вопросом — кого выставить вместо Столыпина, при том что есть те, кого можно было бы возглавить, но нет того, кто бы их возглавил. «Веду неофициальные переговоры, — заносит он в дневник 1 апреля. — Министерство консервативное есть, а уйдет Столыпин, кого поставить на его место?! Где человек?». Сам Фредерикс, «но он, конечно, не 1ый министр. Дурново? Еле возможен. Витте совсем невозможен».¹¹⁰ Первое место на неофициальном конкурсе за неимением равноценных соперников снова оставалось за Столыпиным — «предан царю, насколько может быть предан царю октябрист». Делая на него ставку по причине отсутствия другого сколько-нибудь подходящего кандидата, Киреев все же вскоре усомнился в своей правоте и забил тревогу. «Несомненно, Столыпин ведет нас открыто к парламентарному режиму! — присоединялся он к своим друзьям-оппонентам. — По-видимому, он это считает своей обязанностью».¹¹¹ Во всяком случае он снова спешит вмешаться: «Я переговорил с Фредериксом, а кроме того, у государя в руках записка, составленная правыми, в которой ему дело разъясняется совершенно. . . а *un homme grévenu en vaut deux* («предупрежденный стоит двоих». — Ю. С.)».

Еще несколько дней спустя Киреев убеждается, что чаша весов склоняется в их пользу. «Государь демонстрирует в нашу сторону, — отмечается 16 апреля. — Он призвал нашего правого (Маркова 2го), более получаса с ним разговаривал, затем Марков прибыл в Думу и что-то сообщил своей партии, на что она отвечала громким „ура!“».¹¹² В счет шло и пожертвование Николаем в эти же дни 100 000 руб. Русскому собранию. Но почва для радикальных перемен все еще была не готова. «Однако я не думаю, чтобы царь решился расстаться со Столыпиным и распустить Думу, хотя и октябристскую. Вместо Дурново можно было бы предложить Горемыкина. Россия поправела несомненно, — считает он обстановку складывающейся благоприятно, не теряя в ее оценке и осто-

рожности, — но достаточно ли, чтобы отказаться от октябризма».

Однако завершающий эпизод конфликта — отказ царя последовать за обеими палатами и собственным правительством — приобретал принципиальное значение, равняясь капитальному расширению прерогатив самодержавия. «Это было очень знаменательное решение, — именно с этой точки зрения рассматривал его Киреев. — Государь выказал степень самостоятельности, на которую я, признаться, не рассчитывал. Он указал этим свою независимость, что голос парламента для него не обязателен. Другими словами, этот голос лишь „совещательный“». ¹¹³ Логическим продолжением здесь должен был явиться пересмотр Основных законов «с подчеркиванием того, что наша Дума лишь совещательная». ¹¹⁴

Путь к этому теперь как будто бы был открыт. «. . . Конечно, за Думу Россия не встанет», — уверенно производит Киреев расклад во второй половине мая. ¹¹⁵ Но если победа и близка и нетрудна, она же и непрочна, потому что дела все-таки плохи и режим нигде и ничем не может похвастаться, поставить в свой кредит. «. . . Что ни говори, октябризм, соединенный с кадетами, представляет очень несильную количественно „партию“», — исходил он в оценке возможностей власти из очевидной слабости Думы в лице ее большинства, которая и оставалась бы этой слабостью, позволяющей делать что угодно без риска встретить заставляющий ретироваться отпор, если бы собственная слабость не давала дистрофичному противнику сильные средства борьбы. ¹¹⁶ «. . . Он несомненно сильный бродильный элемент, сильная закваска», — рассматривалась обстановка с точки зрения переживаемого режимом упадка, когда так легко было воспользоваться множеством неполадок и неустройств. «Будь у России какой-нибудь успех *в чем бы то ни было*, — имея в виду здесь именно этот упадок, заключал Киреев, — можно бы на этом отыграться, но ведь ничего подобного нет». Переход в наступление при таких обстоятельствах не сулил успехов, хотя первоначальное продвижение, возможно, и обошлось бы без затруднений, и потому, считал Киреев, лучше было не идти на обострения. Ведя игру без козырей, рассуждал он, «едва ли gathsam («благоразумно». — Ю. С.) сменять Столыпина». Однако дело шло к этому. «„Столыпин утомился!“ — так говорят в высших сферах, — свидетельствуется 21 мая. — Полагаю, что его уход решен». ¹¹⁷ Подойдя совсем близко к смене премьера, от последнего шага все же воздержались, тем более что сам Столыпин произвел требуемую корректировку курса, что и фиксируется Киреевым в середине июня. «Он лично производит прекрасное впечатление, — радуется тот видимой перемене, — не октябрист слышится. . .». ¹¹⁸ «С октябристами, — передается суть сказанного Столыпиным, — мы не можем идти рука об руку дальше известных границ, до которых мы скоро дойдем».

Однако ничего экстраординарного от него уже не ожидается, тогда как спасение видится только в экстраординарном, неиз-

вестно, в чем состоящем, известном только тому, кто должен прийти и вывести наконец на верный путь, положив конец неудержимому сползанию вниз. Чем хуже становятся дела, тем напряженнее делается ожидание чудесного спасителя. «Нет людей! — откликается Киреев в сентябре на всюду раздающуюся жалобу. — Нет, люди есть, нет человека, человека властного, большого, около которого могла бы сгруппироваться Россия. Конечно, лучше, чтобы это был великий полководец или государственный муж. . . но даже хоть какой-нибудь великий поэт, мыслитель. . . мы бы и за ним пошли. . . Господи! Да где же он! Где этот человек, этот герой?!».¹¹⁹

Действительность же — это продолжающаяся возня вокруг все того же смещения Столыпина при продолжающемся отсутствии чего-нибудь хотя бы отдаленно подходящего. «Будь у всех один какой-нибудь кандидат, хотя бы плохонький, — принимает уже за норму окружающее убожество Киреев, — это было бы нечто». Но кругом и пусто, и несогласно, и на «плохоньком» сподвижники сговориться не могут, тянут в разные стороны, хотя бедственность положения хорошо заметна. «Грустные, пессимистические мысли роятся в голове! — заносится в дневник уже под конец года под впечатлением посещения известного петербургского политического салона. — Меня спрашивают у Головина (К. Ф. — Ю. С.), ну, скажите, думаете ли Вы, что песнь России спета, что она обречена на погильдь?! Что ей нечего уже более делать? Что ее начнут теперь разбирать на части?!».¹²⁰ Киреев и сам не знает, как избежать катастрофы, предотвращения которой связывается единственно с приходом «человека», которого все нет и нет, а «пока *на виду* есть один Столыпин, но разве он достаточно крупная величина, чтобы вытащить нас из той глубокой тины, в которой мы засели?!». Окончательное банкротство еще не наступило, но все идет к этому, развал и разрушение подвигаются неудержимо при умножающихся явлениях всюду нарастающего беспорядка и дисгармонии. Старый порядок трещит по всем швам, прорех на обветшалом становится все больше, и они сами становятся больше. «У нашей государственной и общественной жизни нет центра, и мы все расползаемся. Мы стадо без пастыря, мы разбредаемся, — рисует Киреев эту картину распада накануне 1910 г. — Прежде мы имели этот центр в лице царя. Теперь его уже нет. . . За неимением царя мы могли бы группироваться около какого-либо национального героя. . . Но вот этого-то сосредоточия у нас и нет».¹²¹ Такое состояние дел имело особое значение в системе, где так велика была роль верховного лица как носителя необъятной власти и соответственно ее главной движущей силы, от которой прямо зависела работа, ее стиль и темп всего механизма управления и вообще течение государственной жизни. Самодержавие, имея видимое сходство с армейской организацией, подобно ей держась на единоначалии и беспрекословном повиновении, имело непременно условием своего функционирования наличие главнокомандующего не только звучного наиме-

нования, но и соответствующих данных, ставящего цель и задающего направление государственному кораблю и способного непрерывным воздействием на многочисленную команду не дать ему сбиться с установленного курса. За Николаем давно закрепилось убеждение, что ему такая роль не по плечу, и в иеремиаде Киреева отразилось общее мнение, что царь не в состоянии сплотить и возглавить силы старого, да еще находящиеся в таком разброде, и сформировать из них армию реконкисты. Он приобрел репутацию лишенного предводительских качеств, склонного к квиетизму, переменчивого и нетвердого в своих решениях, хотя вместе с тем и весьма упрямого, и все же ненадежного и потому неспособного повести за собой и тех, кто ждал ведущую руку и направляющее слово, а теперь был предоставлен собственному разумению и распорядительности.

Генеральша Богданович, будучи, как обычно, рупором «всего Петербурга», не раз высказываясь в этом духе, особенно четко сформулировала этот взгляд в октябре 1907 г. «Вообще про царя нашего можно сказать, что он загадка, — выдвигала она недоумение и неуверенность как основу даваемой оценки, — сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности. На приемах он обворожительный, но это впечатление скоро изглаживается, т. к. всякий чувствует, что все, что обещано царем, непрочное, что на него надеяться нельзя».¹²²

Посвященные, имеющие возможность близкого общения с царем, только перепевают друг друга, почти дословно повторяя один другого, как случилось с тем же Киреевым в декабре 1908 г. «Трудно, очень трудно работать на политическом поприще, — горько сетовал он. — Государь, который все-таки (*en dernier ressort*) («в конце концов». — Ю. С.) верховный распорядитель дел, до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать. На себе это я испытывал не раз. . . Убеждаешь, кажется, совсем человек убедился, все отлично понял. . . и в результате = 0».¹²³

На этом ставили подпись самые лояльные, воплощавшие режим, занимавшие в иерархии наиболее видное положение, и они отшатывались от царя и во всяком случае не испытывали никакой привязанности к нему. «Сказал Штюмер (Б. В. — Ю. С.), что царь от себя отдаляет преданных людей. . . — заносилось это важное свидетельство в дневник Богданович. — Царя губит, по мнению Штюмера, то, что он фальшив, что на него нельзя надеяться. Что он фальшивее Александра I, которого доселе никто не разгадал, а царя еще труднее разгадать, что с ним никто не уверен насчет завтрашнего дня».¹²⁴

И если дворянству как раз в эти же самые сроки, в дни заседаний V съезда Объединенного дворянства, прочили командование формирующейся армией реконкисты с последующим переходом в широкое наступление, то вся реальная конъюнктура указывала на то, что собиравшие силы на правом фланге, подчинение их авторитетному руководству и организация совместных выступлений составляют задачу невероятной трудности и вряд ли само дворян-

ство годится на роль такого руководителя, когда вокруг все шаталось, рушилось и расплзлось.

Целый ряд факторов как объективного, так и субъективного порядка обусловил в конце концов неспособность сил прошлого или так или иначе связанных со старым порядком сформировать сплоченную, охватывающую большинство их организацию, и они не двинулись дальше создания рыхлого, слабоуправляемого, раздираемого раздорами и соперничеством образования, а дворянство в свою очередь по ряду причин не сумело дать ему ожидавшегося водительства. Одной идейной общности для этого оказалось недостаточно. Одинаковость взглядов и устремлений легко сочеталась с множеством разъединяющих, ведшего к укоренению стойкой разрозненности, а там и непримиримой вражды. Дворянство общепризнанных авторитетов, фигур, вокруг которых могла произойти кристаллизация наличных сил и появиться нечто упорядоченное, выдвинуть не сумело. Знаменательным было уже одно то, что глава Постоянного совета Объединенного дворянства гр. А. А. Бобринский на общеполитической сцене занял довольно скромное место, выступая на вторых ролях и будучи в сущности рядовым членом фракции правых в Думе, хотя по первоначальным наметкам как раз он должен был стать ее вожаком. «Думали, что лидером будет Бобринский», — записывал у себя Киреев 24 февраля 1909 г.¹²⁵ По своим воззрениям он как будто бы вполне подходил для этого, являясь непреклонным противником Думы и приверженцем самодержавия старого образца, обеспокоенным как раз тем, что сам царь может излишне сблизиться с новыми порядками. В его дневниковых записях как раз проглядывает неуверенность в нем. Приписываемая царю нестойкость дает характерный повод обрадоваться, когда тот в конце 1910 г. «под влиянием императора Вильгельма соизволил вернуться в Россию с довольно правым настроением».¹²⁶ Но вот через неделю Николаю должен представиться председатель Бюджетной комиссии Думы октябрист Алексеенко, слывший ловким и знающим, как добиться своего, человеком, и в окружении Бобринского, и у него самого новая забота — «как бы государь не полевел».¹²⁷ Переменчивость его настроений — постоянный компонент в производимых расчетах, когда требуется не упустить благоприятного момента для обделывания своих дел. «Говорят, что за последнюю неделю в Царском Селе дует правый ветер, — именно с точки зрения необходимости воспользоваться этим отмечается сложившаяся конъюнктура. — Лишь бы — говорят правые члены Государственного совета — это настроение продлилось еще недельки на две. Оно должно повлиять на новогодние назначения в Государственный совет».¹²⁸ Дело, однако, весьма ненадежно: «Столыпин и его мефистофель, Гучков, смотрят торжественно. Вернее их победа, чем успех правых».

Он тем более склонен осуждать это как проявление слабости, что новый порядок он не принял, видя цель в том, чтобы отойти подальше назад, и если нельзя разделаться с Думой, от которой

проистекает один лишь вред, то уж задвинуть ее в самый дальний угол. «В Государственной думе происходит нелепая толкотня воды по нелепым законопроектам, — как о чем-то совершенно никчемном, способном только портить дело отзывается он о ней, — и грустно и тошно сидеть в этом. . . парламенте».¹²⁹ «Какое это скверное, утомительное и бесплодное учреждение», — снова дает он волю своей ненависти несколько дней спустя.¹³⁰ Но и претендуя быть более роялистом, чем сам король, и будучи первым лицом в организации Объединенного дворянства, Бобринский так и не сумел занять руководящее положение ни в правой фракции Думы, ни в среде правых вообще. Как объяснял себе причину его несостоявшегося лидерства Киреев, помимо того, что «он никогда не говорит в Думе» — и тот действительно не мог быть назван записным оратором и выступал с думской трибуны довольно редко, к тому же больше по специальным вопросам, — «он бы мог быть отличным председателем Думы, но не властным лидером консервативной партии!».¹³¹

Бобринский ступал в новой обстановке, когда из салона потребовалось выйти на улицу и методами же улицы, становясь зазывалой, напрягая голос до крика, привлечь к себе внимание и заставить себя слушать, а там и слушаться. Как такой уличный зазывала с громким голосом и приемами уличного оратора, говорящего на языке толпы и знающего, как к ней подойти, его совершенно затмевал другой видный деятель Объединенного дворянства — Марков наряду с Пуришкевичем, хотя оба в руководители там не попали, несмотря на все свои ораторские данные и шумные пассажи. В избранной дворянской аудитории они имели заметно меньший успех, чем на улице, и, наоборот, неяркий Бобринский с его салонными манерами и бледной речью имел мало шансов овладеть вниманием шумного, многолюдного сборища, каким была Дума, не сумев стать фигурой даже во фракции правых. Ему не удалось даже сделаться там своим — он так и оставался стоять несколько особняком. Графу было затруднительно сойтись на коротке с взявшимися отовсюду и неведомо откуда самых разных званий и состояний коллегами. В массе это были люди, явившиеся на политическую арену не из великосветских салонов, а напрямик с улицы, с соответствующими мышлением, языком и манерами, и найти с этими плебеями по положению или по духу общий язык оказалось непросто. Он и ставил их совсем низко, отмечая для себя «ограниченность и упрямость нашей маломозглой правой фракции и в Думе, и в Совете».¹³²

В своем неразумии, бешеном ненавистничестве ко всему, имеющему хоть самый слабый оттенок оппозиционности или одобрения привнесенных революцией перемен, они могли лишь повредить общему делу, как получилось, когда на совместном заседании правых Думы и Государственного совета 25 ноября 1910 г. участники подвергли обсуждению законопроект о введении земства в юго-западных губерниях и по обыкновению сильно хватили лишку. «Наши думские правые, — корил их за полную потерю

чувства меры Бобринский, — энергически отстаивали свой панический ужас перед всяким земством вообще». ¹³³ На политическом поприще эта публика рассматривалась им только как сырье, которому еще долго предстоит оставаться в виде неумелого и неуклюжего сборища, не освоившего азов политики и потому самого себя подводящего на каждом шагу, как какие-нибудь не достигшие зрелого возраста несмышлениши. «Пошаливают близорукие, в шорах, правые (крайние) в Государственном совете, — винит их Бобринский в бессмысленном и даже не вполне взрослом поведении. — В сегодняшнем обсуждении вероисповедного вопроса они провалились, раскололись и дали легкую победу оппозиции совместно с центром». ¹³⁴ Дело обыкновенное и, главное, затяжное при уже известных свойствах сподвижников критикующего. «Долго еще придется нашим правым, — лишенный каких-либо иллюзий на их счет констатирует Бобринский, — изучать элементарные основы тактики».

Очевидная неспособность его исправить положение достаточно объясняет занятую им позицию стороннего наблюдателя, сильного в критике, но не обладающего необходимым влиянием в окружающей среде. Более того, являясь главой Объединенного дворянства, Бобринский не нажил себе соответствующего авторитета и среди дворянства. Критика и здесь сильнее способности вести за собой, предотвращать нежелательный ход событий, хотя и в этом случае при тех качествах, на которые обратил внимание Бобринский, процесс образования из дворянства организованной политической силы мог идти лишь очень замедленно. Избрание 29 октября 1910 г. председателем Думы «купца Гучкова» дало ему повод отозваться в резко отрицательном тоне о содействовавших этому дворянах из фракции националистов, которым он приписывал проведение на этот пост «аршинника». Дело было не только в том, что этим «российское дворянство, которое представлено в Думе во фракции националистов, дало себе еще раз наглядное *testimonium pauperitatis* («свидетельство о бедности», а не «доказательство оскудения», как неправильно переведено в публикации. — Ю. С.)». Угнетала измененность мотивов и всего поведения дворян: «...все это на подкладке мелочных личных интересов, карьеристических побуждений и... увы... лакейства. „Лежать то перед тем, то перед этим на брюхе“ — все это в наших нравах и свчае». ¹³⁵ И тут же уничтожающая аттестация дается предводителям дворянства. Не прошло и месяца, как они получили из рук Бобринского свое *testimonium pauperitatis*. Во главе дворянства, огулом выносил он им приговор, стояли совершенные ничтожества. «Обедал я у Столыпина с массой губернских предводителей. Сдается мне, — формулировал он общее впечатление о тех, кто состоял в дворянских руководителях, — что в предводители избираются очень благонамеренные, но очень глупые люди. Есть, конечно, исключения, но в общем...». ¹³⁶ Горькая ирония: «Я так долго сам был предводителем дворянства, что вышеприведенная аксиома наводит меня на нелестные по своему адресу

соображения», — не убавила для него горечи самого констатируемого факта, означавшего, что его главной ролью будет роль критика, поскольку вся среда, неподвластная ничьему воздействию, будет такой, какая она есть, и всей ей в целом может быть выдано *testimonium pauperitatis*. Не таким было возглавлять и командовать, сплачивать и вести в наступление, не говоря уже о том, чтобы выигрывать сражения.

Еще примечательнее — роль собирателя сил не удавалась и тем, кто, казалось, обладал определенными предводительскими — не по должности, а по сути — качествами и уже успел утвердиться как достигший определенного ранга руководитель. Но с преодолением раздробленности и у них не выходило — слишком много минусов и изъянов находилось у них самих параллельно с отличавшими дворянство минусами в целом, при взаимодействии того и другого, чтобы они могли стать объединяющим началом в масштабах страны или класса. Армии за такими не выстраивались — позади в лучшем случае толпилась кучка приспешников, верность которых находилась в прямой зависимости от получаемых благ.

В этом смысле показателен случай с Марковым, который безотчетно и самовластно распоряжался у себя в Курской губернии и стал фигурой первого плана в правой среде, но главенства так и не достиг. Отчасти в причины этого вводит губернатор Муратов, переведенный царем в 1912 г. из Тамбовской губернии в Курскую как раз во внимание к тождеству его устремлений с линией Маркова. Действительно, оба как будто бы вполне подходили друг другу и, сработавшись на почве подавления всякого неповиновения или хотя бы свободомыслия, «комплиментировали себя вовсю». «В своих речах на разных торжествах и обедах, — вспоминал Муратов, — я называл его могучим колоколом, звон которого раздается по всей Руси», а он меня — «курским орлом».¹³⁷ Это взаимовосхваление не помешало им, однако, в дальнейшем круто разойтись и стать врагами, как это и водилось среди правых, и в объяснении Муратовым причин такого финала, как и в оценке личности Маркова, содержится доля ответа на вопрос, почему Маркову не удалось возглавить правый фланг или хотя бы помочь его объединению. Несмотря на последовавший разрыв, Муратов ставил его высоко. «Это был несомненно умный, даже очень умный человек, — аттестовал он его, — с большим характером, твердой волей, убежденный, искренний, упорный в достижении цели, но не добрый, не мягкий, а, напротив, злобный и мстительный. Политически развитый, с достаточной эрудицией, доктринер, как всякий парламентский деятель, но не сухой, а с большой способностью к концепции, хороший оратор, с иронией в речах, всегда умных, тонких, порой очень остроумных и всегда интересных, Марков был политическим бойцом первого сорта, и Дума была его сферой. . . Если бы в наших четырех думах было побольше деятелей, подобных ему, правое дело не было бы в таком загоне».¹³⁸

Однако следом за признанием у Маркова возможности быть вожаком Муратов отметил те его качества, которые действовали отталкивающе и наряду со всем другим не позволили тому занять это место. «Вне Думы. . . — свидетельствовалась его неспособность стать в своем стане собирателем сил, — Маркову очень многого недоставало. Строгий догматик, он никаких уклонений от догмы не признавал: или союзник, или пошел вон и не просто вон, а с заушением, с улюлюканием. Формула, что все не сочувствующие Союзу русского народа или не разделявшие его исповедания веры — левые или кадеты, было чем-то незыблемым, проводимым в жизнь с неуклонным упорством, достойным лучшего назначения».¹³⁹

Положение осложняла в особенности сама личность Маркова, изображенная Муратовым в достаточно непривлекательном виде. «Этот ригоризм, — характеризовал он его с этой стороны, — нисколько не смягчался личным отношением Маркова к людям. . . Марков никогда посторонних политике разговоров не вел. . . Это было скучно. Он никогда не шутил, не смеялся, даже не улыбался, и если и кривила его красивый маленький рот усмешка, то не веселости, а иронии. . . Его заметная фигура, его недобрый взгляд, его ригоризм политического сектанта стесняли, становилось не по себе — и скучно, и нудно.

Смотря на Маркова, зорко наблюдая за ним, прислушиваясь к нему, я всегда думал: да, да, все это очень хорошо: и твердость, и непоколебимость, и упорство, и неослабное внимание, и бесшумное стояние на посту, но нельзя же без передышки — до бесчувствия. . .».

И для такого имевшего репутацию, по выражению Киреева, «маньяка консерватизма»,¹⁴⁰ как Муратов, Марков был какой-то гипертрофированностью, нарушением пропорций — он слишком зарывался, оторвавшись и от настроенных в том же духе, но не доходивших до таких столпов. Он оставался при своих приспешниках, и характер его отношений с ними окончательно портил дело, так как по сути это были отношения банды, и Марков в описании Муратова выступал главарем банды, а не руководителем политической организации, т. е. объединения единомышленников. Здесь господствовал другой принцип. Общность создавала беспрекословная верность вожаку с представлением взамен участникам полной свободы действий и возможности поживиться, как они сами сумеют сообразить. «Самым ужасным, — раскрывалась организационная основа объединения, — был усвоенный Марковым и строго проводимый принцип, что правый флаг прикрывает груз. Этот принцип способствовал тому, что около Маркова, человека безусловно честного и чистого, ютились люди очень малодостойные уважения, а зачастую и прямые прохвосты, но распинаящиеся перед ним в своей правизне.

Люди аполитичные или правые, но не союзники или враги марковцев по причинам, совершенно чуждым политике, зачислялись в левые и подвергались травле и выживанию. С другой сто-

роны, люди без всяких убеждений, но простирившиеся перед Марковым, получали защиту. Нападение же марковцев было всегда яростным, со средствами, порой бесцеремонными, а защита — слепая, не желавшая ничего видеть и знать кроме того, что подлежащий защите человек — правый».¹⁴¹

Инкриминируя это Маркову, Муратов обнажил устройство правых группировок вообще, состоявших не из единомышленников, какой бы вывеской они ни прикрывались и как бы ни распинаясь в служении устоям, а из таких же точно лиц, «очень мало достойных уважения» и вовсе «прямых прохвостов», для которых главным делом была нажива и все пути, ведущие к ней, хороши. Этот сброд и был тем материалом, из которого единственно можно было сформировать армию старого порядка, но никакой организованной силы сформировать из него было нельзя и некому. Вожаки здесь стоили своих подначальных, и в лице Маркова, Пуришкевича, выступивших в роли наиболее деятельных организаторов, дворянство показало свои истинные возможности. И тот и другой были, собственно, разрушителями. Насаждаемые ими порядки и нравы форсировали разложение в правой среде, привлекая предоставляемым шансом нагреть руки отбросы общества, людей дна. Для того чтобы управлять такими, требовались хватка и крепкий кулак, дабы не быть загрызенными собственной сворой, и такие находились среди дворянства. Но те характеристики, которые оно получило от Бобринского, указывали на дефицит деятелей подобного склада.

Помимо этого, стать организующей силой дворянству мешало и то, что его собственная организация после учреждения дворянских съездов дальше так и не подвинулась, условия же и характер деятельности объединения не позволяли ему сделаться направляющим фактором, местом, где в ответ на выдвигаемые политическим развитием вопросы оперативно принимались бы и проводились в жизнь важные, влияющие на ход событий решения. Препятствием тому служило само устройство организации Объединенного дворянства, где руководящую роль играли не Постоянный совет и даже не съезды, а местные дворянские общества, которые ничем не были ограничены в свободе действий, тогда как Постоянный совет мог действовать только с их согласия, а всякое его самостоятельное выступление рассматривалось как грубейшее нарушение краеугольного принципа организации и грозило самому ее существованию.

Дворянство желало прежде всего, ни в чем и ни в ком не встречая помехи и противодействия, хозяйничать у себя дома, в губернии, в уезде, как оно хозяйничало всегда. Его главные интересы были сосредоточены у себя на месте. Там оно жило своим миром, куда не допускались посторонние. Там вершила дела местная знать без вмешательства, а тем более руководства со стороны. Это сказывалось на возможности превратить организацию Объединенного дворянства в направляющий, директивный центр. На местах знали лучше, как им поступать, и принцип *liberum veto*

ревниво оберегался. Там не собирались стать исполнителями принимаемых в Петербурге решений, поступиться в пользу Постоянного совета хотя бы долей своей независимости. Местные магнаты, местная знать не желали стать под чью-либо команду и не допустили бы, чтобы Постоянный совет стал таким командующим органом. Любые отношения подчиненности, предоставление Совету права распоряжаться наотрез отвергались, а это лишало общедворянскую организацию, становившуюся при таком подходе лишь отголоском мнений и желаний местного руководства, возможности вести за собой дворянство, выступать как его полномочный, заранее уверенный в его поддержке представитель. Всякий такой шаг мог вызвать обостренную негативную реакцию, тем более когда стало казаться, что опасность победы революции миновала, жизнь возвращается в прежнее русло и можно зажить по-старому. В прениях не раз подчеркивалось, что сами уполномоченные — лишь выразители мнения своих избирателей и всякое решение может быть принято только с их согласия, что именно им принадлежит решающее право голоса. Действительно, центр тяжести находился на местах и местное дворянское общество не передоверяло своих прав и своей самостоятельности ни своим избранникам, ни организации Объединенного дворянства в лице ее руководства. Ему не предоставлялся *carte blanche*, и оно должно было действовать с постоянной оглядкой на то, как посмотрят на ту или иную инициативу на местах, а те самостоятельные действия, которые оно все же считало себя вправе предпринять, неизменно встречали резкую критику именно с той точки зрения, что никаких самостоятельных шагов оно делать не вправе, что, лишь опросив все общество, оно может перейти к действиям, будучи только выразителем создавшегося на местах мнения, но ни в коем случае не руководителем дворянских обществ, которые отвергали всякое руководство со стороны, любое ущемление своей самостоятельности, и в сущности в основу всей деятельности объединения полагался принцип *liberum veto*. Постоянный совет располагал, таким образом, строго ограниченной свободой действий. Инициатива с его стороны была поставлена в самые жесткие рамки. На этой стадии с особенной отчетливостью предстало, что в дворянской среде слишком много генералов и слишком мало рядовых для создания сплоченной, крепко сколоченной, единообразно действующей, а значит, в первую очередь построенной на началах подчинения организации. Никто не выказывал — и нигде не замечалось — готовности поступить под команду другого. Не могло быть и речи об исполнении ради поддержания дисциплины отдаваемых кем-либо распоряжений. Авторитетов не было, и в них не нуждались. Каждый был сам себе голова. Характерно все усиливавшееся с годами стремление участвовавших в объединении дворянских обществ избавиться от всякого влияния со стороны, и все настойчивее выдвигалось требование, чтобы из организаций были удалены все, кто не избирался непосредственно на местах и не был поэтому законным уполномочен-

ным данного общества. Это означало, что запирались двери как раз перед теми, кто на первых съездах выступал представителем общедворянского начала, приобретя известность в качестве идеологов дворянства наподобие А. А. Киреева, К. Ф. Головина и ряда других, фигурировавших давними поборниками дворянского дела, но так и не вошедших в категорию местных деятелей. Теперь они оказывались не ко двору, рассматривались как выразители своих собственных мнений, никем не санкционированных, а потому и не подлежащих оглашению в собрании подлинно уполномоченных говорить от имени дворянства.

А все это в свою очередь затрудняло в целом становление слаженно функционирующего классово-партийного механизма с устойчивыми связями и крепкими сцеплениями составлявших его компонентов. И если наблюдается упадок организации Объединенного дворянства, то обусловившие это причины сказались также и на процессе формирования партий, так или иначе связанных с дворянством, остававшихся больше потенциалом, чем ее реализацией, так и не сумевших стать наиболее удобным и действенным инструментом защиты и претворения в жизнь важнейших классовых интересов, укорениться в качестве признанного представительства тех общественных элементов, от имени которых они выступали и которые, однако, зачастую держались от них несколько в стороне, проявляя определенную отчужденность и во всяком случае не выказывая в нужной мере заинтересованности или хотя бы внимания к их деятельности. Партиям и классам еще предстояло сблизиться, установить между собой прочные контакты, обрести необходимую степень взаимопонимания и обоюдной поддержки. На этом пути были сделаны лишь первые шаги, и до его завершения оставалось далеко. Партии пока что переживали первоначальную стадию своего становления, не имели ни определенного состава, ни четкой направленности, ни устойчивого контингента сторонников. Немалым было число тех, чью партийную принадлежность определяли не столько лозунги и программы, сколько преимущественно меркантильные соображения, когда главным было примкнуть к сильнейшей или казавшейся наиболее перспективной стороне и таким образом получить наилучшие шансы для карьеры в качестве общественного деятеля в его политиканской разновидности. Процесс их самоопределения только начинался, и партии еще не успели стать адекватным классовым представительством, найти свое настоящее место на политической сцене, утвердиться в своей истинной роли. На всем лежал отпечаток неопределенности, незавершенности, когда открытым оставался вопрос — кто есть кто, кого, собственно, представляет, сколько «стоит» и какими пользуется поддержкой и влиянием. Измерить это было тем труднее, что в период между выборами партийная деятельность замирала, сосредоточиваясь главным образом в думском представительстве, тогда как за стенами Думы, в особенности же в провинции, существование партий могло стать вовсе неприметным.¹⁴²

Не благоприятствовала налаживанию классово-партийного механизма, функционирующего на уровне образцов, выставленных странами законченно буржуазного типа, сама обстановка реконксты с всюду дававшим себя чувствовать движением вспять, когда самодержавие проявляло растущую нетерпимость ко всяким независимым от себя и тем более расцениваемым как оппозиционные действиям и силам. Рядом с собой оно не желало видеть никого способного или хотя бы выказывающего претензию стать вместе с ним у руля правления. Многозначительным было напутствие, полученное В. Н. Коковцовым от царицы при его вступлении в должность председателя Совета министров после убийства Столыпина, чей курс на сотрудничество с Думой и ее основными партиями объявлялся ошибочным. На этом пути следовало поставить точку.

Коковцову предлагалось пойти в противоположном направлении, дабы не оказаться на поводу или, еще того хуже, заодно с «этими ужасными политическими партиями, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненного их воле».¹⁴³ От них следовало отодвинуться подальше и вообще не придавать им чрезмерного значения по причине их очевидной слабости. С какими бы притязаниями они ни выступали, их фактическое бессилие позволяло держать их на расстоянии, и можно было не заботиться о том, чтобы снискать их благоволение, по возможности сблизиться с ними как с новым источником власти. Таким источником оставался царь, и Коковцов не должен был ставить рядом и наравне с ним его же соперников, какими выглядели в изображении царицы общественные представительства. «Не ищите поддержки в политических партиях, они у нас так незначительны, — наставляла она Коковцова, — опирайтесь на доверие государя».

И когда к Коковцову сразу после смерти Столыпина явилась делегация националистов во главе с П. Н. Балашовым и Н. Н. Чихачовым для объявления ему условий, на которых партия соглашается оказать ему поддержку, то, как ни пыжились и ни надувались от сознания собственной важности набивавшиеся к Коковцову в партнеры, он еще и до разговора с царицей знал, что они не представляют собой сколько-нибудь значительной силы и в пренебрежительных словах царицы, сказанных впоследствии в адрес их и им подобных, содержалось не одно нежелание принять новый порядок вещей, но была проставлена их реальная цена. Не располагавшие сколько-нибудь надежной поддержкой электората, который не мог пойти не только на разрыв с властью, но и на устойчивое противопоставление себя ей, не имевшие в сущности никакой твердой почвы под ногами, сами далеко еще не устоявшиеся, не вошедшие в силу, не нашедшие собственного лица, партии, желавшие на тех или иных условиях сотрудничать с властью, так и не сделались сколько-нибудь крупными величинами, и дворянство не спешило становиться под их знамена. Хотя оно действительно заняло заметное место в таких цензовых

партиях, как октябристы, националисты, умеренно правые, и вообще в формированиях правого толка, значимость этого участия и степень вовлеченности через дворянских участников в деятельность партий самого дворянства в его различных подразделениях и устремлениях еще должны быть исследованы. И если в обстановке наступившего затишья стала хиреть организация Объединенного дворянства, не налажавшая на своих участников ровно никаких обязательств и стеснений, так что их свобода действий ни в чем и ни в малейшей степени не была ущемлена, то еще менее притягательно было для дворянских обществ и самого дворянства как такового с присущими ему тенденциями и особенностями участие в иных партийных образованиях, в которых дворянству не могла принадлежать монополия командования — и оно вообще могло оказаться в чужих руках — и которые могли потребовать от своих членов соблюдения партийной дисциплины и так или иначе создавали столь трудно переносимые дворянством отношения подчинения.

Вообще политическая жизнь на партийной основе была еще до такой степени внове, что сама надобность в партийной организации уже проявивших себя общественных сил пока никак не успела стать аксиомой и подвергалась оспариванию со стороны тех, для кого партии были чем-то сковывающим, ограничивающим самостоятельность, заставляющим действовать по команде, исполнять и то, что противоречило собственной воле. Предпочтение решительно отдавалось беспартийности. Как выражение этих настроений и одновременно свидетельство их широкой распространенности следует рассматривать выступление в «Московских ведомостях» такого видного лица, как Тихомиров, с предостережением против создания постоянно действующих политических объединений.

Самим основам политической жизни в новую эпоху с ее обязательными принадлежностями, к числу которых безусловно относилось создание регулярно, а не от случая к случаю функционирующих представительств тех или иных общественных групп, еще предстояло утвердиться, а пока Тихомиров уверял, что «ничто так не вредит единению больших масс, как стремление к централизации и дисциплине без надобности».¹⁴⁴ Четким, основанным на определенной программе и рассчитанным на продолжительное существование структурам с их иерархическими принципами организации предпочитались спонтанные скопления, возникающие сами собой по тому или иному конкретному поводу с последующим возвращением участников состоявшегося выступления к обычным делам наподобие того, как происходит с ополчением, распускаемым по миновании надобности, в противоположность остающейся под ружьем регулярной армии независимо от того, ведутся ли боевые действия или нет. Аморфность, неподчиненность ставились выше организованности с тем обоснованием, что «только активная деятельность сдерживает в одной массе десятки тысяч людей, добровольно подчиняющихся дисциплине.

Поэтому, пока не наступил момент какого-либо реального действия, в котором все эти массы должны принять единовременное, по одному плану участие, совершенно бесполезно и крайне вредно усиливаться держать их в ничего не делающих сомкнутых рядах. . . для выработки сил гораздо удобнее свободные мелкие союзы».

Партийное начало еще только входило в жизнь, оставаясь для многих чем-то непривычным, неизведанным, даже пугающим, к чему еще надо было приноровиться, и для того чтобы зажить по-новому, приобрести соответствующие навыки и настрой, требовалось время, а пока процесс политического созревания и соответственно создания политических организаций и как высшей их формы партий подпадал под воздействие многообразных факторов, находясь помимо общих условий и в зависимости от того, как складывается конкретная обстановка в том или ином месте, в той или иной среде. При громадном разнообразии обстоятельств существования и положения самого дворянства в областях его сосредоточения оно сыграло неодинаковую роль в организации и направлении деятельности партий, представлявших в большей или меньшей степени его интересы. Наиболее заметной она была при возникновении партии националистов, обязанной своим происхождением главным образом непосредственно инициативе дворянства Юго-Западного края, рассчитывавшего с ее помощью отстоять там свои позиции. Ее с самого начала утилитарное назначение как орудия достижения конкретных целей, поставленных перед собой определенным контингентом, выделило ее среди других политических образований с их гораздо более расплывчатыми очертаниями и еще не успевшим установиться курсом. Справедливо наблюдение специального изучавшего деятельность националистов американского историка Р. Эдельмана, что «более чем какая-либо другая думская партия они отличались сознанием того, кого они, собственно, представляют, и готовностью содействовать прямым экономическим и политическим интересам своих сторонников».¹⁴⁵

Эта сразу установившаяся крепкая сцепка между представляемыми и представителями определяла ту степень политической зрелости и сплоченности, которая ставила националистов впереди прочих появившихся на правом фланге формирований и ближе всего подвигала их к превращению в партию в настоящем значении этого слова, тогда как другие по недостатку организованности и сплоченности являли гораздо более низкий тип развития. Поэтому можно согласиться с Эдельманом и в том случае, когда он отмечает, что «со своим пониманием связи между положением дел на месте и в масштабе страны националисты в качестве современной политической партии превосходили любое другое образование консервативного толка в России».¹⁴⁶ Обоснован вывод, что она «продемонстрировала значительную политическую зрелость, сумев стать представителем ясно очерченной группы (русских помещиков западных приграничных областей)».¹⁴⁷ В этом плане ей уступали кадеты, которые «пытались изобразить

себя стоящими выше классовых интересов», тогда как «октябристы и другие пробовали соединить нужды разных социальных общностей». ¹⁴⁸

Выступить в роли ведущего националисты смогли благодаря прежде всего особым условиям существования русского дворянства в ареале; где капиталистическое развитие шагнуло в сельском хозяйстве дальше, чем в центральном районе (а города тем более были оплотом капитализма), и где политическая жизнь была поэтому более оживленной, а положение же самого дворянства в ряде отношений было наименее благоприятным и обеспеченным. Сочетание, с одной стороны, устойчивого польского землевладения и, с другой стороны, острейшей нужды крестьянства в земле, которую нельзя было удовлетворить хотя бы частично за счет общины, не существующей в крае, а лишь за счет помещичьих владений, придавало положению дворянства постоянную напряженность. «В результате, — замечает Эдельман, — русские помещики были готовы ухватиться за любые средства, способные закрепить за ними их земли и дать им политические орудия защиты». ¹⁴⁹ И при существующих «укладе, мешанине разных национальностей и экономике региона, в котором они обитали, неудивительно, что западнорусское дворянство создало особенно современную форму политической организации», ¹⁵⁰ но именно по причине того, что его положение отличалось «исключительной трудностью» и оно представляло «особо слабую часть землевладельческого дворянства». Более чем их собратья в других областях западнорусские помещики настраивались в силу обстоятельств на создание действенного инструмента утверждения себя в качестве доминирующей силы в обстановке назревающей или уже разворачивающейся борьбы, так что «те, кто избрал националистов своими представителями, должны были сосредоточиться прежде и больше всего на обеспечении своих насущнейших нужд». ¹⁵¹ В политическом отношении это влекло то последствие, что, «подвергаясь острой угрозе, они были гораздо менее склонны производить опыты по части установления законности и конституционности, чем подобные им в других местах». Непосредственные опасности заставляли их больше напрягаться, дабы этим компенсировать свою слабость или силу своих соперников и противников в широком диапазоне, куда входили польское дворянство и русское крестьянство. Это обусловило «современность их подхода, включая сознательное подражание западноевропейским организационным образцам». ¹⁵² Создался резкий контраст между ними с их «уразумением необходимости сорганизоваться, гораздо большим, чем проявленный консервативными партиями в других регионах», ¹⁵³ и этими партиями и самой крупной среди них — октябристами. Очень близкие националистам по своему составу, в организационном плане они представляли собой рыхлое, расплывчатое образование с лишенной четкости и определенности программой, под которую могли подстраиваться весьма разнообразные элементы, что содействовало увеличению его размеров,

но как раз за счет способности к сплоченным действиям. «По своей первоначальной организационной структуре, — уточняет Эдельман, — союз представлял собой, скорее, лигу находившихся в свободных отношениях партнеров, чем дисциплинированную политическую партию».¹⁵⁴ На ранней стадии октябристы «являлись немногим большим, чем аморфным собранием лиц, заслуживших известность на местах или в стране». Хотя в дальнейшем, в особенности с укреплением в руководящей роли А. И. Гучкова, и произошли некоторые изменения, суть оставалась прежней и превращение в партию в строгом значении этого слова давалось с трудом. Много значили прежние навыки и традиции, усвоенные в эпоху запрета на политическую жизнь, не говоря уже о политической организации, и давняя обособленность, тем более при необходимости лишиться доли самостоятельности в пользу центральных органов, продолжала оставаться доминирующим фактором. И если националисты «в противоположность другим партиям консервативного толка рассматривали успех в политической деятельности на местах как необходимую основу для приобретения власти на уровне страны», то «октябристы, с другой стороны, отрицали, что существует какая-либо прямая связь между политическими делами на местах и в Думе».¹⁵⁵ «Они придерживались прежней земской традиции, выбирая тех, кто сумел так или иначе настроить в свою пользу, каковы бы ни были их взгляды или приверженности». Партийность все еще оставалась чем-то второстепенным, факультативным, в какой-то мере делом вкуса. И хотя в целом октябристы с их наибольшим дворянским участием представляли собой «ту часть землевладельческого дворянства, которое получило свое политическое образование в земствах Центральной России с их традициями либеральничанья»,¹⁵⁶ им в наибольшей степени было свойственно равнодушие при несоответствии провозглашенной программы их социальному составу. «Союзная программа умеренного конституционализма имела своим источником представления и чаяния настроенного в более прогрессивном духе руководства. Ни вся думская фракция, ни большинство посланных провинцией октябристов не были ее приверженцами».¹⁵⁷ Надежной информацией снабжал свое руководство английский дипломат Н. Гендерсон, когда в посланном в Лондон донесении отзывался о руководителях как о «предводителях, за которыми не видно предводительствуемых». «Взгляды вожаков, — отмечал он, — носят личный характер и не представляют воззрений партии в целом».¹⁵⁸ Руководящая верхушка и сама сознавала разницу между собой и возглавляемым конгломератом, оценивая его самой низкой оценкой. «Едва ли есть еще другая более инертная и слякотная партия», — получала она презрительную характеристику из уст Ф. Гучкова.¹⁵⁹ При таких свойствах и качествах не октябристам было сплотить вокруг себя и повести те элементы, которые, собственно, составляли социальную основу партии. Пестрая по составу, при несовпадении целей составлявших ее общественных сил, с течением времени разводивших их все

дальше друг от друга, она утрачивала постепенно всякую способность к координированным действиям и в ноябре 1913 г. распалась уже и формально.¹⁶⁰ Однако ее упадок не повел к переориентации группировавшегося вокруг нее дворянства в сторону националистов и превращению их в новый центр притяжения для его политически активной части, на что они надеялись. Создав «структуру, напоминающую более современные западноевропейские политические партии, чем те особого рода протопартии, которые развились в России»,¹⁶¹ националисты тем самым обогнали ту стадию политического созревания, на которой находились помещики коренных дворянских губерний, и не сумели их увлечь. Их современный подход к политической деятельности нашел в этой среде слабый отклик.¹⁶² Попытки приобрести сторонников за пределами Юго-Западного края и утвердиться в качестве партии общероссийского масштаба кончились, за малым исключением, ничем. Националисты так и остались партией, отражавшей «узкие интересы»¹⁶³ определенной среды и пользовавшейся ее оказавшейся все-таки недостаточной «узкой поддержкой».¹⁶⁴ Шансы националистов тем более поблекли в обстановке нарастающей политической апатии дворянства, не расположенного без повелительной надобности напрягать силы, и раз непосредственная опасность отступила, то проявилась склонность ограничиться наименьшим в своей собственной деятельности, полагаясь главным образом на власти как надежных защитников интересов дворянства. С утверждением этой тенденции оно в немалой своей части вообще предпочитало оставаться вне партий, процесс превращения которых в признанные классовые представительства отчасти и по этой причине подвигался весьма туго, а то и вовсе приостанавливался. В этом смысле националисты, опередив другие партийные формирования по своей организации, мало чем отличались от них по своим конечным результатам, в сущности оказавшись лишь «наименее неудачливыми»¹⁶⁵ среди других не добившихся устойчивого влияния и прочной поддержки партийных формирований.

Положение дел в целом, состояние политических сил с их разрозненностью, неслаженностью, неустроенностью и во всем обнаруживавшей себя мизерностью, когда стала очевидной их неспособность воздействовать сколько-нибудь заметным образом на управление в государстве, как в фокусе отразились в том предельном убожестве, в которое впала под конец III Дума. Ее жалкую роль особенно хорошо сознавали те, кто сам состоял в «законодателях» и на личном опыте мог убедиться, насколько действительность расходится с формальным статусом учреждения. К их числу принадлежал и Н. С. Розанов, поделившийся в письме своей родственнице горьким разочарованием, вызванным полнейшим ничтожеством наделенного высшими правами собрания. «Не исполнятся твои пожелания, чтобы работа в Гос. думе была интересной, — подводил он итог и своему пребыванию в ней, и ее деятельности вообще. — Дума в полной дряхлости, с отвисшими

губами, с текущей беспомощно изо рта слюной, с еле плетущимися ногами, доживает всеми презираемая свои дни. Правда, иногда в ней поднимается страшный шум и крик, но это хриплый лай совершенно беззубой, старой собаки, этот крик ни для кого не страшен. Бесплезность и бесцельность работы страшно угнетает многих. Вероятнее всего, что я не вынесу этого гнета и возвращусь в Царицын».¹⁶⁶

При самой ординарной способности отдавать себе отчет в происходящем легко было уразуметь и ведущим наблюдение со стороны, что Дума не допущена вершить дела, что слово ее звучит еле слышно, никому не в указ, и вместе со всеми заседающими под ее сводами, какое бы количество речений и произведенного шума за ними ни значилось, остается где-то на задворках в отведенной ей роли послушного ассистента власти. К такому пониманию пришел продолжавший следить с неотрывным вниманием за ходом событий Н. Г. Высотский. Не в силах разглядеть никаких перемен к лучшему, «я много страдаю от того, что вижу вокруг себя только мрак беспросветный и непроглядный», — писал он в письме 16 октября 1911 г., особенно укрепляясь в своем унынии и безнадежности при виде творящегося в Думе и с Думой.¹⁶⁷ «Тусклостью отличается деятельность 3-ей Думы, — вовсе разуверившись в ней, писал он 9 ноября. — Сплошные царят там сумерки, среди которых раздаются неприличные ругательства и всяческое сквернословие. Если потребовалось до последней степени унижить и втоптать в грязь идеи конституционализма, то 3-я Дума это вполне сделала. Если бы 4-ую Думу вовсе не созывать, то от этого жить в России было бы не хуже, т. е. жить было бы так же отвратительно мерзко, как теперь».¹⁶⁸ Но и судящим не с такой страстностью, не находящимся постоянно на грани отчаяния и то и дело вступающим эту грань, подобно Высотскому («Вообще дальнейшее развитие государственной жизни России представляется мне довольно безнадежным, — впадал он в очередной раз в отчаяние в письме 21 октября. — Чего-нибудь добропорядочного можно ожидать лишь лет через 50»¹⁶⁹), — а таких была масса, и примеры тому могут быть умножены многократно — Дума при гораздо более хладнокровном взгляде виделась все-таки лишь зачаточным образованием, которому еще только предстоит войти в силу, и в близком будущем ей вряд ли удастся стать величиной, с которой придется считаться. «Гос. дума в настоящей ее стадии, — рассуждал 7 декабря в этом духе один из корреспондентов бар. А. Г. Иксуля, — дело несерьезное. Это большая канцелярия, Департамент консисторского пошиба. Люди, заседающие там, незнающие, случайные, несерьезные, дерзкие, глупые, довольные правом ругать безнаказанно военных и штатских генералов и сановников... пока у нас „меджлис“, а не Дума».¹⁷⁰

Действительно, слабость Думы заключалась уже в самом составе ее депутатов. Много было среди них таких, кто до избрания не пользовался известностью, тем более влиянием даже

в своей округе, а всплыл вдруг и отдаленно не принадлежа к политическим фигурам первого плана. Тех, кто мог бы быть отнесен к этой категории, насчитывалось несоразмерно мало, и в этом отчасти заключается объяснение того, почему такую трудность составляло поддержание и самой нестрогой дисциплины в думских фракциях, особенно правого уклона, и почему вообще так слаб был ее авторитет. Но главное, что превращало Думу в подобие рядового департамента, когда пренебрежительное отношение к ней вытекало не из враждебности по принципиальным соображениям, а из верной оценки ее реального статуса, состояло в том, что он был производным не столько ее внутренних слабостей, набравшихся в достатке при очень невысоком уровне ее состава, сколько политики и практики разворачивавшейся реконксты. Старые навыки, старые взгляды и подходы не исчезали сами собой наверху, как и на всех других этажах государственного здания вплоть до самого нижнего. Какие бы лозунги ни провозглашались под флагом объявленного «обновления», накопленное столетиями, глубоко укоренившиеся традиции не давали свернуть круто в сторону. Все снова и снова проступало влияние этого фактора на всю обстановку, оно давало себя знать и в быстро умолкнувших разговорах о переменах, так что отпала надобность и в Думе как инструменте этих перемен и оставалась в качестве доминирующей функция управления, всецело сохраняемая за собой прежним аппаратом власти и осуществляемая все теми же привычными старыми методами. С учетом громадной силы инерции можно было прийти к выводу, как это сделал Высотский, что «в общем ничего в ходе дел не изменится. И этому нечего удивляться, т. к. кроме доброго желания министрам нужно иметь колоссальную силу и твердость характера, чтобы повернуть Россию на новый путь, указываемый Манифестом 17 октября, а наши министры не таковы; выдающегося по дарованиям между ними нет ни одного, и, кроме того, все они лишены того доброго желания, о котором я упомянул. Наоборот, все они желают управлять Россией так, как будто никакого Манифеста 17 октября не было».¹⁷¹ Свообразным подтверждением верности этих слов явилось повторение почти в те же самые часы высказанного соображения членом Думы П. В. Синадино, разузнавшего, что «в высшем правительстве идут усиленные интриги и принимаются меры, дабы отнюдь ничто не улучшалось и не прогрессировало».¹⁷² Наблюдая, как на глазах воздвигается эта глухая стена, он приготовился удалиться от дел при выясняющейся бессмысленности дальнейшего пребывания в Думе, перед которой опускался шлагбаум. «Вообще мне эта работа надоела, ибо я вижу, — писал он о бесперспективности предстоящих занятий мнимых законодателей, — что ничего путного не выйдет».

Приуныл сам Гучков, исповедуясь брату по прошествии двух десятков дней в том же самом настроении. «Дела у нас идут наружно складно, но, — выявлял он далее обманчивость лежавшего на поверхности, — объединяющей души уже нет. Несмотря на

хорошие слова, доверия у многих к премьеру нет. Хотелось бы, чтобы они ошибались. И лично у меня нет ни веры, ни бодрости, ни охоты работать. Боже, если бы я мог освободиться от этой кабалы, которую наложила на меня политика. Как хотелось бы уйти куда-нибудь в сторону, в тень».¹⁷³ И он понимал, что впереди только прозябание в тени утверждающей себя на старых основах власти. Правда, и при «объединяющей душе», под которой, как видно, подразумевался Столыпин, благополучие тоже было кажущимся. Равенства в период практиковавшегося с Думой сотрудничества не было, и первенство в партнерстве оставалось за правительством. Только при этом условии Столыпин мог делать какие-то шаги навстречу Думе. Как убедительно показали его действия в дни кризиса при прохождении закона о юго-западном земстве, он собирался сотрудничать лишь с покорными его воле законодателями, а неподчинение становилось криминалом, и провинившиеся подлежали обузданию и каре.

Его бурная реакция на оказанное в марте противодействие наряду со многим другим обнаружила, что на новые пути выйти не удалось и новый порядок, что бы ни было изображено на выставленных декорациях, так и не учредился. И когда со смертью Столыпина предпринятые им маневры утратили актуальность и положение предстало в своем истинном свете, то стали гораздо яснее как суть самих маневров, так и преследуемые в ходе их цели. Продуманная концепция совершившегося и оценка деятельности Столыпина были выдвинуты в переписке академика С. Ф. Ольденбурга и его сына С. С. Ольденбурга. Поводом для обмена мнений послужило письмо Витте в «Речи» от 8 октября 1911 г. с опровержением высказанных в его адрес после убийства Столыпина обвинений Гучкова, когда не удалось помешать их огласке в «Новом Времени», в том, что именно он стоял во главе интриги, подрывавшей курс Столыпина, будучи вообще на стороне противников обновления строя, человеком, поставившим П. Н. Дурново руководить Министерством внутренних дел и тем самым сделавшим невозможным участие в его правительстве «общественных деятелей».^{173а}

«Октябристам плохо от этого письма: если сам творец 17 октября признает, — замечал С. Ф. Ольденбург, — что остался только труп, то оспаривать это трудно».¹⁷⁴ Соглашаясь, что затеянная переделка так и не совершилась и старое возоблудало, он встретил признание своей правоты со стороны сына, для которого, впрочем, новизна действий Столыпина была чрезмерно преувеличена, тогда как главным оставалось на самом деле недопущение радикальных перемен, противником которых был и сам он. «Я никогда не считал последние годы Столыпина тем защитником представительного строя, каким его выставляют, — отвергал он обоснованность подобного подхода, — и не сочувствую той легенде, которой теперь хотят его окружить».¹⁷⁵

Но для него отличие реальности столыпинской политики от творимой вокруг нее легенды оказывалось даже плюсом, и Столы-

пин с его «не запугаете» именно тогда-то и «был на высоте». Дальнейшее же, в особенности «то, что он не ушел после морских штатов и дал себя втянуть в „национальную политику“, показало, что своей настоящей политики у него нет, что он не вождь». Его декларируемые преобразовательные намерения рассматривались в коррекции его поступков. «Насколько он считается с „новым строем“ и с законностью, показала история с западным земством, — выводилась настоящая цена курса на обновление. — И, конечно, в Манифесте 17 октября и в то время намечался другой порядок, чем тот, который теперь». Но это-то отклонение от взятых обязательств С. С. Ольденбург признавал за благо, так как «тогда было обещано слишком много, man hat den Mund zu voll gepoppten («слишком много набрали в рот, чтобы можно было прожевать». — Ю. С.)». Он опасался, что «проведение всего обещанного в жизнь привело бы к анархии, к социальной революции». Грозившие такими последствиями новшества нельзя было отменить, и он одобрил избранный путь — их «нельзя было взять назад — надо было создать фикцию. Это и было сделано». Претензии сводились к проведению на практике правильной с его точки зрения стратегии — «во многом надо, мне кажется, иначе действовать, может быть, делать понемногу фикцию менее фиктивной, а не более, надо было примирять различные общественные силы, но общая линия поведения была неизбежна, неизбежно и поддержание фикции». Неудачу он был склонен отнести более всего за счет тактических промахов: «Столыпин последнее время очень неумело это вел», — но все же надеялся теперь на благоприятные перемены — «может быть, Коковцов лучше сумеет».

В своих оценках и прогнозах С. С. Ольденбург оказывался существенно правее отца, разделявшего мнение о фиктивности нововведений. Но, далекий от признания целесообразности проводившейся политики, он, напротив, видел в ней пагубное торжество регрессивных устремлений и отказ от проведения назревших перемен, расплатой за который должен был рано или поздно последовать новый фазис борьбы. Уход от решения проблем не снимал самих этих проблем, и С. Ф. Ольденбург был уверен, что жизнь и выдвигаемые ею требования так или иначе заставят с собой считаться и, руша преграды, пробьют себе дорогу, хотя бы их упорно и как будто бы безнаказанно игнорировали. Теперь же С. Ф. Ольденбург констатировал фиктивность нового порядка, при котором власть имела силу действовать и функционировать по-старому, пренебрегая существованием нового механизма управления. Когда к концу 1911 г. в его окружении стал проявляться интерес к предстоящим выборам в Думу, он отнесся к этому с безразличием: «. . . не знаю, что они дадут, и не придаю им значения: Гос. дума бессильна сделать что-либо большое, произвести серьезные реформы при отношении к ней правительства. Поэтому важно только ее существование и проверка бюджета».¹⁷⁶ Двигаясь новыми путями, сумели вернуться к старому, хотя и при изменившемся фасаде, но за его реставрацией просматривалась конечная

невозможность противостоять напору жизни, который должен был одолеть оказываемое ему сопротивление. «Очевидно, — намечал такую перспективу С. Ф. Ольденбург, — Россия еще пройдет через потрясения раньше, чем разовьется нормальная жизнь. Уроки истории, видимо, не воспринимаются».

Повседневность предоставляла множество доказательств верности такого понимания, нежелания сил прошлого считаться с уроками истории. Их натиск шел по нарастающей. С неубывающим ожесточением они теснили новое, где только могли и насколько им удавалось. К числу наиболее выразительных свидетельств того, какой размах и неистовство приняло это наступление, принадлежали письмо одного из самых известных общественных деятелей А. Ф. Кони московскому профессору Л. Е. Владимирову и его ответная реакция. «Вы спрашиваете, что у нас делается? — писал Кони 14 декабря 1911 г. — Да ничего хорошего. Попытное движение приобретает не только смелый и наглый характер, но и торжествующий. . .». ¹⁷⁷ Откликом корреспондента Кони явилась выдержанная в самых мрачных тонах картина разгула не знающей удержа дикости при выставляемой напоказ свирепой готовности устроить побоище несогласных, не боясь какого угодно кровопролития ради сохранения вызывавших отвращение и одновременно губительных порядков. «Если бы меня спросили, чем характеризуется нынешняя эпоха, то, — сразу брал он ноту безнадежного отчаяния, — я бы сказал одно слово: низость, громко и нахально хрюкающая низость». ¹⁷⁸ Он в особенности настаивал на разнузданной агрессивности того темного начала, которое теперь победительно утверждалось на авансцене общественной жизни. «Действительно, что-то разбойническое есть в нашей общественной психике», — уверился сам он в том, как велика угроза со стороны способных в своей оголтелости на все, и потому можно ждать наихудшего. Будучи близким к церковным кругам, он приходил в ужас и смятение при виде обнаруживавшихся в этой среде тенденций, которые ставили ее во главе страшивших его разрушительных выступлений. Появление таких буйных проповедников, как Илиодор и Гермоген, с их призывами к расправам и гонениям служило для него верным предвестником надвигающихся бедствий, когда в ход будут пущены крайние средства борьбы. «. . В воинствующем нашем духовенстве, — указывал он на источник опасности, — все же чувствуется поп с топором, предводительствующий толпою пьяных разбойников». Разнуздавшиеся темные силы могли смести в своем яростном порыве все, что стояло на их пути, и сбросить Россию далеко назад. Сам он вызывался принять участие в отражении уже начавшегося нашествия всего самого скверного и вредоносного, что теперь шло напролом. «Я готов работать в каждом деле, имеющем целью распространение истинного христианства как противодействия разбойничающей церковности, — писал он в сознании губительных последствий от распространения обличаемого им бесчинства. — Боже, неужели наверху не видят, куда нынешнее поповство при-

ведет? Ведь последние слабые следы христианства стираются разбойниками! Ведь останется только один безверный мужик с топором!». Однако надежда на то, что удастся обратить вспять эту поднимающуюся все выше волну мракобесия и ненавистничества, была невелика, и уход от борьбы при неравенстве сил ему тоже представлялся вполне оправданным и даже наиболее разумным в создавшейся обстановке. «Я вполне понимаю самоубийц, — доходил сам он до последней степени отчаяния. — Поверьте, они вполне нормальны и ясно видят, что в таком кабаке жить не стоит».

Не преувеличивал, как видно, М. А. Стахович, когда писал в те же месяцы брату: «. . . все съезжилось, всем жутко больше всего потому, что все чувствуют бесплодность нормальной деятельности, т. е. путем общественного мнения, законодательных учреждений и т. д.».¹⁷⁹

Когда человек этого же круга гр. Д. А. Олсуфьев заикнулся было, что погода «политическая как будто бы проясняется на более веселую»,¹⁸⁰ он тут же нарвался на суровую отповедь своего корреспондента А. Бутурлина. «Совершенно не разделяю Вашего оптимизма (хотя и он, по-видимому, очень относительный), — строго поучал он его. — Я вообще ничего не ожидаю от Гос. думы 3 июня. Едва ли можно говорить о прояснении политического горизонта, когда страна продолжает оставаться под гнетом исключительных положений (целых 30 лет!), которым и конца не предвидится».¹⁸¹

Те, кто ходил в победителях, предлагали такое и проявили себя таким образом, что от них и предлагаемого ими отшатывались все, в ком сохранилась хоть искра благопристойности, кому претили возмутительное непотребство и безобразие как установившийся образ жизни, когда господствующими делались нравы и обычаи кабака. И самые непритязательные, готовые удовольствоваться и самым малым, не получали этого самого малого — просто чтобы приличия не попирались каждодневно и мерзкое и отвратительное не стояли бы торжествующими все время перед глазами — и теперь оказывались ни с чем, у разбитого корыта, в расстройстве и безнадежности. «Отчаяние начинает вползать и в душу таких, которым крепко верилось, а главное, хотелось верить в лучшее будущее, — высказывался от их имени в письме, отправленном из Вены в Москву В. М. Соболевскому, некто с неразобранной подписью. — Но этот разгул бесчинства и эта свистопляска цинизма, которые стоят над Россией, способны действительно подорвать всякую веру, если не хотеть искать утешения в грустном *credo quia absurdum*. . . («верую, потому что нелепо». — Ю. С.). Где же та Россия, которая и во тьме светилась? Неужели она в результате „самоопределения“ могла только и подарить, что Пуришкевичей и Марковых? Ибо надо ведь сознаться, что столь же ярких фигур положительная Россия не выделила. Правда, зло всегда ярче добра и одежда порока живописнее скромного одевания добродетели. . . Но все-таки. . .

все-таки тяжело жить, когда видишь целую страну, охваченную таким непроходящим пароксизмом ненависти и бешенства, при которых самые изуверские гонения и самая гнусная клевета кажутся еще недостаточно сильно действующими средствами».¹⁸²

Более всего творимая свистопляска насилия и бесчинства затрагивала народную массу, делая ее существование вовсе невыносимым при множестве поставленных ею командовать и забравших теперь такую силу притеснителей. Никакой защиты и укрытия от них не было, и повсеместно создавалось положение, описанное одному из высших чинов Министерства финансов А. А. Риттиху. Подлинный разгром совершался на глазах потрясенного всем творящимся корреспондента этой министерской персоны, видимо, человека тоже не последнего десятка при таких знакомствах, угнетенного тем не менее беспомощностью и своей, и тех, кого, не боясь, сгибали в бараний рог. «А как теперь противостоят громадному напору черной сотни с сельскими священниками во главе, которые снесут в прорву всю культурную работу и сметут и все русское государство, если все продолжится и дальше так, — невольно переключался он с проф. Владимирова. — Что только ни выдвывают эти союзники с нами в деревне?! В союз записываются отбросы общества, пьяницы, воры, люди, потерявшие всякую совесть, и эти-то люди теперь господствуют в России и разоряют ее. Народ теряет всякие представления о правде, справедливости и праве. Никакой, ни личной, ни имущественной, безопасности в селе нет. Полиция со стражниками бесчинствует, разоряя целые села».¹⁸³ Вескими были причины, не позволявшие исчезнуть из года в год повторявшемуся мотиву — «теперешние времена ведь не лучше дней Плева, а может быть, и хуже. Тогда надежд больше было, а где теперь надежды».¹⁸⁴ Он повторялся все новыми голосами, точно так же как многократно свидетельствовалась неимоверная тяжесть народного житья. Нигде не давали вздохнуть, утвердиться в «самостоятельных» хозяевах, обеспечив соблюдение необходимых для этого прав и огражденность от произвола. Разогнуться не давали. Сгибали еще сильнее, чтобы только не дать выйти из повиновения, ослабить старинные пути, почувствовать себя «самостоятельными», «сильными», на которых ныне делалась ставка. Непримируемый и еще более обострившийся антагонизм проводил на громадных пространствах страны непереходимую грань между управляемыми и управителями, низами и верхами. «Спроси, кто был Петр I или Александр II, — писалось из Пензенской губернии о существовании разделяющей обе стороны непроходимой пропасти, — непременно получишь ответ: „Мы люди неграмотные, темные, откуда нам знать“... Но Пугачева и Разина знают все, и это очень характерно, потому что народ живет здесь в том же бесправии и темноте, как жил сотни лет тому назад. Земские начальники и волостные писаря царствуют здесь всецело, вторгаются во все дела и чужую жизнь. Прямо ужас берет, что тут делается. И неудивительно, что народ питается рассказами о Пугачеве, который

дал им землю и перевешал всех господ». ¹⁸⁵ Такой, собственно, была реальная первооснова третьей ионьской системы, несмелым новшествам которой успешно противостояла подавляющая сила старого, не дававшего утвердиться новым отношениям в деревне, когда оставалась приниженной и загнанной и ее верхушка. Уже одно это побивало ставку на сильных, подрывало основу всего возводимого здания, обуславливало в конечном счете шаткость и непрочность положения Думы, ее общую незначительность и отстраненность от управления страной. Вся во власти начальства самых разных чинов и званий, деревня не могла распрямиться, окрепнуть, заставить с собой считаться. Здесь царили все тот же неограниченный произвол и притеснительство, влиявшие на весь политический климат, тянувшие вниз всю страну. Долгий опыт и данное им знание жизни стояли за выводом корреспондента Риттиха: «Нет, только при изменившихся порядках может явиться народное благосостояние. Пока страну разоряют власть имущие грабители, благосостояния ждать нельзя».

В деревне реконкиста зашла дальше всего, но возвращение к прежнему на широком фронте в тех формах и теми методами, которые вызвали громкое осуждение настроенных наименее критически и только ждавших случая, чтобы встретить аплодисментами любое микроскопическое улучшение, приняло размеры бедствия. Оно становилось тем большим, что развертываемое реакцией наступление вредило России и во вне. Те чувства возмущения, которые порождали в либерально настроенной среде неистовства пустившихся во все тяжкие главарей державшихся за старое и их приспешников, имели расширительную тенденцию, когда стиралась разница между страной и теми, кто не давал ей сдвинуться с места, избавиться от связывавших ее пут. Какая в этом случае могла совершиться подмена, представлялось в письме, отправленном из Берлина проф. В. А. Косиковскому в Киев. Творившееся дома было особенно чувствительным в контрасте с обстановкой, в которую попал автор. «Живя здесь в культурных условиях, в атмосфере упорядоченной и планомерной трудовой жизни, — оттенял он эту разницу, — иногда забываешь о тяжелом, гнетущем кошмаре русской действительности». ¹⁸⁶ Напоминанием же служило спровоцированное виновниками этого кошмара и их пособниками неоправданное распространение вызванных ими негативных чувств на саму не имеющую сил сопротивляться страну. «Эти обнаглевшие в чудовищной степени монополисты любви к родине и понимания ее интересов ежедневно топчут в грязь „русское“ имя и подрывают последние остатки уважения и симпатии к России, — выявлялась громадность причиняемого ими ущерба. — Их здесь считают представителями господствующего класса, сильного и многочисленного, и чувство презрения и брезгливости, внушаемое их политическим и этическим озверением, невольно обращается против всего русского народа. Иностранцы теперь „из вежливости“ при нас не говорят о России и русских, а в печати и речах то и дело ссылка на „Россию“

является излюбленным средством для deductio ad absurdum («приведения к нелепости». — Ю. С.). „Вы добиваетесь русских порядков“, „вы дойдете до уровня России“, „это напоминает русское беззаконие и мракобесие“ и т. д. . . . Чувствуешь себя оплеванным, униженным, и хочется им крикнуть: „Вы знаете только одну Россию, к которой все это применимо. Но есть другая, не заслуживающая презрения — Россия униженная, растоптанная, стонущая и изнывающая под двойным гнетом опирающихся на произвол насильников и собственной своей некультурности и неорганизованности“».

Но видное отовсюду торжество реконквисты заключало в себе ее же отрицание. Так далеко отодвинув страну назад, она не могла удержать ее в таком положении и тем закрепить свою победу, остановить течение жизни, неуклонно размывавшее воздвигнутую на ее пути преграду, подспудно накапливавшее силы для ее прорыва. За одержанной победой должно было последовать неминуемое поражение. Как ни было тяжело наступившее лихолетье, конец ему просматривался, и если были потерпевшие поражение, то побежденных не было, как не было почвы под ногами и у недавних победителей. И в переживаемую трудную пору были основания уверенно смотреть в будущее, подобно одному из участников революционного движения, не смущавшегося вынужденным отступлением и теперешним безвременьем. «Данное время своими переживаниями небывалое, небывалое по своей тяжелой форме. Еще недавно все кипело революционной борьбой, а теперь мы можем замечать лишь революционные фразы, потому что все революционные начинания встречаются очень мало сочувствия. . . Замечается потеря веры в борьбу революционными средствами с современной реакцией, — признавалась тяжесть понесенного поражения, — а ведь это самое желанное, о чем только могла мечтать вся современная вдохновительница русской реакции».¹⁸⁷ Но, не уходя от объективной оценки действительности, какой бы мрачной она ни была, писавший из Парижа автор письма, подписавшийся только именем, знал точно так же, что это не конец и за достигнутой низшей точкой последует подъем. «Нужно признать, что реакция торжествует, но можно с уверенностью сказать, что она непрочна, — вскрывалась ее коренная внутренняя слабость, — потому что ее победы ничтожны и дуты, завоеваний у нее нет. . . Можно с безусловным убеждением сказать, что стремление к свободе, как и раньше, глубоко залегло в народе и обществе, даже глубже теперь, чем тогда. Только для реакционеров являются излюбленными эмблемами тюрьмы, цензура, розги и царский герб, а народ и общество глубоко презирают все это. В то же время ясно видно, что любовь и пиэтизм к революционной борьбе живут, но покрыты остатками пережитого». Шло упорное сжатие пружины, но она оставалась несломленной.

Пока силы прошлого могли одерживать верх и теснить противника, зачастую даже не разбирая, действительно ли это противник, или приписываемые ему враждебные намерения, будучи

в любом случае раздутыми и преувеличенными сверх всякой меры, — плод недоразумения. Они чувствовали себя хозяевами положения, уверенные, что их натиску некому противостоять и нет нужды церемониться, сдерживать размах при ударе, боясь задеть кого-нибудь случайно подвернувшегося. В неуклонном попятном движении продолжали заниматься оставленные прежде позиции, и в ходе этого шаг за шагом удалось отодвинуть далеко в сторону Думу, так что нарисованная Розановым картина ее жалкого старческого прозябания, отдававшего уже чем-то летаргическим, вовсе не была дурной карикатурой. Угнетенная и подавленная, общественная жизнь была доведена почти до точки замерзания. Но что доведшие ее до такого состояния слишком зарвались и теперь сами выставляют себя под удар, становилось ясным не только революционерам, но и тем, кто хотел уберечь режим от «крайностей», а существующий общественный строй от потрясений, а ныне убеждался, что при взятом курсе их, очевидно, будет не избежать. «Везде и всюду чувствуется недовольство, — обобщала свои наблюдения как представитель этой среды графиня А. Шувалова в письме А. А. Стаховичу, — и в городах, и в деревнях большинство не удовлетворено политикой последних лет и мало верит обещаниям правительства, не раз уже обманувшего всех. Все это предвещает новую бурную вспышку».¹⁸⁸ По-видимому, это был шаг навстречу А. А. Стаховичу, которого всего за несколько дней до того она упрекала в чрезмерном пессимизме: «...политические ваши взгляды, по-моему, уж очень мрачны. . . не хочется мне верить, что до новой вспышки, — а я с вами согласна, что она будет куда сильнее первой, — все будут спать и верить телеграммам „националистов“».¹⁸⁹ Это было время, когда оптимизм, вера в то, что со всеми сбоями и неполадками все-таки удастся благополучная трансформация старого строя в парламентский европейского образца режим, стали покидать завзятых оптимистов, к числу которых принадлежал постоянный оппонент Н. Высотского, его двоюродный брат Н. Евреинов. Неизменно упрекая его в слишком мрачном взгляде на происходящее, он теперь заговорил его языком. «Вообще я предвижу, что в будущем году зимой будут серьезные беспорядки, — имея на то серьезные основания, прогнозировал он в середине декабря 1911 г. — Недовольство растет везде, во всех слоях. Я раньше не верил в успех революции, а теперь думаю обратное».¹⁹⁰ Как раз это все время твердил Высотский, с чем спорил Евреинов, и теперь победителю в старом споре оставалось лишь повторить стократно сказанное: «Твой взгляд на современное положение дел в России я нахожу совершенно правильным. Наши правители точно слепые люди: они не видят, не слышат и не хотят знать того, что происходит в современном обществе. Нельзя управлять Россией по рецептам времен императора Николая I. Пора сознать, что нельзя обещать и не исполнять. Люди, называющие себя непоколебимыми монархистами, страшно подрывают принцип монархизма и приносят огромный вред царствующему госу-

дарю». ¹⁹¹ Прodelанное двоюродным братом сальто-мортале не столько тешило самолюбие Высотского, сколько усиливало его страхи перед надвигающимся катаклизмом, поскольку власть и по признанию своих сторонников закоснела в своей архаике и неспособна сойти с гибельного пути. Его положительно напугало, что этот «правый октябрист, член национального клуба, долго преклонявшийся перед мудростью „выдающегося государственного мужа“ П. А. Столыпина, упорный хвалитель 3-й Гос. думы» пошел на попятный. «Уж если таким языком заговорил безусловный приверженец „Нового времени“, — делился он беспокойством с другим своим постоянным корреспондентом А. Н. Алфераки, — то это довольно тревожный симптом». ¹⁹²

Тревожнее всего были настроены те, кто непосредственно соприкасался с народной массой и своими глазами видел, как быстро подвигается ее новое революционизирование, так что переход к активным действиям может совершиться в самом близком будущем. О накалявшейся обстановке сигнализировали отовсюду. Вновь внушала беспокойство Курская губерния, прочно занявшая место застрельщицы крестьянских выступлений. «Плохо, брат, у нас в уезде: началось, — писалось оттуда в августе 1911 г., — заметное брожение среди крестьян, которые открыто говорят: „Раньше только пожгли немножко господ, а теперь всех перережем. . .“. Хорошая перспектива. Помещики вооружаются с ног до головы, нанимают иноземцев для защиты от коренного населения! . . . Усиленно говорят о новом взрыве аграрных беспорядков. Что-то будет?!». ¹⁹³ Меняются места, откуда идут свидетельства подобного рода, но тональность их одинакова — крестьянское терпение иссякает или уже иссякло, бикфордов шнур догорает. Известному среди правых лицу, председателю Русской монархической партии, протоиерею Восторгову в этом духе в конце года сообщалось: «У нас в Смоленской губ. крестьяне открыто говорят про революцию в 12 году. Не говорят: бунт, мятеж, а революция, что на русском языке по-ихнему означает „долой все“. Бедному отцу Строганову приходится туго с прихожанами, и если их еще что-то сдерживает, так это кредитное товарищество». ¹⁹⁴

Пропасть между дворянством и крестьянством продолжала расширяться, и уже ничто не могло смягчить застарелую вражду десятков миллионов к по-прежнему держащим их в подчинении распорядителям деревни, какими оставались помещики. Все уже было готово для того, чтобы пойти на них новой войной и на этот раз добиться своего. Так было настроено крестьянство даже в тех местах, где дворянство состояло в наименьшей силе, как например в Вологодской губернии. И там остановка была только за благоприятным моментом. «Я все время убеждаюсь, — писалось в приветствовавшем этот настрой письме, — что у нас лет так через 10 неизбежна новая революция, которая опрокинет господство дворянства. Только теперь я ясно вижу, до чего это сословие ненавистно народу. Эта ненависть проявляется на каждом шагу. Как только у нас распространились слухи о возможности войны

с Китаем, мужики на базаре начали прямо говорить о необходимости переделать порядки, и все это без какой-либо агитации. Прежде здешние мужики стояли ближе к черной сотне и теперь еще недолюбливают интеллигентов и забастовщиков, с которыми у них было много столкновений во время Вологодского самоуправления». ¹⁹⁵ Достоверность такого освещения обстановки, помимо того что одинаковая информация поступала и из других мест, становилась тем большей, что в таком же точно виде она рисовалась, когда авторами выступали лица, связанные с высшими сферами. В адрес С. Е. Крыжановского, ближайшего сотрудника Столыпина, выдвигавшегося на пост Государственного секретаря, поступило особенно тревожное предупреждение, в котором счет велся даже не на годы, а на самые близкие сроки. «Мужики сатанеют не по дням, а по часам, — настраивая на самый тревожный лад, писал корреспондент Крыжановского. — Бунт неминуем; по-прежнему все если и протянется, то очень недолго. Все горе в том, что мужику есть нечего, а его все учат да учат на голодное брюхо, ну он и рычит, как зверь, и грозитя, что терпению скоро конец». ¹⁹⁶

Эта принявшая громадные масштабы угроза заставляла тревожиться не только тех, кто находился на направлении готовящегося удара, но и либеральную оппозицию, опасавшуюся, что народное движение такого размаха нельзя будет взять под контроль и надо ради его предотвращения укрепить самим, чтобы можно было повлиять на слишком разошедшуюся власть, которая вместе со своими приспешниками доведет до беды. В этом контексте побуждал работавший в американской прессе известный публицист П. Деменс (связанный с октябристскими кругами), обращаясь к И. Н. Ефремову и Н. Н. Львову, поскорее приступить к созданию единой либеральной прогрессивной партии, способной составить реальную «оппозицию теперешним безобразиям», а не то «Пуришкевич и К° живо доиграются до пугачевщины. Судя по прибывающим эмигрантам, озлобленность все увеличивается, очевидно, скопляется масса смертельных обид». ¹⁹⁷

Весь третьиюньский режим держался на этой бочке с порохом, и за фасадом реконксты при утверждении во всех сферах жизни старых подходов и порядков пережиточное старое во всем своем многообразии приходило в возрастающий упадок.

Этот двойственный феномен точно отобразил акад. С. Ф. Ольденбург в письме от 10 октября. «Сейчас какая-то разруха, — выявлял он основную черту создавшегося положения, — все катится еще по старым рельсам, но чувствуются уже толчки и неверность хода, и не знаешь, сойдет ли с рельс или вновь покатится». ¹⁹⁸

Восстанавливаемое покоилось на зыбком основании. Разрозненность и разногласия на правом фланге, о которых уже прежде шла речь, не только не убывали, но, скорее, умножались. Соскальзывание по наклонной шло безостановочно. Вместо соби-

рания сил усугублялась их разобщенность, то и дело оборачивавшаяся взаимной враждой, доходившей подчас до яростных схваток. В этой среде было в достатке главарей с их кучками приспешников и подпевал, но так и не появлялось никого, кто мог бы взять под свое начало это несогласное скопище хотя бы в какой-то значительной его части и объединить его, — центробежное здесь подавляюще преобладало над центростремительным, рознь и беспорядок над упорядоченностью. Все усилия организовать эти нестройные толпы не давали сколько-нибудь заметного результата. Среди пробовавших вывести единомышленников на общий путь находился и предводитель Объединенного дворянства гр. А. А. Бобринский. Не напрасно он стал действовать помимо возглавляемой им организации. Ее правила не давали инициативе никакого простора: ведь каждый шаг мог быть сделан лишь с соизволения входивших в нее дворянских обществ. Для оперативной политической деятельности громоздкие процедуры опроса, связанные с необходимостью получить согласие на замысливаемые начинания десятков ее участников, мало подходили. Не надеясь, по-видимому, превратить организацию такого тяжеловесного устройства в действенный инструмент достижения поставленных целей, Бобринский избрал иной метод. Он принялся собирать у себя частным образом приверженцев как будто бы одинаковых взглядов, дабы в дальнейшем из них могла образоваться какая-то дееспособная общность. Он хотел сплотить наиболее видных представителей своего направления, имея в виду, однако, не одну верхушку, но и более широкий круг блюстителей «основ», что сразу было оценено с этой стороны как весьма своевременное и важное дело. В хвалебном духе отзывался об устраиваемых встречах приглашенный к участию в них Ф. Д. Самарин, этот столп охранительства, весьма обеспокоенный как раз недостатком единства среди своих и теперь приветствовавший попытку преодолеть затянувшуюся разрозненность. «Устраиваемые Вами собрания уже успели получить немалое значение и несомненно должны принести пользу выяснению взглядов тех общественных групп, — высказывал он наивысшее одобрение затеянному Бобринским, — которые внешним образом объединяются под именем „правых“ или „консерваторов“, но внутренне еще так мало сплочены. Такая работа представляется мне особенно полезной и плодотворной, т. к. одним из главных препятствий правильному и здоровому развитию нашему является, по моему мнению, отсутствие ясного политического сознания у тех наших общественных слоев, которые не желают отрываться от наших народных, исторически сложившихся основ».¹⁹⁹

Итоги этих стараний оказались самыми скромными. Заметного прибавления сплоченности не наблюдалось, и на первом месте продолжало стоять то, о чем с горечью писала такая ретроградная знаменитость, как гр. С. Д. Шереметев, другой персоне первого плана этого же толка А. Г. Булыгину: «Всюду рознь и личные счеты».²⁰⁰

Весь этот стан продолжал пребывать в состоянии неискоренимого разброда, без признанных вожаков и авторитетов при то и дело вспыхивающих жарких междоусобицах, и те, кто одобрял реконкисту и связывал с ее успехом свои надежды, имели достаточно поводов, чтобы усомниться в прочности ее завоеваний и наполниться страхом за будущее — уж слишком неладно шли дела и не на кого было положиться, а там, где должно было находиться внушающее доверие руководство, было пусто. Те же, кто теснился на капитанском мостике, могли только усугубить тревогу, настолько они были неподходящи в роли руководителей. Среди многого, дискредитирующего верхушку, особенно тягостное впечатление произвел громкий скандал в Русском собрании в конце 1911 г., вылившийся в потасовку Маркова с Никольским. В соединении с другими раздорами и прочими признаками общего упадка он убеждал, что неорганизованность преодолеть не удастся и развал будет прогрессировать. Было от чего приуныть ждавшим и даже жаждавшим водительства в наступлении на укоренившиеся в России новшества и перемены и отстаивания привычных порядков и всего устоявшегося строя жизни, а теперь оказывавшимся ни с чем, не видевшим у руля никого, кроме тех, кому с ним было не совладать. В расстройстве и унынии подводил итоги сущего и намечал неутешительные перспективы на будущее рассматривавшийся перлюстрационной частью как выразитель мнений охранительской массы и находившийся в этом качестве под постоянным наблюдением Н. Любавин. «Как нехорошо то, что было в Русском собрании между Никольским и Марковым», — выводил он солидную сумму по счету убытков, выставлявших в предвидении, что, «по-видимому, скандал грозит идти дальше. Таким образом, предстоит новый крупный раскол среди монархистов».²⁰¹

Но это была лишь составная часть всюду подвигавшейся разрухи, картина которой теперь предстала в своей целостности, когда так ясно делалось, что почва уходит из-под ног. «И вот все у нас так: среди монархистов, — обрисовывался общий ход вниз, — нелепейший раскол, Гос. дума тоже нелепая, дурацкая, совершенно правильно прозванная немцами „Reichsdumme“ (в вольном переводе «играющий в государственные дела недоумок». — Ю. С.), дворянское сословие в моральном и умственном упадке. . . Одним словом, те слои населения, которые делают историю и ведут за собой остальных, в высшей степени несостоятельны, как это было в Польше в XVIII веке».

Идя разными путями и отличаясь друг от друга по занимаемому положению, но наблюдая одни и те же признаки всюду проявляющегося ухудшения, многие могли подписаться под выводом, высказанным А. Б. Нейдгартом, одной из наиболее видных дворянских фигур, в письме Л. А. Тихомирову, упрекавшему его в чрезмерном пессимизме, хотя мало кто мог сравниться с самим Тихомировым в почти не покидавшем его безнадежном

отчаянии. «Вы меня упрекаете в пессимизме, когда, — наставляя он его, — при наших дверях катастрофа».²⁰²

Господствующая неурядица во всех сферах государственной жизни, выражавшаяся и в запутанности отношений наиболее близких сил, при которой они были временами способны, сбившись с основного курса, противостоять в каких-то пунктах друг другу, могла служить подтверждением верности подобной оценки.

Отношения самодержавия и дворянства на этом этапе строились в этом же контексте. Оставаясь ближайшими союзниками и в обстановке реконкиты сдвигаясь еще теснее, они вместе с тем при определенных обстоятельствах, складывавшихся в какие-то моменты на том или ином участке, могли также отдаляться друг от друга и при наступающей в этом случае отчужденности доходить подчас до внешне острых конфликтов. В этом отражалась общая расшатанность старого порядка, хотя бы дело касалось не каких-то существенных разногласий, а обязанных своим происхождением углубляющейся дезорганизации недоразумений.

Как далеко зашла эта дезорганизация, наглядно показали высказанные в письме своему ближайшему единомышленнику Д. А. Хомякову рассуждения известного дворянского публициста из самых крайних К. Н. Пасхалова, у которого были давние претензии к власти по поводу взятого при Столыпине направления и который при уже сделанных шагах отказывал ей в доверии, раз она стала покровительствовать чуждым с его точки зрения порядкам и элементам, настраиваясь даже на денонсацию союза, поскольку партнерство перестало себя оправдывать. «Мы приучаемся мало-помалу презирать наше правительство, сознавать его неспособность и бесполезность, — фиксировал он уже достигнутую степень отчужденности. — А это штука очень опасная. В критическую минуту, когда революция ринется на существующий строй, стану ли я на его защиту? Нет. Мы, наверно, останемся в стороне и предоставим прокуроров их собственной участи, которую они вполне заслужили».²⁰³

Разлад переходил и в сферу конкретных действий. Одно за другим почти одновременно последовал ряд громких дел, означавших, что зданию царско-дворянской России предстоит дальнейшее разрушение. Случившиеся конфликты обнаружили, что коренная общность обеих сил может отойти на задний план, будучи заслонена расхождениями на почве местных интересов, всякого рода частностей, которым при их второстепенности дозволялось тем не менее дорасти до наносившей существенный политический урон обеим вражды.

Наибольшую известность приобрел казус с неутверждением тамбовским губернатором Н. П. Муратовым повторного избрания гр. К. А. Бенкендорфа, члена одного из самых видных дворянских родов, сына русского посла в Англии и племянника генерал-адъютанта и обер-гофмаршала, предводителем дворянства Моршанского уезда. Это было нарушение прочно установившейся тра-

диции предоставления дворянству права самостоятельно подбирать себе, кого сами дворяне сочтут наиболее подходящим для занятия баллотированных сословных должностей.

Случившееся приобретало принципиальное значение, демонстрируя, что и в новую эпоху можно действовать так, будто не произошло никаких перемен. Провозглашенное в Манифесте 17 октября и утвержденное новыми Основными законами право на политическую деятельность, в том числе и оппозиционной направленности, для Муратова оставалось пустым звуком. Что бы там ни декларировалось, он требовал на подведомственной территории от всех безусловной покорности, и всякое неподчинение подлежало подавлению. Никто не мог рассчитывать ни на какое послабление. В губернии, где он полновластно распоряжался, были только верноподанные и позволившие себе вступить на путь антиправительственной деятельности. Держась губернатором даже и не дореволюционных, а, скорее, дореформенных времен, он сумел обнаружить пособника враждебных власти сил в гр. Бенкендорфе, предводителе дворянства Моршанского уезда. В деятельности графа, принадлежащего к верхушке аристократии, по временам проскальзывал некоторый оттенок либеральничанья, который нисколько не помешал местному дворянскому обществу сделать его своим избранником с намерением повторно провести его в уездные предводители, не придавая никакого значения тому, что для губернатора сделалось настоящим криминалом. Из вин графа наибольшей оказалось шутовское причисление себя к кадетам, когда при баллотировке кандидатов в Совет по делам местного хозяйства Бенкендорф одержал неожиданную победу над Снежковым как представителем состоявшего в большинстве правого крыла тамбовского дворянства единственно по причине полнейшей неорганизованности, проявленной с этой стороны. Рассказ Снежкова губернатору о своем поражении и шутовском комментарии Бенкендорфа, в связи с тем что меньшинство одержало победу над большинством, и был использован Муратовым как официальный донос о признании Бенкендорфом своей принадлежности к кадетской партии. Впоследствии, когда разгорелся скандал, Снежкову пришлось выступить с печатным опровержением такого истолкования его слов, дабы не прослыть доносчиком, да и все прочие вины, вменяемые предводителю при последующем рассмотрении их в официальном порядке, не получили достаточного подтверждения. Пока же всякого рода пустяки были раздуты Муратовым до размеров покушения на существующий строй, и легкий розовый оттенок, даже если он и присутствовал в поступках графа, приобрел в его изображении жгуче красный цвет.

Вознамерившись искоренить обнаруженную крамолу, Муратов двинулся напролом. До выборов, приходившихся на конец января 1912 г., он предъявил ультиматум губернскому предводителю дворянства кн. Н. Н. Чолокаеву. Бенкендорфу предлагалось не баллотироваться, в противном же случае, пригрозил Муратов, «если он будет избран, то вслед за неутверждением произойдет

скандал, который хлестнет по мне, но, главное, отразится на гр. Бенкендорфе, его родне, а пожалуй, и на дворянстве, если оно будет его защищать».²⁰⁴

И, так как Чолокаев остерегся принять участие в готовящейся расправе, Муратов заверил его, что задуманное будет исполнено в любом случае: «. . . тавро кадетское Бенкендорфу выжгу, и он с ним так и пойдет гулять». Брошенный вызов он и впоследствии ставил себе в большую заслугу, сам себя хваля за проявленную воинственность и бескомпромиссность и предполагая, что этим он приобрел всероссийскую известность. «Эту последнюю фразу особенно помню, ибо она пошла гулять, — подавал он дело как свой большой успех, — и гуляла даже по Петербургу».

Но если, так и не заручившись поддержкой губернского предводителя дворянства, Муратов в своем раже приготовился ввязаться в конфликт с дворянством, то Макаров как министр внутренних дел был обеспокоен перспективой столкновения власти с первенствующим сословием. В ответ на испрашиваемое Муратовым разрешение сообщить тамбовскому дворянству о причинах решенного неутверждения избрания Бенкендорфа, несмотря на заверение, что «гг. дворяне, с которыми у меня существуют достаточно добрые отношения, вполне уважительно отнесутся к моему ответу, увидев в нем не каприз, не личные счеты, не произвол, а нечто, основанное и на законе, и на точном соблюдении служебного долга»,²⁰⁵ Макаров отказался поддержать губернаторскую затею. Вменяемое Бенкендорфу рассматривалось только как некоторое сумасбродство, на которое не следует обращать по его незначительности внимание, тем более под угрозой осложнения отношений с дворянством. «По находящимся в моем распоряжении сведениям. . . гр. Бенкендорф представляется лицом не столько определенно левого направления, — урезонивал он Муратова, — сколько недостаточно уравновешенным и неустановившихся политических взглядов, причем возможность влияния на него родственников, придерживающихся вполне правых убеждений и обладающих значительным влиянием в местном дворянском обществе, не может быть отрицаемо. Вследствие сего я не могу разделить соображений Ваших о необходимости не утверждать гр. Бенкендорфа в случае избрания его вновь, т. к., не вызываемая необходимостью, эта мера может повлечь за собою нежелательные осложнения правительства с местным дворянством правого направления во вред предстоящим выборам в IV Государственную думу».²⁰⁶

За неделю, прошедшую между получением письма Муратова и ответом на него, Макаров мог убедиться, что дело приняло чрезвычайно серьезный оборот и предстоит лобовое столкновение не между Муратовым и Бенкендорфом, а между губернатором и дворянством губернии. Оценить размер угрозы ему было легче после визита депутации тамбовского дворянства в составе губернского предводителя кн. Н. Н. Чолокаева, товарища председателя Думы кн. В. М. Волконского и члена Государственного совета

по выбору от земства Тамбовской губернии В. М. Андреевского. Муратов, узнавший о посещении со слов находившегося в этот момент в министерстве и видевшего все собственными глазами своего единомышленника губернатора соседней Рязанской губернии кн. А. Д. Оболенского, сумел узнать в подробностях и о содержании беседы. «Депутация начала с чувства изъявления благодарности ко мне за все сделанное для успокоения губернии и спокойной жизни в ней и предупредила мин-ра, что она отнюдь не является с какой-нибудь жалобой на меня, а лишь почтительно просит его вмешаться в распрю, возникшую между мною и гр. Бенкендорфом и грозящую большими осложнениями».²⁰⁷ Вполне одобряя направление деятельности Муратова, они, отрекомендовавшись как «исконные представители дворянства и губернии», признали все-таки его потерявшим в обращении с Бенкендорфом, хотя и мягко пожурив того, чувство пропорции и брались со своей стороны побудить провинившееся сиятельство идти в ногу с остальными дворянами, не видя в этом ровно никакой проблемы. При полной очевидности того, что они «вообще никак уже не могут быть заподозрены в антиправительственной политике и в недостатке знакомства с существующими в губернии настроениями», они и просили передать им графа на поруки с обязательством, что будут приняты «все меры, чтобы сократить его пыл, в котором больше мальчишеского задора и бравады, чем опасного дела», с той еще добавкой, что вменяемые прегрешения «несколько преувеличены вследствие личной неприязни губ-ра к гр. Б.». Отдавая, конечно, себе отчет в весомости своего ходатайства и нарисовав затем картину скандала и для дворянства, и для «сфер» в случае «неутверждения сына посла и племянника генерал-адъютанта за политическую неблагонадежность» и повторив обязательство воздействовать на Бенкендорфа не только непосредственно, но и через его родственников, депутаты просили авторитетного вмешательства министра, которого губернатор послушает, и, таким образом, устранился скандал и воцарится мир». Резоны были настолько убедительны и неблагоприятны вступать в конфликт с дворянством целой губернии, как выходило из всего сказанного, когда именно дворянство делалось в правительственных планах козырной картой в предстоящих осенью выборах в Думу, настолько бесспорным, что Макаров, «видя перед собой старейшего губернского предводителя, члена Государственного совета от тамбовского земства и авторитетнейшего товарища председателя Государственной думы. . . пораженный крупными именами героя истории и его родных, естественно, растерялся и твердо обещал принять все меры, чтобы уладить дело».²⁰⁸

Составленное в духе высказанных пожеланий письмо Макарова может служить подтверждением верности полученных сведений, хотя дальнейшее изображение Муратовым хода событий не выдержало проверки фактами.

Муратов, по-видимому, в предположении, что в будущем ему

за это сторицей воздастся и он возвеличит себя в глазах потомков, постарался создать о себе впечатление как о бестрепетном воителе за интересы и пользы самодержавной власти, бескомпромиссном истребителе крамолы, которого никто и ничто не может остановить на избранном пути и которому все нипочем, лишь бы не давать никакой воли и послабления врагам, каковыми фигурировали все неприсоединившиеся к реконкисте. Руками таких и вершилась она, тянулась назад изо всех сил страна. Веря в свой и ее успех, они были даже непрочь прихвастнуть собственной воинственностью, приглашая и других полюбоваться на выказанную бесшабашность, изобразив ее ради предвидимых от будущих поколений почестей даже в несколько преувеличенном виде.

Муратов решил представить дело так, что раз он убедился в зловредности графа, то и сам министр уже не имел силы предотвратить расправу над ним, так как в своих действиях относительно дворянства в пределах губернии губернатор властен поступать, как сочтет нужным, и на письме Макарова он будто бы наложил резолюцию: «Никаких указаний от м-ра, ни письменного, ни устного, я не просил, и ничего он не знает, а посему: настоящее письмо к сведению, но не к руководству. . . доложить его мне для ответа по окончании дворянских выборов».²⁰⁹

Если, дав волю воображению, Муратов осмелился поставить себя выше министра, то в действительности он воздержался от оказания столь дерзкого неповиновения и, совсем напротив, каждый свой шаг начиная с запроса 9 января согласовывал с Макаровым, хотя, зарвавшись в своем экстремизме, мог оказаться более роялистом, чем сам король, или еще точнее поставить на первое место поддержание своего престижа любой ценой. Ведь после объявленного им «иду на вы» он практически отрезал себе путь назад. Он зашел слишком далеко — отчасти, возможно, благодаря недельному промедлению Макарова с ответом на первое уведомление, ошибочно принятому за согласие, — и теперь после им же данной огласки отказ от того, что можно было уподобить дуэли, был бы для него позорным провалом — после такого сокрушительного замаха он на виду у всех садился в лужу. Только что 19 января он послал Макарову для ознакомления предназначенную дворянству губернии инвективу с перечислением на нескольких страницах всех провинностей и прегрешений гр. Бенкендорфа с тем рефреном, что он «является лицом, в политическом отношении неблагонадежным, принадлежащим к кадетской партии», пусть не формально, «но в смысле полного разделения взглядов кадетов и способа проведения этих взглядов в жизнь»,²¹⁰ и что как предводитель он использовал свои права «исключительно для демонстративных выходов чисто политического характера».²¹¹ И в тот же самый день он в свою очередь получил совершенно секретное письмо министра, дававшее отбой всему предприятию.

Усомнившись, по-видимому, после получения письма от 19 ян-

варя в правильном понимании Муратовым преподанных указаний, Макаров подтвердил их телеграммой 21 января.²¹² И хотя ни для каких недоразумений уже не оставалось места, Муратов послал все же новый запрос и после нового ответа министра должен был бы отступить от задуманного. Однако в нарушение всякой субординации он письменно заявил Макарову о своем несогласии и намерении поступить, как сам наметил. Отказ исполнить настояния министра Муратов телеграфно мотивировал тем, что «гр. Бенкендорф совершенно определенно левого направления — кадет словом и делом, в течение трех лет упорно, настойчиво борющийся со мной — представителем власти, ведущий борьбу на политической почве не каких-либо личных счетов, вызывающе держащий себя все время и дававший всем понять, что он силен родством, связями, благодаря коим он всегда выиграет; отказываться мне от принятого решения значит отказываться от своего лица, к которому привыкло все население губернии, отказываться от тех принципов власти, которыми я руководствовался и ради которых никогда ни для кого не делал исключений, утвердить гр. Бенкендорфа значит для меня потерять уважение не только правых, но и всех без исключения».²¹³ Он особенно остановился на опасениях Макарова, что пострадают отношения с дворянством, гарантируя, что такой угрозы не существует. «Смею заверить, — успокаивал он, — что правительство благодаря моему шагу никаких осложнений с дворянами правого направления иметь не будет, за исключением разве тех, которые приняли на себя перед родней Бенкендорфа обязательство уладить дело». «С полным сознанием ответственности» Муратов заявлял под конец, что от своего не отступится.

Перед лицом открыто брошенного ему вызова Макаров остергся обострять и без того чрезвычайно острую ситуацию, да и не видя сколько-нибудь удовлетворительного выхода из нее. Муратов верно учитывал, что удаление его будет выглядеть как отступление власти при том освещении, которое он придал делу, и Макаров тут мог попасть впросак, давая обвинить себя в попустительстве оппозиционерам, да еще кадетской масти. Он принял решение предоставить Муратову свободу рук, возлагая зато на него всю ответственность за последствия. «Считаю законные указания министра в. д. для губернаторов безусловно обязательными, — выговаривал он забывшему служебную азбуку губернатору в телеграмме, посланной 24 января, — но признаю, что не в интересах авторитета власти, мною всемерно поддерживаемого, потеря губернатором уважения среди местного населения. Если дело гр. Бенкендорфа может получить такое значение, предоставляю решение этого вопроса Вашему усмотрению».²¹⁴ Макаров все же подчеркнул, что данное согласие носит вынужденный характер и он весьма встревожен действиями Муратова. «Желаю, однако, чтобы Вашим Превосходительством были учтены крупнейшие интересы предстоящих выборов, — выдвигал он их как самое важное дело, ныне поставленное под угрозу, — возможность

неблагоприятного исхода коих всецело возлагаю на Вашу ответственность».

Вырвавшему согласие министра Муратову в любом случае было никуда не свернуть — вся губерния была взбудоражена, находясь в напряженном ожидании исхода предстоящего противоборства. «Дела были заброшены, доклады делались только по самым экстренным случаям. В городе, — передавалась накаленная атмосфера тех дней, — многие держали пари: кто за меня, кто за Бенкендорфа. Только не хватало тотализатора».²¹⁵

Состоявшиеся 24 января выборы дали победу Бенкендорфу, получившему 16 голосов против 7. За ним шел кн. Долгорукий при 14 за и 9 против.²¹⁶ Муратов отказался утвердить первого, назначив вместо него Долгорукого и представив губернскому собранию дворянства свои объяснения. Большинством — 141 голос против 72 — они были отвергнуты без рассмотрения их обоснованности с отказом признать за губернатором права утверждать избираемых дворянством лиц, как и утверждать своей властью получивших меньшинство голосов кандидатов по примеру сделанного с Долгоруким, который, впрочем, немедленно подал в отставку, и потому должность уездного предводителя дворянства Моршанского уезда оказалась вакантной.²¹⁷ Сообщая о реакции дворянства, Муратов истолковывал ее в свою пользу, уверяя Макарова, что «уважение ко мне — представителю власти в Тамбове не поколеблено. Прошу верить, что, не поступившись ничем из своего, я соблюл интересы правительства и предстоящей выборной кампании перед лицом всего честного населения губернии».

Он старался придать наибольший вес оказавшемуся на его стороне меньшинству, часть которого пошла даже на то, что составила особое мнение за 42 подписями с признанием права губернатора на утверждение дворянских избранников, о чем сообщалось особой телеграммой.²¹⁸ Уверения, что все сложилось наилучшим образом, Макаров вряд ли мог принять за большее, чем попытку сделать хорошую мину при плохой игре. Если Бенкендорф был кадетом, то как в таком случае за ним могло пойти две трети дворянства губернии, считавшегося правым. А если за ним пошло подавляющее большинство правого дворянства во главе с правым предводителем кн. Н. Н. Чолокаевым, то, следовательно, оно действительно не придавало значения его «кадетизму», как ни распинался губернатор в своем обличительном раже. Более того, оно обратилось к Макарову с жалобой на его произвольные действия, а насчет вменяемой в качестве главного криминала принадлежности к кадетам заявлялось, что здесь «никаких убедительных доказательств не представлено» и они основаны на «слухах, неверных фактах и предположениях».²¹⁹ Как ни бодрился Муратов, но принятый событиями оборот, его неспособность перетянуть на свою сторону правых, когда дело дошло до того, что после оглашения его обвинительного акта в адрес Бенкендорфа В. Н. Снежков, предоставивший ему главное

доказательство, объяснил собранию беспочвенность построенного на этом обвинения, а впоследствии повторил это печатно на страницах «Нового времени»,²²⁰ свидетельствовали о том, что он ошибся в своих расчетах и совершил промах. Пространное обращение к министру в попытке доказать во что бы то ни стало свою правоту означало в сущности косвенное признание этого факта. А требовалось доказать, что неправы все, кроме него, начиная с родни Бенкендорфа, которая теперь, как видно, ополчилась на него, наотрез отказываясь признать члена семьи разносчиком крамолы. Высокопоставленные родственники провинившегося сами были повинны в том, что им «усовершенно чужды интересы Моршанского уезда, интересы успокоения когда-то сильно взбаламученного крестьянского мира. . . Я вполне уверен, они нисколько не сочувствуют политике гр. Бенкендорфа, — причислял он тем не менее их к своим в сущности союзникам, попустительствующим вредному и для себя по безразличию и отдаленности от поля битвы, — не неся от этой политики никакого непосредственного ущерба, они не могут вооружаться против нее так, как должен делать это я. Им не хочется шума, огласки, им не хочется, чтобы имя ближайших слуг царя было в числе лиц, не гнушающихся связываться со всяким политическим отребьем. . . С добродушной усмешкой, со спокойным лицом привыкших к лицемерию людей они хотят серьезному делу придать вид пустяка, а я бы очень просил Ваше Высокопревосходительство поверить, что дело серьезно».²²¹ Но, когда подавляющее большинство, помимо родни Бенкендорфа, смотрело все-таки на него как на пустяк, оставалось поднять его на принципиальную высоту, и тогда обрисовывавшееся одиночество Муратова могло даже послужить ему во благо. «Вопрос идет о том, — выступал он не боящимся встать против всех, если того требовали исповедуемые принципы, — имеют ли лица, привилегированные по титулу, влиянию, связям, по приближению к трону, еще и привилегию на борьбу с представителем власти, по чистой совести исполняющим свой служебный долг!». Только он и был на высоте, тогда как «те правые, которые присоединились к сторонникам Бенкендорфа, увлеклись, может быть, принятыми на себя обязательствами в отношении родни, быть может, интересами поддержания „дворянского престижа“ и совершенно забыли интересы власти, которая, если бы послушала их, должна была бы изменить голос, потерять авторитет, признать свою слабость не перед велением закона и служебного долга, а пред чем-то таким, о чем нигде не написано, но что иногда заставляет людей изменять своему слову, менять свои взгляды». Но, превзойдя всех в своей верноподданности, он теперь убеждал Макарова, что проявленной непреклонностью он вовсе не повредил делу, которое министр считал самым важным, и не только не оттолкнул дворянство (хотя оно и повело себя недостаточно корректно, благодаря проявленной твердости все же с пути не сбилось), но и его авторитет не пострадал. «Дворянство независимо от симпатий и

антипатий к моей личности по духу своему, по чувству справедливости, по сознанию, что личных счетов у меня с гр. Бенкендорфом нет, — подводил он вполне удовлетворительный для себя итог, — было, конечно, на моей стороне». Все случившееся как раз и служило достижению поставленной цели, и нужно было только выдержать избранную линию до конца. «Я считаю, и разрешите мне это прямо сказать, — устанавливал он обещающую успех стратегию борьбы, — что для предстоящей выборной кампании в Тамбовской губернии местная власть должна иметь старое определенное лицо, которое не пойдет ни на какие сделки с левыми, которых и вовсе не так много в Тамбовской губернии». Победные реляции и прогнозы, поступавшие из Тамбова, не могли, однако, затемнить в Петербурге весьма сложную обстановку. Не было даже ясности в законности действий Муратова. На его оправдания Макаров посмотрел в первую очередь с этой точки зрения. «Доложить в связи с вопросом о том, — гласила наложенная им по прочтении резолюция, — имеет ли право губернатор не утверждать в должности уездных предводителей дворянства по неблагонадежности избранных на эту должность лиц». ²²²

Гораздо яснее становилось, что низложение Бенкендорфа не финал, а только начало. Уже и до Муратова дошло, что «дело не под сукном, что отец и дядя в сильнейшей ажитации и что будто бы о тамбовском скандале говорят всюду и даже в Государственном совете и Думе». ²²³

В газетах отмечали прибытие в Тамбов старшего Бенкендорфа, связывая его приезд с разыгравшимися событиями. ²²⁴ Конфронтация грозила принять затяжной характер, и с приближением выборов Макаров не решился допустить дальнейшего обострения конфликта, признав за благо удалить Муратова из Тамбовской губернии. Вызванный в середине февраля в Петербург тот вовсе приготовился к тому, что ему вообще придется оставить службу. «Я... привыкаю к серой жизни, — сетовал он в кругу себе подобных, считая законченной свою карьеру. — Меня скоро из губернаторов погонят». ²²⁵ Вращаясь в родственной среде, он подробно живописал всю прогремевшую баталию, как и шестилетнее утеснение при поддержке и защите Столыпина всех нежелательных элементов в губернии, и встречал тем большее сочувствие, что в лишенном напора Макарове там видели человека не на месте, не умеющего как следует вести дело. В числе недовольных состоял и черниговский губернатор Н. А. Маклаков, тоже находившийся в это время в Петербурге и, бывая на тех же собраниях, жаловавшийся на то, что «после пылкого Столыпина, который все решал быстро, этот тянет бесконечную канитель». ²²⁶

С удовольствием передавали друг другу, что царь прозвал его не без доли пренебрежения «наш добрый нотариус». ²²⁷ По-видимому, именно царю Муратов был обязан продолжением своей как будто бы погубленной карьеры. Тому пришлось по вкусу проявленная им боевитость, и, невзирая на звучные имена и титулы пострадавших, а ставя превыше всего его неукротимость и сокру-

шительность в искоренении крамолы, Николай пожаловал Муратова неожиданно как для него самого, так и для всех остальных в камергеры и, хотя согласившись, что в Тамбове его дальнейшее пребывание стало невозможным, велел перевести его в другую губернию, но так, чтобы это не выглядело понижением. Представлявшемуся по случаю камергерства Муратову царь заявил, что «он вполне его деятельностью доволен».²²⁸ «Вот тут и разберись», — недоумевала заносившая эти сведения в свой дневник известная нововременская журналистка С. И. Сазонова, имея в виду, что Макаров все равно намерен его сместить, да еще в преддверии выборов, в устройстве которых Муратов мог поручиться за получение нужного результата, выдавая себя за вполне постигшего тайну их делания. Он объяснял, что «ему раз уже приходилось стоять у этого грязного корыта. . . Сначала подпустишь к корыту октябриста. . . Наелся — отвались! Пусти националиста».²²⁹ И тем не менее путь его лежал в Курскую губернию, в царство Маркова, подобранную именно ради одинакового настроения обоих и в расчете, что при такой гармоничности они будут жить душа в душу, и в начале так и получилось, хотя конец вышел даже еще более скандальный, чем в Тамбове, и расстались они с Марковым смертельными врагами.

Пока же, хотя царь и постарался подсластить как только можно пилюлю и, чтобы Муратов мог перебраться в Курскую губернию, из нее выдворили всячески сопротивлявшегося прежнего губернатора М. Э. Гильхена, он чувствовал себя уязвленным. Тамбовское дворянство получало в конце концов сатисфакцию. Оправдывая формально действия губернатора в ответе на поданную Чолокаевым жалобу, Макаров специально приурочил его к прибытию в губернию нового губернатора Н. Ф. Ошанина, не смутясь почти полугодовым интервалом, иначе это выглядело бы триумфом Муратова и новой обидой для дворянства, оставайся он еще на месте.²³⁰ Сам он в оставшиеся сроки решил, пусть уже и в одиночку, вести войну до конца, пустив в ход все снаряды до одного и целя как можно больше насолить своим обидчикам. Совсем напоследок он предпринял попытку изобразить политически неблагонадежным теперь уже губернского предводителя дворянства. Тот обвинялся в том, что при его попустительстве, а скорее даже поощрении, в колонии малолетних преступников были установлены либеральные порядки, тогда как их следовало держать строго по-тюремному.²³¹ Составленный по всем правилам доклад был направлен Муратовым непосредственно на имя начальника Главного тюремного управления без предварительного уведомления Макарова в убеждении, что Чолокаев будет подвергнут суровой каре. Министру лишь была представлена *post factum* копия с заверениями, что им двигало вовсе не желание отомстить «человеку, стремившемуся мне всегда ставить палки в колеса», хотя и предвкусалось, что «этот случай может причинить кн. Чолокаеву серьезное огорчение», но это уж «не моя вина».²³² В меру распалившихся ожиданий Муратова подстерегало сильное разо-

чарование, так как его донос не вызвал у начальника управления С. С. Хрулева никакого интереса, а, скорее, позабавил его, настолько, по-видимому, дело выходило за рамки считавшегося допустимым. «Это интересно для характеристики отношений, — гласила наложенная им резолюция. — Главное управление здесь ни при чем».²³³

Муратов доволевался до того, что дворянство демонстративно отказалось участвовать в его проводах. На готовившемся две недели торжественном прощальном обеде губернатора присутствовали 12 исправников, 5 полицмейстеров и прочие полицейские чины. Зато отсутствовали вся губернская земская управа, губернский предводитель дворянства, из 12 уездных предводителей присутствовали только двое и два председателя уездных земских управ. Не явились даже представители государственных учреждений — Управления государственных имуществ, Государственного банка, контрольной палаты, окружного суда и прокурора. Легче было, иронизировали поместившие эту информацию «Биржевые ведомости», перечислить присутствовавших, чем отсутствовавших.²³⁴

Прибыв после такого афронта в Курск, Муратов как будто бы оказался полностью на месте, своим среди своих. Однако то была лишь видимость благополучия. Взаимовосхваления губернатора и Маркова маскировали такие расхождения, которые, хотя и оставаясь до времени в тени, рано или поздно должны были привести к столкновению. Муратов попал в губернию, где дворянство в лице таких всероссийской известности жокаков, как Доррер, Марков, Говорухо-Отрок, распоряжалось безраздельно. В ее пределах воля Маркова при появлении там Муратова была непререкаемым законом. «Имея в своем распоряжении громадное большинство в дворянском и земском собраниях, опираясь на послушного губернского предводителя и поставленных гр. Доррером предводителей и председателей управ в уездах, — раскрывал Муратов абсолютность марковского владычества, — Марков являлся действительным политическим главой губернии, и он же по своему выбору посылал в Думу членов от губернии. Перефразируя Людовика XIV, он мог, нисколько не греша против истины, сказать: „Губернское избирательное собрание — это я“».²³⁵

Марковские повеления были в одинаковой степени обязательны и для губернатора. С первых послереволюционных лет он вообще приобрел в губернии чисто декоративное значение. Приняв руководство делами целиком на себя, ее распорядители заблаговременно позаботились и о том, чтобы с этой стороны оказывалось безусловное повиновение. В Петербурге они исхлопотали себе такого управителя, чтобы он был у них на посылках, «смотрел из их рук». В роли их послушного подручного выступал бывший министерский чиновник Департамента общих дел М. Э. Гильхен. Он не позволял себе и шагу ступить без их согласия, не говоря уже о том, чтобы поступить в чем-либо вопреки их воле. Покорный ей, он «перед гр. Доррером. . . а потом перед Н. Е. Мар-

ковым и М. Я. Говорухо-Отроком склонялся, как ковыль под порывом степного ветра, и также был безгласен и покорен, как кролик перед удавом. Все, что означенные лица приказывали, от серьезных вещей до мелочей, — все исполнялось беспрекословно. Неумный, несамостоятельный, нерешительный, двуличный, робкий, Гильхен с таким подчинением мирился, тем более что им обеспечивалась полнейшая поддержка в Петербурге». ²³⁶ Ему не осталось и тени власти, отсутствовала малейшая ее видимость. К моменту замены его Муратовым он был весь под марковским сапогом. Тот даже «вмешивался в дела исключительного ведения губернатора, а также в назначение и увольнение чиновников, причем в отношении лиц, которые ему нравились или были полезны по партийным соображениям и которых Гильхен хотел если не слопать, то хоть царапнуть, он поднимал палец, и одного слова „цыц“ было достаточно, чтобы Гильхен, посвистывая, начинал смотреть в другую сторону с таким видом, будто он исключительно думал и думает о цветах». ²³⁷

С утратой этого вышколенного и выдрессированного начальника губернии и появлением на его месте Муратова, способного противоречить и самому министру и ставившего себя весьма высоко как представителя самодержавной власти, возникало некое двоевластие. И как ни старался он во всем угодить Маркову, а в рвении придавить и искоренить всякое поползновение воспользоваться провозглашенными правами оставив позади и его, все же в марковского прислужника он не превратился и позволял себе действовать самостоятельно и даже начальствовать, не спрашивая на это разрешения хозяина губернии. За громкими словословиями в адрес друг друга постепенно стали подспудно накапливаться поводы для взаимного недовольства. Попытки Муратова поступать по-своему встречали отпор. Марковская свора привыкла вершить дела, как захочет, поступать со всяким навлекшим на себя ее недовольство без снисхождения и не обращая внимания на Муратова, даже когда он хотел, чтобы был услышан и его голос. «Так вот они марковцы! — думал я. Вот как они действуют и как сводят счеты с неугодными им людьми! И защита последних самим губернатором во имя справедливости не может иметь для них значения», — постигал он, с кем имеет дело и какова отводимая ему роль. ²³⁸

Разрыв произошел в самом начале войны, когда Муратов узнал о мошенничестве брата Маркова, уездного предводителя дворянства Л. Е. Маркова. Тот, возглавив по своему положению комиссию по мобилизации лошадей в армию, воспользовался случаем, чтобы сбыть за хорошие деньги несколько своих уже ни на что не годных кляч, позволив поживиться таким образом и другим членам своей комиссии. Его пожива составила каких-то 300—400 руб. ²³⁹ Муратов поймал на этом всю компанию, вознамерившись посадить мошенников во главе с братом Маркова на скамью подсудимых. Но здесь вступил в силу строго проводимый принцип — «флаг прикрывает груз». Своим позволялось

все — иначе бы при незначительности поживы не решились на воровскую проделку. Марков попытался вызволить пойманных за руку. Он «несомненно был в отчаянии. . . когда он кинулся с просьбой ко мне не поднимать истории, затушить, замять, то я категорически отказался. . . после этого отказа Марков объявил мне войну».²⁴⁰ Так и не уступившим давлению Муратовым «все изобличавшие предводителя в должностном, с корыстной целью преступлении данные были. . . представлены через министра в Сенат».²⁴¹ Но Н. А. Маклаков, к которому Марков был «очень вхож», не торопился дать делу ход, а когда оно в конце концов дошло все же до Сената в 1915 г., то и тот ничего преступного в деяниях Л. Е. Маркова с товарищами не нашел, и единственно, чего добился Муратов, — это смертельной вражды бывшего союзника.

Подлинное сражение по степени проявленной жестокости развернулось параллельно в Донской области при участии наказного атамана генерал-лейтенанта П. И. Мищенко и областного предводителя дворянства, состоявшего к тому же в звании камер-юнкера, А. П. Леонова. Его характер определился, когда 18 ноября 1911 г. Мищенко приказом по войску исключил Леонова из числа станичных выборных за «крайне резкие выступления, направленные к подрыву дисциплины и воинского духа среди казаков. Не говоря уже об общем характере и тоне речей камер-юнкера Леонова на станичных сборах, противных духу и традициям казачества».²⁴² Подробное обоснование этих громких обвинений было направлено Мищенко военному министру, и 14 декабря начальник Генерального штаба Н. П. Михневич потребовал от Леонова объяснений по всем пунктам вменяемых ему провинностей, а именно, что при разных оказиях он предлагал осуществить меры по облегчению службы казаков, что правительство, по его словам, не исполняет даваемых войску обещаний, а войсковые атаманы поступают, как им заблагорассудится. Расценивая все это как тяжчайшие проступки, Мищенко выговаривал Леонову не раз, что «подобные заявления, волнуя казаков, являются прямым противоречием тем мерам, кои принимаются войсковым начальством к подлежащей подготовке юношества к военной службе и поддержанию боевой готовности донских казаков, а вместе и ведут к тяжким последствиям, сказавшимся в 1910 г. крупными беспорядками в лагерных сборах. Вместе с тем генерал-адъютант П. И. Мищенко указывал Вашему Превосходительству на неуместность заявлений Ваших в речах на официальных собраниях, например обедах, о крайней тягости казачьей службы, заявлений, противных долгу и духу казачества».²⁴³ Случившееся столкновение приобрело особую важность по причине того, что за этим привлечением по всей строгости к ответственности вследствие нежелания Леонова посчитаться с предостережениями в свой адрес стояла давно тянувшаяся тяжба между Военным министерством и верхушкой донского казачества, которая, достигая полагающихся офицерских чинов и наград, выслуживала дворянство и, образо-

вав дворянское общество, принялась предъявлять военной администрации серьезные претензии.

Основой их служило то, что интересы ведения хозяйства вошли в обостряющиеся противоречия с несением военной службы при безразличии военной администрации и самого министерства к экономической стороне дела. Донское дворянство в лице предводителей стало доказывать, что военная служба возлагает на казачество непомерную тяготу, ведет его прямым путем к разорению. И на почве того, что военные власти не признавали за дворянством прав на какое-либо вмешательство в управление, между обоими сторонами стали учащаться трения, уже не раз доходившие до крупных конфликтов, особенно с 80-х гг., когда должностные в войсковых учреждениях перестали быть выборными, а замещались по назначению. В направленных впоследствии председателю Совета министров пространных объяснениях Леонов, отмечая, что донское дворянство «в громадной своей массе представляет офицерство», побудительные мотивы его действий обрисовывал в том смысле, что, «живя бок о бок с простым казаком и видя, с какой страшной силой прогрессирует обеднение донского казачества, донское дворянство, дабы в казачьей массе сохранить государству дееспособных граждан — доблестных воинов, всеми способами старалось представить правительству всю необходимость и неотложность принятия энергичных мер к поднятию экономического благосостояния донского казачества».²⁴⁴

Под его воздействием тогдашний наказной атаман К. К. Максимович ходатайствовал еще в 1899 г. об облегчении службы, но предоставленные затем льготы остались в основном на бумаге, так как число строевых частей «было несоразмерно велико», как отмечалось в 1911 г. в докладе избранной станичным сбором Комиссии по рассмотрению возможности перехода казачества на хуторскую форму ведения хозяйства, признанную неосуществимой по причине как военных обязанностей казачества, так и переживаемого им экономического расстройтва. «Льготы пока остаются мертвой буквой. Берут всех, — констатировала комиссия. — Удивляться ли, что и при относительном обеспечении казака землею благосостояние его с каждым годом клонится к упадку?».²⁴⁵ При игнорировании военными властями нужд казачества «становится понятным, — выставлялись они главными виновниками этого быстро подвигающегося ухудшения, — почему в настоящее время и тавричане, и немцы, и болгары огородники, и рядовые крестьяне — все богатеют на казачьей земле, один только казак — хозяин земли беднеет, ищет и пока не находит выхода из создавшегося тяжелого положения».

Без высвобождения из подчинения Военному министерству надежд на улучшение не питали, и еще в 1909 г. перед Столыпиным было возбуждено ходатайство о передаче всего гражданского управления областью в Министерство внутренних дел. Поддержанное им, оно встретило сопротивление Военного министерства, добившегося от царя сохранения прежнего порядка.

Когда дворянство все же пожелало представить свое ходатайство непосредственно ему, Редигер наложил запрет на эту инициативу, в связи с чем Леонов подал на него жалобу в Сенат.²⁴⁶

В доставляемых им хлопотах военные власти не хотели видеть чего-либо другого, кроме злонамеренных происков областного предводителя дворянства, укрепляясь в намерении так или иначе разделаться с досаждавшим им злостным подстрекателем. По-другому воспринимать его они, видимо, были не в состоянии. За год до вылазки Мищенко его предшественник генерал-лейтенант барон Ф. Ф. фон Таубе обратился к военному министру с заявлением «о крайне вызывающем по отношению к нему образе действий» Леонова, «позволявшего себе при выступлении на разных собраниях резкую критику по отношению к войсковому наказному атаману», но так как, кроме негодования, в жалобе не содержалось необходимого фактического материала, то Сухомлинов ей «не счел возможным дать дальнейшее движение».²⁴⁷ Приемник фон Таубе еще в июне 1911 г. обвинил Леонова в превышении власти и просил представить дело на усмотрение Сената, дабы привлечь его к уголовной ответственности. 30 ноября Сенат затребовал от Леонова объяснений, но к этому моменту Мищенко сам перешел в решительное наступление, имея целью разгромить оппонента наголову. Исключение Леонова из выборных было лишь начальным шагом — возможно, первой реакцией на подписанный 12 ноября доклад комиссии, в которую тот входил, с основополагающим тезисом о вредной роли, играемой военными властями. Следом атаман обращается в министерство за содействием в смещении Леонова с должности предводителя. Став без рассуждений на его сторону, Сухомлинов 11 января 1912 г. в свою очередь обратился к председателю Совета министров с сообщением о разгоревшейся ярким пламенем междоусобице, когда ни о каком примирении уже не могло быть и речи и при «совершенной невозможности дальнейших с камер-юнкером Леоновым официальных деловых сношений», повинным в «таком совершенно недопустимом в войске образе действий», выставлялось требование в «срочном порядке» Леонова убрать.²⁴⁸ 20 января Коковцов известил о случившихся «серьезных служебных осложнениях» и предъявленном ультиматуме Макарова.²⁴⁹

Но если военные были готовы рубить на ходу, сплеча, не интересуясь ничем, кроме своих надобностей, то с точки зрения Министерства внутренних дел требуемая расправа с Леоновым имела невидимые им, но зато очевидные и весьма крупные минусы. Сам Леонов в ответ на начавшиеся гонения позаботился опровергнуть возводимые на него обвинения, а кроме того, представить себя как деятельного защитника существующего строя, а вовсе не колебателя его, каким он выставлялся Мищенко. 10 января 1912 г. он обратился с жалобой на исключение в Сенат, доказывая незаконность принятой меры. И так как военные власти делали упор на доказательство его неблагонамеренности,

то он собрал и представил множество свидетельств и поручительств, в свете которых он оказывался, во-первых, фигурой прямо противоположной направленности, а во-вторых, пользующейся на правом фланге широкой популярностью и поддержкой. Еще при известии об исключении Леонова из числа выборных на его имя посыпались письма, превозносившие его как одного из главных воротил в борьбе с революцией. Военное начальство теперь само выглядело пособником недовольных и даже противодействующих власти — главным образом по неспособности уразуметь реальный смысл своих поступков. В таком виде оно предстало в негодующем письме члена Союза русского народа станичника А. Струкова. «Со дня объявления пресловутого свовод на станичных сборах нашей Новочеркасской станицы стал преобладать левый элемент, — сокрушался он, — и лишь в Вас и немногих других мы, казаки, видели стойкого и сильного защитника монархических принципов и всего русского нашего старого казачества. . . ».²⁵⁰ У терпящих поражение защитников старого появилась была надежда на реванш — «наконец в настоящем году пред выборами в IV Государственную думу мы, правые станичники, понапрягли все наши усилия, чтобы выборными на станичный сбор нашей Новочеркасской станицы попали правые и забаллотировали всех кадетских ораторов, бывших много лет выборными в станице». Готовящийся триумф был, однако, теперь сорван благодаря произволу военных властей. «Мы были бесконечно рады, что выборщиками от станицы в IV Государственную думу попадут правые, убежденные монархисты, а не левые, торжествовали свою победу. Но, — констатировалась полная перемена обстановки, — жестоко ошиблись в своих расчетах. На помощь кадетам явилось наше главное войсковое начальство, исключив Вас, хорошо известного нам монархиста, ярого, стойкого и сильного противника всех левых членов нашего станичного общества с 1905 г., объявивши вас чуть не революционером, Вас, смертельного врага революции и всех левых партий, обвиняя Вас, что будто бы Вы на наших станичных сборах подбиваете нас, казаков, против правительства, подрываете дисциплину казаков и возбуждаете их против начальства. . . Мы возмущены таким крайне несправедливым и пристрастным распоряжением начальства, сделанным в угоду кадетам перед выборами в IV Государственную думу, устранившим Вас с пути кадет, Вас, прирожденного казака, сильного противника их, убежденного монархиста, верного слугу царя и отечества».

Располагая в изобилии подобными свидетельствами и оценивая деятельность Леонова в целом на основании других материалов, в Министерстве внутренних дел пришли к убеждению, что предъявляемые ему обвинения беспочвенны и продиктованы откровенным стремлением любой ценой избавиться от слишком настойчивого оппонента. Как отмечалось в составленной справке, «из его отчета очередному областному собранию дворянства 1910 г. об исполнении постановлений собраний 1907—1909 гг. видно, что в не-

уклонном стремлении „проводить краевые сословные и общие интересы донского дворянства и Донского края“ Леонов неоднократно должен был в интересах предводимого им сословия. . . вступать в спор с атаманом и Военным ведомством, действия которых не всегда признавались им объективными и закономерными. В некоторых случаях ему удавалось добиваться в других ведомствах решений, противоречащих взглядам Военного ведомства».²⁵¹ Проведя расследование, на которое ушел ровно месяц, Макаров в ответном совершенно секретном письме Коковцову от 20 февраля устанавливал как необоснованность нападков на Леонова, так и умеренность занятой Военным министерством позиции в пренебрежении возможных тяжелых последствий от вызывающего по грубости обращения с предводителем дворянства, да еще правого толка. «Такую исключительную меру, как испрашиваемое Мищенко удаление Леонова по высочайшему повелению от должности предводителя дворянства, в которой он высочайше утвержден согласно избранию большинства почти 2/3 голосов донского дворянства, — выводилась внушительная политическая цена требуемой акции, — нельзя не признать совершенно исключительной (в первоначальном варианте стояло даже резче — «представляется, по моему мнению, нежелательной. . .»). — Ю. С.)».²⁵² Военное министерство, по заключению Макарова, никак не сумело обосновать необходимость этой меры. «Она могла бы быть оправдана лишь чрезвычайными обстоятельствами при полной доказанности вины Леонова. Спокойное обсуждение приписываемых ему наказным атаманом неправильных действий свидетельствует, однако, о некотором преувеличении совершенных Леоновым нарушений». Вывод Макарова в пользу обвиняемого звучал достаточно категорично: «Таким образом, испрошенная Мищенко мера, не находя себе оправдания ни в обстоятельствах настоящего дела, ни вообще в действиях Леонова, обязанного по своему служебному и общественному положению стоять на страже интересов представляемого им сословия, такая мера не только вызовет крайнее раздражение и неудовольствие дворян Донской области, но и послужит поводом к выступлениям дворянства прочих местностей империи, выборное право которого было бы нарушено без достаточно веских к тому оснований».

И, хотя Макаров в окончательном варианте несколько смягчил текст, убрав и рассуждение об оправданном исполнении Леоновым своих обязанностей, все же неправота его гонителей не подлежала сомнению. Но и раздувать достигший такого накала конфликт с Военным министерством Макаров тоже остерегался, тем более после того как, не дожидаясь официального исхода затеянного дела, Мищенко объявил Леонову 6 февраля о полном разрыве всяких отношений,²⁵³ и потому выступил с предложением посоветовать Леонову оставить должность по собственному желанию.

К этому моменту он сам, впрочем, оказывался оттертым в сторону. Военные власти, окончательно разгорячившись и не видя со своей стороны надобности в привлечении кого-либо из посторон-

них, хотя бы то был министр внутренних дел, по собственному усмотрению уже произвели над Леоновым суд и расправу, вынеся ему не подлежащий апелляции приговор, под которым остальным предоставлялось поставить печати и подписи — не более. Макаров был ими поставлен перед свершившимся фактом, так как, не дожидаясь, когда он выскажет свое мнение, они в спешном порядке добились созыва Совета министров, принявшего нужное им решение. В своем ответе Коковцову он лишь продублировал его, хотя и заступился, пусть и в смягченной сравнительно с первым вариантом форме, за Леонова, но аргументация в его пользу в любом случае имела теперь чисто умозрительное значение.

На заседании, состоявшемся 18 февраля в Совете министров, рассуждали с той точки зрения, что «крайнее обострение, до которого дошли взаимные отношения сих лиц, не дает ныне иного выхода из создавшегося совершенно ненормального положения, как оставление одним из них занимаемой им в области должности». ²⁵⁴ Такая постановка вопроса предreshала участь Леонова, так как, следовало заключение этой высшей инстанции, «само собой разумеется, что, по оценке сравнительного значения этих лиц в служебной иерархии и имеющихся о деятельности камерюнкера Леонова не вполне благоприятных сведений, нужно признать, что именно последнему и необходимо оставить должность предводителя дворянства». Вместе с тем Совет министров признал, что в случившемся конфликте «не был во всем прав и названный генерал». Но и с этим упреком в адрес военных Сухомлинов уполномочивался вызвать Леонова и предложить ему немедленно подать в отставку, в случае же несогласия министр получал право пригрозить увольнением уже по царскому повелению с лишением при этом придворного звания. Письмо Макарова 20 февраля шло, таким образом, *post factum*, вдогонку этого решения. И уже 22 февраля Сухомлинов по докладу получил санкцию царя, после чего последовали вызов Леонова, предъявление принятого им требования и утверждение 25 февраля Николаем поданного им прошения об отставке. ²⁵⁵

Однако решить военным способом политическое дело, как того хотели военные оппоненты предводителя дворянства, не удалось. И хотя сам Леонов и был поставлен в иерархическом отношении Советом министров ниже Мищенко, все же Макарову как руководителю внутренней политики было очевидно, что проблема этим не исчерпывается и в расчет надо брать донское дворянство, особенно накануне выборов, а его как ядро правых сил на второе место ставить нельзя, пока же следует ожидать его неблагоприятную реакцию на ниспровержение своего избранника. Продолжающееся присутствие Мищенко в качестве его победителя могло поддерживать то состояние «крайнего раздражения и неудовольствия» дворянства, которого опасался Макаров, и это, видимо, не осталось без влияния на карьеру победоносного генерала. Добровольно ли или равным образом под нажимом, но ему тоже пришлось согласиться на уход с поста наказного атамана и покинуть Дон. ²⁵⁶

И действительно, со своими размахистыми действиями он попадал в весьма неловкое, если не скандальное положение. Так громогласно проведенное Мищенко исключение Леонова из числа выборных с инкриминированием ему тягчайших проступков Сенат признал в марте 1912 г. незаконным, и надо было, следовательно, отменить собственный приказ, и, кроме того, генерал, привлекавший до того через Сенат своего неприятеля к уголовной ответственности за якобы совершенное превышение власти с признанием его обвинений и в этом случае необоснованными, теперь сам мог быть обвинен в ее превышении. Леонов же и после вынужденной отставки оставался авторитетной фигурой, судя хотя бы по тому, что с ним советовались при подготовке выборов на Дону с целью проведения в Думу правых и Коковцов, и непосредственно руководивший операцией А. Н. Харузин.²⁵⁷ И совсем постыдным афронтом для Мищенко, как и для Военного министерства, явилось новое избрание Леонова подавляющим большинством голосов 31 января 1913 г. областным предводителем дворянства. После всех предпринятых потуг аннигилировать его военные теперь окончательно оказывались у разбитого корыта. Терпя поражения по всему фронту, они, однако, не утратили воинственности и не признали войну проигранной, а наоборот, в попытке взять реванш с новым ожесточением возобновили боевые действия.

Посчитав, по-видимому, уже лично для себя торжество поверженного врага слишком унижительным, поскольку он собственноручно заставил Леонова уйти, Сухомлинов добился у царя 5 марта утверждения в должности не его, а второго кандидата, бывшего окружного предводителя дворянства Н. Полякова.²⁵⁸ Леонов в свою очередь не оставил без ответа и этот вызов. Опираясь на ясно выраженную поддержку своего дворянства, он возбудил перед Советом министров вопрос об общем пересмотре всего дела, настаивая на ознакомлении царя с представленными им объяснениями.²⁵⁹ Поставленный об этом в известность, Сухомлинов резко запротестовал. Ссылаясь на то, что будто бы Совет министров годом ранее нашел «действия статского советника Леонова настолько не соответствующими занимаемому им служебному и общественному положению», что его по этой причине пришлось сместить, он воспротивился их вторичному рассмотрению, как и доведению объяснений Леонова до царского сведения.²⁶⁰ Хотя не составляло труда установить, что Сухомлинов допустил грубую передержку, так как мотивом для удаления Леонова послужило иерархическое неравенство тягущихся с признанием неправоты Мищенко, и, как отмечалось директором Канцелярии министра внутренних дел М. И. Зубовским в ответ на пришедший на эти дни запрос Министерства императорского двора, Совет министров «не нашел ничего некорректного в действиях Леонова»,²⁶¹ нового продолжения противоборства не последовало, как, видимо, и примирения так кровопролитно развоевавшихся сторон.

В этом же плане представляют немалый интерес события, развернувшиеся в Саратове в связи с привлечением губернским на-

чалством к суду одного из наиболее видных деятелей Объединенного дворянства, управляющего делами Постоянного совета и его члена С. А. Панчулидзева. Занимая эту должность, Панчулидзев являлся довольно видной чиновной персоной, будучи управляющим Архивом Государственного совета. Он был известен и как историк. Написанная им четырехтомная история кавалергардов, каковым и он сам состоял в свое время, составила ему определенное имя в ученом мире.

Он-то и был в 1910 и 1911 гг. привлечен к судебной ответственности по обвинению в оскорблении, а затем клевете на местную полицию и дважды побывал на скамье подсудимых. Саратовский помещик, земский гласный, а в прошлом уездный предводитель дворянства, он обратился в сентябре 1910 г. к губернскому прокурору с обвинением двух мелких полицейских чинов в том, что они «пьянствуют, оскорбляют должностных лиц сельского и волостного правлений, вымогают взятки, укрывают воров и истязают крестьян». После перечисления этих преступных деяний Панчулидзев добавил: «К сему считаю долгом присовокупить, что вышеуказанное не составляет, по моему убеждению, исключения из образа действий и поведения саратовской уездной полиции».²⁶² В этих последних строках Саратовское губернское правление усмотрело оскорбление уездной полиции и потребовало от прокурора привлечения Панчулидзева к суду.

В июне 1911 г. происходит судебное разбирательство. На него Панчулидзев является в полной кавалергардской форме и занимает во всем ее блеске место на скамье подсудимых.²⁶³ Зрелище, до того невиданное ни в Саратове, ни в каком-нибудь другом месте на территории империи. Еще более необычны были, пожалуй, речи из уст дворянина такого положения. Панчулидзев теперь уже во всеуслышание объявил себя защитником крестьянства от притеснений властей, как бы публично бросив им перчатку. «Крестьяне, — заявил он, — толпами ходили ко мне с жалобами на полицейских чинов. Я глубоко убежден и теперь, что все их жалобы были основательны и являются голой правдой».²⁶⁴

Неоднократно он извещал об этих жалобах губернатора гр. С. С. Татищева, но безрезультатно. Панчулидзев предлагал проверить основательность его контриска вызовом и опросом многочисленных свидетелей, но по свойству статьи предъявленного ему обвинения этого-то как раз и не требовалось, и по чисто формальному рассмотрению дела Панчулидзев был признан виновным и приговорен в присутствии множества дворян и земцев к отбытию четырехдневного срока на военной гауптвахте или по выбору к уплате 25 руб. штрафа.

Следующим актом этого становившегося уже до некоторой степени общественным явлением дела было обращение Панчулидзева через своего поверенного в саратовскую Судебную палату на предмет кассации приговора Окружного суда. Палата, и верно, признала его необоснованным, после чего Татищев в свою очередь побудил прокурора обжаловать ее решение в Сенат, а пока велел

одному из полицейских возбудить против Панчулидзева новое дело, на этот раз по обвинению в клевете, о чем при первом разбирательстве ходатайствовал и сам Панчулидзев, так как хотя за клевету приговор мог оказаться гораздо суровее, но зато без опроса свидетелей в этом случае было не обойтись, а Панчулидзеву важнее всего было дать им высказаться. И когда они заговорили в декабре 1911 г., то уже не могло оставаться никаких сомнений, что вся местная полиция — это поощряемая свыше злодейская шайка. Действительно, по мере того как они сменяли друг друга как свидетели, все судилище разрасталось в громадный скандал. Еще кое-как можно было бы изобразить одного Панчулидзева, по личным мотивам обиженного на полицию и вознамерившегося отомстить ей, не заботясь о последствиях. Но сказанное им слово в слово повторили столпы общества, столбовые дворяне, да еще занимавшие должности кто предводителя, кто председателя управы, кто земского начальника. Случаи один ужаснее другого так и сыпались без остановки. Там невинного заподозрили в убийстве и, схватив его, били смертным боем, требуя признания. Случайность спасла его — нашелся настоящий убийца, который, между прочим, во время допроса пьянствовал с допрашивающими, но примись за напрасно заподозренного мучители во второй раз, он бы, по его словам, не выдержал и взял убийство на себя. Другой страж порядка возымел привычку, напившись, открывать по окружающим стрельбу из револьвера и ружья, убил другого стражника и собственную лошадь.²⁶⁵ Все это стало обычным явлением, так что и охраняемые этим сбродом сами пришли в смущение. Да тем более что им самим тоже начинало доставаться. Сознание полной безнаказанности подтачивало чувство почтительности к вышестоящим. Приобретенная наглость ни в чем не хотела знать удержу. Укоренившееся сознание вседозволенности не давало вовремя остановиться и там, где остановиться действительно требовалось, где страдательной стороной выступали общественные верхи. Но по инерции вконец разнуздавшихся блюстителей благочиния несло и на них.²⁶⁶ После всего не могло оставаться никаких сомнений, что губерния находится во власти банды уголовников в полицейских мундирах, оберегаемых и даже поощряемых высшим губернским начальством. Дело и объяснилось вполне после выступления говорившего первым губернским предводителем дворянства В. Н. Ознобишина, только что ставшего членом Государственного совета, так что судья почтительно предложил ему давать показания сидя. Его слова, понятно, имели особый вес. Он-то и выдал с головой Татищева, заявив, что не раз обращал его внимание на творимые полицией безобразия, но в ответ слышал лишь, что за действия в годы революции полиции все можно простить. Татищев, слушая очередную повесть о какой-нибудь выходке этой команды, имел обыкновение с полным безразличием разглядывать карнизы, при случае же советовал не связываться с полицией. Злейшие враги не могли бы, да еще с такой достоверностью, нарисовать ужасающую картину произвола, полней-

шей безнаказанности за любые преступления, как это сделали те, кто был крепчайшими узами связан с установленным порядком, кому полагалось быть его первым защитником. Большого парадокса нельзя было себе представить. Для всей оппозиции в разных ее оттенках эта кровопролитная потасовка между своими, да еще в нескольких раундах, была настоящим, тем более что еще и неганданным, сюрпризом.

Действительно, заранее предсказать такое никто бы не смог — уж очень это все выходило за рамки всякого вероятия. И этот кавалергард во всем своем великолепии — в лосинах, ботфортах и кирасе, восседающий на скамье подсудимых, — и его речи, что он заступался, заступается и будет заступаться за крестьянство, обороняя его от установленной власти. И он не какой-нибудь отщепенец, а занимающее видное положение в служебной иерархии и в дворянско-земской среде лицо. Как сам себя аттестовал Панчулидзе, что хотя он и не министр, но все же персона, стоящая достаточно высоко и требующая соответствующего обхождения. Присутствие на суде множества дворян и земцев — ведь одних свидетелей набралось около 60 человек — говорило о том, что для них он свой. И уж если редкостное стечение обстоятельств подарило оппозиции такой из ряда вон выходящий случай, когда на виду у всех в кровопролитной схватке сцепились не враги, а те, кто по всем объективным данным должен был быть друг другу верным союзником, составлять, собственно, одно целое, то делу постарались придать наибольшую огласку, подать его как исключительно важное, каковым оно и было. Местная печать, представленная двумя крупными саратовскими газетами, сразу расценила случившееся как междоусобицу. Как ни распинаялся Панчулидзе насчет своего крестьянолюбия, изображая это качество вообще отличительной чертой дворянской психологии, все эти робингудовские потуги со всем обличительством властей предержащих вызывали только усмешку. Тут же припомнили, что всего лишь в декабре 1908 г. дворянство горячо приветствовало Татищева, тогда только что назначенного в губернию, выражая надежду, что он наведет должный порядок. Действительно, тот в короткий срок высрал 6000 крестьян. А нынешние жалобы высмеивались как черная неблагодарность, когда спасенный, вместо того чтобы отблагодарить своего спасителя, начинает предъявлять ему, едва отдышавшись, претензии по поводу несколько помятого при спасательной операции туалета.²⁶⁷ Здесь было над чем поиронизировать, и обе газеты постарались как могли в изображении изрядного комизма положения дворянских жалобщиков. Они получили именно то, чего добивались, — сильную власть на местах, а если уж им самим стало доставаться от этой власти, если у нее и на это хватило силы, то они сами такое на себя навлекли. Но зато ее портрет, созданный дворянскими руками, во всем его достоверном безобразии ставился очень высоко. Одна статья так и называлась «Под панчулидзевским прожектором».²⁶⁸ И если в «Саратовском вестнике» было помещено очень подробное изложение выступлений

свидетелей, то «Саратовский листок» предоставил обширное место для воспроизведения почти полной стенограммы заседания.

Конечно, газеты были вместе с тем правы, отзываясь обо всем происшедшем как о сваре между своими. Близость тяжущихся уже дала себя знать, когда сам Татищев оказался некоторым образом жертвой произвола. Если он еще мог тягаться на равных с Панчулидзевым, а вернее, невозбранно куражиться над видным дворянским деятелем, не побоявшись и свидетельских разоблачений, то он сразу потерпел полное фиаско, когда встал на пути пресловутого Илиодора. Расправа не заставила себя ждать, и он был вынужден оставить губернаторский пост, отправившись, по презрительному выражению победителя, доить коров в Самару.²⁶⁹ Такая расправа вызвала известное возбуждение в губернии, и Татищеву были устроены демонстративные проводы, участвовать в которых получил приглашение и Панчулидзев, но он категорически отказался. Случившееся с тем и другим указывало на то, что наступило особенное время, время всяческих неожиданностей, прежде небывалых да и не могущих быть, когда на скамье подсудимых вопреки всякому вероятно да еще в качестве протестанта могло найтись место видному дворянскому деятелю и такая организация, как Объединенное дворянство, лишенная в глазах того же Татищева нужного авторитета, оказывалась здесь недостаточной защитой. Да и мелкие полицейские чины уже не трепетали, как встарь, перед прежними хозяевами жизни, а могли даже и нанести обиду. Но и самому Татищеву его ни перед чем не останавливающееся рвение в борьбе с любыми проявлениями недовольства тоже не послужило достаточной защитой. И пострадал он больше, чем Панчулидзев, хотя сделал все возможное, чтобы все-таки доканать его. Однако с удалением графа, тем более обиженного, распря потеряла остроту, и примирение губернской власти с дворянством пошло быстрыми шагами. Новое судилище происходило уже при новом губернаторе и как раз в дни заседаний очередного съезда дворянского общества губернии, на котором недавний нарушитель спокойствия Панчулидзев был наряду с гр. Олсуфьевым избран выборщиком от дворянства для голосования дворянской квоты Государственного совета. Новый губернатор, пользуясь присутствием дворян, устроил для них раут. Почетное место на нем заняла жена Панчулидзева, и видно неспроста. Это тоже можно было понять как свидетельство намерения властей полюбовно кончить конфликт. Оправдательный приговор, вынесенный судом, уж не являлся в этом случае вызовом губернскому начальству, а все вскрытые безобразия можно было отнести на счет слухком уже зарвавшегося Татищева. Но на этом еще не была поставлена последняя точка. Завершение дела не уступало его началу. Опротестованное решение саратовской судебной палаты попало наконец в начале 1913 г. на рассмотрение Сената и там было кассировано, так что теперь Панчулидзев уже окончательно признавался виновным в оскорблении саратовской полиции и должен был или отсидеть четыре дня на военной гауптвахте, или уплатить

25 руб. штрафа. После всего прогремевшего на суде по обвинению Панчулидзева в клевете и после доклада дела в марте 1912 г. VIII съезду Объединенного дворянства²⁷⁰ приговор Сената был новой неожиданностью, уже никак не вязавшейся с действительностью. Достаточно необычным явился и финал всей истории — Панчулидзева предпочел уплату штрафа в 25 руб., но он считал, что виновным в его лице признано все Объединенное дворянство, так как он будто бы только исполнял на практике взятое объединением направление и оно к тому же приняло к сведению данные им объяснения, и с этой мотивировкой он обратился в Постоянный совет, дабы штраф был уплачен из средств Объединенного дворянства.²⁷¹ Дело было не в деньгах, а в том, что при таком обороте выходило, что бюрократия, и именно судебские, ущемляет дворянство в целом. Весь ход событий подтвердил их оценку саратовской газетой, писавшей в декабре 1911 г., что дело о «клевете» выросло в «факт огромной общественной важности».²⁷²

Для самого же Объединенного дворянства дело Панчулидзева приобретало особенное значение в свете пришедшихся на это же время столкновений дворянских обществ с местной властью на Дону и в Тамбовской губернии. Все вместе взятое выросло в общую проблему взаимоотношений обеих сторон. Уже Леонов намеревался поставить в известность о достигнутой такой ожесточенности схватки назначенный на 28 февраля съезд губернских предводителей дворянства, а там и открывавшийся 5 марта съезд Объединенного дворянства.²⁷³ По предыдущему сообщению Леонова 12 февраля исполнявшему тогда обязанности директора канцелярии министра внутренних дел Г. А. Кондратьеву после заседания Постоянного совета «присутствовавшие там губернские предводители страшно возмущались» преследованиями Мищенко.²⁷⁴

Однако, когда сам царь выступил решителем спора, всякому дальнейшему его обсуждению, а тем более протестам в адрес военных властей полагался конец, хотя дворянство, как показали последующие события, продолжало горой стоять за Леонова. Зато казус с неутверждением Бенкендорфа подвергся подробному разбирательству в общем плане взаимоотношений дворянства с губернским начальством. На состоявшемся в начале мая заседании Постоянного совета предельно резко поставил вопрос выступивший первым Панчулидзева.

Задетый лично, он теперь сам явился строгим судьей, у которого, кроме того, есть веские причины общего порядка, чтобы не дать губернаторам поставить себя выше дворянства, а тем более каким-либо образом ущемлять его. «Ни для кого не секрет, как позорно вели себя некоторые губернаторы во время минувшей смуты, — бросал он им обвинение в политической ненадежности, явно целясь скомпрометировать и всю корпорацию, — и потому всякое, хотя бы косвенное популозное замещение предводительского в уезде влияния бюрократическим усмотрением должно встретить со стороны дворянства отпор».²⁷⁵ Дело расценивалось как прямое продолжение проваленной дворянством реформы местного управ-

ления, когда намечалось передать полномочия предводителей представителям Министерства внутренних дел. Особенно настаивало Панчулидзева стремление сделать и самого губернатора подотчетным единственно министерскому начальству, тогда как ему надлежало оставаться прежде всего царским посланцем, и в этом случае он только повторял уже высказанные дворянством настояния. Однако боевой клич Панчулидзева не был подхвачен большинством. В лице Бобринского, Струкова, Нейдгарта оно рассуждало с точки зрения коренной солидарности дворянства и местной власти, допуская даже, что корректировка губернаторами дворянского волеизъявления может быть бесполезной: ведь «нельзя иметь полной уверенности в том, что выбираемые в уездные предводители лица будут всегда отвечать необходимым требованиям. До сего времени все случаи неутверждения были вызваны более или менее уважительными причинами».²⁷⁶ Не видя надобности устраивать турнир, тем более что губернаторы действуют достаточно осмотрительно, трое предлагали руководствоваться необходимостью «строго следить за чистотой дворянских учреждений», и в этом случае «нельзя не предоставить этой заботы и правительственной власти». Будущему съезду предлагалось подготовить составленную в этом духе записку с отрицанием в принципе дискреционного права губернаторов относительно дворянских избранников, ознакомив с ней предварительно губернских предводителей.

Коллеги Панчулидзева были тем менее расположены бить тревогу, что, несмотря на те или иные случаи, дворянство оставалось у себя на месте доминирующей силой. Может быть, не везде его владычество выглядело таким подавляющим, как в вотчине Маркова, и все же при некоторых вариациях оно продолжало прочно держат в своих руках бразды правления, и губернаторы не могли игнорировать его волю, а тем более поступать вопреки ей. Ревнивое оберегание своего властного положения побуждало подчас воспринимать их как соперников, порождая даже какие-то фрондерские настроения. Но если и возникала на почве подобного рода притязаний на единоличное командование в губернии известная дисгармония, перевес оказывался на стороне дворянства. Обстановку с достаточным знанием дела обрисовал недавний саратовский губернатор гр. С. С. Татищев, посланный министром уже в новом качестве исполняющего должность начальника Главного управления по делам печати обозреть подготовку к выборам в Думу в ряде губерний, в особенности с точки зрения участия в ней дворянства. Находясь в Орловской губернии, он доносил, что «землевладельческая группа, как по штату полагается, неблагоприятно относится к губернатору».²⁷⁷ «Аграрные беспорядки не исправили дворянскую знать, и она, — выдавал он ей аттестат в политической неблагонадежности, — по-старому забирает влево». Отмечая фрондерство орловских дворян, Татищев видел в нем проявление общей тенденции, затруднявшей предвыборные маневры правительства: «. . . как в Харьковской губернии в предво-

дательской среде крутит Голицын, так в Орловской крутят Куракины, поэтому положение губернатора воистину тяжелое». Вытекало же это, объяснял Татищев, из общего нежелания дворянства быть направляемой стороной, из желания сохранить, напротив, за собой положение руководящей силы. «Впрочем, — констатировал он такое состояние дел, — подобное явление наблюдается повсеместно, и только сильная рука высшего правительства может навести порядок. Губернаторы же бессильны: вступая в борьбу с этой богатой знатью, в лучшем для себя случае они себя дискредитируют, в худшем потеряют место». Личный опыт, как видно, кое-чему научил графа. В Постоянном же совете вернулись к проблеме уже в конце декабря, когда Панчулидзево доложил о полученных отзывах, выживших определенное несходство мнений. В некоторых предлагалось предоставить право утверждения предводителей Сенату, в других — министру внутренних дел, в иных же оставить все в прежнем виде.²⁷⁸ Не установилось единодушие и при обсуждении их на Постоянном совете. Нейдгарт выразил, например, опасение, что превращение министра в решающую инстанцию «послужило бы к умалению прав и значения дворянства». Не одобрил петербургский вариант и И. Н. Лодыженский, находя нежелательным связанное с ним усиление централизации. Но последнее слово оставалось за съездом. Накануне его открытия в марте 1913 г., когда обсуждался подготовленный для него доклад с предложением сохранить status quo, прозвучало выступление, не уступавшее в своей резкости тому, на чем настаивал Панчулидзево, но в прямо противоположном смысле. Муратов мог бы быть удовлетворен — его действия целиком оправдывались. Бенкендорф же признавался беспорно виновным. Все поменялось местами. Губернаторская власть блюла интересы дворянства даже лучше, чем оно само, и не предъявлять ей надо было, по мнению Говорухо-Отрока, претензии, а и впредь оставить за ней право надзора, а если надо, то и пресечения отдающих оппозиционностью действий. «Несомненно, что губернатор был совершенно прав и формально, и по существу, а распоряжение его явилось совершенно целесообразным. . . Ясно, — выражалась в его адрес глубокая благодарность, — что губернатор в данном случае не только не нарушил ни прав, ни интересов дворянства, но и оградил таковые».²⁷⁹ Поэтому он считал, что и вообще не следует обращаться к съезду (все же с каким-то подобием жалобы), раз все сделано не только совершенно правильно, а и весьма уместно. Но, подобно тому как было при наскоке на губернаторов Панчулидзево, трое — Нарышкин, Нейдгарт и вкупе с ними сам Панчулидзево — посчитали, что предоставление губернаторам прав, в сущности равнозначных установлению над дворянством опеки, нуждается в обсуждении, и оно состоялось на заседании 6 марта. Отодвинув в сторону все наносное и несущественное, съезд встал на точку зрения нераздельного единства самодержавия и дворянства, когда все возникающие на местах несогласия можно было уладить полюбовным образом, отнесясь спокойно и

к тамбовскому фейерверку. Случившийся сбой не требовал переделки существующего механизма, и губернатор, а не петербургские инстанции, будь то Сенат или министр внутренних дел, признавался наиболее подходящим контрагентом для дворянского общества, с которым будет гораздо легче найти общий язык. «... Более целесообразного, более легкого и отвечающего потребностям дворянства порядка, как утверждение губернатором, нельзя изобрести», — заявил выступивший первым Д. Н. Кованько.²⁸⁰ Не смущаясь частными диссонансами, можно было и дальше следовать рука об руку общим путем. Они были лишь исключением из правил — «ведь отношение губернатора к дворянству, в особенности в настоящее время, вполне сердечное и преисполненное доброжелательности». Рекомендовалось поэтому примириться и с несколько переходящей иногда через край губернаторской заботой о его благополучии, хотя бы она принимала форму вмешательства в область его традиционной компетенции. Но и в этом случае положение дворянства оставалось гарантированным от какого-либо произвола, заверял под конец Говорухо-Отрок, напоминая в подтверждение этого о «свободном доступе губернского предводителя дворянства; у него есть возможность заставить губернатора исполнять свои обязанности...».²⁸¹

В сознании своей силы и еще больше в уверенности, что дворянству не придется чиниться с губернаторами, а предстоит выступить совместно против общего неприятеля, съезд высказался за то, чтобы все осталось по-прежнему.

Действительно, дворянство должно было быть удовлетворено состоянием своих отношений с властью после недавней выборной кампании в Думу, заново сблизившей эти силы и упрочившей их союз.

¹ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.; Л., 1924. Запись 22 августа 1906 г. С. 389.

² Дневник А. А. Киреева. Запись 14 сентября 1906 г. // РО ГБЛ, ф. 126, к. 14, л. 182 об.

³ Письмо из Одессы от 19 мая 1906 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 76, л. 85.

⁴ Письмо из Москвы от 1 июля 1906 г. // Там же, д. 87, л. 1.

⁵ Письмо из Черниговской губернии от 4 июня 1906 г. // Там же, д. 80, л. 28.

⁶ Письмо из Торжка Н. Зайцеву от 2 июля 1906 г. // Там же, д. 86, л. 60.

⁷ Письмо б/п от 8 мая 1906 г. // Там же, д. 76, л. 2.

⁸ Письмо б/п 9 июня 1906 г. // Там же, д. 80, л. 17.

⁹ Письмо Д. Н. Шипова А. А. Шипову от 9 июля 1906 г. // Там же, д. 88, л. 8.

¹⁰ Письмо вел. кн. Николая Михайловича Ф. Массону от 25 июля 1906 г. // Там же, д. 91, л. 100.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 88, л. 8.

¹² Богданович А. В. Три последних самодержца. Запись 22 августа 1906 г. С. 286.

¹³ Дневник А. А. Киреева. Запись 5 марта 1907 г., л. 210.

¹⁴ Там же. Запись 13 февраля 1908 г., л. 270.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Запись 14 февраля 1908 г., л. 271.

¹⁷ Там же. Запись 15 марта 1908 г., л. 276 об.

- ¹⁸ Там же. Запись в январе 1910 г., к. 15, л. 81.
- ¹⁹ Д. А. Хомяков — А. А. Кирееву, 1 февраля 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 369, л. 5 об.
- ²⁰ Н. Г. Высотский — Н. П. Евреину, 2 февраля 1909 г. // Там же, д. 368, л. 12.
- ²¹ *Зырянов П. Н.* Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) // Ист. зап. 1982. Т. 107. С. 294.
- ²² Там же. С. 292, 293.
- ²³ Там же. С. 294.
- ²⁴ Воспоминания Н. П. Муратова // ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 26, л. 15.
- ²⁵ Там же, л. 467 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, л. 299 об.
- ²⁸ Там же, л. 300.
- ²⁹ Там же, л. 255, 258.
- ³⁰ Дневник А. А. Киреева. Запись 16 ноября 1907 г., к. 14, л. 251.
- ³¹ Там же. Запись 4 ноября 1908 г., л. 328.
- ³² Там же, л. 328 об.
- ³³ Там же. Запись 13 сентября 1908 г., л. 316 об.
- ³⁴ Из дневника Л. Тихомирова. Запись 10 января 1909 г. // Красный архив. 1936. № 1 (74). С. 164.
- ³⁵ Дневник А. А. Киреева. Запись 2 декабря 1908 г., к. 14, л. 336.
- ³⁶ Там же. Запись 13 июня 1909 г., к. 15, л. 45 об.
- ³⁷ Там же. Запись в феврале 1910 г., л. 83 об.
- ³⁸ Там же. Запись в марте 1910 г., л. 87 об.
- ³⁹ Там же, л. 88.
- ⁴⁰ А. И. Полтев — А. И. Гучкову, 10 января 1909 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 364, л. 16.
- ⁴¹ Письмо члена Думы октябриста А. П. Губареву от 6 февраля 1909 г. // Там же, д. 369, л. 75.
- ⁴² И. Ефремов — С. И. Комсину, 3 февраля 1909 г. // Там же, д. 368, л. 95.
- ⁴³ В. Татарников — А. И. Гучкову, 10 февраля 1909 г. // Там же, д. 369, л. 38.
- ⁴⁴ *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 183—184.
- ⁴⁵ Там же. С. 187.
- ⁴⁶ *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С. 227—231.
- ⁴⁷ Из дневника Л. Тихомирова. Запись 24 сентября 1907 г. // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 118.
- ⁴⁸ Там же. Запись 11 марта 1907 г. С. 96.
- ⁴⁹ Там же. Запись 16 декабря 1907 г. С. 129.
- ⁵⁰ Там же. Запись 20 марта 1908 г. С. 142—143.
- ⁵¹ Там же. Запись 16 декабря 1907 г. С. 129.
- ⁵² Там же. Запись 12 января 1908 г. С. 133.
- ⁵³ Там же. Запись 3 мая 1908 г. С. 147.
- ⁵⁴ Там же. Запись 31 августа 1908 г. // Красный архив. 1935. Т. 73 (6). С. 170.
- ⁵⁵ Там же. Запись 2 сентября 1908 г. С. 171.
- ⁵⁶ Там же. Запись 22 января 1908 г. С. 135.
- ⁵⁷ Там же. С. 136.
- ⁵⁸ Там же. Запись 7 октября 1908 г. С. 177.
- ⁵⁹ Там же. Запись 14 ноября 1908 г. С. 180.
- ⁶⁰ Там же. Запись 12 сентября 1908 г. С. 173.
- ⁶¹ Там же. Запись 21 августа 1909 г. // Красный Архив. 1936. Т. 74 (1). С. 165.
- ⁶² Там же. Запись 1 января 1910 г. С. 167.
- ⁶³ Там же. Запись 9 ноября 1910 г. С. 181.
- ⁶⁴ Там же. Запись 15 января 1911 г. С. 185.
- ⁶⁵ Там же. Запись 28 марта 1910 г. С. 171.
- ⁶⁶ Там же. Запись 18 июня 1910 г. С. 173.
- ⁶⁷ Там же. Запись 15 сентября 1910 г. С. 177.
- ⁶⁸ Там же. Запись 4 октября 1910 г. С. 178.
- ⁶⁹ Там же. Запись 14 марта 1910 г. С. 170.

- 70 Там же. Запись 31 августа 1908 г. // Красный архив. 1935. Т. 73 (6). С. 170.
- 71 Там же. Запись 26 ноября 1908 г. С. 182.
- 72 Там же. Запись 17 января 1908 г. // Красный архив. 1935. Т. 72 (5). С. 134.
- 73 Там же. Запись 17 января 1910 г. // Там же. 1936. Т. 74 (1). С. 169.
- 74 Там же. Запись 10 ноября 1910 г. С. 181—182.
- 75 Там же. Запись 2 декабря 1910 г. С. 183.
- 76 Там же. Запись 14 мая 1911 г. С. 189.
- 77 Там же. Запись 5 сентября 1911 г. С. 190.
- 78 Там же. Запись 8 октября 1911 г. // Красный архив. 1936. Т. 75 (2). С. 11.
- 79 Там же. Запись 29 января 1912 г. С. 175.
- 80 Дневник А. А. Киреева. Запись 30 апреля 1907 г., к. 14, л. 222 об.
- 81 Там же. Запись 19 декабря 1908 г., л. 339.
- 82 Там же. Запись в декабре 1908 г., л. 342 об.
- 83 Кн. М. Л. Шаховской — Б. М. Юзефовичу, 21 декабря 1908 г. // ЦГАОР
СССР, ф. 102, оп. 265, д. 361, л. 12.
- 84 Кн. М. Л. Шаховской — Б. М. Юзефовичу, 3 февраля 1909 г. // Там же,
д. 369, л. 87.
- 85 *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Запись 6 марта 1908 г. С. 445.
- 86 Там же. Запись 25 июля 1909 г. С. 464.
- 87 Там же. Запись 12 апреля 1909 г. С. 462.
- 88 Из дневника Л. А. Тихомирова. Запись 16 апреля 1908 г. // Красный архив.
1935. Т. 72 (5). С. 145.
- 89 *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Запись 31 мая 1910 г. С. 478.
- 90 Там же. Запись 6 апреля 1910 г. С. 477.
- 91 Из дневника Л. А. Тихомирова. Запись 16 апреля 1908 г. С. 145.
- 92 Дневник Б. В. Никольского. Запись 23 июня 1913 г. // ЦГИА СССР, ф. 1006,
оп. 1, д. 46, л. 299.
- 93 Там же. Запись 31 августа 1914 г., л. 348 об.
- 94 Там же. Запись 25 августа 1912 г., л. 287—287 об.
- 95 Там же. Запись 23 февраля 1913 г., л. 293.
- 96 Там же. Запись 1 октября 1913 г., л. 318 об.
- 97 Там же. Запись 7 апреля 1914 г., л. 322 об.
- 98 Дневник 28 января 1909 г. // Гражданин. 1909. № 9. 1 февраля. С. 14.
- 99 Дневник А. А. Киреева. Запись в феврале 1909 г., к. 15, л. 14.
- 100 Там же. Запись в марте 1909 г., л. 15.
- 101 Там же. Запись 27 марта 1909 г., л. 22 об.
- 102 Там же. Запись 16 января 1909 г., л. 6.
- 103 Там же. Запись 30 июля 1908 г., к. 14, л. 303.
- 104 Там же. Запись в феврале 1909 г., к. 15, л. 14.
- 105 Там же. Запись в марте 1909 г., л. 15 об.
- 106 Там же, л. 22.
- 107 См.: *Аврех А. Я.* III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы
(1908—1909) // Ист. зап. 1955. Т. 53; Кризис самодержавия в России. 1895—
1917. Л., 1984. С. 467—470.
- 108 Дневник А. А. Киреева. Запись 28 марта 1909 г., к. 15, л. 23.
- 109 Там же.
- 110 Там же. Запись 1 апреля 1909 г., л. 25 об.
- 111 Там же. Запись 10 апреля 1909 г., л. 27.
- 112 Там же. Запись 16 апреля 1909 г., л. 29 об.
- 113 Там же. Запись 27 апреля 1909 г., л. 32 об.
- 114 Там же, л. 33.
- 115 Там же. Запись 19 мая 1909 г., л. 39.
- 116 Там же.
- 117 Там же. Запись 21 мая 1909 г., л. 39.
- 118 Там же. Запись 13 июня 1909 г., л. 39.
- 119 Там же. Запись 28 октября 1909 г., л. 65 об.
- 120 Там же. Запись 10 ноября 1909 г., л. 72.
- 121 Там же. Запись 23 декабря 1909 г., л. 75. об., 76, 76 об.
- 122 *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Запись 3 октября 1907 г.
С. 429.
- 123 Дневник А. А. Киреева. Запись в декабре 1908 г., к. 14, л. 343 об.—344.

- ¹²⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. Запись 24 февраля 1909 г.
- С. 458.
- ¹²⁵ Дневник А. А. Киреева. Запись 24 февраля 1909 г., к. 15, л. 14 об.
- ¹²⁶ Дневник А. А. Бобринского. Запись 24 ноября 1910 г. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 139.
- ¹²⁷ Там же. Запись 1 декабря 1910 г. С. 140.
- ¹²⁸ Там же. Запись 17 декабря 1910 г. С. 142.
- ¹²⁹ Там же. Запись 13 декабря 1910 г. С. 141.
- ¹³⁰ Там же. Запись 17 декабря 1910 г. С. 142.
- ¹³¹ Дневник А. А. Киреева. Запись в феврале 1909 г., к. 15, л. 14 об.
- ¹³² Дневник А. А. Бобринского. Запись 21 сентября 1910 г. С. 133.
- ¹³³ Там же. Запись 25 ноября 1910 г. С. 139.
- ¹³⁴ Там же. Запись 18 декабря 1910 г. С. 142.
- ¹³⁵ Там же. Запись 30 октября 1910 г. С. 137.
- ¹³⁶ Там же. Запись 25 ноября 1910 г. С. 139.
- ¹³⁷ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 264 об.
- ¹³⁸ Там же, л. 262 об.
- ¹³⁹ Там же, л. 263.
- ¹⁴⁰ Дневник А. А. Киреева. Запись 10 января 1909 г., к. 15, л. 3 об.
- ¹⁴¹ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 263 об.
- ¹⁴² См.: Шелохаев В. В. 1) Программа и организация партии октябристов в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1986. Т. 114. С. 78—80; 2) Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 38—40.
- ¹⁴³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903—1919 гг. Париж, 1933. Т. 2. С. 7.
- ¹⁴⁴ О единении и раздорах // Московские ведомости. 1909. 8 апреля. С. 1.
- ¹⁴⁵ *Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party 1907—1917.* New Brunswick, 1980. P. XII.
- ¹⁴⁶ Ibid.
- ¹⁴⁷ Ibid. P. XIII.
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 7.
- ¹⁴⁹ Ibid. P. 51.
- ¹⁵⁰ Ibid. P. 45.
- ¹⁵¹ Ibid.
- ¹⁵² Ibid. P. 100.
- ¹⁵³ Ibid. P. 153.
- ¹⁵⁴ Ibid. P. 24.
- ¹⁵⁵ Ibid. P. 62.
- ¹⁵⁶ Ibid. P. 38.
- ¹⁵⁷ Ibid.
- ¹⁵⁸ Ibid. P. 39.
- ¹⁵⁹ Ф. Гучков — И. Никанорову, 23 сентября 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 576, л. 2059; см. также: Шелохаев В. В. Программа и организация. . . С. 78—80.
- ¹⁶⁰ О нарастающих внутрипартийных разногласиях см.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 415—429; *Emmons T. The Formation of the Political Parties and the First National Elections in Russia.* Harvard, 1983. P. 375—376.
- ¹⁶¹ *Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution.* P. 63.
- ¹⁶² Ibid. P. 144.
- ¹⁶³ Ibid. P. 165.
- ¹⁶⁴ Ibid. P. 146. — О слабости поддержки националистов, так что могло сложиться мнение об искусственности партии, см.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. С. 407—415.
- ¹⁶⁵ *Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution.* P. 6.
- ¹⁶⁶ Н. Розанов — К. А. Розановой, 19 октября 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 510, л. 41.
- ¹⁶⁷ Н. Высотский — А. Алфераки, 16 октября 1911 г. // Там же, л. 17.
- ¹⁶⁸ Н. Высотский — А. Алфераки, 9 ноября 1911 г. // Там же, д. 512, л. 59.
- ¹⁶⁹ Н. Высотский — Н. Евреинову, 21 октября 1911 г. // Там же, д. 510, л. 75.
- ¹⁷⁰ Письмо с неразобранной подписью бар. А. Г. Иксулю, 7 декабря 1911 г. // Там же, д. 515, л. 58.

- ¹⁷¹ Н. Высотский — Н. Евреиннову, 19 октября 1911 г. // Там же, д. 510, л. 39.
- ¹⁷² П. Синадино — К. Синадино, 20 октября 1911 г. // Там же, л. 62.
- ¹⁷³ А. Гучков — Ф. Гучкову, 9 ноября 1911 г. // Там же, д. 512, л. 61.
- ^{173a} Насколько серьезное значение придавал случившемуся сам Витте, видно из того, что все материалы были помещены в виде особого приложения «Моя полемика с А. И. Гучковым» к его «Воспоминаниям» (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 595—609).
- ¹⁷⁴ С. Ф. Ольденбург — С. С. Ольденбургу, 10 октября 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, д. 508, л. 46.
- ¹⁷⁵ С. С. Ольденбург — С. Ф. Ольденбургу, 14 октября 1911 г. // Там же, л. 89.
- ¹⁷⁶ С. Ф. Ольденбург — С. С. Ольденбургу, 5 декабря 1911 г. // Там же, д. 515, л. 47.
- ¹⁷⁷ А. Ф. Кони — Л. Е. Владимирову, 14 декабря 1911 г. // Там же, д. 516, л. 26.
- ¹⁷⁸ Л. Е. Владимиров — А. Ф. Кони, 2 января 1912 г. // Там же, д. 556, л. 8.
- ¹⁷⁹ М. А. Стахович — А. А. Стаховичу, 31 октября 1911 г. // Там же, д. 511, л. 54.
- ¹⁸⁰ Д. А. Олсуфьев — А. Бутурлину, 3 ноября 1911 г. // Там же, л. 83.
- ¹⁸¹ А. Бутурлин — Д. А. Олсуфьеву, 6 ноября 1911 г. // Там же, д. 512, л. 10.
- ¹⁸² Письмо с неразобранной подписью В. М. Соболевскому, 9 декабря 1911 г. // Там же, д. 515, л. 78.
- ¹⁸³ Ю. С. Еремеев — А. А. Риттиху, 31 октября 1911 г. // Там же, д. 511, л. 62.
- ¹⁸⁴ С. Плевако — Д. Сулову, 31 августа 1911 г. // Там же, д. 505, л. 44 об.
- ¹⁸⁵ Е. Соколов — А. Соколову, 31 августа 1911 г. // Там же, д. 504, л. 72.
- ¹⁸⁶ Л. Таль — В. Косиковскому, 9 ноября 1911 г. // Там же, д. 512, л. 55.
- ¹⁸⁷ Владимир — М. Читовой, 2 апреля 1912 г. // Там же, д. 539, л. 69.
- ¹⁸⁸ Графиня А. Шувалова — А. Стаховичу, 29 октября 1911 г. // Там же, д. 511, л. 44.
- ¹⁸⁹ Графиня А. Шувалова — А. Стаховичу, 21 октября 1911 г. // Там же, д. 510, л. 65.
- ¹⁹⁰ Н. Евреинов — Н. Высотскому, 16 декабря 1911 г. // Там же, д. 516, л. 56.
- ¹⁹¹ Н. Высотский — Н. Евреиннову, 21 декабря 1911 г. // Там же, д. 517, л. 9.
- ¹⁹² Н. Высотский — А. Алфераки, 27 декабря 1911 г. // Там же, л. 68.
- ¹⁹³ В. Нилов — Н. Синицкому, 4 августа 1911 г. // Там же, д. 504, л. 42.
- ¹⁹⁴ К. Энгельгардт — И. Восторгову, 17 декабря 1911 г. // Там же, д. 516, л. 70.
- ¹⁹⁵ «Володя» — С. Рядкову, 13 августа 1911 г. // Там же, д. 504, л. 65.
- ¹⁹⁶ С. Корнев — С. Крыжановскому, 27 декабря 1911 г. // Там же, д. 517, л. 70.
- ¹⁹⁷ П. Деменс — И. Ефремову, 1 декабря 1911 г. // Там же, д. 514, л. 95.
- ¹⁹⁸ С. Ф. Ольденбург — С. С. Ольденбургу, 10 октября 1911 г. // Там же, д. 508, л. 46.
- ¹⁹⁹ Ф. Самарин — гр. А. Бобринскому, 20 ноября 1911 г. // Там же, д. 512, л. 78.
- ²⁰⁰ С. Шереметев — А. Булыгину, 10 декабря 1911 г. // Там же, д. 515, л. 92.
- ²⁰¹ Н. Любавин — И. Любавину, 26 ноября 1911 г. // Там же, д. 514, л. 47.
- ²⁰² А. Нейдгарт — Л. Тихомирову, 8 декабря 1911 г. // Там же, д. 515, л. 67.
- ²⁰³ К. Пасхалов — Д. Хомякову, 28 декабря 1911 г. // Там же, д. 517, л. 80.
- ²⁰⁴ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 222.
- ²⁰⁵ Н. Муратов — А. Макарову, 9 января 1912 г. // ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 1 об.
- ²⁰⁶ А. Макаров — Н. Муратову, 17 января 1912 г. // Там же, л. 4.
- ²⁰⁷ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 222 об.
- ²⁰⁸ Там же, л. 223.
- ²⁰⁹ Там же, л. 223 об.
- ²¹⁰ Н. Муратов — А. Макарову, 19 января 1912 г. // ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 6.
- ²¹¹ Там же, л. 10.
- ²¹² А. Макаров — Н. Муратову, 21 января 1912 г. // Там же, л. 13.
- ²¹³ Н. Муратов — А. Макарову, 23 января 1912 г. // Там же, л. 16—16 об.
- ²¹⁴ А. Макаров — Н. Муратову, 24 января 1912 г. // Там же, л. 17.
- ²¹⁵ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 224.
- ²¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 20.
- ²¹⁷ Н. Муратов — А. Макарову, 26 января 1912 г. // Там же, л. 21.
- ²¹⁸ Н. Муратов — А. Макарову, 27 января 1912 г. // Там же, л. 22.

- ²¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 60 об.
²²⁰ Новое время. 1912. 22 февраля.
²²¹ Н. Муратов — А. Макарову, 28 января 1912 г. // ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 48 об.—49.
²²² Там же, л. 48, 49 об., 50 об.
²²³ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 232.
²²⁴ Голос Земли. 1912. 22 февраля.
²²⁵ Дневник С. И. Сазоновой (Смирновой). Запись 14 февраля 1912 г. // ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 395, л. 42.
²²⁶ Там же. Запись 29 февраля 1912 г., л. 63.
²²⁷ Там же. Запись 13 сентября 1912 г., л. 284 об.
²²⁸ Там же. Запись 29 февраля 1912 г., л. 62 об.
²²⁹ Там же. Запись 14 февраля 1912 г., л. 44.
²³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1268, л. 90.
²³¹ Н. Муратов — С. Хрулеву, 11 мая 1912 г. // Там же, л. 72—74.
²³² Н. Муратов — А. Макарову, 12 мая 1912 г. // Там же, л. 71.
²³³ Там же, л. 72.
²³⁴ Биржевые ведомости. 1912. 13 июня.
²³⁵ Воспоминания Н. П. Муратова, л. 263 об.
²³⁶ Там же, л. 248 об.
²³⁷ Там же, л. 264.
²³⁸ Там же, л. 279.
²³⁹ Там же, л. 395.
²⁴⁰ Там же, л. 264 об.
²⁴¹ Там же, л. 397 об.
²⁴² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1728, л. 60.
²⁴³ Н. Михневич — А. Леонову, 14 декабря 1911 г. // Там же, л. 2.
²⁴⁴ Доклад А. Леонова председателю Совета министров «О причинах разногласий между войсковой административной властью в Области войска Донского и донским дворянством в проведении ими краевых вопросов» // Там же, л. 159.
²⁴⁵ Доклад Комиссии, уполномоченной приговором станичного сбора от 27 августа 1911 г. для всестороннего рассмотрения вопроса о необходимости изменения существующего общинного землепользования в казачьих войсках // Там же, л. 11.
²⁴⁶ Там же, л. 165.
²⁴⁷ В. Сухомлинов — В. Коковцову, 11 января 1912 г. // Там же, л. 126.
²⁴⁸ Там же.
²⁴⁹ В. Коковцов — А. Макарову, 20 января 1912 г. // Там же, л. 125.
²⁵⁰ А. Струков — А. Леонову, 24 декабря 1911 г. // Там же, л. 75.
²⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1728, л. 143.
²⁵² А. Макаров — В. Коковцову, 20 февраля 1912 г. // Там же, л. 148.
²⁵³ Там же, л. 161.
²⁵⁴ В. Коковцов — В. Сухомлинову, 21 февраля 1912 г. // Там же, ф. 1276, оп. 8, д. 622, л. 153.
²⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 622, л. 174.
²⁵⁶ 23 сентября 1912 г. он был уволен с объявлением высочайшей благодарности. См.: ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 36, д. 16444, л. 11—15.
²⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1728, л. 157.
²⁵⁸ М. И. Зубовский — А. Мосолову, 30 марта 1913 г. // Там же, л. 167.
²⁵⁹ В. Коковцов — В. Сухомлинову, 13 марта 1913 г. // Там же, ф. 1276, оп. 8, д. 622, л. 171.
²⁶⁰ В. Сухомлинов — В. Коковцову, 18 марта 1913 г. // Там же, л. 173 об.
²⁶¹ М. Зубовский — А. Мосолову, 30 марта 1913 г. // Там же, л. 168.
²⁶² ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 122/192, л. 5—7.
²⁶³ Саратовский вестник. 1911. 3 июня. № 119. С. 3.
²⁶⁴ Там же.
²⁶⁵ Саратовский листок. 1911. 10 декабря. № 272. С. 3.
²⁶⁶ Там же. 11 декабря. № 273. С. 5.
²⁶⁷ Там же.
²⁶⁸ Саратовский вестник. 1911. 11 декабря. № 272. С. 3.
²⁶⁹ Там же. — Об этом эпизоде, приписывая, правда, причину удаления Татищева столкновению с саратовским архиепископом Гермогеном, хотя и без руча-

тельства за достоверность этой версии, сообщает губернатор И. Ф. Кошко (*Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905—1914)*). СПб., 1916. С. 226—227).

²⁷⁰ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 239.

²⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 122/192, л. 88—90.

²⁷² Саратовский вестник. 1911. 11 декабря. № 272. С. 3.

²⁷³ А. Леонов — А. Макарову, 14 февраля 1912 г. // ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1728, л. 155.

²⁷⁴ А. Леонов — Г. Кондратьеву, 12 февраля 1912 г. // Там же, л. 119 об.

²⁷⁵ Протокол заседания Постоянного совета от 5 мая 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 82/307, л. 53.

²⁷⁶ Там же, л. 53 об.

²⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1327, оп. 2, 1912 г., д. 245, л. 23 об.

²⁷⁸ Протокол заседания Постоянного совета от 29 декабря 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 82/307, л. 74 об.

²⁷⁹ Протокол заседания Постоянного совета от 15 февраля 1913 г. // Там же, д. 83/307, л. 9 об.

²⁸⁰ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1913. С. 119.

²⁸¹ Там же. С. 122.

САМОДЕРЖАВИЕ И ДВОРЯНСТВО: УПРОЧЕНИЕ СВЯЗЕЙ И НЕПРЕОДОЛИМОСТЬ УПАДКА

Выборы в IV Государственную думу осенью 1912 г. ярко осветили всю политическую сцену, роли и игру выступавших на ней актеров, а в особенности деятельность и намерения самой власти.

Небеспричинны и весьма показательны были широко распространившиеся накануне выборов опасения, почти уверенность, что власть задумала превратить ее в законосовещательную.¹ Точными сведениями никто не располагал, но верно было то, что с предстоящими выборами в новую Думу перед самодержавием вновь во весь рост вставала все та же не решенная до конца проблема: что же все-таки такое Дума и как с ней быть, а шире — какой вид примет политическая будущность страны. Все это далеко не было решено, и власть продолжала стоять на распутье. И в том, как она поступила, с особенной наглядностью обозначились ее политические цели и методы их достижения, т. е. вся ее стратегия, ее отношения к сложившейся политической действительности и действовавшим на политической арене силам. В рассматриваемых планах и маневрах власти гораздо определеннее обрисовалась сущность третьейиюньской монархии как формы существования не сумевшего переделать себя на буржуазный лад самодержавия. Его образ действий во время выборов 1912 г. наряду с другими фактами убеждал, что столыпинские потуги двинуться по этому пути, сделав Думу местом соглашения власти с общественными верхами и создав с этой целью механизм двух большинств — правооктябристского и октябристско-кадетского, утратили актуальность. Вместо сотрудничества с Думой, хотя бы и в качестве младшего партнера власти, утверждается политика ее ограничения и стеснения. На самом верху и лично самим царем не раз высказывается в послереволюционный период намерение превратить ее в законосовещательную, т. е. совершить новый государственный переворот. Эти планы вызвали разногласия и в самом правительстве, как грозившие опасными осложнениями.² Не решившись на этот рискованный шаг, власть пока что выбрала другой способ добиться своего. Утверждается мнение, что надлежащим образом организованные выборы в новую Думу предоставляют возможность сделать ее такой, как надо — абсолютно послушной и беспрекословной, состоящей на побегушках у власти, хотя и III Дума была достаточно услужливой и покорной при

некоторых незначительных отступлениях от этого правила. Но власть и им придавала значение нетерпимой оппозиции. Она не только собиралась выступить во всеоружии и разгромить «оппозицию революционно настроенного кадета», как подавалось дело в установочной записке И. Я. Гурлянда о выборах, который сам, положительно делая из мухи слона и многократно преувеличивая опасность со стороны этих мнимых революционеров, вовсе не принадлежал при этом к экстремистски настроенной части правительственных верхов, оружие обращалось и против октябристов с их сурово осуждаемой «оппозицией особого рода». «Ее девиз, — обвинялись они прямо-таки в узурпаторских намерениях, — подчинение правительства умеренно либеральным общественным кругам. Но непременно подчинение».³ Только непреклонный отпор мог быть противопоставлен при такой трактовке этой столь болезненно воспринимаемой «фронде обеспокоенного усилением правительственной власти горожанина».

Вся избирательная кампания проходила под знаком стремления власти капитально усилить свое положение и в ходе разворачиваемого наступления достичь стратегического успеха, завладев центральным пунктом позиции противника, каким рассматривалась Дума. Для этого вознамерились создать в ней подавляющее правое большинство. Делая доминантой всей внутренней политики возвращение, где только возможно, к старому, выдвигают в задуманной наступательной операции дворянство в качестве надежной опоры власти, ее главнейшего союзника. Ему-то и надлежало занять преобладающее положение в Думе, да и вообще в политической жизни страны. Представители новых сил в лице тех или иных партийных образований не в фаворе. Главная задача в том, чтобы не дать им развернуться, усилиться, а там и занять первые места в государственной жизни. В этом смысле составляются циркуляры-руководства за подписью министра внутренних дел А. А. Макарова и его заместителя по выборам А. Н. Харузина, разосланные по всем губерниям. Местным властям распоряжением 25 июля было прямо указано вести все выборное дело в теснейшем союзе и согласии с дворянством в лице его руководства — губернского и уездного предводителей, председателей губернской и уездных земских управ, тех же дворян, зачастую совмещавших это председательство с предводительством, и вообще наиболее видных дворянских деятелей. Все это с целью обеспечить среди выборщиков решающее правое большинство, представленное именно дворянством. И действительно, местные власти работают рука об руку с дворянской верхушкой в полном *entente cordiale* с ней, дабы создать дворянству подавляющий перевес. Случалось, что она и вообще забирала все руководство выборами в свои руки, как произошло в Полтавской губернии, где она распоряжалась, вовсе отодвинув губернатора, «сдавшего все дела кн. Щербатову (Н. Б. Щербатову — губернскому предводителю дворянства. — Ю. С.)».⁴

Все это составляло грубейшее насилие над жизнью. Продол-

жавшийся уже десятилетия упадок дворянства подвигался неотвратно все дальше, значение дворянства в уездах неуклонно падало с продолжавшейся потерей земли, и вместе с тем рядом с ним вырастали новые силы, командные позиции в жизни занимали законные представители нового капиталистического уклада, стремившиеся принять участие в управлении страной на всех уровнях. Но это все принципиально игнорировалось, и сама власть стремилась утвердить себя в старом качестве безраздельного распорядителя судеб страны и параллельно в связи с этим же утвердить дворянство как полновластного хозяина у себя в уезде и губернии.

Выборы в Думу уже перед самой войной, в самые последние сроки, отпущенные старому режиму, должны были послужить этой цели. Весь этот стратегический замысел и представлял собой поэтому вызов новому укладу жизни, тем более усугубляемый самым способом, который было решено пустить в ход для гарантированного успеха всего дела.

Так как дворянство все же действительно пребывало в упадке и довольно частым становился случай, когда наличных помещиков в уезде не хватало даже для занятия тех должностей, которые надлежало замещать именно дворянству, то для того, чтобы обеспечить его преобладание, было решено привлечь духовенство. Церкви всюду располагали землей, и на выборах священники фигурировали как землевладельцы наравне с помещиками и другими землевладельцами меньшего калибра вплоть до крестьянства, причем во многих случаях по установленным представительским нормам оно могло провести значительное количество выборщиков. Этим-то и решено было воспользоваться в полной мере. Сам примененный трюк свидетельствовал о принципиальном нежелании власти считаться с реалиями эпохи, действуя вопреки им, попирая жизненные интересы тех, в ком она видела своих соперников или причисляла их к оппозиции. Действительно, духовенство в открытую делалось непосредственной политической силой, как бы новой политической партией, которая к тому же при всей очевидной фальшивости приобретала на местах зачастую решающее значение. Этим ходом было встревожено руководство всех партий, вообразивших, что власть хочет создать «фиолетовую» Думу, в которой главенствовать будет духовенство. Такой тактикой было встревожено и местное дворянство, поскольку весь замысел содержался в строжайшей тайне и вся переписка министра и его заместителя по выборам шла под грифом «совершенно секретно» и сразу по окончании кампании подлежала немедленному уничтожению лично самим губернатором, дабы ничто не попало в посторонние руки и не получило огласки, потому что тогда не избежать было бы громадного скандала, а этого устроители всего дела и не хотели допускать. Оттого-то и дворянство в целом ряде уездов сугубо обеспокоилось и стало засыпать министра внутренних дел и даже самого царя жалобами на будто бы готовящееся его ущемление в пользу духовенства, тогда как на самом

деле последнему отводилась самая жалкая и незавидная роль. Как указывалось в записке Гурлянда, «участие духовенства в выборах было построено так, что фактически священники должны были, скорее, явиться лишь избирательным материалом, чем самостоятельной политической силой».⁵ Они были всего лишь даровыми подручными, которых наподобие пожарных бросали в самые жаркие места, где правым землевладельцам грозило поражение хотя бы от своих более левых собратьев, и они, находясь в полном подчинении у своего начальства, когда их никто и не спрашивал, чего они сами хотят, послушно проводили в выборщики, кого им указывали из правых землевладельцев.⁶

Успешно на первый взгляд проведенная махинация дала как будто бы самые благоприятные результаты. По полученным первоначальным сведениям, в составленной в Министерстве внутренних дел справке с удовлетворением отмечалось, что сравнительно с выборами в III Думу правые «весьма значительно возобладали».⁷ Они на стадии избрания выборщиков отвоевали 14 губерний от оппозиции и октябристов, заполучив в целом 57 % всего состава избирательного корпуса в европейских губерниях. Предполагалось, что группа правых и националистов составит 250 человек против 190 всех остальных.⁸ В окончательном итоге в Думу попал 241 дворянин из общего числа 442 депутата вместо 202 в III Думе. Число правых и националистов возросло со 148 до 185.

Все это представляло собой ничем не прикрытое искажение принципов представительства, превращало выборы в некий фарс, когда Дума, и так подобная кривому зеркалу при законе 3 июня, становилась окончательно фальсификацией при учиненном грубейшем нарушении реального соотношения политических и общественных сил. Все проделанное с такой бесцеремонностью показывало, что новым, буржуазным по своей природе, силам не дают никакого простора для сколько-нибудь свободного проявления и функционирования. Им приходилось иметь дело все с тем же подавляющим режимом, не признававшим никакой законной политической деятельности, если только не выказывалось полного и беспрекословного повиновения ему во всем. Партийное начало оставалось ему чуждым и враждебным. Такой категории, как политический оппонент, не существовало, а существовал политический противник, подрывной элемент, неблагонамеренный, которого надо было бы обезвредить во что бы то ни стало, во всяком случае держать его в крепкой узде.

И если в центрах политической жизни еще соблюдался какой-то декорум, то в губерниях действовали не церемонясь хотя бы потому, что там политическая обстановка складывалась отлично от столичной и власти себя чувствовали гораздо свободнее.

Провинция походила, по описанию своих начальств, на какую-то политическую пустыню с очень слабыми и хилыми ростками политической жизни при отсутствии сколько-нибудь значительной или хотя бы заметной партийной деятельности. Таковую именно

картину представляли губернаторы один за другим почти без исключений в ответ на запрос, посланный министром внутренних дел в губернии в январе 1912 г.

Им предписывалось сообщить самые подробные сведения о том, насколько развита, как и в чем проявляется политическая жизнь на подведомственной им территории, в особенности в связи с существованием Думы, и в весьма отличающихся по содержательности ответах губернаторы информируют об «общем настроении умов среди населения губернии и о той роли, которую могут занять отдельные группы населения»,⁹ как писал киевский губернатор, шлют реляции, в которых собраны «точные и обстоятельные сведения об общем политическом настроении всего населения»,¹⁰ как выразился калужский губернатор.

Характерным следует признать то освещение, которое дал обстановке в такой заметной губернии, как Московская, ее губернатор В. Ф. Джунковский. Он извещал, что «деятельность Государственной думы весьма незаметно отразилась на настроении местного населения»,¹¹ а что касается партий, то «в Москве и Московской губернии нет или почти нет действующих монархических организаций», союз националистов как составная часть лагеря правых, ничтожный по численности, «буквально ничем своей деятельности не проявил», а рядовой и беспартийный избиратель настроен индифферентно. На начало 1912 г. политическая жизнь губернии пребывала пока еще в аморфном состоянии. Губернатор удостоверял, что «общественные силы в губернии в настоящее время не группируются в определенные политические партии»,¹² хотя и ожидал, что ко времени выборов, т. е. к осени, это следует предвидеть.

В этом же духе было составлено сообщение главы тоже весьма видной губернии, какой была Киевская, уже по итогам выборов. И он свидетельствовал, что «отношение к выборам отдельных классов населения и различных разрядов избирателей носило чисто пассивный характер и лишь за несколько дней до выборов со стороны правых и левых организаций проявлены были активные действия в целях проведения своих кандидатов».¹³

Типичным образом обстояли дела в Курской губернии. Там, правда, ряд лет верховодили крайне правые, которые являлись, как свидетельствовалось в донесении, «единственной организованной силой в губернии», но зато «вся остальная масса местного населения — мелкие землевладельцы, крестьянство, городские жители, часть дворянства, мелкое чиновничество — не организована и за последние года под влиянием установленного административного режима совершенно затихла, ни в чем наружно не проявляет своей деятельности, но в глубине души, конечно, продолжает таить хотя и неясно сознанные, но достаточно радикальные взгляды и стремления».¹⁴

И если командовавшие в губернии ультраправые по уши погрязли во всяческом безобразии, кроме того, сумели перессориться между собой и всем вместе взятым предельно себя скомпроме-

тировали, губернатор все же предвещал их успех на том именно основании, что «если названная партия делает ошибки, роняющие ее авторитет и популярность, то остальные политические партии совершенно не проявляют никакой деятельности и как бы окончательно исчезли с видимого политического горизонта».¹⁵

Известную аналогию составила здесь Орловская губерния, прежде всего в том смысле, что и в ней разошедшиеся крайние правые сумели себя полностью дискредитировать,¹⁶ остальное же население тоже вело совершенно незаметную жизнь, и партийная деятельность как будто вконец заглохла. Ни к Думе, ни к выборам интереса не проявлялось. На схожие явления указывал и тамбовский губернатор Н. П. Муратов, по общему заключению которого выходило, что «интерес к политике вообще в населении слаб. Деятельностью Думы очень мало интересуются».¹⁷ Его как одного из наиболее ретроградно настроенных губернаторов это даже раздражало. Отмечая «равнодушие, отсутствие интереса к исходу выборов со стороны благонамеренных элементов населения, чуждающихся совершенно политики и интересующихся лишь тем, что их непосредственно касается», он видел в этом опасность, так как левые могут воспользоваться этой полной индифферентностью и пробиться в Думу, меж тем как «правые будут спать и потребуются самые энергичные меры, чтобы этих правых хоть на короткое время разбудить».¹⁸

Тихо было и в Саратовской губернии, здесь политическая жизнь внешне замерла.¹⁹ Эти ставшие правилом результаты характеризовали общее положение дел в стране. Как видно, не содержала никакого преувеличения картина, нарисованная в посланном в Париж в выборный период письме. «Общественная жизнь теплится еле-еле видным огоньком только в Питере, — писал оставшийся неизвестным автор, — частью этот огонек потухает почти совсем, иногда разгорается довольно ярко, но — увы! — не хватает смелости сказать, что не по энергии его поддерживают, а, скорее, только по попушению „предержащего начальства“».²⁰

Все вместе взятое указывало на то, что самодержавие так и не примирилось с теми переменами, которые оно само же было вынуждено допустить в обстановке смертельной угрозы своему существованию в годы революции. И появление политических партий, и немыслимая в дореволюционные времена свобода печатного слова при всех своих ограничениях, установленных уже в новую эпоху, и, наконец, законодательная Дума — все это воспринималось как утраченные в ходе отступления самодержавия в революционную пору позиции. Теперь же, отразив наступление противника, где только можно стремились потеснить его, отбить им завоеванное. Годы после 1907 г. были для самодержавия годами реконквисты, и выборы в Думу в 1912 г. были одним из наиболее важных ее этапов, когда власть представила одно из самых очевидных и веских доказательств, что на уме у нее стоит именно реконквиста, а не принятие нового порядка и приспособление к новым условиям жизни. Явственно обнаружилось, насколько крепка

связь самодержавия с прошлым, с пережиточным, как одновременно и то, что его ставка на прошлое и пережиточное бита, что спасти их уже нельзя, а можно только погибнуть вместе с ними, и самодержавие своими действиями в 1912 г. засвидетельствовало, что оно выбрало путь гибели и твердо и уже невозвратно вступило на него. И если во многих местах страна была доведена до состояния политического паралича и власти, пользуясь этим, сумели фальсифицировать выборы в Думу, то это была пиррова победа, потому что достичь своих целей, укрепить свое положение путем укрепления своих союзников, которые по первоначальному замыслу должны были завладеть Думой, самодержавие не сумело. То, что должно было послужить основой реставрации старого, само оказалось подверженным необратимой эрозии и неуклонно разваливалось. Выборы как раз и обнаружили, как далеко зашел процесс разложения среди правых. В ходе избирательной кампании выявился сугубый разброд в их стане. На первый план как нигде выступала голая корысть, стремление всеми правдами и неправдами, расталкивая соперников, пробиться в Думу, потому что положение думца сулило, по утвердившемуся убеждению, всяческие блага, а главное — возможность быстро разбогатеть. На каждое место от горожан и землевладельцев выдвигалось не менее трех-четырех кандидатур.²¹ Объясняя поднявшийся ажиотаж мотивами преимущественно материального свойства, Гурлянд в своем обзоре усматривал в захлестнувшей массу желающих попасть в Думу меркантильности крупную опасность. «Какова, — тревожился он, — нравственная физиономия тех новых людей, которые теперь стремятся и могут пройти в Думу? Вопрос очень и очень неясный». Если бы не повсеместные распри между правыми на выборах, то подтасованное правое большинство, которое власти удалось на первых порах сколотить в Думе, могло быть значительно большим, а кроме того, оно оказалось весьма непрочным объединением по причине своей разношерстности и самого грубого своекорыстия. Еще на стадии выборов пришлось убедиться, что «„правый“ — не левый, только это и имеется в виду». Результаты усилий получить нужную Думу выглядели разочаровывающе. Одного арифметического увеличения численности правых в Думе оказывалось явно недостаточно, чтобы это можно было поставить в актив самодержавия. А между тем, хотя от губернаторов в роли главных устроителей выборов и главных же за них ответчиков и требовались ловкость и умение добиваться заданного, не давая пищи оппозиции, все же их манипуляции, пушенное в ход грубейшее давление на избирателей, производимые на каждом шагу нарушения закона для проведения в Думу правых не могли быть скрыты. «Результаты выборов и отношение к ним администрации и в особенности ведомства православного вероисповедания, — отмечалось в составленной в Министерстве внутренних дел справке, — вызвали глубокое раздражение в самых разнообразных кругах избирателей».²²

Не получив нужную себе Думу, самодержавие своей неудав-

шейся попыткой совершить некое подобие государственного переворота, низведя Думу при формальном сохранении ее прежнего статуса до положения своего беспрекословного подручного, нанесло себе значительный политический урон.

Попытка отодвинуть страну вспять, массовое и повсеместное применение старых методов управления, достигшее апогея в выборную кампанию, много содействовало совершавшемуся в России процессу полевения. То было одним из наиболее крупных поражений самодержавия и одновременно союзных ему сил, предвестником ожидающего их краха, как и свидетельство их неспособности сойти с ведущего к нему пути. Нацеленность дворянской эволюции лишь подкрепляла эту подрывавшую всякие шансы на спасение тенденцию.

Приверженность к старому, отжившему успешно противостояла проявлявшейся в дворянской среде тяге примениться к складывающейся обстановке, найти общий язык и заключить действенный союз с всюду утверждающими свою власть, устанавливающими свои порядки буржуазными элементами. Неготовность двинуться в этом направлении явственно обнаружилась, когда вновь на передний план выдвинулась не раз уже обсуждавшаяся проблема пополнения убывающего дворянства. Она возникла еще в 80-е гг. XIX в. как результат острой тревоги за его будущее, когда из дворянских рук уходили десятки миллионов десятин земли и вместе с этим быстро разрушался фундамент дворянского владычества. Этим процессом, который означал коренной социальный сдвиг и неизбежно отразился бы и на положении самодержавия, было обеспокоено как и оно, так и дворянство, и с 80-х гг. правительством предпринимаются попытки как приостановить сокращение дворянского земельного фонда, так и пополнить редующие ряды дворянства. Этим занимались комиссии С. А. Танеева и Н. А. Абазы, но главная попытка решить эту задачу была предпринята на Особом совещании по делам дворянства, созванном в конце XIX в. Пространному обсуждению подверглась тогда отстаиваемая в первую очередь Витте идея приобщить к дворянству новых, уже чисто буржуазных землевладельцев и просто промышленников, действующих в сельской местности. В своих уверениях, что только в союзе с ними, вообще согласуясь с утверждением буржуазного строя, может устоять дворянство, Витте встретил непримиримого противника в лице Плеве.²³ В развернувшейся борьбе, хотя в самом Совещании большинство сложилось в пользу допущения в дворянскую корпорацию новых сочленов из преуспевающих дельцов, вложивших капитал в сельское хозяйство, верх в конечном счете одержала линия Плеве. Оппозиция, постепенно усиливаясь по мере прохождения подготовленного законопроекта через инстанции Государственного совета, настаивала на том, что от привлечения в дворянскую среду «купцов и разночинцев всякого рода» ей будет причинен лишь «громдный ущерб», и на эту же точку зрения встал и сам царь.²⁴ Доступ в дворянство буржуазии, в каком бы

то ни было качестве, накрепко преграждался. Однако продолжающееся сокращение дворянских владений и убыль самого дворянства теперь вновь заставляли вернуться к принятому в 1900 г. решению. Повторное обсуждение дела пошло проторенной колеей. Высказывались те же аргументы и контраргументы, что и десять и более лет тому назад. И, как тогда, предложение в чем-то изменить существующий порядок, пойти на сближение с буржуазией немедленно натолкнулось на упорное сопротивление. В предполагаемом союзнике по-прежнему видели врага, против которого следовало держать неослабную оборону.

Положение отчасти обрисовалось еще в 1909 г. при дискуссии на V съезде по поводу предложения курского представителя Г. А. Щечкова, одного из наиболее видных деятелей Объединенного дворянства, занимавшего место среди крайних правых, и самарского губернского предводителя А. Н. Наумова понизить норму земельного ценза, дававшую право на участие в дворянском собрании. Предварительно они поставили его на обсуждение своих дворянских обществ, поддержавших мысль умножить их постоянно сокращающуюся численность за счет допуска менее состоятельных сочленов. Теперь это предложение, исходившее уже соответственно от курского и самарского дворянства, выносилось на апробацию съезда, дабы получить применение на общероссийском уровне.²⁵

При отмечавшемся малолюдстве самого заседания, на котором выступили Щечков и Наумов, сразу последовали возражения бескомпромиссных блюстителей чистоты дворянских рядов, смущавшихся не их сокращением, а тем, что в них могут проникнуть нежелательные элементы. Так поставил вопрос тамбовский представитель А. Ю. Ознобишин. Он, правда, имея в виду положение дел в Тамбовской губернии, где «вовсе не замечается оскудения полноцензового дворянства», вообще отрицал необходимость в такой мере, добавляя, однако, что «по тому, что я замечал, это большей частью такой элемент, который будет не особенно желателен. Это люди, которые не имеют возможности прожить собственной землей и потому поступают на службу, гоняются за содержанием, принимают места страховых агентов и т. п. Едва ли у них традиции действительно дворянские».²⁶ Соответственно на эту же точку зрения встал С. Ф. Шарапов, напомнивший было при начале прений, что еще в годы министерствования Плеве по его докладу смоленское земство выступило с тем же предложением понизить ценз вдвое и оно даже получило одобрение министра, но с его устранением осталось без последствий. Однако после выступления Ознобишина Шарапов стал толковать, что неперемнной целью должно быть поддержание достаточной материальной обеспеченности членов дворянского общества. Признавая вместе с тем, что «слишком поредели ряды дворянства, слишком плохо эти ряды пополняются» и что «если они поредели и не так значительно в некоторых более счастливых местностях, то в огромном количестве местностей эта разреженность дворянства поразительна», он видел выход не в механическом допуске в слабеющее дворян-

ство материально недостаточных сочленов, а в том, чтобы «привлекать к себе все лучшие элементы страны». «Дворянство, — заявлял он, — должно привлекать к себе все, что является выдающимся среди населения по своим талантам, по своим способностям, но главное — по нравственной высоте своей работы». Его предложение сводилось к тому, чтобы, сузив, насколько возможно, приток в дворянство бюрократии, предоставить местному обществу право, «находя среди жителей своего уезда людей. . . резко выделившихся своими бескорыстными заботами о благе населения», ходатайствовать о возведении их в дворянство. Соглашаясь, что это право должно быть поставлено под самый строгий контроль, он не видел другой возможности поправить положение, констатируя, что в «некоторых уездах. . . дворянство есть единица захудалая, едва держащаяся, которая поглощена борьбой за существование настолько, что у нее на общественное дело не хватает ни времени, ни средств», между тем как «рядом с этим мы видим частных владельцев из других сословий, которые стоят на высоте, производят огромную работу, но по своим ограниченным правам эти господа лишены возможности быть на той высоте, на которой бы им быть надлежало». ²⁷ «Этим путем, — убеждал Шарапов, — вы скорее вытянете из населения те лучшие соки, которые следует давать дворянскому сословию».

Одинаковым образом отрицая, что силы дворянства возрастут от привлечения владельцев мелких имений, Д. Н. Кованько в противоположность Шарапову одновременно посчитал опасным открывать в дворянство широкий доступ выходцам из буржуазии, которые, конечно, составили бы основной контингент ожидаемого пополнения. Его пугало, что в этом случае «может вступить обширный элемент лиц, никакими традициями не воспитанный, который внесет в дворянское сословие свое мировоззрение, свои привычки, свои взгляды. . .». ²⁸ И херсонский губернский предводитель дворянства Н. Ф. Сухомлинов, а также А. П. Струков и екатеринославский губернский предводитель В. И. Карпов не усматривали необходимости менять существующий порядок, тогда как следовало скорее позаботиться об укреплении сословного начала и вообще об упрочении status quo. Тем более что выигрыш от понижения ценза оказывался весьма незначительным. По Самарской губернии, от которой исходило ходатайство, разница составляла 20 % — вместо 315 обладателей полного ценза собрание от понижения ценза вдвое увеличивалось лишь до 360 участников.

По предложению самого докладчика Щечкова решено было предоставить дворянским обществам высказать свое мнение по этому поводу, а пока передать дело в Совет. ²⁹ С тех пор к нему в такой форме уже не возвращались, а в 1911 г. ему снова был дан ход уже в виде давнего проекта пополнить дворянство путем привлечения отличившихся, как это изображалось, своей полезной деятельностью землевладельцев с обращением к той же самой фикции, когда умение выгодно вести дела и наживать деньги приравнялось к крупной заслуге перед обществом и даже госу-

дарством. При обсуждении подобного же приема на Особом совещании по делам дворянства в конце 90-х гг. на логическую несообразность такого подхода обращал внимание еще тогдашний министр юстиции Н. В. Муравьев.³⁰ Но с того времени какого-нибудь другого предлога для возведения в дворянство найти не сумели, хотя за истекшие годы, когда тип капиталиста-предпринимателя стал известен во всех подробностях и на счет его действительных качеств и намерений уже не могло быть никаких иллюзий; разговоры о каких-то бескорыстных дельцах, только и старающихся, забывая себя, принести окружающим всяческую пользу, сделались окончательной нелепостью. И так как реальные лица действительно менее чем когда-либо походили на радетелей общих пользы, а, занятые самособогашением, могли и потеснить или хотя бы оставить далеко позади природное дворянство в умении увеличивать доходы, на что обращал внимание в 1909 г. Шараров, то перспектива допущения их в дворянскую среду обострила и оживила все прежние сомнения и страхи. Они в полную силу прозвучали на заседании Постоянного совета 6 февраля 1911 г., когда среди прочего подвергся обсуждению и этот проект. Выступивший первым А. И. Мосолов и начал с того, что расширять доступ в дворянство «следует очень осторожно». «Нельзя, конечно, не признать факта оскудения русского дворянства», — соглашался он, но вместо привлечения новых членов он рекомендовал направить усилия на поддержание «разорившихся и утративших свою землю родов»,³¹ что тоже уже предлагалось ранее. А открыть широкий доступ новым пришельцам значило «поколебать вековые устои». Точно так же и Н. А. Павлов не ожидал, что их массовый наплыв увеличит силы дворянства, связывая это, напротив, с другими неблагоприятными тенденциями и явлениями последних лет. «Всеобщая демократизация и без того идет усиленным темпом, — рассуждал он, — и способствовать приливу в дворянство чуждых ему элементов вовсе не следует».³²

Оппонировал этой бескомпромиссной точке зрения не кто иной, как сам А. С. Стишинский, один из старейших ревнителей дворянского дела, правая рука Плеве, заведующий делопроизводством Особого совещания по делам дворянства, вместе с Гурко отстаивавший в первой Думе интересы и само существование дворянства и в дальнейшем как член Государственного совета неослабно заботившийся о том же. На этот раз иные сумели оказаться правее его, потому что он, принимая во внимание, что «отлив земель дворянского владения принимает угрожающие размеры», и считая, что если так будет продолжаться, то «поместное дворянство просуществует не более 25—30 лет», высказывался за допуск в дворянскую среду «новых сил из числа лиц известных и заслуживающих всеобщее уважение на местах». Это, как он уверял, «может только послужить на пользу сословию». Его поддержал и Нейдгарт. Но и выступления столь авторитетных лиц не положили конец полемике. М. Я. Говорухо-Отрок в духе сказанного Мосоловым предлагал искать выход в направлении раздачи сво-

бодных земель дворянам, лишившимся своих имений, тогда как «пришлый элемент вряд ли будет удовлетворять необходимым требованиям». Еще резче высказался помощник управляющего делами Совета министров, а в организации Объединенного дворянства новоизбранный член Постоянного совета и тульский уполномоченный И. Н. Лодыженский. Он наотрез отказывался поддержать фикцию «полезной деятельности» проектируемого пополнения, выставляя намечаемых союзников из орудующей в сельском хозяйстве буржуазии в их настоящем виде в качестве не знающих никаких других интересов, кроме наживы, дельцов, уже теперь составивших сильную конкуренцию дворянству. Тульское дворянство «по опыту знает, что землевладельцы недворяне часто не считают с традициями дворянства, — заявлял он, — и не стесняются в своей сельскохозяйственной и общественной деятельности, прибегая к таким приемам, которыми дворянство гнушается».³³ Для него это был опасный противник, уже теперь сумевший потеснить дворянство, оттирающий его от руководства делами в местах его прежнего безусловного господства. «Есть уезды, где такие лица, не будучи дворянами, являются коноводами в земских собраниях, — жаловался Лодыженский, — и широко влияют на все течение дел». А так как немало дворян уже попало в материальную зависимость от них, то при создаваемой возможности приобрести дворянство они без труда пройдут в дворянское общество, завладеют им и, подразумевалось, сделаются хозяевами уезда. Ввиду выявившихся разногласий Совет решил поставить дело на рассмотрение дворянских собраний, заручившись на это согласием VII съезда, которому пока предлагалось воздержаться от обсуждения поднятого вопроса.³⁴

До VIII съезда, когда, согласно полученным ответам, следовало принять решение, Постоянный совет, однако, вновь вернулся к этой проблеме в связи со ставшим известным собиранием министром внутренних дел через губернаторов сведений о возможных кандидатах в дворяне, чем был встревожен узнавший об этом А. А. Нарышкин, имея в виду, что дворянство не должно оставаться здесь в стороне.³⁵ При обсуждении дела на следующем заседании Бобринский высказался об опасности «желания пополнить дворянское сословие целым рядом лиц зачастую без ведома самого сословия», точно так же как и некоторые другие члены Совета в поддержку этого и, видимо, в духе прежде занятой позиции сочли нежелательным «наплыв значительного количества новых, не всегда подходящих элементов», а саму инициативу министерства «опасным симптомом». Какой-то зондаж в сферах, очевидно, уже был произведен, так как Совету в успокоение было доложено, что от министерства поступило разъяснение о чисто справочном характере производимой анкеты и отсутствии намерений подготовить массовое возведение в дворянство новых членов.³⁶ Гевлич и Карпов сочли после этого инцидент исчерпанным, Бехтеев же указал на то, что само дело стало тем более актуальным после того, как царь на докладе Бобринского о VII съезде обнаружил, что «весьма

сочувствует заботам дворянства о том, как наилучше пополнять сословие».

Однако, как показало все дальнейшее, это дело явилось для организации камнем преткновения. К моменту созыва в начале марта 1912 г. VIII съезда полной ясности о точке зрения, на которую встало дворянство, так и не наступило, так как на разосланный запрос ответили в той или иной степени положительно 19 обществ, 7 отрицательно, а 3 общества не прислали никакого ответа. На предварительном перед началом работы VIII съезда рассмотрении на Постоянном совете подготовленного доклада о рекомендуемом порядке возведения в дворянство сближения сторон также не произошло, и если одни видели в обсуждаемой мере единственную возможность уцелеть, то другие усматривали в ней такой удар дворянству, от которого ему будет уже не оправиться. Павлов, Мосолов и Лодыженский с прежней непреклонностью высказывались против всякого расширения возможности проникновения в дворянство. Лодыженский на этот раз пошел даже дальше, считая, что заботиться надо, наоборот, о том, чтобы «остановить ныне наблюдаемый чрезмерный прилив новых лиц, в большинстве случаев совершенно чуждых дворянству», осуждающе отзываясь заодно о том, что «за последнее время мы вообще склонны коренным образом менять наши законы».³⁷ В этом случае они опять оказывались несколько правее тех, кто, подобно А. П. Струкову, стоял как будто бы вне конкуренции в качестве признанного выразителя взглядов наиболее ретроградно настроенной части дворянства. И как прежде Стишинский, так он теперь в известное противоречие с высказанной ранее точкой зрения все же выразил опасения, что прогрессирующее оскудение дворянства поведет неизбежно к перемене в местном самоуправлении, на что последовало возражение Павлова, что численность дворянства не уменьшается, а сокращается лишь находящийся в его распоряжении земельный фонд и следует ожидать времени, когда оно сможет приостановить этот процесс, а там и приступить к реконкисте. Последнее выглядело, конечно, слишком маловероятным, и пока заботы большинства Совета концентрировались при всех высказанных возражениях на привлечении в дворянскую среду новых сочленов, но при невозможности достичь соглашения было решено представить доклад VIII съезду без какого-либо заключения.

На самом съезде была воспроизведена та же широкая амплитуда разногласий, крайние точки которой опять-таки выражали мнения о невозможности обойтись дворянству без пополнения и с противоположной стороны о губельных последствиях от вторжения в его среду чуждого элемента. Инициатор всего дела херсонский представитель гр. В. В. Стенбок-Фермор ставил дилемму — быть или не быть дворянству вследствие того, что ряды его «редеют не по дням, а по часам». Как участника в недавнем прошлом Совета по делам местного хозяйства его «привело в такой ужас», когда отчасти по этой причине возникла перспектива «сведения роли уездных предводителей на нет», что после этого, пере-

полошившись, он обратился к поискам путей усиления дворянства. Он считал вполне безопасным предоставить дворянским обществам возможность намечать подходящих кандидатов для возведения в дворянство, упоминая о том, что как раз теперь сверху «навязывают лиц», пошедших на крупные пожертвования по ведомству императрицы Марии и получивших за это соответствующий чин.³⁸ Дворянские же общества будут указывать тех, кто «сроднился с дворянством», допуская, впрочем, что и «какому-нибудь разбогатевшему торговцу» следует выставить такую приманку, а то «теперь разнузданность полная». Имея же шанс обрести дворянское звание «за хорошее поведение» если не самому, то потомкам, теснящие, как следует, видно, понимать слова о «разнузданности», дворянство дельцы будут держать иначе. И пензенский представитель кн. А. Д. Оболенский полагал, что «вопрос этот имеет громадное существенное и жизненное... для дворянства значение» и без притока свежих сил оно придет в окончательный упадок.³⁹ Но для большинства, каким оно сформировалось на съезде, важнее было другое — предотвратить наплыв посланцев мира капиталистической наживы, с которыми дворянство в своей массе было не в состоянии тягаться, так что оставалось лишь попрекать их в «разнузданности». «Я страшно боюсь», — говорил тульский уполномоченный кн. А. П. Урусов, демонстрируя одним употреблением таких слов, как велики опасения, что при новом порядке последует появление «людей богатых».⁴⁰ В духе прежде высказанного им на Постоянном совете этот взгляд поддержал и еще четче сформулировал причины, побуждавшие запретить двери перед новыми пришельцами, тульский представитель Мосолов. Он предлагал взглянуть на дело с точки зрения возможности повторения недавних еще потрясений революционных лет, не считая достигнутое успокоение сколько-нибудь прочным. «... Не время в настоящую минуту колебать значение дворянства; время вовсе не такое спокойное, а наоборот, нам нужно укрепляться, соединяться, — убеждал он, — а никоим образом не расслабляться», тем более что «тяжелое время, которое мы переживаем», отнюдь не предел возможного, а «может быть, наступят еще более тяжелые времена».⁴¹ Представитель курского дворянства Л. П. Батезатул сообщил, что оно после двухкратного обсуждения высказалось насчет предлагаемого нововведения «категорически отрицательно».⁴² Явились даже, подобно московскому представителю Б. Н. Шеншину, сторонники дальнейшего сужения возможностей приобрести дворянство.⁴³ Для ряда же участников удачным решением проблемы показалось предложение другого московского уполномоченного В. И. Чернопятова усилить дворянство за счет его недостаточных членов. «Если вы хотите задержать таяние дворянского землевладения и получить кадр новых крупных помещиков, то поддержите, — предлагал он свое решение задачи, — лишь существующее цензовое, мелкопоместное и беспоместное дворянство, числом обильное в центральных губерниях».⁴⁴ Каким, однако, образом этого достичь, он

не разъяснил, ограничившись лишь пожеланием облегчить детям не имеющих необходимых средств дворян получение образования.

Дискуссия при выявившихся разногласиях не завершилась принятием какого-либо положительного решения, и в конце концов последовали совету Гурко направить дело на дальнейшее обследование, хотя кн. А. Д. Оболенский и предупредил, что «передавать этот вопрос на новое рассмотрение дворянских собраний значит совершенно его похоронить».⁴⁵ Перевесило все же другое опасение, выставленное следом как возражение Оболенскому Нейдгартом. Он рассуждал с той точки зрения, что новый порядок «вносит органические изменения в состав сословия, а изменения, кажущиеся незначительными с первого взгляда, могут со временем оказаться губительными для дворянства». «Тише едешь — дальше будешь», — заключал он,⁴⁶ и в этом темпе и решено было действовать.

За время, истекшее до созыва очередного IX съезда в начале марта 1913 г., никакого сближения спорящих сторон не произошло. Скорее, напротив, сопротивление противников приобщения к дворянству выходцев из буржуазии обострилось.

На предсъездовском заседании Постоянного совета 15 февраля 1913 г. Говорухо-Отрок встал на позицию, за которую нельзя было сделать ни шагу дальше. «Лучше смерть старого дворянства, — заявлял он, — чем искусственное возникновение какого-то нового, не имеющего в своих источниках никаких дворянских традиций, никакой истории, никаких крепких и благородных заветов».⁴⁷ Столь же категорически были настроены Лодыженский и Булычев. Первый поставил все точки над і, без всяких недомолвок определив проектируемое пополнение как буржуазию, и в этом качестве наотрез отклонил ее в роли союзника. Не оставляя никакой почвы для компромисса, он сетовал, что и так существует «слишком много путей для проникновения в дворянство лиц из посторонних ему кругов», и потому посчитал «совершенно излишним устанавливать еще новый способ привлечения в сферу дворянства лиц иносословного происхождения». Суть же заключалась в том, что «ведь главным контингентом. . . будут землевладельцы из купцов, а всем известно, что такое тип деревенского купца — Колупаевы и Разуваевы, деятельность которых на местах и даже самый способ ведения хозяйства ничего общего с дворянскими традициями не имеет».⁴⁸

В противность этому гр. Стенбок-Фермор продолжал твердить, что «в дворянство следует влить новую струю, пока еще не поздно». Он не только не ожидал никаких опасностей и иных неблагоприятных последствий, но уверял, что дело пойдет наилучшим образом, поскольку «новые элементы быстро ассимилируются и впитают в себя вековые дворянские традиции», вполне уподобясь «коренному дворянству». Повторяя, собственно, то, что произносилось еще на Особом совещании по делам дворянства почти уже двадцать лет тому назад, когда тоже уверялось, что новое пополнение совершенно подчинится «неотразимому влиянию» старорежимного

дворянства, Стенбок-Фермор впадал, конечно, еще в худшее заблуждение, потому что за истекшие годы неизмеримо подвинулась передвижка силы и влияния в пользу буржуазии и в ущерб дворянству и не напрасно высказывалось опасение, что если право принимать новых членов будет предоставлено дворянскому собранию, то местные капиталисты-землевладельцы, имея в нем достаточно зависящих от себя помещиков, не только с их помощью окажутся там, но и начнут верховодить в уезде. Стенбок-Фермор впадал в вольную или невольную иллюзию, но действительно, дворянское руководство в данном случае сталкивалось с задачей, от решения которой, как хорошо сознавалось, зависит более чем когда-либо судьба дворянства и решить которую удовлетворительным образом оно было не в состоянии, а это определялось уже тем, что немалая часть дворянства была крепчайшим образом связана с прошлым и новое представлялось ей смертельно враждебным — уже в самые последние сроки, отпущенные старому строю.

До какого экстремизма доходила эта фракция в своем отрицании неотвратно совершавшегося в России процесса обуржуазивания, видно и из того, что она оказывалась правее и таких подлинных глашатаев дворянской реакции, как Стишинский и, если обратиться к разбираемой сессии Постоянного совета, Нарышкин. На следующем его заседании он высказался в том смысле, что «пополнение дворянства новыми достойными людьми составляет настоящую нужду» и Совет постановил возбудить ходатайство о разрешении губернским предводителям через министра внутренних дел обращаться к царю с представлением о возведении в дворянство «заслуженных местных деятелей».⁴⁹

На самом IX съезде дело не подвинулось вперед ни на шаг и дискуссия, в которой выступило 20 его участников, не дала никакого практического результата. Шло топтание на том же самом месте, и в этом топтании окончательно выяснилось, что новым тенденциям в дворянстве не пробиться через глухую оборону тех, кто, подобно Говорухо-Отроку, собирался стоять насмерть, но и близко не подпустить к себе в массовом порядке укореняющуюся на земле буржуазию.

Они все более выдвигали на первый план, мотивируя свою каменную неуступчивость, соображения политического порядка, прямо говоря о близящемся возобновлении штурма старого строя. На этом делал акцент неизменный противник предлагаемых перемен Мосолов. Еще громче и настойчивее предостерегал он от пополнения дворянства «ненадлежащим элементом в то время, когда дворянское сословие, имеющее свои традиции, может быть призвано в недалеком будущем стать твердой стеной» в защиту коренящегося в прошлом и на нем же держащегося порядка.⁵⁰

Завершающий удар по противной стороне нанес Пуришкевич, разгромивший в своей полной неистовой запальчивости и поставившей рекорд по продолжительности речи «эту опасную реформу, подкапывающуюся под самой основой российского дворянства». Обращаясь к аудитории, он даже не уговаривал, а требовал

в самом категорическом тоне: «...вы должны отвечать прямо, твердо и гордо одним словом, и это слово — никогда».⁵¹

Все прежде выставлявшиеся возражения он возвел в новую степень, доведя их до крайней ожесточенности и остроты, уничтожая в корне малейшую возможность компромисса. Во всей речи выдерживался четкий классовый подход, предполагаемый союзник, выглядевший столь неопределенным у сторонников привлечения новых сил, получал вполне определенную классовую принадлежность и именно в своем однозначно установленном качестве объявлялся полностью неприемлемым как носитель тех свойств и того образа жизни, с которыми следовало вести неослабную борьбу. Для Пуришкевича это были выходцы «из того класса, который наводняет наши губернские города», и из этого «капиталистического класса» «предлагают пополнять ряды наши, из этого класса нам предлагают взять варягов для обновления дворянства, так как это те люди, на которых должна зиждиться будущность России». «Я самым категорическим образом против этого», — становился Пуришкевич на позицию воинствующего утверждения вредности какого-либо сближения с теми, кто воспринимался лишь в качестве теснящей дворянство враждебной силы.⁵² «Мы должны этого остерегаться как огня», — проводил он непреходимую границу между двумя классами. И, предостерегал он, следуя этой линии, «несомненно, когда они будут проникать в наши ряды массами, будьте уверены, г. г., тогда конец всему, конец той старой России, которую мы имеем в настоящее время... они принесут с собой гибель традиций, гибель нашего сословия, гибель консервативных начал».⁵³ «... Назойливые, наглые, честолюбивые капиталисты проникнут в наши ряды, они станут хозяевами положения. Мы должны бороться и остерегаться этого, не давая им хода», — такая характеристика давалась намечаемому союзнику, перед которым требовалось запереть двери на все замки и задвижки.⁵⁴

Пуришкевич соглашался, что дворянство материально ослабело и, «может быть, уменьшилось в числе активных членов», но он не придавал этому определяющего значения. И при понесенном уроне оно все равно «представляет грозную силу, сплотившуюся вокруг престола... которая будет вести Россию по тому пути, по которому она шла до сих пор».⁵⁵

В своей непримиримой враждебности к буржуазии как объективно единственному новому источнику пополнения редующих рядов дворянства Пуришкевич, подобно Чернопатову и некоторым другим, считал вполне достаточным укрепить их за счет привлечения тех членов сословия, которые пока что состояли в разряде недостаточных,⁵⁶ т. е. путем наложения заплат из еще более ветхого материала, чем тот, который собирались чинить. Полная политическая неподвижность, воинствующий экстремизм в отрицании утверждающегося буржуазного порядка вместо поисков установления с ним *modus vivendi* получили в выступлении Пуришкевича законченное выражение, подобные же выступления за эти годы и на съездах, и в Постоянном совете указывали, что в дворянской

среде антибуржуазное течение со временем, скорее, даже усиливалось, делалось более агрессивным. Антибуржуазность не сглаживалась, а, наоборот, становилась все более антибуржуазной. И когда после сказанного Пуришкевичем на ту же точку зрения встал и глава правого центра Государственного совета А. Б. Нейдгарт, заявивший, что «прилитие новых сил, тем более предлагаемым способом, уподобится той заплате на одежде, которая. . . прорывает еще худшую на ней дыру»,⁵⁷ то это означало, что экстремистские тенденции приобретали возрастающий вес. Отражением этого явилось и повторное решение IX съезда отправить дело на новое рассмотрение дворянских собраний, после чего в оставшееся до войны, а там и до краха всего старого порядка время к нему уже не возвращались.

Нарастающая изоляция, а вернее даже намеренная, принявшая вызывающе антибуржуазный характер самоизоляция дворянства, свидетельствовала помимо всего прочего о его прогрессирующем упадке, о неспособности удержать за собой положение лидирующей силы. Столь сильное и непреклонное в отрицании, оно вместе с тем обнаруживало граничащее с беспомощностью бессилие остановить так пугавшее его самого скольжение вниз, выступить созидательной силой. В этом смысле символична судьба замысла одного из самых активных еще с начала века дворянских деятелей, а именно Н. А. Павлова, возбудившего вопрос об объединении дворянства на экономической почве, как он сам это сформулировал. В поданной в ноябре 1910 г. докладной записке в Постоянный совет, членом которого он сам состоял, предлагалось создать мощную организацию с участием сотен тысяч земельных собственников наподобие союза сельских хозяев в Германии так, чтобы она могла не только выволочь дворянство из экономической зависимости от эксплуатирующих сельское хозяйство капиталистов, присваивавших себе, как доказывал Павлов, львиную долю всей получаемой прибыли, но и вообще стать крепкой преградой на пути всех враждебных дворянству сил. «Нужно начинать борьбу за существование: за свое право, за свою землю, — таков был, по мнению Павлова, поставленный всем ходом дел жесткий императив, — нужны общие усилия и полное напряжение всех сил». От него некуда было деться, и впереди предстояло только одно — «борьба, т. к. дворянству объявлен по всему фронту беспощадный вызов».⁵⁸ Но если столь исключительных масштабов достигла грозящая опасность, то дворянство в своем теперешнем состоянии плохо подготовлено к ее отражению, потому что «в жизни повседневной, рабочей. . . только оно одно живет разомкнуто, далеко от общих интересов». «По моему убеждению, рознь та же, как была и до смуты, — заявлял он, — быть может, еще большая в силу нового дикого партийного начала, смутившего и наши дворянские слои». Положение дополнительно осложнялось и тем, что, как он утверждал, «надежды на какую-либо помощь правительства, на какое-либо внимание к нуждам сословия нет никакой».⁵⁹ Придавая несоразмерное значение случавшимся за последние годы расхож-

дням между обоими, он делал в адрес первого тот упрек, что «правительствам XX века нужны люди из дворянства, а не дворянство; черта эта проводится совершенно определенно государственной властью с 1901/02 года».

Таковы были в его изображении общие условия, заставлявшие спешно позаботиться о сплочении наличных сил, тем более перед лицом крепнущей организованности сельскохозяйственных рабочих, а кроме того, усиливающейся эксплуатации всей отрасли внедряющимся в нее капиталом. «Частное землевладение, — жаловался он, — передает миллионы взяток и комиссионных синдикатам и целой армии ростовщиков и всякого рода мошенников». При создании предлагаемого объединения Павлов имел в виду лишь дворянство, считая, что предыдущие формирования подобного рода — Союз землевладельцев и Союз земельных собственников — потерпели неудачу из-за провалившихся попыток привлечь в них другие социальные силы — «крестьяне не готовы были идти, купечество явно уклонялось от единения с дворянами и в силу целого ряда причин еще долго не пойдет навстречу призывам дворянства».⁶⁰

Организуемое сообщество должно было заняться исключительно широким кругом дел. Оно должно было обеспечить «недорогой, гибкий кредит», повести хлебную торговлю «без посредства биржи, агентов, мелких хлеботорговцев, комиссионеров и т. п.», с включением далее «установления непосредственных сношений с внутренними и заграничными рынками». Подобным же образом предполагалось поставить сбыт всех остальных сельскохозяйственных продуктов. В сферу его действия попадали и покупка, а также ввоз сельскохозяйственной техники, затем «организация сети распорядительных советов, ведающих сношениями дворян со всеми кредитными учреждениями, банками — дворянскими и частными по делам залогов, кредитов и покупки земли». Намечалась далее «организация постоянных съездов землевладельцев». При пока что полном отсутствии чего-либо подобного совершалась коренная перемена всей практики жизни дворянства, его хозяйствования. Но намечаемый переворот, убеждал Павлов, сделался неотложной необходимостью, несмотря на некоторые изменения к лучшему в экономическом положении владельцев имений, происшедшие в последние годы. «Резкое повышение цен на землю, небывалая устойчивость высоких цен при сильных урожаях в течение 3-х лет дали устойчивость бодрому настроению дворянства. Деньги от продажи частой владений и перезалогов по высокой оценке внесли даже некоторую долю веселости в настроение и во взгляды на будущее», — отмечалось обстоятельство, явно не благоприятствовавшее осуществлению плана такого размаха, реализация которого потребовала бы громадного труда и стараний. Но Павлов обращал внимание на кратковременность наступившего улучшения, уже теперь подрываемого вздорожанием рабочих рук. И еще большую тревогу вызывала потенциальная опасность со стороны крестьянства. Возможное понижение цен на хлеб при продолжении

роста цен на землю «в 2—3 года создаст в крестьянской среде новое и еще более тяжелое, чем до 1905 года, недовольство и движение». ⁶¹ Враждующие армии занимали все те же рубежи, и следовало готовиться к возобновлению боевых действий, не полагаясь, снова подчеркивал Павлов, на то, что «временно царит кратковременное и обманчивое успокоение, таящее в себе взрывы злобы и ненависти все к тому же дворянству». ⁶²

Предложение Павлова обсуждалось в Постоянном совете 12 ноября 1910 г., и, естественно, трудности дела, прежде всего неразработанность способов достижения поставленной цели, сразу обратили на себя внимание. Г. Н. Глебову и А. А. Нарышкину казалось предпочтительнее, не приступая сразу к организации столь крупного предприятия, попробовать сделать первые шаги в уездах и уже в зависимости от их успеха двинуться дальше. ⁶³ Это вызвало возращение С. П. Фролова, небезосновательно предположившего, что «небольшая единица неминуемо погибнет, задушенная другими большими величинами». ⁶⁴ Но именно из его слов, а он выступил дважды, стало видно, насколько значительные препятствия могут возникнуть на пути осуществления столь крупного дела, если принять во внимание жалкую неудачу предыдущих попыток претворить в жизнь гораздо более скромные начинания. Красноречив был пример Союза земельных собственников, насчитывавший всего 53 члена, уплачивавших членские взносы. В массе дворянство и в самой малой степени оказывалось не подготовленным для действительного, требующего постоянных и неослабных усилий объединения. Неудача, по уверению Фролова, коренилась в «ужасающем равнодушии самого общества, в страшной апатии, закоренелой склонности, даже не внося незначительного членского взноса, ничем никогда не придя на помощь общему делу, ждать, что кто-то все за вас сделает, обо всем позаботится». Обобщая уже приобретенный опыт, Фролов компетентно заявлял: «... без помощников, без денег, без активно сочувствующей среды многого не сделаешь». ⁶⁵ Хотя столь недавно выявившееся полное отсутствие всего этого явным образом не предвещало успеха новой и гораздо более значительной попытке, он все же говорил о возможности и желательности «поддержать, укрепить и усилить еще существующее влияние и авторитет дворянских имений, дворянского землевладения». Даже и понеся крупные потери, оно все еще первенствовало. «Сколь ни упало, сколь ни сократилось дворянское землевладение, тем не менее вся Россия, как сеть, покрыта еще дворянскими имениями. . .», — указывал он на еще сохранившуюся силу, которая давала возможность по-прежнему главенствовать в деревне, в особенности соединенная в один кулак. Поэтому от считал неверным замыкаться в себе при создании объединения, наоборот, ставил целью вовлечь в него и крестьянство, конечно, на роли младшего партнера. При такой постановке дела организация, рассчитывал он, «даст дворянству возможность широко проявить себя и укрепить за собою культурное и экономическое влияние в стране». ⁶⁶

Следовало, однако, торопиться, поскольку весной возник схожий, поощряемый Главным управлением землеустройства проект учреждения Всесословной сельскохозяйственной палаты. Инициатива в создании палаты принадлежала директору Сельскохозяйственного музея В. Д. Батюшкову, выступившему с нею еще в 1909 г. и снискавшему поддержку крупнопоместного дворянства.⁶⁷ В число учредителей вошли кроме самого Батюшкова бывший министр земледелия, теперь же член Государственного совета А. С. Ермолов, а также и С. П. Фролов.⁶⁸ Собственно учредительством занялась достаточно представительная организационная комиссия, включавшая таких лиц, как С. С. Бехтеев, известный деятель Объединенного дворянства и председатель сельскохозяйственной группы Государственного совета, председатель сельскохозяйственной комиссии Государственной думы проф. С. М. Богданов, член Государственного совета кн. Б. А. Васильчиков, член Государственного совета и видный деятель Объединенного дворянства В. И. Карпов, член Государственного совета, предводитель дворянства Самарской губернии А. Н. Наумов, член Государственного совета гр. Рейтерн бар. Нолькен, член Государственной думы гр. Стенбок-Фермор и ряд других.⁶⁹ Разработанный комиссией проект устава был подан Батюшковым 9 апреля 1910 г. Фролов, хотя и сам был в числе ее основателей, считал, если она будет создана, Объединенное дворянство останется ни при чем — желающих пойти под его команду не найдется. В пользу предложения Павлова высказались также А. П. Струков, гр. Д. А. Олсуфьев, гр. А. А. Бобринский, и для его дальнейшей разработки была под конец создана особая комиссия в составе С. С. Бехтеева, И. Н. Лодыженского, А. И. Мосолова, Д. А. Олсуфьева, А. П. Струкова, кн. А. П. Урусова, кн. Н. Б. Щербатова и самого Павлова.

Совет вернулся к делу 31 января 1911 г., накануне созыва очередного VII съезда Объединенного дворянства. К этому времени комиссия не представила со своей стороны каких-нибудь рекомендаций, хотя поддержка павловского начинания, пожалуй, даже окрепла. Во всяком случае Фролов указывал на «опасность промедления. . . т. к. потребность в экономическом объединении давно назрела и инициатива в этом деле может быть предвосхищена другими сословиями».⁷⁰ Снова настаивая на бессословном характере организации, Фролов упомянул в этой связи о подвигающемся параллельно устройстве сельскохозяйственной палаты, пользовавшемся к тому же покровительством Главного управления землеустройства и земледелия. Было признано необходимым поставить доклад Павлова по обсуждении его на Совете на рассмотрение съезда, предварительно разослав его уполномоченным. На заседании 14 февраля Павлов изложил свой план, подавая его как единственную возможность устоять под напором враждебных дворянству сил. Он убеждал теперь уже съезд, что «за промежуток с 1905 года ничего не произошло доброго и то хмурое и тяжело состояние, в котором дворянство жило 5 лет тому назад, до сих пор не изменилось. Мы также идем в беспутное пространство буду-

щего, также не глядим вперед». ⁷¹ При отсутствии какого-либо улучшения и при надвигающемся, напротив, ухудшении обстановки он обращался с призывом к дворянскому миру зажить по-новому, перейдя на совсем иную основу. «Пора отказаться от ревнивого индивидуализма в своих хозяйствах, — выдвигал он свой главный тезис, — и сплачиваться в группы». Настоятельность перехода к такому способу существования мотивировалась, во-первых, невозможностью совладать с крестьянством старыми методами. «. . . Рабочие крестьянские организации существуют, и борьба с ними возможна, но не путем насилия или каких-либо требований от правительства административных мер, — рассуждал он, принимая в соображение произведенный революцией сдвиг, — а единственным способом нашего тоже справедливого сплочения». ⁷² Оно было тем более необходимым, доказывал он, перед лицом «гораздо более опасного врага», каким выставлялся весь мир посредников, т. е. действующая в области сельского хозяйства буржуазия во всех ее разновидностях и разрядах. Выдвигая как главную задачу тотальное вытеснение ее, он ожидал, что удержавшиеся на земле дворяне, «не переставая быть баринами, но не обращаясь в торгашей, пойдут навстречу времени, будут сами продавать и сами покупать». ⁷³ Пока же имелось в виду получить по 50 000 руб. от губернии на образование основного капитала объединения и приступить к широкой пропаганде затеваемого предприятия и выявлению и организации желающих принять в нем участие. «. . . Крайняя необходимость наступила, — убеждал Павлов, — и. . . мы обязаны помочь самим себе дело сделать». ⁷⁴ И, убеждал он далее, в самом спешном порядке, так чтобы начать уже летом 1911 г., а иначе «дело это перехватят в течение ближайших 3—4 месяцев».

Павлов здесь, очевидно, подразумевал все ту же сельскохозяйственную палату, но ему, по-видимому, не было известно, с какими трудностями столкнулись ее организаторы. Их замысел вполне неожиданно для них самих оказался в глазах властей какой-то политической диверсией, и они вдруг со своим предположением привлечь к участию в палате земства предстали в роли нарушителей спокойствия. На объединение земств в какой бы то ни было форме, хотя в них теперь распоряжались сугубые ретрограды, сохранялся тот же бескомпромиссно отрицательный взгляд, как в дореволюционную эпоху. И по рассмотрении представленного устава Министерство внутренних дел 11 августа 1910 г. дало по нему безусловно отрицательное заключение, мотивируя его именно тем, что палата явится союзом земств, ⁷⁵ и как бы ни были громки и звучны имена учредителей с их патентованной благонадежностью, все равно в их планах усматривался опасный подвох. Им пришлось услышать обвинения чуть ли не в революционных посягательствах: «. . . проектируемый вами центральный орган есть союз союзных организаций, и чувствовался призрак „союза союзов“. Когда речь шла об экономических силах, выступали призраки „третьего элемента“ и „аграрных беспорядков“ и пр.». ⁷⁶ Как свидетельствовал

один из инициаторов всего дела С. М. Богданов, «надо было очень много времени, чтобы добиться утверждения устава. . . часто казалось, что надо бросить все. . .».⁷⁷ Павлов вряд ли был осведомлен об этих зловключениях конкурентов, пока же его призыв выступить всеми силами в поход для нового утверждения дворянской власти был встречен среди собравшихся с полным одобрением и приветствовался как давно назревшее дело. В особенности привлекала возможность сблизиться на этом пути с собственническим крестьянством, взяв его под свое начало, и таким образом сделаться руководящей политической силой. Здесь виделась возможность повторить опыт Германии. «Когда там после ухода Бисмарка стали преобладать антиконсервативные тенденции, — брал за образец для подражания ее пример прибалтийский барон Г. Ф. Розен, — когда этим тенденциям стало поддаваться германское правительство, тогда консервативные элементы сплотились, организовали сельскохозяйственные союзы, в которые вошли не только помещики, но и крестьяне и другие лица и учреждения, сочувствующие им». Достигнутые ими результаты мечталось воспроизвести на российской почве. Ведь объединения «не только постоянно оказывают громадные услуги членам союзов в материальном отношении, но они теперь пользуются почти решающим влиянием на выборы в законодательные палаты и вообще в политической жизни, и правительство теперь там с ними должно считаться».⁷⁸ Следовало двинуться этим же путем, делая новый шаг в направлении, определенном дворянством на первых съездах. Розен напоминал, что именно на них «впервые с полной ясностью были выражены те мысли, которые впоследствии были проведены в жизнь законом 9 ноября». В перспективе теперь виделась возможность окончательно обезопасить себя от всяких превратностей и неожиданностей, поскольку «окрепшее материально и крепко сплоченное дворянство, за которым, как солдаты за офицером, стоят широкие массы консервативно настроенных крестьян-собственников, представляет собою такую силу, которой несомненно со временем удастся разбить и обезоружить всех многочисленных внутренних врагов. . .».⁷⁹

Больших прений затем не развернулось, но все выступавшие единодушно высказались в пользу проекта. Тревогу, поднятую Павловым, в той или иной мере разделяли все. Он действительно попал в больное место. Как выразился кн. Н. Б. Щербатов, «если бы нам не был представлен такой доклад, необходимо было бы, чтобы к будущему собранию такой доклад был приготовлен». Давнее беспокойство только ждало случая проявить себя. Значение продолжающегося уменьшения дворянского землевладения было самоочевидным. «Несомненно, что мы потеряли в самое короткое время 32 % наших владений. Такое колоссальное уменьшение дворянской собственности грозит несомненно ужасными последствиями для нас как сословия», — рассуждал в унисон с Павловым кн. А. П. Урусов из тульской губернии. Безоговорочно соглашался с тезисом Павлова, что положение несколько не улуч-

шилось, орловский представитель Б. Н. Шеншин, упоминая о «тех угрожающих. . . страшных тех обстоятельствах, которые мы пережили несколько лет тому назад и которые до сих пор не дают никакого просвета, никакой твердой надежды на вполне ясное будущее». Напротив, «враг близок. Вспомните, — обращался он к аудитории, — то выражение, которое потрясло Рим. Вот, мне кажется, у нас действительно ante portas те враги дворянства, которые только ждут окончательно погибели дворянства в его экономической мощи, оставшейся у него, чтобы задушить, продать и захватить его положение».⁸⁰ Констатируя, что доклад «вызвал в его общих чертах сочувствие всего собрания», Щербатов как бы в виде итога состоявшегося краткого обсуждения заявлял: «Всем ясно, что дальше так хозяйничать, как хозяйничаем мы, все русские землевладельцы, нельзя». Поэтому когда Фролов в духе сказанного им на обсуждении в Постоянном совете предложил немедленно приступить к практическим действиям для осуществления проекта в опасении, что иначе дело будет перехвачено другими, и для этого создать авторитетную комиссию с участием помимо специалистов «крупных финансовых и коммерческих деятелей, при помощи которых и возможно найти путь и способы для осуществления этого обширного проекта», а затем возможно скорее созвать съезд уполномоченных, то это было принято без каких-либо возражений и с той единственной поправкой, чтобы все решенное велось не только в порядке неотложности, но и спешности. Осуществлением плана должна была заняться избранная съездом комиссия в составе С. П. Фролова в качестве председателя, затем самого Павлова, М. Н. Головина, Д. В. Хотяинцева, кн. Н. Б. Щербатова, бар. Г. Ф. Розена, В. М. Дерюгина и по личной просьбе Павлова А. Д. Головина.⁸¹ В марте ведется усиленная работа над уставом, для которой И. Н. Лодыженский как помощник управляющего делами Совета министров отрядил «опытных чинов» своей канцелярии.⁸² 20 мая Фролов доложил Совету о завершении работы комиссии. Готовый устав и доклад Павлова решили разослать губернским и уездным предводителям с просьбой прислать отзывы к 1 ноября 1911 г. Павлов высказал пожелание, чтобы в каждый уезд было бы отправлено по 150 экземпляров, но этому воспротивился Панчулидзе, настаивавший на ранее принятом решении.⁸³ К этому моменту у Павлова уже накопился ряд претензий к комиссии, упрекаемой им в недостаточно энергичном ведении дела при игнорировании его самого.⁸⁴ Более всего Павлов был задет тем, что вместе с проектом устава и его докладом одновременно рассылались критические замечания на последний саратовского представителя Э. А. Исеева, даже не присутствовавшего на съезде.⁸⁵ 8 июля он представил пространные возражения на разработанный комиссией устав.⁸⁶ «Если бы я мог думать, что Совет так поступит с моим докладом и начинанием, — пишет он в новой жалобе 14 июля, — я бы никогда такого доклада не подавал».⁸⁷ Неудовлетворенный полученным ответом, он помещает в «Новом времени» от 20 августа письмо в редакцию с упреками по поводу допущенных в его

отношении неправильностей. Распря еще более обостряется к ноябрю, когда Павлов подает Бобринскому форменное обвинение Фролова в обструкции.⁸⁸ Собственно, неумелым ведением дела объясняет он отсутствие сколько-нибудь значительной реакции на разосланные материалы со стороны провинции, выяснившейся к концу года. При ином подходе, не сомневался он, именно дворянству «как первому земельному сословию и первому испытавшему на себе натиск безземельных»⁸⁹ было бы легко убедить местных землевладельцев в необходимости создать организацию с включением и «тех новых земельных собственников-крестьян, которые только что начинают жить нашей жизнью», «против наступающей систематически армии пролетариата общественного и городского». В этой уверенности он даже несколько расширяет свой первоначальный план, выступая теперь с предложением наряду с устройством съезда учредителей будущего союза созвать также всеобщий съезд землевладельцев в мае 1912 г., совместив их во времени. Последний мог бы заняться обсуждением таможенных и торговых договоров, выборов в Государственную думу, волостного земства.⁹⁰

В реальности, однако, приходилось считаться с тем, что на протяжении года вплоть до созыва в начале марта 1912 г. VIII съезда Объединенного дворянства дело не только не двинулось вперед, но явственно обозначилось, что шансы осуществиться задуманному весьма слабы. Всего на разосланные запросы откликнулось 8 обществ из 37, причем 6 отрицательно, а 2 уклончиво, а из 400 предводителей лишь 11. Расшевелить провинцию не удалось. Тем не менее Совет не посчитал эту неудачу окончательной, и на предсъездовском заседании 2 марта предложение Павлова прозвучало с новой силой, в особенности в связи с выдвиганием на первое место политических целей, выставляемых перед Объединением. На Совете в первую очередь обратили внимание на то, что, «следя за политическими событиями последних лет, нельзя не заметить, что социализм как на Западе, так и у нас делает громадные шаги благодаря сплоченности рабочих масс. . . создаваемой и развиваемой существующими среди рабочих союзами и кооперациями». Но если «для противодействия надвигающейся опасности и усиленной борьбы с все возрастающей силой рабочих масс торгово-промышленные классы и за границей, и у нас образовали сильные в экономическом и политическом отношении организации», то дворянство не сумело проявить такую же способность к объединению. «Крупные землевладельцы, самоуверенно полагая, что они собственными силами сумеют справиться с окружающими их неблагоприятными условиями и враждебными им элементами, недостаточно энергично, — рассуждали присутствовавшие на заседании, — поддерживали идею объединения, средние же и мелкие земельные собственники относились недоверчиво к проектам организации, не сулящим им немедленной и ощутительной выгоды, причем инертность землевладельцев играла также очень большую роль в неудаче возникших сельскохозяйственных союзов. . .»⁹¹

Но, указывалось на совершившуюся перемену, «за последние годы, однако, под влиянием политических событий в связи с возрастающим у нас количеством безземельного пролетариата мысль об экономическом объединении стала встречать большее сочувствие среди местных землевладельцев. В этом отношении Н. А. Павлов явился выразителем давно назревшей среди земельных собственников потребности». Отсутствию достаточного отклика на его проект не придавалось поэтому решающего значения, и Совет соби-рался предложить съезду вновь выразить одобрение его замыслу и избрать комиссию для изыскания действенных способов его осуществления. Ей же поручалось созвать осенью 1912 г. всероссий-ский съезд землевладельцев.

Сам Павлов выступил с пространном докладом в первый же день заседаний VIII съезда, 5 марта 1912 г., связав еще крепче свой план с общими задачами, стоящими перед дворянством как классом, который вступил в эпоху коренных сдвигов, неизбежных столкновений, все обостряющейся в мировом масштабе борьбы между имущими и неимущими. «С 1906 г. не только Россия, — кон-статировал он, — но и все государства переживают грозные, не-ожиданные потрясения», и нужно готовиться к «долгой упорной борьбе».⁹² Он не был обескуражен тем, что его замысел потерпел как будто бы «полное фиаско». Не принял он в целом и «тех пес-симистических взглядов», которые ему, «приехавшему и прожив-шему всего неделю в Петербурге, приходится слышать о положе-нии деревни, о политическом положении России». «Я, — заявлял он о своем несогласии, — не усматриваю и не разделяю той крайне мрачной оценки нашей сельской жизни, как это делают некоторые общественные деятели».⁹³ Тем не менее лейтмотивом его выступле-ния была необходимость готовиться к неизбежной борьбе, только начатой в период революции 1905—1907 гг., а теперь неуклонно разворачивающейся в новых формах и захватывающей всю сферу жизни и складывающейся пока что, по его мнению, неблагоприятно для существующего строя, о чем, считал он, свидетельствовали проводимые реформы, в которых он усматривал проявление сла-бости, а не средство укрепления власти и поддерживающих ее эле-ментов. «... За эти 5 лет, — утверждал он, — в силу целого ряда мировых событий, в силу требований времени не мы, а правитель-ство и общественные сферы и законодательные учреждения, хотя бы нам дружественные, пятятся по всей линии назад, отступая и уступая позицию за позицией в основах порядка и именно права собственности».⁹⁴ Говоря неодобрительно о реформах — «одна мудрей, дороже и путанея другой», — он порицал их прежде всего за то, что они всего лишь «плетни и заборы», а не «прочные стены, защищающие права существующие и нормы порядка!». А между тем весь старый строй — и не только в России, но и в Англии, Фран-ции и Германии и повсюду вообще — подвергался возрастающему напору. «Сейчас, — судил он, — происходит большее, более важ-ное, чем было в 1905 г., происходит мирное, не революционное и не кровавое, но постоянное завоевание власти пролетариата, социа-

лизма, улицы, горожан». «Попробуйте же и вы, — обращался Павлов к аудитории, — сосредоточившись на этом начале громадного мирового движения, разобраться, какое оно имеет к нам отношение; это не бунт, как в 1905 году, и с барабанным боем идущая революция, это нечто более крупное».⁹⁵ Сам он склонен был, по-видимому, согласиться со Снежковым, называвшим происходящее «началом боя рабочих и социалистов по всему фронту собственников». Вот в какой перспективе ставилось теперь создание землевладельческого объединения. «Мы должны признать экономическое объединение средством самозащиты», — так ставился вопрос, тем более что государственная власть не представлялась способной одна отразить этот натиск. «В предстоящей борьбе, г. г., нельзя надеяться лишь на правительство, полагаясь лишь на закон, на его силу, на власть, — внушал он, — уверяя себя, что защищать собственность будет только она. Надо самим приступить к организации самозащиты, самим что-нибудь делать». И едва ли не самой главной целью в этой связи выдвигалось привлечение на свою сторону крестьянства. «Наша сила в крестьянах», — убеждал Павлов, ясно понимая, каковы будут последствия, если они снова двинутся войной на дворянство.

Прения, в которых выступили Снежков, Кушелев, Гурко и некоторые другие, в основном вращались вокруг практики и техники организации предлагаемого объединения, и с этой точки зрения, принимая во внимание весь предшествующий опыт, да и ход дела с обсуждаемым проектом, были высказаны, особенно в выступлении Снежкова, сомнения в способности дворянства пойти на требуемые хлопоты и усилия или вообще наладить столь сложное предприятие, когда могли понадобиться весьма значительные средства при полной неизвестности откуда их взять.

Всем этим решено было в заключение поручить заняться создаваемой в составе 25 членов комиссии, а предварительно вновь выражалось одобрение съездом идеи «Н. А. Павлова о необходимости объединения русских землевладельцев, крупных, средних и мелких, без различия сословий. . .». Комиссии же поручалось созвать всероссийский съезд землевладельцев.⁹⁶ 19 апреля комиссия начала свою работу по его организации.⁹⁷ В начале же июня Совет при обсуждении ее постановлений посчитал первоочередным делом заняться созданием сельскохозяйственных организаций и съездов на местах, а уж затем только обратиться к созыву всероссийского съезда.⁹⁸ Все же, как видно из отчетного выступления председателя комиссии гр. В. П. Орлова-Денисова на IX съезде Объединенного дворянства в начале марта 1913 г., летом и зимой 1912 г. подготовка съезда продолжалась, готовилась его программа и было получено разрешение министра внутренних дел на его проведение. Затем комиссия «задалась целью оповестить землевладельцев всей России о предполагаемом съезде и союзе и оповестила землевладельцев особыми письмами, а также через газетные объявления».⁹⁹ Но пока что до марта 1913 г. правительство еще не утвердило представленный устав. И в оставшееся до начала войны время дальней-

шего движения в этой области не наблюдалось, и все оставалось в прежнем виде. И даже не будь войны, дело ограничилось бы, вероятнее всего, одними разговорами и приготовлениями.

Достопримечателен в этом смысле ход дела с организацией Всероссийской сельскохозяйственной палаты. После того как учредители, испытав всевозможные мытарства, вынужденно отказались от привлечения к участию в ее деятельности земств, измененный устав был утвержден 15 ноября 1912 г., и через месяц состоялось общее собрание членов-учредителей с избранием руководства. Появление палаты ознаменовалось рассылкой 1500 циркуляров во все сельскохозяйственные общества и товарищества, а также во все губернские и уездные земские управы и, кроме того, 30 тыс. обращений к отдельным землевладельцам. Отозвались лишь 16 обществ и товариществ и 131 лицо.¹⁰⁰ Дело не меняется от того, что к началу войны количество участников незначительно возросло. Прав был активно подключившийся к деятельности палаты Снежков, заметивший, что «на ее призыв объединиться мало кто откликнулся».¹⁰¹ И если имелось в виду создать в России некое подобие Союза сельских хозяев в Германии, в котором под главенством юнкерства к началу войны состояло 350 тыс. уплачивающих взносы членов, так что баланс Союза превышал 200 млн. марок и от его имени издавалась газета тиражом в 400 тыс. экземпляров, а время на его организацию заняло всего три месяца, с декабря 1892 по март 1893 г.,¹⁰² то замысел наладить такое же дело под предводительством русского дворянства потерпел полное фиаско. Поэтому правыми, очевидно, оказались бы те, кто считал, что план создания новой организации ждет та же участь, что и предыдущих — Союза землевладельцев, а затем Союза земельных собственников с его смехотворной численностью в 53 члена. Совершить радикальную перемену в привычном ведении хозяйства, на ходу перестроиться, сплотившись на кооперативных началах, дворянство вряд ли бы сумело и захотело, как бы громко и настойчиво его ни призывали к этому его собственные избранные.

В эти годы оно как раз дало новые доказательства своей неспособности сдвинуться с прежних позиций, принять обуржуазивание и весь утверждающийся на этой основе уклад жизни как неизбежную необходимость. Важнейшим проявлением этой линии послужил 20 мая 1914 г., всего за несколько недель до начала войны, провал в Государственном совете, в котором доминировало дворянство, законопроекта о волостном земстве.¹⁰³

Неудача с организацией дворянского экономического союза не была, таким образом, изолированным явлением. Она целиком вписывается в общую картину переживаемого дворянством упадка, наглядно демонстрируя наряду со всем прочим в этом роде, каковы были на самом деле его классовые потенции, насколько оно было способно занять то место предводителя, которое ему прочили как его собственные идеологи, так и вообще приверженцы старого строя. Единственное созданное им объединение так и не сумело стать на правом фланге центра притяжения, организующим фак-

тором, напротив, оно теряло с годами свое значение, когда само тяготевшее к нему дворянство, как уже отмечалось, выказывало насчет него возрастающее безразличие и приезжающие на съезды занимались в основном словопрениями. В практическом плане действенность произносимых речей оценивалась участниками объединения невысоко, да и сама необходимость устройства ежегодных собраний ставится в дворянской среде под вопрос. Принятое решение все-таки продолжить их было больше обусловлено намерением поддержать уже установленный ритуал, чем подлинной потребностью во встречах. Следует признать, что непреодолимая организационная слабость, неспособность собраться с силами и консолидироваться находились в соответствии с общими тенденциями развития самодержавия и дворянства, какими они обрисовывались все явственнее год за годом. Из множества разрозненных событий и фактов вытекало, что их связь с прошлым, пережиточным и уже таким древним, что никакая сила в мире не могла его спасти, сильнее проявлявшейся и в этой среде тенденции к сближению с новым порядком вещей, к перестройке в согласии с требованиями эпохи, формируемой утверждающимся во всех сферах жизни капиталистическим укладом. Какие-то всегда неуверенные, опасливые, противоречивые в самой своей сути, запинаящиеся шаги в этом направлении — а именно так выглядело все делаемое Столыпиным как главным выразителем этой линии — так и не вывели и не могли вывести на путь целеустремленного, осуществляемого с ясным пониманием смысла собственных поступков превращения России в страну законченно буржуазного типа. Но и при всей своей половинчатости намечаемые перемены наткнулись на неослабное и непреклонное сопротивление мира старого, уходящего, рушащегося, но все еще занимающего командные высоты в жизни страны и после отражения грозившего самому его существованию натиска революции настроенного вернуть в ходе разворачиваемой реконкисты, где только возможно, утраченное, не уступая больше ни пяди занимаемой территории, наоборот, намереваясь возможно дальше потеснить те силы, которые хоть в какой-то мере были причастны к наступлению на самодержавие в революционные годы и теперь побуждали его хотя бы и в самом просительном тоне пойти на дальнейшие перемены и преобразования.

Повсеместно осуществляемое движение вспять в особенности стимулировалось делавшейся все более очевидной слабостью противной стороны. Поражение основных сил революции дало убедиться, до какой степени процесс буржуазного преобразования России связан с их успехами и насколько мало могут его продвигнуть вперед, да и просто постоять за себя, собственно буржуазные элементы, предоставленные самим себе. И, напрягая до предела все свои возможности, они оставались мизерной величиной, и в своей немощи не они могли задержать или хотя бы приостановить набирающую разгон реконкисту.

Главной помехой здесь оказывались разрозненность и общий

неудержимо прогрессирующий упадок всего разномастного сонмища, выступившего под ее знаменами, которому был открыт только путь вниз к окончательной и неотвратимой гибели, настолько ринувшийся в ожесточенную войну за свое существование мир старого пережил себя, превзойдя сверх всякой меры все отпущенные ему сроки и сделавшись одним сплошным, патологическим во всех своих проявлениях анахронизмом. Собственное нестроение, неуклонно подвигавшийся развал всех основ, на которых держался старый государственный и общественный порядок, не позволили сформировать армию реакции, развернуть широкое, направляемое признанным руководством наступление и одержать верх там, где не приходилось ожидать сколько-нибудь внушительного отпора, где силам реконквисты, казалось бы, некому было противостоять и в нетрудной борьбе со своими теперешними оппонентами, вначале вызванными революцией из политического небытия, а потом признавшими ее злом и ныне всячески открещивавшимися от нее, хотя только она придавала их оппозиционности и выражавшимся пожеланиям перемен хоть какой-то вес и значение, можно было рассчитывать на легкую победу.

Движение вспять шло вместе с неудержимым и становившимся все круче и гибельнее движением вниз, не давая при таком сочетании совершить стратегический прорыв и повернуть ход дел в свою пользу, но и при углубляющемся кризисе и самодержавия, и всего, чему оно служило защитой и в чьей поддержке само нуждалось, на всех участках и уровнях, по всем направлениям шел непрерывный подкоп под вызванные революцией нововведения, и без того непрочные и шаткие.

Предлагаемая работа касается, таким образом, как мог убедить читатель, основных проблем внутренней политики и, надеется автор, способствует уяснению сущности как самодержавия, так и дворянства, их специфики, их эволюции в послереволюционный период.

Неотступная жизненная необходимость толкала их на путь обуржуазивания, расширения своей социальной базы, установления действенного союза с буржуазией как на низшем уровне крестьянской верхушки, так и высшем уровне торгово-промышленной и финансовой буржуазии. И тенденция к сближению с буржуазией, вообще к принятию буржуазных порядков, всего утверждающегося буржуазного строя жизни и в сферах, и в дворянской среде пробивала себе дорогу, но именно пробивала, наталкиваясь на неслабеющее противодействие тех сил внутри и дворянства, и самодержавия, для которых обуржуазивание, примирение с порядками развитого буржуазного общества наподобие того, каким оно проявляло себя в европейских странах, особенно во Франции, было смерти подобно. И когда Говоруха-Отрок на Постоянном совете Объединенного дворянства говорил в самые последние сроки, оставшиеся перед войной и началом конца, что «лучше смерть старого дворянства, чем искусственное возникновение какого-то нового, не имеющего в своих источниках никаких дворянских тради-

ций, никакой истории, никаких крепких и благородных заветов», то этими словами он формулировал основополагающий принцип, помогающий лучше понять действия дворянства и вместе с тем характер и направленность всей внутренней политики самодержавия в той ее предельной и губительной противоречивости, о которой в этот период постоянно и особенно в предвоенные годы говорил Ленин.

Он отмечал, что самодержавие сделало определенные шаги на пути обуржуазивания, но, беря всю обстановку в целом во взаимодействии и динамике всех ее компонентов, он указывал, что эти шаги сделаны в условиях сохранения старых порядков, когда именно их сохранение и упрочение составляло основную цель власти, и потому не только не наступает политической разрядки, но, напротив, происходит дальнейшее обострение противоречивости всей внутренней политики и шире — кризисности положения и самодержавия, и дворянства, занимавших в важнейших, принципиальных вопросах, как обнаружилось в эти семь лет, одинаковые позиции и еще более сблизившихся под конец в своем неприятии утверждающегося буржуазного строя жизни в сочетании со всеми действиями, которые означали как будто бы стремление перейти на новые рельсы, переделаться в соответствии с так громко и так уже грозно звучащими требованиями эпохи, всей складывающейся жизненной обстановкой.

При такой коренной и, как показывала вся послереволюционная эволюция, неустранимой разнонаправленности своих устремлений самодержавие, пытаясь распутать губительный для себя и для дворянства узел противоречий, еще более запутывает его.

В. И. Ленин формулировал важнейшую закономерность всего развития, когда писал, что «сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством „дикого помещика“, с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны, с другой».¹⁰⁴

Все, что ни делалось царизмом, не желавшим ни в чем менять основ, для выхода из тупика, лихорадочно разрушавшим старое на одном участке единственно с целью сохранения и упрочения старого на главных позициях, сводилось лишь к запутыванию, по словам Ленина, «нового клубка политических невозможностей и нелепиц».¹⁰⁵

Ленин как в приведенном высказывании, так и в множестве других отмечал, что, идя этим путем, ведшим его к катастрофе, самодержавие действовало в тесном партнерстве с дворянством, составляя с ним некую подвижную, динамичную, подверженную воздействию происходивших в стране процессов общность. Это партнерство в условиях громадных перемен, совершавшихся в России, вмещало в себя и известные расхождения, отдаление на каком-то этапе этих двух взаимосвязанных сил друг от друга и затем их сближение. Степень близости, полнота гармонии в их отношениях

в реально складывавшейся, запутанной, изменчивой обстановке не могла быть все время одинаковой. Но и при разновеликости всегда существовавшей близости это были две ближайшие друг другу силы, постоянно взаимно укреплявшие друг друга, сознававшие, что одна не может обойтись без другой. Это сознание не затеняло и сложнейшее послереволюционное маневрирование, попытки того же самодержавия подключить к активной защите существующего строя и иные социальные слои, в особенности обеспечить себе наравне с дворянством поддержку крестьянской верхушки.

И если власть в напряженных усилиях повернуть игру в свою пользу старалась нащупать пути, ведущие к приобретению общественной поддержки, то для дворянства она все равно составляла единственную защиту в революционную и послереволюционную эпоху, о чем во всеуслышание заявлялось и на съездах Объединенного дворянства, и на других форумах.

Но и при всех собственных бонапартизму попытках представить себя надклассовой силой самодержавие в рамках этой политики, ставя новые политические декорации, пуская в ход какие-то новые приемы, все же прежде всего в лице верховной власти и самого ее носителя отмечает дворянство как жизненную для себя необходимость, как среду, наиболее себе созвучную. И до самого конца только дворянство имело доступ к престолу, имело и пользовалось возможностью непосредственно доводить свое мнение до сведения власти хотя бы через предводителей дворянства или представителей организации Объединенного дворянства, не говоря о множестве других открытых ему возможностей, какими не располагали никакие другие общественные группировки.

Не стань дворянства — в какой бы пустыне оказалось самодержавие, всеми своими корнями так глубоко уходящее в эту среду и не могущее, конечно, существовать без нее.

Какие бы ни дули политические ветры, это взаимное сознание общности, взаимное тяготение друг к другу присутствовали всегда, составляли источник взаимоподдержки и для той и для другой стороны, дополнительно усиливая их связь с прошлым, не допустившую в конце концов буржуазного перерождения ни самодержавия, ни дворянства, что явилось одним из важнейших факторов, обусловивших их гибель.

---

¹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914. М., 1981. С. 22—23.

² См.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 471, 505, 526—527, 533—534; Аврех А. Я. Царизм и IV Дума... С. 114—115.

³ Записка И. Я. Гурлянда о выборах // ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 23 об.

⁴ Там же, л. 30.

⁵ Там же, л. 24.

⁶ См. также: Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 39—40, 66—67.

⁷ Справка о выборах // ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 11 об.

⁸ Там же, л. 10 об.

- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 1327, оп. 2, д. 211, л. 1.
- ¹⁰ Там же, д. 203, л. 1.
- ¹¹ Там же, д. 202, л. 1.
- ¹² Там же, л. 3.
- ¹³ Там же, д. 203, л. 230 об.
- ¹⁴ Там же, д. 207, л. 2—2 об.
- ¹⁵ Там же, л. 5.
- ¹⁶ Там же, д. 217, л. 6.
- ¹⁷ Там же, д. 232, л. 6.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, д. 227, л. 1.
- ²⁰ Письмо неизвестного в Париж Каммермахеру 5 октября 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 550, л. 66.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 26.
- ²² Справка о выборах // ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 35, л. 12.
- ²³ Об этом см.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 291—295.
- ²⁴ Там же. С. 308—314.
- ²⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 324.
- ²⁶ Там же. С. 325.
- ²⁷ Там же. С. 327—329.
- ²⁸ Там же. С. 331.
- ²⁹ Там же. С. 337.
- ³⁰ См.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 307.
- ³¹ Протокол заседания Постоянного совета от 6 февраля 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 81/307, л. 23 об.
- ³² Там же, л. 24.
- ³³ Там же, л. 25.
- ³⁴ Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1911. С. 256.
- ³⁵ Протокол заседания Постоянного совета от 20 мая 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 81/307, л. 54.
- ³⁶ Протокол заседания Постоянного совета от 23 мая 1911 г. // Там же, л. 55.
- ³⁷ Протокол заседания Постоянного совета от 3 марта 1912 г. // Там же, д. 82/307, л. 31 об.—32.
- ³⁸ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 181.
- ³⁹ Там же. С. 182.
- ⁴⁰ Там же. С. 161.
- ⁴¹ Там же. С. 163.
- ⁴² Там же. С. 158.
- ⁴³ Там же. С. 162.
- ⁴⁴ Там же. С. 156.
- ⁴⁵ Там же. С. 184.
- ⁴⁶ Там же. С. 186.
- ⁴⁷ Протокол заседания Постоянного совета от 15 февраля 1913 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 83/307, л. 10.
- ⁴⁸ Там же, л. 11.
- ⁴⁹ Протокол заседания Постоянного совета от 19 февраля 1913 г. // Там же, л. 15.
- ⁵⁰ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1913. С. 18.
- ⁵¹ Там же. С. 45.
- ⁵² Там же. С. 42.
- ⁵³ Там же. С. 43.
- ⁵⁴ Там же. С. 44.
- ⁵⁵ Там же. С. 41.
- ⁵⁶ Там же. С. 40.
- ⁵⁷ Там же. С. 51.
- ⁵⁸ Труды VIII съезда... С. 355.

- ⁵⁹ Там же. С. 356.
- ⁶⁰ Там же. С. 359.
- ⁶¹ Там же. С. 360.
- ⁶² Там же. С. 361.
- ⁶³ Протокол заседания Постоянного совета от 12 ноября 1910 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 80/307, л. 43 об., 46.
- ⁶⁴ Там же, л. 47 об.
- ⁶⁵ Там же, л. 44.
- ⁶⁶ Там же, л. 45, 45 об.
- ⁶⁷ *Батюшков В. К* вопросу об учреждении Всероссийской сельскохозяйственной палаты // Вестн. Всерос. сельскохозяйств. палаты. 1913, № 1. С. 6—9.
- ⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2036, ч. 1, л. 185.
- ⁶⁹ Там же. л. 12.
- ⁷⁰ Протокол заседания Постоянного совета от 31 января 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 81/307, л. 17 об.
- ⁷¹ Труды VII съезда... С. 230.
- ⁷² Там же. С. 231.
- ⁷³ Там же. С. 239.
- ⁷⁴ Там же. С. 241.
- ⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2036, ч. 1, л. 15—17.
- ⁷⁶ *Батюшков В. К* вопросу об учреждении... С. 6.
- ⁷⁷ Там же. С. 10.
- ⁷⁸ Там же. С. 243.
- ⁷⁹ Там же. С. 244.
- ⁸⁰ Там же. С. 245, 247, 248.
- ⁸¹ Там же. С. 249, 252, 290—291.
- ⁸² Протокол заседания Постоянного совета от 31 марта 1911 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 81/307, л. 45.
- ⁸³ Там же, л. 49 об.—50.
- ⁸⁴ Н. Павлов — гр. А. Бобринскому, б/д // Труды VIII съезда... С. 364—365.
- ⁸⁵ Н. Павлов — в Совет Объединенного дворянства, 23 июня 1911 г. // Там же. С. 365—367.
- ⁸⁶ Труды VIII съезда... С. 367—371.
- ⁸⁷ Н. Павлов — С. Панчулидзеву, 14 июля 1911 г. // Там же. С. 373.
- ⁸⁸ Н. Павлов — гр. А. А. Бобринскому, 12 ноября 1911 г. // Там же. С. 375.
- ⁸⁹ Н. Павлов — в Совет Объединенного дворянства, 2 декабря 1911 г. // Там же. С. 379.
- ⁹⁰ Н. Павлов — в Совет Объединенного дворянства, 7 декабря 1911 г. // Там же. С. 381.
- ⁹¹ Протокол заседания Постоянного совета от 2 марта 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 82/307, л. 29—29 об.
- ⁹² Труды VIII съезда... С. 20—21.
- ⁹³ Там же. С. 12.
- ⁹⁴ Там же. С. 18.
- ⁹⁵ Там же. С. 18—19.
- ⁹⁶ Там же, с. 20, 21, 43.
- ⁹⁷ Протокол заседания Постоянного совета от 20 апреля 1912 г. // ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 82/307, л. 42.
- ⁹⁸ Протокол заседания Постоянного совета от 7 июня 1912 г. // Там же, л. 67.
- ⁹⁹ Труды IX съезда... С. 247.
- ¹⁰⁰ Отчет о деятельности Всероссийской сельскохозяйственной палаты за 1913 г. // ЦГИА СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2036, ч. III, л. 5 об.
- ¹⁰¹ Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1914. № 5—6. С. 140.
- ¹⁰² *Шульц А. К.* Ежегодный съезд сельских хозяев в Германии // Вестн. Всерос. сельскохозяйств. палаты. 1914. № 5—6. С. 137; *Снежков В.* Сельскохозяйственный союз уездных и губернских земств и государственное страхование от неурожая // Там же. № 7—8. С. 198.
- ¹⁰³ *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 61—62.
- ¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 283.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 364.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абаза Н. А. 239
Аврех А. Я. 3, 226—228, 263
Александр I 170
Александр II, 191
Алексеев М. М. 171
Алфераки А. Н. 43, 195, 228, 229
Андреевский В. М. 202
Анучин Д. Г. 40
Анфимов А. М. 95, 132
- Базилевский П. А. 41, 44, 56, 57, 66
Балашов П. Н. 179
Батезатул Л. П. 245
Батюшков В. Д. 252, 265
Беккер С. 3
Бенкендорф К. А. 128, 199—207, 222, 224
Бехтеев С. С. 46, 73, 111, 112, 116, 122, 125, 127, 129, 243, 252
Бисмарк О. 254
Бобринский А. А. 45, 46, 72—74, 76, 79, 83, 116, 122, 129, 130, 171—173, 176, 197, 223, 228, 229, 243, 252, 256, 265
Богданов С. М. 252, 254
Богданович А. В. 137, 161, 162, 225, 227, 228
Богданович Е. В. 135, 160, 161, 170
Бородин А. П. 3, 134
Брянчанинов А. Н. 50, 52, 65, 69—71, 113—116
Булыгин А. Г. 28, 197, 229
Булычев 246
Бутурлин А. 190, 229
- Васильчиков Б. А. 252
Вильгельм II 34, 171
Витте С. Ю. 61, 67, 78, 81, 87, 88, 92, 97, 104, 111, 112, 167, 187, 229, 239
Владимиров Л. Е. 189, 191, 229
Волконский В. М., кн. 201
Восторгов И. И. 150, 151, 195, 229
Высотский Н. Г. 7, 40, 43, 140, 141, 185, 186, 194, 195, 226, 228, 229
Вязигин А. С. 164
- Гевлич Д. К. 243
Гендерсон Н. 183
Гермоген, архиеп. 189, 230
Гильхен М. Э. 208—210
Глебов В. П. 57
Глебов Г. Н. 251
Говорухо-Отрок М. Я. 73, 209, 210, 224, 225, 242, 246, 247, 261
Голенищев-Кутузов А. А. 28
Голицын Д. П. 28, 224
Головин К. Ф. 46, 51, 52, 106, 110, 111, 115, 169, 178
Головин М. Н. 255
Головнин А. Д. 255
Горемыкин И. Л. 88, 153, 166, 167
Горчаков А. М. 38
Губарев А. П. 148, 226
Гурко В. И. 28, 33, 46, 73—75, 88—98, 100—122, 125, 128, 132, 166, 242, 246, 258
Гурлянд И. Я. 233, 235, 238, 263
Гучков А. И. 14, 18, 38, 39, 42, 147—149, 171, 173, 183, 186, 187, 226, 229
Гучков Ф. И. 183, 228, 229
Гучкова В. И. 44
- Дедюлин В. А. 150
Деменс П. 196, 229
Дерюгин В. М. 255
Джунковский В. Ф. 236
Долгорукий 205
Доррер В. Ф., гр. 45, 73, 75, 122, 209
Драшусов В. А. 126
Дубровин А. И. 67, 138, 150, 151, 160, 162, 163
Дурново П. Н. 67, 141, 153, 154, 156, 165—167, 187
Дякин В. С. 3, 43, 86, 263
- Евреинов Н. 194, 226, 229
Еремеев Ю. С. 229
Ермолов А. С. 252
Ефремов И. Н. 149, 196, 226, 229
- Зайцев Н. 225

* Составитель Г. А. Победимова.

- Зубовский М. И. 217, 230
 Зыбин А. И. 46, 48, 52
 Зырянов П. Н. 3, 141, 226, 265
- И**
 Иксуль А. Г. 185, 228
 Илиодор, монах 189, 221
 Исеев Э. А. 69—72, 255
- К**
 Каммермахер 264
 Карамзин Н. М. 157
 Карпов В. И. 65, 125, 241, 243, 252
 Касаткин-Ростовский Н. Ф. 45, 46, 64, 65, 68, 72, 73, 83, 129
 Катков А. М. 57
 Катков М. Н. 57
 Кашкаров А. Д. 104
 Киреев А. А. 35, 36, 44, 46, 137—140, 145—147, 158, 164—172, 175, 178, 225—228
 Кованько Д. Н. 52, 70, 79, 104, 108, 225, 241
 Коковцов В. Н. 29, 125, 159, 179, 188, 213, 215—217, 228, 230
 Комсин С. И. 149, 226
 Кондратьев Г. А. 222, 231
 Кони А. Ф. 189, 229
 Коновницын А. И. 150
 Коренев С. 229
 Косиковский В. А. 192, 229
 Кошко И. Ф. 231
 Кривошеин А. В. 88
 Крыжановский С. Е. 80, 86, 196, 229
 Ксюнин А. 22, 43
 Куракин И. А. 28, 224
 Кутлер Н. Н. 88, 92
 Кушелев В. Л. 49—55, 57, 65, 68, 78, 116, 117, 121, 258
- Л**
 Ленин В. И. 55, 85, 262, 265
 Леонов А. П. 211—213, 215—217, 222, 230, 231
 Лидваль Ф. И. 89
 Лодыженский И. Н. 224, 243, 244, 246, 252, 255
 Львов Н. Н. 196
 Любавин И. 229
 Любавин Н. 198, 229
 Любимов Д. Н. 132
 Людовик XIV 209
- М**
 Макаров А. А. 142, 201—204, 206—208, 213, 215, 216, 229—231, 233
 Маклаков Н. А. 142, 163, 207, 211
 Максимович К. К. 212
 Мария Федоровна, имп. 245
 Марков Л. Е. 210, 211
 Марков Н. Е. 11—14, 29, 46, 53—56, 64, 65, 68, 76—79, 105—107, 118, 124, 125, 151, 161, 172, 174—176, 190, 198, 208—211, 223
 Массон Ф. 137, 225
 Мейендорф А. Ф. 12
- Меннинг Р. 3**
 Меньшиков М. О. 18—23, 33—35, 43, 44, 163
 Мещерский В. П. 10, 12, 31, 32, 70, 145, 161, 163
 Милюков П. Н. 14
 Михневич Н. П. 211, 230
 Мищенко П. И. 211, 213, 215—217, 222
 Мосолов А. И. 126, 230, 242, 244, 245, 247, 252
 Муравьев Н. М. 242
 Муратов Н. П. 128, 134, 142—145, 165, 174—176, 199—211, 226, 228—230, 237
- Набоков В. Д. 24, 25, 44**
 Нарышкин А. А. 45, 46, 72, 73, 79, 83, 122, 130, 166, 224, 243, 247, 251
 Наумов А. Н. 122, 130, 134, 240, 252
 Нейдгарт А. Б. 73, 122, 198, 223, 224, 229, 242, 246, 249
 Нечаева-Мальцева С. 41
 Никаноров И. 228
 Николай, архиеп. 135
 Николай I 139, 142, 194
 Николай II 10, 11, 74, 79, 135, 137—140, 150, 164, 167, 170, 171, 208
 Николай Михайлович, вел. кн. 137, 225
 Никольский Б. В. 42, 44, 161—163, 198, 227
 Нилов К. Д. 150, 229
- Оболенский А. Д. 202, 245, 246**
 Оболенский А. Н. 142, 159
 Обтяжнов В. Д. 54, 55
 Ознобишин А. Ю. 124, 240
 Ознобишин В. Н. 48, 52, 73, 219
 Олсуфьев Д. А. 45, 46, 53, 57, 190, 221, 229, 252
 Ольденбург С. С. 6, 43, 187, 188, 229
 Ольденбург С. Ф. 6, 43, 187—189, 196, 229
 Орлов-Денисов В. П. 258
 Ошанин Н. Ф. 208
- Павлов Н. А. 45, 46, 107, 108, 125, 126, 128, 242, 244, 249—258, 265**
 Панчулидзева С. А. 47, 77, 126, 218—224, 255, 265
 Пасхалов К. Н. 199, 229
 Петр I, 191
 Плевако С. 229
 Плева В. К. 37, 38, 43, 87, 141, 191, 239, 240, 242
 Победоносцев К. П. 10
 Поливанов В. Н. 122
 Половцов А. А. 163
 Полтев А. И. 226
 Поляков Н. 217
 Прутченко С. М. 66, 72, 73
 Пугачев Е. 191

- Пуришкевич В. М. 46, 73, 76, 78, 120, 150, 151, 154, 159, 163, 172, 176, 190, 196, 247—249
- Разин** С. 191
- Редигер А. Ф. 11, 25, 164, 213
- Рейтерн М. Х., гр., Нолькен, бар. 252
- Риттих А. А. 191, 192, 229
- Розанова К. А. 228
- Розанов Н. С. 184, 194, 228
- Розен Г. Ф. 254, 255
- Романовы 130
- Рядков С. 229
- Саблер В. К.** 157
- Сабуров А. А. 38
- Сазонова (Смирнова) С. И. 208, 230
- Самарин А. Д. 57, 66, 70, 72, 73, 138
- Самарин Ф. Д. 41, 57, 67, 197, 229
- Семенов П. Н. 57
- Серафим, преосв. 157
- Сергей Александрович, вел. кн. 73
- Синадино К. 229
- Синадино П. В. 186, 229
- Синицкий Н. 229
- Снежков В. Н. 68, 122—128, 133, 200, 205, 258, 259, 265
- Соболевский В. М. 40, 190, 229
- Соколов А. 229
- Соколов Е. 229
- Соловьев Ю. Б.* 132, 264
- Спирин Л. М.* 226
- Стахович А. А. 194, 229
- Стахович М. А. 190, 229
- Стенбок-Фермор В. В. 244, 246, 247, 252
- Стессель А. М. 155
- СТИШИНСКИЙ А. С. 28, 57, 67, 88, 242, 244, 247
- Столыпин А. А. 18, 43
- Столыпин П. А. 8—11, 16, 22—24, 27, 29, 39—42, 48, 55, 65—67, 72—75, 79, 80, 83—85, 88, 89, 96, 97, 110, 131, 135, 137—139, 141, 142, 146, 149, 153—160, 165—169, 171, 173, 179, 187, 188, 195, 196, 199, 207, 212, 260
- Строганов 195
- Струков А. П. 45, 46, 57, 73, 126, 130, 214, 223, 230, 241, 244, 252
- Суслов Д. 229
- Сухомлинов Н. Ф. 11, 213, 216, 217, 230, 241
- Таль Л.** 229
- Танеев С. А. 239
- Татарников В. 226
- Татищев С. С. 218—221, 223, 224, 230
- Таубе Ф. Ф. 213
- Тихомиров Л. А. 35, 147, 152—158, 160, 161, 180, 198, 226, 227, 229
- Толмачев И. Н. 150
- Толь С. А. 28
- Трубецкой Е. Н. 40
- Трубецкой П. Н. 66
- Урусов А. П. 73, 76, 77, 245, 252, 254
- Ухтомский П. Л. 115—118
- Ушаков Я. А. 57, 109, 110
- Файнберг В.** 144
- Ферзен В. 144
- Фредерикс В. Б. 11, 166, 167
- Фролов С. П. 110, 117, 251, 252, 255, 256
- Хаген М. 3*
- Харузин А. Н. 217, 233
- Хомяков Д. А. 140, 147, 164, 199, 226, 229
- Хомяков Н. А. 13, 22
- Хотяинцев Д. В. 78, 255
- Хрулев С. С. 209, 230
- Цертелев Д. Н.** 46
- Чемодуров А. А.** 45, 46
- Чернопятов В. И. 245, 248
- Чигорин М. И. 33
- Читова М. 229
- Чихачев Н. Н. 179
- Чолокаев Н. Н. 73, 122, 128, 133, 200, 201, 205, 208
- Шарапов С. Ф.** 104, 106, 111, 240, 241, 242
- Шаховской М. Л. 159, 160, 227
- Шванебах П. Х. 67, 88, 152, 153
- Шелохаев В. В.* 228
- Шеншин Б. Н. 245, 255
- Шереметев П. С. 53, 57
- Шереметев С. Д. 28, 197, 229
- Шечков Г. А. 13—15, 17, 43, 240, 241
- Шингарев А. И. 105
- Шипов А. А. 225
- Шипов Д. Н. 38, 39, 42, 136, 137, 225
- Ширинский-Шихматов А. А. 28
- Штюрмер Б. В. 57, 161, 170
- Шуvalова А. 194, 229
- Шульц А. К.* 265
- Щегловитов И. Г.** 159
- Щербатов Н. Б. 33, 109, 116, 142, 233, 252, 254, 255
- Эдельман Р. 3*, 181—183
- Энгельгардт К. 229
- Юзефович Б. М.** 44, 159, 160, 227
- Becker S. 3*
- Gurko V. I.* 132, 133
- Hagen M. 3*
- Edelman R. 3*, 228
- Emmons T. 3*, 228
- Manning R. 3*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Самодержавие, дворянство и формирование третьенюньского режима	5
Глава II. III—IV съезды Объединенного дворянства и разработка основ внутривполитического курса	45
Глава III. V съезд Объединенного дворянства и обсуждение экономической программы	87
Глава IV. На правом фланге в предвоенные годы. Движение вспять — движение вниз	135
Глава V. Самодержавие и дворянство: упрочение связей и непреодолимость упадка	232
Указатель имен	266

Юрий Борисович Соловьев

САМОДЕРЖАВИЕ И ДВОРЯНСТВО В 1907—1914 гг.

Утверждено к печати

*Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Альбова

Художник Г. В. Смирнов

Технический редактор Е. В. Юрченко

Корректоры Н. И. Журавлева и К. С. Фридланд

ИБ № 44236

Сдано в набор 4.10.89. Подписано к печати 12.03.90.

М-28112. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1 офсетная.

Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор.

Усл. печ. л. 17. Усл. кр.-отт. 17. Уч.-изд. л. 20.90.

Тираж 4500. Тип. зак. № 2008. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение.

199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука».

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.